

Серия попадос : Спартаковская футболка или игра в офсайде

фантастика



НЕЧЕСТНЫЙ ШТРАФНОЙ

КНИГА ПЕРВАЯ



Часть первая

Москаленко Юрий Николаевич
2018

Annotation

Отстёгнутая чека. Твоё тело на ящике, забитом эфками. Верный АК, отброшенный точным попаданием снайпера... Развалины Пальмиры... Сильная боль в перебитых ногах... и ухмылки бандерлогов в чёрном... бородатые бандерлоги что-то там щебечут не по-нашему... Сползающие ухмылочки с лиц ублюдков Игил... Щелчок взрывателя гранаты и последние мысли о любимой... Забытая богиня здоровья и счастья... и это высвобождение энергии на месте храма ей посвящённого... столько крови и душа того, кто столько жертв принес в честь неё. Врачевателя, да и просто красивейшей женщины. Дорога Комсомольск — Хабаровск... занос на повороте авто от японского производителя... скорость слегка подкачала, как и лопнувшее колесо... новая жизнь, и как ей теперь распорядиться на фоне опыта прошлого?

(пора... пора что-то менять в нашем футболе... так почему бы не так???)

- [Юрий Москаленко](#)
 - [Вместо пролога](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвёртая](#)
 - [Глава пятая](#)
-

Юрий Москаленко

Нечестный штрафной

Вместо пролога

— По предварительной информации, причиной столкновения могли стать погодные условия. На момент ДТП шел мокрый снег с дождём, и на дороге образовались большие лужи, прикрывавшие выбоины на дорожном покрытии и ямы и, возможно, наледь. Количество пострадавших пока не установлено, но достоверно известно, что скончались два человека — мужчина и женщина, подросток тринадцати лет находится в тяжёлом состоянии... — сообщили в пресс-службе отдела пропаганды краевой ГИБДД.

Заметка в «Губернских ведомостей...» 17 апреля 2016 года...

«15 апреля 2017 года, находясь на боевых позициях, в ходе ожесточенного боя, полковник спецназа Андрей Сидорчук в составе группы Сил Специальных Операций, получив ранение и не желая сдерживать в движении группу, приказал подчинённым отступать, вынося из-под огня раненых товарищей, а сам остался прикрывать их отход от наседавших террористов. Но силы были не равны. Андрей ещё раз был ранен, но в плен сдаваться не стал... граната Ф-1 привела к детонации целого арсенала состоящего из ящика этого вида боеприпасов. Окружившие его террористы уничтожены взрывом. Герой погиб...» — сообщило издание.

Красная звезда № 63 от 17 апреля 2017 года...

Глава первая

— Он пришёл в себя, Геннадий Яковлевич. Даже, вон, пытается головой крутить... — раздался голос в голове.

Какие женщины, к чертям собачьим, у меня там Семён Журак кровью истека...

Чё-ё-ё-рт! Да я же прикрывать оставался!

Думал ведь, всего пятеро урюков по нашим следам шло. А тут целый ящик с ф-1 под боком. И позиция, что надо. Группа точно вырвалась, Лось по радио доложил и сказал, что вертушки на подходе. Но и оставаться всей гурьбой тоже смысла не было. Не укрыться, если бы из подствольников хмыри бы пальнули. Всех бы накрыло, а так, для меня одного ямка нашлась по росту, да и в ногу по касательной получил, до этого только пацанов своих сдерживал, а ребят выносить надо. Двое тяжёлых и четыре руки всего, и я не помощник, куда уж мне. Второй десяток километров гнали, гады. И погода, как назло, пыльная буря. Ни вертушечек, ни артиллерией прицельно жахнуть — сложно ориентирись найти, чтобы понять, а куда нас, собственно, занесло. Вот только проясняться начало. А то одна жёлтая муть вокруг и видимость всего в пару десятков метров.

Вот же, влезли!

А началась служба у меня и того чище. Срочка, Лагодехи, спецназ ГРУ, Грузия. Закавказский военный округ, девяносто третий год. А потом по всему Кавказу поносило. Две чеченских, хорошо хоть Афган не застал. В девяносто пятом прямо со службы дёрнулся в военное училище. И, к своему большому удивлению, всё-таки поступил. Выпустился в начале двухтысячных из Благовещенского парнокопытного-десантного... общевойскового и тут же на вторую чеченскую попал. К тому времени мне уже двадцать четыре года было. Ни жены, ни дет...

Была жена... в две тысячи третьем расписались.... А через год уже расстались... сложна жизнь жены офицера, особенно в те дикие годы.

Есть и сын, но, вроде как, и не видел я его никогда. Бывшая, за каким-то барбосом из Хабары уже десяток лет как замужем. Хотя, нормальный мужик... и сына растил, как своего. Чего уж там, роды ведь принимал сам — тогда ещё врачом работал. В клинической больнице Хабаровска, куда и уехала рожать краса моя ненаглядная. Да вот понравился ей молодой специалист от медицины. И забыла она старлея...

Жили они, то в Хабаровске, то в Комсомольске... по одноклассникам

нашёл. И фотку сына даже видел. Здоровенный бугай, почти весь в меня, только слишком уж брюшко наел. Мордатый и глаза мои зелёные. Спортом, как понял, не занимается, только и сидит в игрушках. Откуда знаю? Так жена и делилась на просторах нета со всеми о своей жизни и детей затрагивала. Дочка у них ещё общая...

Одно меня с моим разлучником останавливало — он, как и я, детдомовский, только он в Комсомольске суровые будни проходил, а я Белогорск вдоль и поперёк пробороздил по малолетству. Как только на малолетку не попал — не пойму, повезло, наверное, да и участковый у нас нормальный был. Афганец... уважали его, даже блатные с ним вась-вась были. Боялись. Отмороженный он напрочь был и пить ему нельзя было, совсем нельзя... мог и зашибить.

Но меня он жалел, как и многих из моего потока.

Зато я спорт любил, хотя в школе учиться начал только в девятом. По нормальному учиться. Участковый уболтал попробовать в общевойсковой в Благе поступить. Стезя офицера мне по фильмам нравилась, но мечта исполнилась только уже после срочной службы. Да и подкидыши я, только записка у меня была, когда нашли моё тельце зимой. Чтобы приютили. А так, ни отца, ни матери. Полный сирота. А фамилию мне свою приписала наша няня, да и не против я тогда был, оттого, что и разговаривать ёщё не умел.

Но хватит воспоминаний. Там ребята! Да какие ребята, я же чеку вырвал?!

— Он стонать начал.

Опять этот голос. Явно, пожилая женщина рядом.

Я не понял?!

Я что, выжил после одновременного взрыва кучи эфок?! А если попробовать глаза открыть, ведь, раз думать могу, значит, в сознании уже!

А может, это ангелы?

Попытка прорвать глаза оказалась успешной.

Точно больница... приглушённый свет. Белый потолок и какое-то жужжание приборов. Явно реанимация.

Вот только, чего я себя так чувствую-то неуютно?! И такое ощущение, что тело не моё.

Я, от бессилия, даже головой повернуть не могу.

Попытка шевельнуть головой вызвала сильный приступ тупой боли в затылке.

«Дыши спокойнее» — раздалось в голове.

Не понял?!

Уши явно только звук аппаратуры улавливают и, вроде как, шаги чьи-то, но явно не голос, притом опять женский, хотя на этот раз приятный, бархатистый и какой-то обволакивающий.

Шиза... словил шизу...

Лучше бы сдох. О, господи, прости меня грешного.

— Андрюша, ты меня слышишь?

Андрюша! Да меня никогда так не называл никто в жизни. Даже женщины, а их в моей жизни было более чем достаточно, обычно обходились уменьшительно ласкательным «дюша», но чтобы так...

А приятно!

— Кто это у нас там? — опять этот пожилой голос.

Вновь разлепляю глаза. Фокус...

Есть! Точно, медсестра в возрасте. Угадал. И глаза такие добрые, я даже попытался улыбнуться, правда, почему-то мышцы лица почти не слушались, получился какой-то оскал, вон, как удивлённо глаза женщины расширились.

— Знаю, что больно, — произнесла она, — но у тебя всё тело в синяках, и даже есть пара очень серьёзных переломов.

Это что, у меня, что ли, переломы?!

Вообще ничего не понимаю.

— Ты меня слышишь? Если да, то моргни... — раздаётся рядом. Даже глазами крутануть трудно, но явно медсестра со мной разговаривает, во всяком случае, её голос я ушами ловлю.

А вот хренушки, глаза то закрыл, а вот открыть их уже не могу!

— Заснул... — раздался голос той же женщины.

— Марина Николаевна, как там наш маленький пациент? — уже мужской голос появился.

И шаги я его, ещё когда он шёл по коридору, услышал. Это, видно, и есть доктор, как там его, ага... вроде Геннадий Яковлевич.

— Заснул, наверное, во всяком случае, глаза больше не открывал, Геннадий Яковлевич.

Угадал...

— Ну и пусть спит. Чудо, что вообще пришёл в себя, хотя пока так и непонятно, как у него с головой. Всё-таки, кроме переломов обеих конечностей, он головой неслабо ударился.

— Да, не повезло мальчику! Враз всех лишиться. Месяц у нас отлёживается и только-только из комы выходить начал.

Э... чё за дела?! Какие переломы?!

А между тем, медперсонал продолжал обсуждать одного из своих

постоянных пациентов, каким по счастью, или несчастью, оказался я.

— Всего месяц... — продолжил мужской голос, принадлежащий этому, неизвестному мне, доктору... — а сколько рядом с ним шумихи связано! Отчим то его — бизнесмен, по дальневосточным меркам весьма богатый. И заводик имел в Комсомольске и базы в Хабаровске, в том числе, две квартиры, а у жены аптеки две штуки. Причём, в центре городов, что в Комсомольске, что у нас, в дальневосточной столице. Богато жили...

— Ага! — хмыкнула медсестра... — то-то теперь столько нахлебников набежало, и оказалось, что парнишка и вовсе круглый сирота, и ничего у него нет. Тут, говорят, его из квартир выписали под шумок, но боятся, что прокуратура прознает, и по-быстрому решили продать их. То-то так и ждут, когда мы сообщим, что мальчик умер, или, в худшем для них случае, не в себе!

— Родственники по линии дочки их совместной подсуетились неслабо, да чего говорить, говорят, у них в роду прокурорских море. Самое удивительное, что мальчионок то тоже от матери и родственники есть, но он нелюбимый внук. Отца его ненавидели родственники матери, а потом и на пачана эта ненависть перекинулась. Мальцу, если даже выживет и будет нормально соображать, один путь — в детский дом. И без вариантов. — Вздохнул мужчина... — вроде как, что-то там нахимишили, но зацепили их. При продаже квартиры хабаровской. Там так получилось, что мальчик прописан был, а вот девочка больше в Комсомольске с бабушкой по линии отчима жила. Завернули, говорят, сделку. Ну-ка, Марина, подай мне сюда его карту. Посмотрю, кто ему что навыписывал. А то окажется, что травят, а потом меня, как его лечащего врача и обвинят во всех грехах. Упаси, господи!

— Да что вы такое говорите, Геннадий Яковлевич, как можно?! — возмутилась женщина.

— В медицине всё возможно, особенно в наше сумасшедшее время! Кстати, о времени. Какое сегодня число, дорогая Марина Николаевна? — печально произнёс врач.

— Так с утра пятнадцатое вроде и май на дворе, а если вы ещё и год забыли, то шестнадцатый. По телевизору опять все новости то про Украину, то про Сирию. Задолбали уже. Словно не о чём больше рассказывать... — возмутилась медицинская сестра.

— Тогда так и запишем. Пятнадцатое мая две тысячи шестнадцатого года. Внеочередной осмотр. Итак, Сидарчук Андрей Андреевич. Ух ты, как в своё время Громыко звали. Тоже Андрей Андреевич. Кто отец то его настоящий, если погибший только отчим?

Я и дышать перестал, боясь пропустить хоть слово из того, что говорилось в этой комнате, вернее, палате интенсивной терапии. Что-то из того, что я слышал, совершенно не укладывалось в моей голове. Если их всех послушать, то получается, я как-то попал в тело своего сына?! Причём, так попал, заранее, а сам-то я ещё живой, ещё год мне старому жить, а тут...

— Так, вроде, военный какой-то. За месяц, что искали, нашли, говорят. Но сейчас он в Сирии. Воюет. Причём, реально воюет. По секрету шумнули, что типа, то ли спецназ, то ли ГРУ. Сказали, не беспокоить, пришёл ответ. Вернётся, сообщат.

Вот же, суки-и-и!

Получается, я ещё тогда сына лишился?! То-то, я думаю, меня мурлыкли с предоставлением отпуска. Всё «заменить некем», «заменить некем» твердили. Вначале Донбасс, в Ростове три месяца просидели в полях, пробухали. А вот теперь в Сирию кинули и говорили уроды, что всего на четыре месяца всего-то засылают, да вон, как вышло — навсегда...

Но что-то меня мутит от этой фантастики.

Может, я просто бред словил?

Шиза посетила? Об этом я уже думал.

Вот! Правильно. Думал!

Я ощущаю себя, пускай и не как всегда, но ощущаю. Правда, каждое маломальское движение вызывает приступы боли.

«Не волнуйся. Дыши ровнее. А лучше, спи».

Опять этот голос в голове...

Да что же со мной такое случилось-то?!

Но додумать я не успел, меня куда-то вновь понесло.

* * *

Опять свет...

Я попытался мотнуть головой из стороны в сторону.

Спросонья получилось. А вот если специально пробую пошевелиться, получается с трудом.

Открыть глаза? А вдруг, опять этот кошмар с сыном в главной роли и мной меня посетит?!

Но ведь думаю, значит, в сознании. И вон, даже рукой шевельнул и пальцы чувствуются, правда силы в них нет, хотя я раньше на пальцах держал свой вес и спокойно с десяток раз отжимался, влётную, от пола. А

тут, словно сосиски, брезвально лежат и еле дёргаются.

Но пора, пора выходить из постоянной нирваны. Даже если это и мой бред, то хотя бы повеселюсь, но так постоянно пропадать сознанием надоело. Я вообще-то человек действия, только, бываю ленив иногда. Всё, действуем, а боль потерпим, и не такое за свою службу приходилось терпеть!

«Не спеши. Вначале наполни свои легкие воздухом и пару раз задержи дыхание, чтобы сердце на пределе поработало. Я блокирую действие некоторых лекарств. Судя по всему, тебя просто специально травят...»

А это уже не смешно!

«Ты кто?» — мысленно обратился я к своему внутреннему голосу.

«Отголосок далёкого прошлого и, увы, я с тобой недолго. Скоро окончательно разволочусь. Ты жертву принёс на месте храма, посвящённого мне, в священной земле. Столько энергии... столько ценнейшей жидкости жизни. Я уже завершила когда-то незаконченные дела, а хуже незаконченных дел в жизни ничего нет. Но я уже стара морально, а физически уже и разучилась поддерживать свой образ. Не хватает сил верующих в меня. А потому, я просто уйду, но в пантеон, и уже оттуда буду за тобой наблюдать, но не вмешиваться в твою жизнь. Мы с братом и так сделали невозможное — спасли твоё я, правда, привязать смогли только к частичке самого тебя, в твоём случае, к сыну. Но получилось так, что он ушёл раньше тебя за грань в другой реальности. Тебе повезло, просто повезло, и боги допускают ошибки. И вот всего на один год в летоисчислении провал, и ты уже в другом измерении, хотя и тут всё идёт, как и в той реальности. Ничего не меняется, кроме тебя. Теперь от тебя зависит, переживёт ли твой сын всё, что с ним произошло. Хотя он сам ушёл уже за грань мысленно. Сдался. У тебя есть шанс прожить его жизнь, уже не отвлекаясь на его желания, хотя его умения и знания, как и твои, останутся с телом. Всё просто. Но сейчас, что ты, что его тело очень истощены. Мышцы атрофировались почти, да ещё и переломы плохо, и главное, неправильно застают. Но всего хуже, что тебя просто и бесцеремонно пытаются убить. Но если будешь слушаться, пока я с тобой, то я научу тебя пользоваться своими внутренними силами, а их у этого тела накоплено в достатке».

Я хмыкнул про себя.

«Ты про то, что у моего сына много запаса... шоколада?!» — схокмил я.

«Я поняла твой юмор. Да, ты прав, и это в твоём случае хорошо. Но если ты устал от жизни, то могу и оставить всё, как есть, а то и вовсе

помочь безболезненно уйти. Ты как?»

Не, такой замес я пропускать не хочу. Тут и покуражиться можно неслабо, да и просто пожить в своё удовольствие.

«Не-е-е-е, спасибо, я уж лучше тут, чем там, тем более, ты говоришь, что всё течёт и меняется, как в настоящем мире».

«Я неправильно выразилась. Это и есть реальный мир, но ты можешь на него как-то повлиять, ведь через два дня тебя, вернее его, этого тела, уже бы не существовало. И ещё, я бы не советовала связываться с тем тобой, настоящим. Просто, не советую... я знаю, что вы добились серьёзных успехов в передаче информации на большие расстояния. Тебя просто не поймут и могут быть у тебя теперешнего большие проблемы. Ну, что, ты готов?»

«Да» — ответил я.

«Тогда начнём. Страйся следить за своими ощущениями, а мы начнём разгонять твою лишнюю энергию по всему твоему теперешнему телу. Показываю один раз, будь внимательней!»

Даже не называлась. Кто она, как зовут? Но с тем рвением, с каким она принялась меня лечить, могу предположить, что что-то с древним искусством врачевания связано, и скажу так, если все, что она мне показывала и рассказывала, люди в те древние времена знали, то сколько же мы тогда потеряли невероятных, почти волшебных знаний!

Тело горит, и я его начинаю по-настоящему ощущать. Ещё час экзекуции, которую я уже сам под её присмотром провожу, и я уже могу, в свете утреннего солнца, лучи которого занесло к нам в палату, спокойно поднять руку к глазам и осмотреть свою ладонь.

М-да...и где набитые костяшки? Где эта стальная мощь хватки?

Какие-то розовенькие, пухленькие отростки, а не пальцы пацана.

Да, подзапустил себя потомок, притом серьёзно.

Общается со мной богиня через силу, так и сказала, что силы кончаются. Уходит, и вот пытается всего за одну ночь втиснуть в меня знания поколений. Но это же невозможно! Обещает заложить мне в память свои заготовки, закладки, которые будут раскрываться только тогда, когда в предыдущих знаниях я буду подходить, с помощью практики, к точному, безупречному их исполнению. И если несложные приёмы будут даваться мне относительно легко, то к серьёзным я, с её слов, вряд ли когда вообще притронусь. Возможности моего тела этого мне никак не дадут сделать.

Четвёртые сутки, как я относительно стабильно и без посторонней помощи прихожу в сознание. Просыпаюсь, а потом начинаются процедуры. Медперсонал каждые сутки меняется, тут заступают на сутки на

дежурство, но лечащий врач появляется исправно, всё-таки ДТП наделало много шума, столько народа погибло, главное, что с нами моей сестры не было. Она, как обычно, гостила у родителей мамы, оттого и осталась жива. Моё пробуждение и начало выздоровления... относительного, конечно, кое-кому очень не понравилось. Оказывается, за имущество семьи идут нехилые разборки. Если меня уже вычеркнули с помощью юристов из доли, причитающейся с делового имущества отчима, заводика там и баз хранения, то вот исключить из права наследников от квартир и аптек, которые были записаны только на мать, не получалось у них никак. Сестра, оказывается, всего на год меня младше, хотя по продуманности и знанию жизни, выглядит старше лет на десять. Да и отношения у моего сына с ней раньше как-то не складывались. Ругались постоянно и вечно что-то делили. Вернее, это девчонка пыталась свою гегемонию в их отношениях наладить, а сына волновал только комп, нэт, компьютерные игрушки и виртуальные друзья. Домашний мальчик, а теперь...

Пятый день как я очнулся не в себе. Я только начал разговаривать. Опять дежурство у милой Марины Николаевны, она самая добрая и ласковая. А впрочем, ко мне вроде, все нормально относятся и жалеют, причём о последствиях аварии так меня пока никто и не просветил. Но я же не дурак, всё понимаю. А вот, как раз в её следующее дежурство, видно, прознав, что кончить меня почему-то врачам не получилось, прибыл адвокат сестры.

Как его пропустили в реанимацию? Хрен их знает, тем более к тяжело больному, но видно, деньги все заторы расчищают на своём пути.

Холёная рожа. Пиджак от Версаче, часы на сотню грамм золотом, очки итальянские, правда, даже они не могут прикрыть этот брезгливый взгляд урода, направленный на меня.

— Поговорим?

Что характерно, врач увёл Марину Николаевну, которая пыталась возмутиться.

* * *

Лежу, никого не трогаю, только что этот урод меня оставил в покое.

Ну и дела творятся ... даже представить не мог, что пойдут на такое, чтобы деньги заграбастать и совсем никого не останавливает, что я всего лишь подросток. Тринадцать лет, седьмой класс.

Мало им завода, мастерских и баз хранения... им и квартиру подавай и

аптеки, что на маму записаны были. Вернее, на жену.

Я прикрыл глаза. Я уже сам путаться стал и забывать, а кто же я. Остаточные мысли сына всё-таки сбивают с толку — не полностью он ушёл... не полностью.

А доктор всё-таки... нет, не сука. Его самого, видно, начальство заставило устроить мне эту встречу. Но молодец — во время нашего разговора, когда эта сука мне тут пыталась голосом давить, врвался и делал замечания!

Действовало на урода отрезвляюще, такая защита от медперсонала.

Прикрываю глаза.

И теперь постепенно, спокойно прокручиваем весь разговор с адвокатом от начала до конца.

... Мы в палате одни. Я лежу на двух подушках. И стараюсь не шевелиться, пускай думает, что я совсем плох.

— Андрей, ты знаешь, о чём я с тобой хотел бы переговорить? — уточняет у меня этот боров.

Я кривлюсь.

— Кому-то понадобились деньги отчима?

Адвокат от моего ответа ажно поперхнулся.

— Можно сказать и так. Тебя всё равно признают невменяемым и не способным принимать самостоятельные решения. — Он с ходу начинает меня сразу пугать.

Наверное, верный расчёт был. Парень после аварии почему-то выкарабкивается, несмотря на все усилия врачей, но психически должен быть надломлен.

А тут...

— Давайте пропустим угрозы и давление на меня. Чего конкретно от меня вы хотите? — тихо, почти шепотом, спрашиваю я.

Боров задумался. Видно, на ходу перестраивается, меняя тактику в разговоре.

— По документам ты наследник всего, но в реале это далеко не так. — заявляет адвокат.

Вновь растягиваю губы в усмешке.

— И у вас найдутся доводы и для суда? — спрашиваю я.

Мужик вопросительно изогнул правую бровь. Красиво и не обычно. У меня так не получается — если и двигать бровями, то только всеми сразу. То есть, двумя по отдельности не получается.

— А будет суд? — спрашивает он.

Я тихонько двигаю плечами, словно хочу пожать ими, но движение

получается не законченное, будто я просто немного замёрз, оттого и такие движения судорожные.

— Давайте вначале разберёмся кто, что от меня хочет и какие на это есть у всех права, а уже потом будем обсуждать возможность обращения вашего или моего в суд. И не забывайте, есть интернет и возможность обращаться через него к правящим кругам, а я почти сирота, и вообще «бедненький мальчик». Если правильно подать информацию в те же СМИ вам, боюсь, мало не покажется.

Не ожидая от меня таких заявлений, боров перешёл на крик.

Вот именно тогда и ворвался в палату мой лечащий врач и предупредил дурака, что если ещё раз услышит крики — выгонит его в шею ко всем чертям из палаты и главврач ему в этом не указ.

Адвокат уже потом понял, что я его просто провоцирую... и понял, что нахрапом меня не продавить и что никакие документы я подписывать, тем более сейчас, уж точно, не намерен.

К тому же...

— А с чего вы решили, что я откажусь от своей доли в бизнесе отчима? Как понял, в завещании я являюсь наследником. Я прав? А так же обязан буду заботиться о сестре.

Адвокат поморщился...

— Как раз, ваша сестра и не желает, чтобы вы, именно вы, заботились о ней, к тому же, вы не в состоянии, по понятным причинам, пока принять, как активы вашего отца, так и всю его и вашей матери недвижимость. Неприятное дело суды между родственниками, но... — адвокат смотрит на меня серьёзно... — у вас нет шансов.

Я усмехаюсь в ответ, даже забыв показать, как я слаб. Отвлёкся.

Но видно, на мой промах и сам адвокат не очень то и обратил внимание. Во всяком случае, мне так кажется.

— Шансы есть всегда,уважаемый, — отвечаю ему на полном серьёзе. — Вы не можете себе даже представить, кого я могу призвать защищать мои права, а если ещё заинтересованным лицам пообещать часть своей доли в бизнесе отчима. Да вас на части разорвут, тем более, позиции в суде у моих адвокатов будут намного серьёзнее, чем ваши, и уж поверьте, даже если сейчас вам удастся протянуть через врачебную комиссию, что я немного съехал умом, то повторная психологическая экспертиза всё поставит на свои места и тогда вам, и сделавшим первое заключение о моей невменяемости, придётся солено, а то и уголовное дело заведут. Вам это надо?

Во я выдал на одном дыхании!

Даже, вон, адвокат проникся моей речью, но, видно, не её содержанием.

— То есть, договариваться с сестрой и родственниками вашей матери вы отказываетесь наотрез? — уточняет адвокат.

Я вновь, словно от холода, жму плечами.

— Вообще-то я не услышал ничего о договорённостях. Вы тут с самого начала мне пытались ультиматум впихнуть, пользуясь моим больным состоянием. Уже это одно характеризует вас лично, как редкую тварь! — решил я идти на конфликт.

Может, и не стоило в открытую оскорблять урода но уж очень захотелось увидеть его реакцию на такой поворот в разговоре.

Но адвокат опытный — пропустил явное оскорбление на свой счёт мимо ушей — дело превыше всего.

— Что вы сами предлагаете? — спрашивает он.

Я только устало положил голову на подушки и немного прикрыл глаза.
Думаю.

А что мне от них надо? Денег и место для жилья и это... с такими родственниками я жить точно не хочу, лучше, как и предполагал мой лечащий врач — в детдом.

— Я скажу, как я сам вижу эту проблему. — Не открывая глаз, начал я. — По факту, я наследник и с этим ничего уже не поделаешь. Как я знаю, отчим никогда не брал кредиты, а потому и долгов у него нет. До моего совершеннолетия я спокойно могу найти на предприятия внешнего управляющего. И ёщё, мой мудрый отчим не баловался с акциями, а значит совладельцев у него нет. А с базами хранения и того проще. Там есть директора — перезаключу договоры, и всё. Родственников пускать в управление компанией не хочу, и если попробуют, как например сейчас и дальше на меня давить — устрою им весёлую жизнь. По аптекам, которые принадлежали маме, и того проще. Возьму в совладельцы заведующих аптек под процент, чтобы было кому в них делами заниматься. А люди всегда есть хотят и лечиться, а потому продовольственные базы и аптеки всегда будут приносить доход. Ну, а с бухгалтером — найду порядочных за очень хорошую зарплату.

Адвокат внимательно меня слушает, и когда я замолк, он и произнёс свой вердикт:

— Это всё утопия! Вы, и правда, думаете, что так просто руководить таким большим бизнесом? — спрашивает он у меня.

— Нет, конечно, — я открываю глаза и смотрю прямо на его переносицу. Помню из опыта, что собеседникам такой взгляд очень не

нравится... — я вам сказал, как могу поступить, и поверьте, я спокойно этого добьюсь, пускай, пообещав продать потом свой бизнес тем, кто окажет мне помошь.

— Тогда в чём ваше предложение по этой всей проблеме? — учиво спрашивает боров.

— Моё предложение простое... — я сделал паузу, собираясь с мыслями, — вы мне выплачиваете мою долю, но после того, как её оценят посторонние, независимые эксперты. Описываем всё, оставляя в моём владении только нашу квартиру в Хабаровске. Плюсы — всё делаем быстро и без криков, разбирательств в судах, ну и прочей, сопутствующей этому разводу, дряни. Деньги мне на счёт. Под процент, который я буду получать в качестве пенсии до своего совершеннолетия. Такой подход меня полностью устроит.

— Это получится серьёзная сумма. — Говорит адвокат.

— И что такого? — усмехаюсь я. — Зато быстро и не надо будет нам всем ни на адвокатов, ни на суды деньги тратить. К тому же, и эксперты будут выставлять среднюю цену, а не максимально возможную, которую можно получить на торгах, если выставить предприятия в открытый доступ для покупки. Исходим из этого.

Помолчали. Адвокат явно просчитывает варианты, но я уверен, что решили только нахрапом давить и, к тому же, афёра с моей хабаровской квартирой не прокатила у них, несмотря на то, что прокурорские этим вопросом сами занимались.

— То есть, ты предлагаешь, — наконец-то очнулся от дум этот дядя, — продать всю долю в бизнесе, я правильно понял?

— Да! — отвечаю я.

Опять молчание.

Нет, не молчит, вроде что-то по айфону скидывает. Наверняка записывал разговор, а теперь его и отправляет неизвестному абоненту.

Минут пять так и сидели молча. Он что-то у себя в телефоне клацает, я же чуть не заснул, так меня вымотал этот разговор. Пришлось одной из медицинских методик богини в себе энергию прокачивать, чтобы разогнать кровь по венам и артериям...

Вновь всё тело чесаться и колоть начало! Потерпим, зато потом такой кайф ловлю, когда действие процедуры проходит. Словно заново родился. А ведь я, реально, заново родился, правда тот факт, что тот я ещё живой и в данный момент бегаю по пескам Сирии, меня немного нервирует. Думал, как бы мне о себе напомнить «отцу», к тому же, я ведь помню наизусть свой номер. Номер телефона, который даже в Сирии берёт, ведь как-то я же

общался со своими бабами раньше, и даже начальству докладывал по нему. Всякое бывало.

Но вот, вроде очнулся дядечка.

Оторвался от смартфона, перевёл взгляд на меня, увидев, что я в сознании и не сплю, проговорил:

— На твои условия согласны, но экспертиза даст минимальную и максимальную цену на недвижимость и активы. Есть тут компания с именем, которая практикуется на аудитах. Срок — месяц. Но в черне получается так, порядка двух миллионов за всё.

Я же удивлённо вскидываю брови.

— Так мало?

— Два миллиона евро... — держит маску на лице адвокат. — Если всю сумму, или чуть больше, или меньше кинем, допустим, в ВТБ-24, то выплата в месяц составит шестнадцать сотых процента, то есть, на руки в месяц это примерно три двести евро. Мои заказчики уже сейчас, без всяких проволочек, предлагают выплачивать эту сумму. Договор о продаже я разработаю немного позже. Сейчас же мы можем решить вопрос принципиально, к тому же, тебе будет выдана дебетовая карточка и уже сейчас, каждый месяц, станет приходить оговорённый пенсион, которым ты сможешь распоряжаться, как тебе вздумается. Получишь паспорт через год и откроешь уже свой счёт, личный.

Я улыбаюсь.

— Его и сейчас открыть можно по, например, загранпаспорту, а он, как раз, у меня в наличии есть, как и карточка. Телефон мой остался цел после аварии и никто его не прикарманил. А потому, ополнении мобильного банка смс придёт. Как за этот месяц оплата придёт, так и продолжим разговор. — Говорю я и откидываюсь вновь на подушку, закрывая глаза, всем своим видом давая понять, что я устал и разговор закончен.

Но вот, буквально, через пару минут молчания тренькнуло сообщение.
Ого! А это ещё кто?!

Мне протягивают мой же телефон.

Ну-ка!

Шесть с половиной тысяч пришло на карточку, причём евро.

Однако, оперативно! Видно, у кого-то там, на том конце провода, кто сейчас слушает наш разговор, явно что-то горит с активами отчима.

— Договорённость подтверждаю. Готовьте документы, а также размежевание по квартирам.

— Понял. — Поднялся на ноги, улыбающийся, довольный разговором боров.

Но я его остановил просьбой, когда он уже был в дверях, причём в проёме явно виднелась и фигурка моего лечащего врача, и Марины Николаевны.

— Уважаемый, во-первых, вы так и не представились, а ваши документы я не рассмотрел, и номер телефона для контактов вы почему-то не оставили. И ещё, пара просьб. — Я посмотрел на лицо адвоката, с которого сошла улыбка, довольно жизнью борова. Ничего, сейчас ты у меня и вовсе скривишься. — Во-первых, я не хочу жить со своими родственниками, и не обижусь, если меня поместят до совершеннолетия в детдом. Думаю, у моих родственников найдутся средства, чтобы поддержать какое-нибудь подобное заведение, чтобы я там мог себя вполне комфортно чувствовать, зато я им своим видом надоедать уже не буду. И второе, — я посмотрел в глаза адвокату — врачу, вами проплаченному, скажите, что не стоит меня больше травить. На тот свет я уж точно не собираюсь, ладно?!

Вы бы видели его лицо. Оно пошло пятнами, глаза расширились, а ведь мои слова и наш медперсонал услышал.

Адвокат ничего не ответил, а только слегка кивнул головой и, развернувшись, окончательно вышел вон.

* * *

И вот теперь лежу, отлёживаюсь. Отдыхаю. Деньги на карточке. Весьма приличные деньги, даже для Дальнего Востока. Мой врач, услышав последнюю мою реплику, кинулся шерстить, как я понял, мое дело больного. Марина Николаевна где-то хлопочет. Это сейчас так получилось, что в палате я один, а так часто кого-нибудь подкидывает судьба. Я же лежу с закрытыми глазами и думаю. Надеюсь, меня оставят в покое. Своё они заполучат после подписания договора на передачу прав на наследство. Как только увижу на своём счету деньги, так тут же и подпишу документы. Как быстро они это провернут — не мои проблемы. Меня на данный момент больше волнует вопрос исчезновения богини. Напоследок она сообщила, что пакет со знаниями она в меня вложила и будет он распаковываться постепенно. Моя задача — постоянно совершенствоваться, тогда может быть появится у меня возможность и своиувечья исправить. С ногами проблема. Ходить не могу. Срослись кости отвратительно, как ни пытались уже в этой клинике исправить врачебную ошибку. А по новой ломать побоялись — я слишком слаб был. Решили оставить на «потом». Боюсь

даже думать, как я ходить то буду и буду ли вообще! Пока я не ходячий. Вот богиня и учила меня своим древним трюкам. Вначале, с внутренней энергией разбираясь и по своему усмотрению направлять её в повреждённые участки тела, подстёгивая тем самым регенерацию всего организма, а затем и собирать разлитую в пространстве энергию, исходящую от солнца, нашего светила... и преобразовывать её во внутреннюю энергию тела. Сейчас занят своими внутренними процессами в организме — гоню энергию в повреждённые ноги, стараясь ускорить сращивание костей в местах жутких переломов. Тем и спасаюсь. Да и многое чего ещё показала перед исчезновением богиня, а напоследок...

— ... ты отлично умеешь учиться, Андрей, я думала, что от тебя толку мало будет, но ошиблась. Второй уровень знаний ты впитываешь спокойно, третий станет для тебя доступен, пускай и не сразу, но я уже верю, что станет. Ты барьер прорвёшь. Инфопакет распакуется самостоятельно, и возможно, во сне. А потому, ко всем своим снам относись очень серьёзно. Пробуй все наставления, которые в них будут — это путь к совершенству. Ты пережил много страданий, оттого твой внутренний баланс сместился в сторону медицины. Если сумеешь как-то дойти до пятого ранга, то сможешь стать великим целителем. Но это сложно. Безумно сложно. Я тут тебе и не по профилю знаний подкинула. Я научу тебя, как мысли переложить на умения и научиться ими пользоваться в реале. Например, я немного у тебя в памяти порылась. Ты неплохой боец, но тренироваться можно не только физически отрабатывая приёмы, но и просто мысленно изучив правильность их применения, а вот уже потом тело само начнёт их правильно выполнять. Не спорю, без тренировок и тут не обойтись, но они будут более продуктивны, и приемлемого результата удастся достигнуть быстрее. Но и это умение будет совершенствоваться и улучшаться, по мере его постоянного применения. Чем оно ещё хорошо — его можно направлять на другие биологические объекты. Не понимаешь? Объясняю. Ты сможешь обучать других, но для этого придётся каждый раз отправлять их в транс. И это я тебе тоже показывала. Кстати, такое умение, но только немного видоизмененное, может восприниматься и как боевое умение. Всё просто. Если научишься отправлять объект атаки в транс быстро, то противник просто будет при твоем воздействии засыпать. Но все это долгая практика. Учись! Для тебя это жизненно важно.

Многое показала и многому научила, вот только, на данный момент, это просто заготовки. И, что интересно, запасы сала сына, как ни странно, на данный момент играют положительную роль. Энергии мне не хватает, а вот так, постепенно худея и расходуя накопленные внутренние резервы, я

восполняю свои потери при лечении. Но, на данный момент, я лечу себя сам. И меня сейчас волнует не адвокат и родственнички по линии жены, или матери, как посмотреть, а именно моё здоровье. Вопрос, а смогу ли я просто нормально ходить, на первое время меня очень волнует.

С мыслью о смене, так сказать, носителя моего сознания я уже смирился. Напрягает, конечно, выбранный объект вселения, но, увы, с богами не поспоришь, особенно, когда они собрались тебя отблагодарить! А тут ещё понимание того, что ты «тот», прежний, ещё пока живой. Сколько раз я уже порывался дать о себе знать, но вот сам думал, а как я «тот» восприму такую информацию от сына, которого никогда не видел. Ещё год жизни, почти... и что делать? Богиня советовала не ворошить — может прилететь просто страшная ответка.

Что же, я «тот» приговорён, получается, да и так изменение в реальности наступило — ведь теперешний я в теле сына выжил, получается. Вот он выбор, и как поступить я до сих пор не знаю. Но думаю, у меня ещё есть время для решения этого вопроса. Почти год в моём распоряжении. А интересно может получиться, если попытаться спасти себя «того».

Я хмыкнул про себя, представив в реале нашу встречу с самим собой. У меня от мыслей даже голова от боли закружилась, хотя я и лежу на своей кровати в палате с закрытыми глазами. Но, ещё раз повторюсь — об этом я подумаю потом. Мне бы теперешнему самому просто выжить.

Итак, что мы имеем, и что мы бы хотели иметь?

С одной стороны, дельцы, что так забеспокоились насчёт наследства отчима этого тела, мне играют на руку. Чего-чего, а жить с родственниками бывшей жены мне бы очень не хотелось, тем более, калекой. Второй момент — деньги. Они никогда лишними не бывают и, как бы я не хорохорился, с активами отчима сына я, и правда бы не справился. Нет, попробовать можно было бы, если бы надавили... И так два ляма евро на дороге не валяются, главное — как ими впоследствии распорядиться, да и квартира в Хабаровске, по сути, в таком же ценовом плане. А это, если честно, как ни крути, задел на будущее. Но что мне с этого будущего?

Получить образование — раз. Просто, перво-наперво — выжить! А всю жизнь калекой жить никому не понравится.

Да, не спорю, личный багаж знаний у меня, хоть и весьма специфический, но, по меркам биологического индивидуума носителя, он просто огромен. А на фоне его сверстников я явно буду выделяться, вопрос — в каком ракурсе. Детдомовские ребята и раньше то отзывчивостью и кротостью не отличались, а сейчас и подавно, когда, по сути, в мире и в

стране стало всё продаваться и покупаться. Но и с родственниками жены я не уживусь, а после таких разборок, насчёт наследства, и подавно.

А потому — детдом, в больнице меня вечно держать не будут. Максимум ещё полмесяца, ну от силы месяц — и выпнут. И так уже завтра пообещали из палаты интенсивной терапии перевести. Вроде, на фоне моих усилий, я явно пошёл на поправку... у меня не только переломы были. Жаль! Мне так Марина Николаевна понравилась, и её отношение ко мне, и просто, как человек. Но ничего, пора мне в этом теле привыкать к самостоятельности. Деньги в наличии у меня имеются, хотя ими не очень-то пока и воспользуюсь. Завтра, вроде, пообещали начать заниматься лечебной физкультурой — это уже мой лечащий врач, ещё до разговора с адвокатом меня обрадовал. Буду снова учиться ходить, но с помощью костылей. Это занятие мне знакомо — не раз в детстве, да и после ранений, я пользовался этим нехитрым способом передвижения. Что же, опять придётся пройти через этот, не сильно приятный момент в жизни, главное, просто встать на ноги. Со слов, вчера повидавшего меня травматолога, одна нога у меня более-менее уже срослась, а вот вторая, правая...

Предложил по новой ломать, хоть и не сейчас, а через, скажем, полгода, когда окрепну, но я отказался. Постараюсь сам себя вытянуть, время, как я уже говорил, ещё есть.

А насчёт денег и покупок — своего доктора надо кое о чём попросить.

Вот и наша медсестра появилась. Настроение у неё не очень, после посещения этого хитрого адвоката и моего разговора с ним тет-а-тет.

Она опять жалостливо посмотрела на меня.

Понятно, в её глазах — я калека на всю жизнь. Что-то там бубнил травматолог с моим лечащим врачом, что в армию меня теперь с таким багажом точно не возьмут. Здоровье то общее я, может быть, и поправлю, а вот с ногами, по-видимому, проблемы мне на всю жизнь обеспечены.

Посмотрим. Хотя вердикт врачей мне очень не нравится.

* * *

Всё, я в палате... еще не закончился второй день, с момента моего разговора с адвокатом сестры.

Очуметь! Деньги перевели, хотя я до последнего думал, что намечается обыкновенный кидок. И как только умудрились провернуть такую операцию? Банк ВТБ... и накопительный счёт на два ляма евриков... и вот на комп только что сообщение на почту пришло, что документы на

квартиру полностью на меня оформлены. Серьёзная риэлтерская компания этим занималась, и мне это ничего не стоило — все расходы взяли на себя мои «добродетели».

А в ответ, я завтра подписываю документы на передачу всех активов, которые мне причитались, одной интересной фирмочке. Но это не мои дела. Поддержка идёт со стороны, опять же аудиторской компании. Проверка финансовых активов и сопутствующих документов уже проведена и, как я и предполагал, отчим сына умел вести дела, и активы у него, оказывается, весьма внушительные. Но мне до них всё равно добраться бы не удалось. А потому, радуемся тому, что в итоге имеем. Попросил прикупить мне эспандеры. Пора заняться тренировкой этого тела. Увы, по-другому не могу относиться, даже понимая, что это же реально мой сын, но, увы, мое сознание, вроде как защиту себя создало, чтобы окончательно от всего произошедшего с катушек не слететь. Потому и привыкаю к себе постепенно, и этому очень способствует простая боль. Раз чувствую её, значит, я по-настоящему существую. Попросил эспандеры для тренировки кистей рук, а также простой, на пружинах. Надо и руками, и грудными мышцами заняться. Пока всё равно на кровати больше время провожу, хотя...

Хотя, вчера первый раз сделал попытку подняться на ноги с помощью костылей. И, скажу я вам, что не очень-то это у меня вышло. Ноги... это на данный момент моя главная головная боль и не только головная. Но я смогу, я выдержу!

* * *

Декада из жизни минус. Лето почти наступило, а я только и смог, что из корпуса больницы на улицу выбраться по ступенькам лестницы. Вот, вроде, третий этаж, а для меня, что спуститься, что подняться — это как для альпинистов Эверест покорить.

Но всё-таки это прогресс, как ни крути.

Вот, сижу на скамейке в больничном парке и рассуждаю мысленно, подставив лицо под весенне-летние лучики раннего солнца. Утренние процедуры закончились, завтрак умят, чаем запит, сижу, личные процедуры провожу, нещадно гоняя энергию организма по всему телу, а тут ещё и солнышко греет! И его силу к себе привлекаю, как могу, а могу я пока, увы, не слишком хорошо. Но, как говорила богиня, терпение и труд всё перетрут, вот и тружусь в меру сил.

Но результат есть! После таких солнечных процедур, подъём на мой Эверест проходит намного легче, чем в первый раз.

— Что по активам? Родственники, наконец-то, пока от меня отстали. Мои доброжелатели оплатили место в детдоме на Дзёмгах в Комсомольске. Выпускать меня из своего поля зрения не решились, видно на что-то рассчитывают, надеюсь, не на то, что от проблем со здоровьем я на себя руки наложу.

Кто его знает, может мнительный и, если честно, то весьма малодушный сынок и смог бы так с собой поступить, но уж точно не я, да и помочь богини не последнюю роль в этом играет, к тому же, новая жизнь, молодое тело! А вот как им распорядиться, уже буду решать только я.

Что же, Дземги, так Дземги, ничем не хуже и не лучше детдома города Белогорска. Выживем, опыт имеется, да и по рассказам той же Марины Николаевны весьма приличное, на взгляд со стороны, заведение.

Выписка у меня, как и предполагал, не скоро. Решили до первого июня меня тут продержать. Там потом целенаправленно, наверное, на скорой и до детдома довезут. Что характерно, родственники меня тут же забыли, как только подписи свои в документах поставил. Пришлось немного раскошелиться, наняв сторонних юристов, уж больно заковыристо были составлены договора на передачу прав. Но, надо отдать должное моим тайным доброжелателям, ничего предосудительного в них так и не обнаружили, просто юридический язык составителей договоров для простого уха среднестатистического обывателя весьма непонятен. Двадцать минут — штука зелени, но зато можно было почти безбоязненно ставить свои закорючки под каждым документом.

А пока — тренировки и ещё раз тренировки. Руки — работа на бицепсы, кисти рук, потом грудные мышцы прокачиваем. Хилым появляться в детдоме нельзя, тем более, я на костылях буду и со статусом конченого калеки. Дети — существа жестокие, и шанса для травли себя любимого никому давать нельзя. Ни малейшего. Стоит дать слабину — и пиши пропало. Заключают. А то, что, несмотря на моё теперешнее состояние, меня постараются поприжать и даже насчёт бабла раскрутить, и так понятно, зная какое время у нас на дворе. Жестокое и опасное.

* * *

Вот и июль к концу подходит...

Печально и главное, что больше всего обидно, что так лето прошло

паршиво. Ничего нет хуже больничной шконки и состояния твоего здоровья, которое даже у врачей видевших многое в своей жизни вызывает тихий шок.

Я пошёл. Я встал, и, пускай сильно хромая на правую ногу, пошёл. Сам и без костылей, хотя, если честно, освобожусь от них я ещё очень не скоро. Но кто бы только знал, чего мне это всё стоило, сколько боли пришлось пережить и вытерпеть!

Боль — это, наверное, основное моё состояние. Всё тело саднит от техник применяемых мной по настоящему богини. Да, я чувствую — я живу, вот только такое состояние назвать жизнью что-то у меня язык не поворачивается. Нет, я не спорю — есть результат, но, боги, только желание жить не дало мне бросить всё, или, и вовсе не полезть в петлю.

Но результат...

Я, хромая, опираясь всего лишь на один костыль с правой стороны, уместившийся своим мягким подплечником, обвязанным дополнительно полосой толстого поролона, примотанного к нему скотчем, брёл к своему любимому месту на прогулке, а именно, давно присмотренной деревянной скамейке со спинкой, затерявшейся в алеи лесопосадки, окружающей местную больницу.

Лепота! И отдохнуть можно, и даже помечтать.

Да-да, именно помечтать, потому что мои мысли о дальнейшей жизни, увы, пока планами назвать нельзя. Я не знаю, что меня ждёт в интернате, я не знаю, сколько ещё мне потребуется времени, чтобы вернуть здоровье этому телу.

Нет, я, конечно, работаю над его состоянием, как физическим, так и моральным. С духовной составляющей всё, в принципе, хорошо, и материально состояние поднять удалось на весьма высокую планку, во всяком случае, для человека тринадцати лет, но вот, что меня дальше ждёт? Чем заняться то? Мне же скучно будет. Я не смогу усидеть на месте, и эти детские разборки, я даже не переживал особо за общение с себе подобными, хотя уверен, что не одной сломанной рукой и челюстью эти притирки в новом для меня, хотя и знакомом обществе, не обойдётся.

— А, вот ты где! Привет! — раздалось рядом.

Задумался.

О, вот и мой ангел-хранитель, моя любимая медсестра, правда, в последнее время мы видимся не очень часто. У неё работа, дежурства, а я же стараюсь больше времени проводить на свежем воздухе, купаясь в лучах летнего солнышка. Вот и теперь, Марина Николаевна в своём аккуратном белом халатике на голое тело одетом.

Вот сколько ей лет? Думаю, под полтинник, но выглядит очень ничего, я прежний точно бы на неё запал и закрутил романчик, если бы, конечно, позволили.

Хвостик на голове незамысловатый. На милом лице минимум косметики, обворожительная улыбка. Достаточно хрупкая, но грудь под утягивающим бюстиком, явно выше трёшки. Как такое бывает не понимаю, хотя в своей прежней жизни встречался со всяким воплощением женской красоты, и при метр пятьдесят, тонкой талии и никакой попе, обладательница имела бюст под пятый размер. И такое бывает.

Но куда-то меня не туда занесло.

Воздержание, будь оно не ладно!

— Здравствуйте, дорогая Марина Николаевна. Какими судьбами тут, а не в своей родной реанимации? — пытаюсь я встретить своего ангела стоя.

Под её изумлённым взглядом, хоть и с трудом, но встаю на ноги без помощи рук и костиля, хоть и пришлось большую часть своего, пока ещё немаленького веса, перенести на левую ногу.

Но справился.

— А ты молодец! — радостно улыбается милая медсестра. — Вот уж мы с Яковлевичем даже и мечтать не могли, что ты сможешь вообще стоять на ногах, а тут...

Она подошла ближе и нежно, едва касаясь меня своей грудью, приобняла меня.

Как же приятно! Я, сам того не замечая, счастливо заулыбался, настроение скакнуло в необозримую высоту.

— Я так рада за тебя!

Потом глазами показала на скамейку.

— Давай всё-таки присядем. У меня есть пара минут, хоть поговорим, а то, в последнее время, я тебя и выловить то не могу.

Мы уселись рядышком, откинувшись всем телом на спинку скамейки.

— Вы-то сами как? — для приличия спросил я.

— А мне то что? — улыбнулась она в ответ. — Работаю. Дети учатся. Муж в командировке. Зарплату платят. Денег более-менее хватает. Дачу завели, по выходным там фигуру соблюдаю.

— Ну, вам растолстеть, уж точно не светит! — кидаю я ей комплемент, весьма кстати сомнительный по содержанию, но на него слышу в ответ довольный смех.

— Скажешь тоже! Хотя, все женщины по материнской линии всегда были худышками, но с хорошей грудью.

Ну, что сказать — медичка, а у нихстыд, как элемент, отсутствует

напрочь.

— Ну, что мы все обо мне, да обо мне, ты то тут как? Решил уже, когда нас покинешь?

Я пожал плечами.

— Вообще-то, от меня это вряд ли зависит. Лечащий... меня же Зинаиде Степановне предали от Яковлевича, по анализам гоняет, говорит, что и вовсе по мне диссертацию писать надо.

— А ты заметно схуднул, — окидывает она меня довольным взглядом. — Вроде же, кормят неплохо у нас.

— Да на убой кормят, — соглашаюсь я, — но я занимаюсь. Стараюсь больше ходить, занимаюсь лечебной физкультурой, а вот бегать пока не получается.

— Ну-да, ну-да, я же сама с Яковлевичем тебе эспандеры покупала. Что твои... не посещают?

— Издеваетесь? — смеюсь я. — Да я лучше бы тарелку горчицы съел, чем общаться с сестрой и её родственниками.

— Но ведь они и твои родственники, — напомнила Марина.

— Я их так не воспринимаю, — усмехнулся я. — Особенно, с учётом последних событий.

— Больше не дёргают? — с тревогой в голосе спросила мой ангел-хранитель.

— Нет. Получили своё и успокоились. Я тоже не внакладе.

— Но как же жить без помощи семьи? — печально произнесла Марина.

Я скривился, словно лимон откусил.

— А кому такая помощь нужна? — с жестью в голосе спросил я. — Деньгами поделились, квартиру в Хабаре вернули, в детдом взносы сдают — я без претензий.

— Но детдом? — вопрос в голосе.

— А что детдом? И там люди живут и учатся тоже.

— Дзёмги... бандитский район, как впрочем, и весь Комсомольск. Тут очень распространена блатная романтика.

— Она меня не интересует, — смеюсь я, — не беспокойтесь, Марина Николаевна, вором в законе, впрочем, как и бродягой, мне точно не стать. Я семью хочу, да и со здоровьем что-то делать надо. Но вначале — школа, образование и найти своё место в этой жизни.

— И куда после школы решил податься? — интересуется она.

— Пока не знаю. Да и рано ещё об этом говорить — впереди всего седьмой класс. Ещё четыре года, решу. Да всё зависеть будет, как со

здравьем у меня будет к этому времени.

— Яковлевич сказал, что в армию тебя вряд ли возьмут.

Я развёл ладони в стороны, как бы аплодисменты изобразил.

— С одной стороны, плохо, не хочется в глазах других неполноценным быть, с другой, и хорошо, терять время на армию я имею в виду срочную, не хочется. Поступлю в универ, может во Владик, на остров Русский рвану, а вот на какой факультет пока не скажу, может даже в медицинский! — смеюсь я.

Марина только головой качает в ответ.

— В медицинском сложно учиться, — наконец-то, выдает она заезженную фразу.

Всем кажется, что именно медицинское направление в образовании самым сложным считается у обывателей, но врач врачу рознь, хотя общая подготовка может быть, и правда одинаковая. Скелет знать надо, все кости на зубок, мышцы тела, в общем, весь анатомический атлас.

— Хотя, я твои мысли, насчёт учёбы на доктора, поддерживаю. В своё время мне смелости не хватило в институт поступать. Я уже замужем была и ребенок на руках, а муж, как обычно, на полигоне время со своими солдатами проводил. Куда уж мне было? — с грустью произнесла Марина.

— Зато девочка ваша врачом хочет быть? — усмехнулся я.

Марина только отмахнулась.

— А! У Саньки в голове ветер. Она хоть и постарше тебя, но непостоянна — жуть. Мальчиков, что перчатки меняет, а насчёт учёбы и планов на образование и того хуже. То аптекарем хотела быть, то хирургом, а теперь вот о зубном враче задумывается. Вот, в мечтах уже стоматологическую поликлинику открыла, но не отнять — учится на отлично, даже похождения с женихами на учёбе не сказываются. Как успехи с эспандерами? Мне тут шепнули, что истязаешь себя на соседнем с больницей дворе, там ведь и что-то вроде брусьев есть, и турник сделан.

Я усмехнулся.

— Да какой там турник, перекладина! — смеюсь я уже в открытую, — но вы правы, пытаюсь приучить себя к подтягиванию на перекладине и отжиманию на брусьях. Увы, успехи у меня в этом пока аховые. Задница к земле тянет. Слишком уж я её большую наел. — Улыбка у меня на лице.

А вот Марина с удивлением всматривается в моё лицо.

— Странно.

— Что странного-то? — удивляюсь я такой реакции на мои простые, по сути, слова.

— Ты так спокойно над собой смеёшься, — она немного

задумалась, — теперь-то я уверена, что никакие подколки твоих сверстников, в будущем, не вынудят тебя на необдуманные поступки. И это очень важно, особенно в условиях жизни в интернате, или детдома. Контингент ребят там...

— Она покачала головой.

— Да нормальный контингент. — Отвечаю я серьёзно. — Дерьма и в простой жизни хватает. В любой школе свой хулиган найдется, вопрос только в том, смогли ли учителя и классный руководитель направить его энергию в мирное русло, или им просто по фигу на всё — вот, что действительно важно!

— Вот в этом я с тобой точно согласна! У моего младшего в школе и не такое бывало, ты только послушай...

Говорила пару минут, а просидели минут сорок, весело болтая. Только после звонка дежурного врача распрощалась и бегом на рабочее место. Договорились послезавтра вечером встретиться и ночью посидеть вместе, как раз у неё дежурство. Если всё спокойно будет и по маленькой пропустить можно. Нормальная тётка, без комплексов, Марина Николаевна мне всё больше и больше нравится.

А в мыслях вернулся к разговору и к некоторым темам, затронутым в нём.

Брусья и перекладина. — Я усмехнулся. В пушок на верхней губе. С ума сойти, усы пробиваться начали. Расти, мужаю, на женщин тянет, причём, далеко не ровесниц. Вот и сейчас, Марину упросил нормального, желательно, грузинского вина прикупить. Причём, «Алазанскую долину» полусладкое. Привык к нему, ещё со времён срочки. Под него пару фруктиков. Мне тут самому купить, возможности нет. До магазина далеко, боюсь пока не добрёбуть. Тут в соседний с больницей двор жилого дома еле колыхаюсь, но результат есть. Целых два раза уже, хоть и сильно дёргаясь на весу телом, подтягиваюсь, причём обратным хватом. Так легче.

Думаете два мало? Ошибаетесь! До этого вообще висел на перекладине, как сосиска, причём, ну очень толстая. А вот отжаться, на пародии на брусья, у меня до сих пор так и не получается. Руки слабые, а живот с задницей — большой. Зато отжимаюсь целых шесть раз, причём всё на кулаках. Привычка. Заметные успехи, наверное, только в занятиях с эспандерами, особенно с кистевым. Набираю силу. А что, ведь целыми днями только и делаю, что мну изделие наших китайских товарищей, которые нам вовсе не товарищи. Говорю ответственно, как бывший военный. Знаю, о чём думают эти косоглазые, да только уж больно целуются взасос наши правители в Кремле. Ну, да не об этом разговор. Где

я, а где кремлёвские небожители.

Отжимаюсь, когда есть свободное время. Даже тут, гуляя по алее. А что? Даже повреждённая нога выполнению этого несложного физического упражнения не сильно мешает. Вот так каждый день. Затем, когда медитирую, сидя на удобной скамейке, откинувшись всем телом на деревянную спинку, катаю, разлитую от излучения нашего светила, силу. Так сказать, концентрирую его у себя в организме. Хранилище энергии находится где-то в районе желудка, а может, он и является им, как раз. И параллельно обрабатываю поврежденные участки тела, прогоняя по энергетическим каналам организма энергетическую субстанцию. Получается это упражнение у меня с каждым разом всё лучше и лучше. В больнице особо ни с кем не сошелся. Ровесников раз, два и обчёлся. Две девчонки с какими-то переломами. Страшненькие и стеснительные. Пацан приблуднённый. Уродец редкий! Уже пытался куражиться надо мной. Я не обращаю внимания — физически унизить меня он пока не пытается, напарника для смелости, видно, ему не хватает, а так, переживу. Ну, не ломать же ему за его глупые шутки руку. Хотя нет, так, если бы просто в школе столкнулись, давно бы он у меня отхватил, а здесь на разборки к главврачу из-за ерунды попасть мне не хочется.

В общем, я готовлюсь к выходу в свет. Деньги поступают ежемесячно. ВТБ пока обманом не занимается, хотя всяких предложений от него о правильном вложении средств, как они это понимают, поступает много и с завидным постоянством.

Ну, а устроить ночные посиделки с выпивкой заставило известие, что меня поставили в план на выписку.

Пока разговаривали, моя лечащая врач позвонила на телефон. Вначале уточнила, где я нахожусь, на территории ли больницы. Потом, уяснив, что беседую с Мариной Николаевной, гуляя по алее, сказала, чтобы готовился к выписке. Всего три дня у меня осталось на спокойную жизнь. Вот потому и решили с моим ангелом устроить лёгкое возлияние. Ей то что — муж в командировке, а мне приятно пообщаться один на один с нравившейся мне женщиной, хоть и старше она меня теперешнего весьма существенно. Но уверен, ни до чего серьёзного у нас не дойдёт. Да, даже до лёгкого флирта. Просто нравится мне эта лёгкая, весёлая женщина, да и Яковлевич, как раз, на дежурстве будет. Хотя, мне тут по секрету сказали, что у него интрижка с молодой врачихой из гипертонического отделения, они как раз подгадывают свои дежурства, чтобы вместе проводить ночь без особого палева. Как выразилась Марина, седина в бороду — бес в ребро. Оба семейные, но что-то им, видно, всем не хватает, коль, практически не

скрываясь ни от кого, интрижки на работе заводят.

Рассказывает, а сама смеётся.

Видно что-то вспоминает из личного опыта. Да и ладно, мне бы просто развеяться.

Деньги я ей на карточку перекинул, она и не возражала. Ей есть куда свой заработок тратить, а мне то куда? А скопилась на карточке у меня, уже серьёзная сумма. Яковлевичу попросил конину приличную купить. Своему лечащему — мартини, но настоящий, а не подделку. Тоже в копеечку выйдет. Марочное вино — для нас, причём, грузинское, которое очень Сталин любил. И совсем, между прочим, не Кинзмараули.

Что я чувствовал, когда мне о моей выписке сказали? Точно не расстроился, просто понял, что пора тихой жизни закончилась. И теперь кидаюсь в жерло подросткового общества, что ещё тот вулкан. А уж Комсомольск...

Суки, ведь из Хабаровска перевозить собирались, а учитывая, что сам я в поезд никак сесть не смогу, опять на машине по тому злосчастному шоссе повезут. Что-то гложут меня смутные предчувствия, что могу не пережить я эту поездку, ведь организацией моей переброски в Комсомольск занимаются, как раз, родственнички, будь они неладны!

Надо подумать. Может, попросить Марину, чтобы она за деньги сама меня до Комсомольска отвезла? А что? Штуку вечно зелёных пообещаю — и всё, а тут и делов — четыре — пять часов по трассе, и на месте. Деньги есть, но надо бы подумать, хотя мысль явно здравая.

В палате у меня шесть коек, четыре из которых сейчас пустуют, да и мой сосед, дедок, по вечерам домой сматывается. В общем, вся огромная палата на всю ночь в моём полном распоряжении. Эх, был бы я ходячим, думаю, уже договорился бы с кем-нибудь о предоставлении особых услуг Вип клиентам! Есть тут две смазливенькие молоденькие медсестрички. Тоже на дежурства заступают.

— Чего на ужин опаздываешь? Тебя искали, кстати. — Проворчал старикашка.

Это были первые слова за весь день, с которыми ко мне обратился противный старец.

Где-то до пенсии на северах чалился, как на тюремной шконке, а потом и по работе на шахте. Тёртый калач. Наглый и с претензиями на лидерство. К тому же, кому не в кайф получить шестёрку, которая за тобой ухаживает. Только обломилось ему. Послал, причём в первый же вечер и почти первыми же словами, которыми мы с ним обменялись.

А через пару дней, когда эта падла поняла, что у меня и денежки

водятся, потребовал проставу сделать — стол, поляну в палате выставить. У него дружок собутыльник в соседней палате чалится. Но опять не по адресу обратились, о чем я им, не стесняясь в выражениях, и поведал.

Повозмущались. Кричали, что слишком наглые пошли нынче молодые щенки, вот в их время уважали старость!

Промолчал я тогда, наверное, и правильно сделал, не стоила ругань того.

Ужин. Тарелка каши на молоке, кусок масла, какая-то там по счёту диета. Так и не запомнил. Вкусно, но однообразно, и за эти месяцы такая еда мне просто осточертела. Хотелось большущий кусок жареного мяса, курочку копчёную, в гриле, а к этому можно было бы солёный огурчик, под ледянью водочку. Но пока это для меня только в мечтах, и не потому, что нельзя или не могу себе такое позволить. Как раз то и могу. Вот только сам себя ограничиваю. Привыкать к плохому легко, от последствий избавиться бывает намного труднее.

Вот на отвальной с Мариной позволю этому телу немного слабого алкоголя попробовать. Посмотрю, как он на него подействует. Сегодня дежурит мой лечащий врач.

После ужина наведалась, когда я, как обычно, собирался сбежать в соседский двор. Успела к моему выходу практически.

— Поймала! — усмехнулась она, зайдя в палату.

— Опять один? — уточнила она.

Я пожал плечами, а чего комментировать очевидное?

— Ладно, — присела она на стул около общего стола. — Держать в больнице я тебя больше не могу, отправить на лечение в санаторий, как оказалось, тоже. — Она покачала головой, при этом с жалостью посмотрела на меня. — Вмешался тут в твои дела кто-то очень серьёзный. Затребовали и личное дело, и карту больного. Главврач проверял записи и сказал выписывать, мол, нечего уже держать. Сделали всё, что могли. На мои просьбы оставить тебя тут ещё на месяц, чтобы продолжить обследование, упёрся. Не знаю, с чем это связано, но точно не с его профессиональной деятельностью. Понятно, что кто-то его об этом попросил, причём тот, кому отказать наш главврач оказался не в силах.

Взглядом спрашивает, мол, понял о чём я говорю?

Я же только молча кивнул.

— И как мне добираться до детдома? — спросил я.

Она пожала своими хрупкими плечиками. Милая женщина и прекрасный врач.

— Даже без понятия. Об этом разговора нет. Пока нет. До выписки ещё

три дня. Думаю, всё решится, тем более, я завтра на планёрке этот вопрос задам. Кто твоей доставкой в Комсомольск заниматься будет?

Посмотрела на меня серьёзно.

— Рекомендовала бы тебе этим самому обеспокоиться, ты не лежачий. Есть поезда, как прямые, так и проходящие. Самолётом тоже можно — малая авиация рейсы делает. А на машине, — она с сочувствием кинула взгляд на мой модернизированный костыль, — думаю, ты и сам не захочешь, хотя и оптимальный вариант. Сейчас лето и дождей в этом месяце не обещают. По утрам даже туманов на трассе нет. А трасса скоростная, хорошая. Деньги, я слышала, у тебя имеются. Эпикриз я подготовлю. На комиссии ничего страшного не будет, да и формальность это. Но удивляет меня, что при такой травме, ребёнку, практически инвалиду...

Я скривился.

— Прости, но привыкай. — Жёстко произнесла она. — Пока бегать не начнёшь — инвалидность не снимут. Максимум, что могут предпринять — это понизить её категорию. Но вернёмся к разговору. Меня очень удивил отказ нашего руководства подсуетиться и отправить тебя в санаторий. Да в тот же Николаевск, тем более, что путёвок у нас навалом. Потому, прошу — будь осторожен. Вот сейчас ты сам куда-то собрался. Знаю, за забор собрался, к тому же, дырок у нас в нём хватает. А вот не боишься, что там тебя кто-нибудь и подловит?

Ага! Кто-то явно делится инфой обо мне в больнице, что в принципе прогнозируемо. Тот же Яковлевич со своей пассивой обо мне явно рассказывал, да и Марина Николаевна имеет недостатки, присущие всем женщинам.

— Я понял, учту, — улыбаясь, говорю я.

Ну не говорить же, что по ночам, оставаясь один в палате, в последнее время я тренировался, не только отжимаясь от пола, я и кое-какие па отрабатывал, особенно присущие стилю Айкидо, который, не скажу, что в совершенстве когда-то освоил, но в моём теперешнем состоянии, когда быстро я двигаться не могу, ударную технику ногами и руками не смогу использовать, остаётся только надеяться на ловкость своих рук и инерцию тел противников. Да и на соседе своём я тренировал, в обеденный перерыв, воздействие на него сонным состоянием. Вводил в транс. И, не хвалясь, скажу, что даётся мне это плетение — не плетение, заклинание — не заклинание, всё легче и быстрее. С парой противников, я думаю, легко смогу при надобности справиться, во всяком случае, думаю, что именно на столько врагов мне сейчас собственных сил хватит. Спасибо неизвестной

богине!

— Да кому я нужен, уважаемая Зинаида Степановна? — кривлюсь я.

Но мои успокоения в душе врача отзыва по-видимому не находят.

— Как сказать, как сказать. Деньги многим разум затмевают! — внимательно смотря мне в глаза, произносит мой лечащий врач. — Вчера, пока ты по алее гулял, кое-кто о тебе справки у наших наводил, — припечатывает она меня фактами, — и заметь, нагло, в открытую, ничего не боясь. Прижмут паяльник к заднице, как в былые времена, и всё, куда ты денешься? Всё отдашь. Может, и найдут, конечно, потом, кто-то же должен за холодное тело ответить, но, думаю, что зная, кто у тебя в противниках, прокуратура не сильно рыть будет. Назначат крайним какого-нибудь бомжа, бывшего урку, и привет. Думаешь, ты у нас такой первый?

М-да, граждане врачи, до чего же вы циничные господа. А ведь реально, мне струны тронула, отвечающие за шухер в душе.

Значит, кто-то уже начал действовать, не дожидаясь моей выписки, как только стало известно, что по вечерам я на прогулку в город выхожу, вот же! Хабаровск, конечно, бывших зеков тут и так навалом, да и просто лихих ребят хватает, но так нагло действовать!

Потом поразмыслил.

Да не рискнёт тут никто меня обидеть, дело-то серьёзное и многие, в итоге, могут пострадать.

— Не волнуйтесь, тетя Зина, — улыбаюсь я своей самой обаятельной улыбкой, — ну кому я нужен? Ещё пару дней и меня тут уже не будет, но так и быть, сегодня схожу и завяжу на самоволках вплоть до самой выписки, — обещаю я, — а сегодня я уже настроился, — улыбаясь, говорю я. — По приходу доложусь. К чаю что прикупить?

— Ты собрался сам до магазина дойти? — удивлённо приподняв бровь, спросила эта великолепная женщина.

Чувствую, что уже никогда, наверное, и не встретимся, если, конечно, опять в травму не попаду в районе Хабаровска. Что, в принципе, на ближайшие годы вряд ли. Но красива, хотя и полновата. Моложе Марины Николаевны почти в два раза, по возрасту — лет тридцать, может чуток больше. Широкая в кости, лицо круглое, но приятное. Знавал я ребят, для которых подобный формат верх эволюции. Им бы было за что подержаться. А тут, и зад, что надо, правда, грудь подкачала. Марина многим тут в этом вопросе фору даст.

— Да, схожу, может, тортик прикуплю. — Говорю я. — Сладкого захотелось.

Про вино молчу в тряпочку, явно тут не тот случай, сразу по рогам

получу. Это с Мариной у меня отношения простые, да и сама она предложила немножко выпить за моё здоровье, всё-таки впереди долгая разлука, возможно, что и навсегда, хотя уж у кого — у кого, а у Марины Николаевны я и адрес, и номер телефона возьму. Буду общаться, к тому же, судя по Марине, доча у неё должна быть и вовсе секс бомбой, а к моменту, когда знакомиться можно будет, я постараюсь привести это тело в норму. В моём понятии. И кто знает, может и закручу романчик, а по пути и потенциальную тёщу соблазню?

Тыфу ты! Ну и мысли крутятся в голове. Тут мне открытым текстом говорят, что интересовался кто-то мной, и пугают паяльником в интересном месте, а я, как обычно у вояк, думаю о бабах. Тринадцать лет! Ну, не знаю, в бытность детдомовцем, где-то в этом возрасте и потерял я свою девственность. Это было просто. И девчонки не строили из себя непонятно что. Пара лимонада, плохое вино и печенье на закуску. Ни цветов тебе, ни ухаживаний. Сунул, вынул, убежал перед сверстниками кичиться, что ты уже настоящий мужик. А всё общей сложностью в трёшку уложилось. Эх, было время!

— Лучше просто печенье или, на крайний случай, пирожное возьми. — Соглашается тётя Зина. Любит сладкое и все об этом знают, особенно всякую выпечку.

— Понял, что-нибудь свежее прикуплю.

— И чай в пакетиках не забудь! — уже улыбается мой строгий лечащий врач.

Всё, разрешение на самоволку получено. Главное, сильно не задерживаться. А с завтрашнего дня, увы, придётся прятаться, да и всё равно. Подготовку к отвальной Марина берёт на себя. Яковлевич будет. Тетё Зине потом подарю и конфеты, и Мартини, что не говори, а врачи в Первой Краевой весьма отзывчивые, или меня просто жалеют, сироту при родственниках. Но документы есть, они у меня на руках, направление в детдом имеется, хотя и обязаны по закону сопровождающего дать, а то и машину для перевозки инвалида.

Бля, инвалида!

Чуть ли не матерюсь в открытую, спускаясь по широкой лестнице, при этом, почти не опираюсь на костыль. Тоже тренировка для ног, хотя и чувствую сильные приступы боли в ноге, но терплю.

Ночью, перед отбоем, уже в постели, разгоню кровь и энергию по телу, и начнётся очередной период заживления и восстановления хрящевых и костных тканей. Вернуть пока кости в прежнее состояние не могу. Ни сил, ни знаний не хватает, но развитие в этом направлении мне ещё моя

наставница наметила. Целый план составила, чем заниматься в первую очередь, а чем можно и во вторую, а то и третью. И её рекомендациям я следую, не отступая от сказанного ни на йоту.

Ковыляю на выход. Нагло и в открытую, к ближайшей дырке в заборе. Тропинка уж больно извилистая и в рытвинах, а так, напрямую, на проходной сегодня Митрич. Тоже хромой, но ему под шестьдесят, и вот с ним мы ладим. Куплю деду пачку сигарет, вот и пропуск, как на волю, так и обратно.

Ну, что я говорил? Издали заметил меня, вышел на крыльце проходной, улыбается.

Явно и на пиво рассчитывает, но за это можно мне и по голове получить от дежурного врача.

Ну уж нет, тут из персонала ругаться ни с кем не хочу. Даже не дав ему ничего сказать:

— Пачка Петра, и привет! — говорю я пароль. Скривился дедок, но махнул рукой, кивнул согласно, дав мне проход.

Ну, вот и всё, я на свободе. Хабаровск. Домой бы заехать, но это уж как получится, да и не хочется мне туда ехать, пока, во всяком случае, разве что просто помыться и переодеться.

Разбитый тротуар, впрочем и дорога к больнице ровным покрытием не блещет. Немного пасмурно к вечеру. Солнышка не видать, но на улице светло. Решаю, куда вначале — до ларька, или в магазин кросс в пару сотен метров сделать? Для меня это кросс. Или вначале позаниматься? Но потом, уставшим идти за покупками, мне явно не хватит энтузиазма.

В ларьке только печеньки прикупить можно, а в Пятёрочке и тортики есть, и заварные пирожные. А что, дорогу осилит идущий, а мне по любому тренироваться надо.

По привычке осматриваюсь по сторонам.

Хайс на стоянке одиноко притулился, прямо около входа на территорию больницы. Кого-то ждут, или просто к больному приехали с посещением.

Никого подозрительно го нет. Хотя...

К дороге не приближаюсь. Проще всего инвалида машиной сбить, а потом ищи виновного, как ветер в поле, тем более, тут между домов, где ни камер нет, да и просто прохожих мало. Вот только небольшая толпа подростков у магазина виднеется.

Подростки. Не думаю, что к инвалиду приставать будут, хотя уродов по жизни хватает.

Вернуться?

Ну, уж нет! Сладкого хочу и бутылку, либо Хабаровской третьей прикупить, или ласточку полторалитражку. Уж больно пить захотелось. Минут пять я потратил на этот забег. Не столько устал, сколько замучился выбирать, куда ноги ставить и упор костиля. Тротуар разбит напрочь. Ох уж, Россия!

Вот и стеклянные раздвижные двери Пятёрочки.

На удивление, парни на меня внимания не обращали. О чём-то спорят, смеются. Девчонки тут же жмутся, под мышкой у счастливчиков.

Молоденькие. Звонкие голоса. Красивые, вот только обилие мата уши сильно режет.

М-дя! Причём, что характерно, курят девчонки, и мат из их накрашенных губ слетает. Что-то перевернулось в этом мире, или я для него слишком стар стал.

Еле удержался, чтобы замечание по привычке не сделать, в последний момент рот успел прикрыть, вспомнив, кто теперь я и кто они, да и сколько их, тоже имеет значение. Тронуть инвалида — это одно, а дать в глаз за непонятные замечания — это влёгкую, и пофиг, кто у нас на пути каменного кулака стоит. А если это ещё и при девках сделать, да ещё и всей толпой...

Красота.

Потому, молчим в тряпочку. Раньше бы уже разогнал такую шоблу, а теперь только сжимаем в бессилии зубы, затыкаем рот и вперёд — за чаем, тортиком и ласточкой.

Эх, никому не понять, как приятен шопинг в тринадцать лет, когда ты был этого лишён в течение долгих четырёх месяцев!

Я, наверное, с полчаса бродил по рядам магазина, а за мной в отдалении с умным видом шёл охранник.

А что, инвалид, вряд ли деньги есть, однозначно воровать собрался. Такие мысли явственно читались на его усталом лице. Понимаю его, если украла и не поймали вора, всё вычитают из зарплаты его и ему подобных, включая и кассиров.

Кидаю в тележку минералку, конфеты, не удержался, хорошее настроение, бутылку пластиковую литровую пивасика для Митрича. Пускай порадуется. Сигареты на выходе. На мне шорты и футболка.

В кармане телефон и карточка. Безнал тут в наличии, хотя теперь даже в некоторых круглосуточных ларьках такая услуга предоставлена. Но, в том то и дело, что в некоторых. Деньги наличкой мне все равно пока не нужны. Сосед зэк, ему не впадлу у меня по карманам пройтись, а вот карточку стянуть — палево, сразу на него подумают.

Вот и касса.

— Сигареты, пожалуйста, Петр Первый пачку. — Говорю я.

— А вам возраст позволяет? — спрашивает мадам на кассе.

Я только улыбаюсь.

— Я только посланец, меня послали! — шучу я. — Я самый ходячий и молодой из всех, — признаюсь я, — потому, этот заказ явно не для меня, к тому же, я спортом занимаюсь.

Кассирша смеётся, глядя на мою слишком полную фигуру.

— И что за спорт? — спрашивает она, начиная пикать выбранные мной продукты.

— Сумо и синхронным плаваньем. Правда, партнёршу мне пока так и не присмотрели, — в открытую веселюсь я.

В результате, смех мне ответом и со стороны охранника. Расслабился пацан. Теперь уж точно запомнит меня. В результате, в пакете у меня, вместе с заварными пирожными, выпуска от сегодняшнего числа, и бутылка пива для сторожа на проходной, и сигареты. Конфеты от Коркунова и бутылка ласточки из холодильника.

В отличном настроении выхожу на улицу.

Подростки уже куда-то слиняли, а вот это уже странно...

Хайс, что стоял у проходной больницы, уже на стоянке магазина.

Ну, мало ли что...

Хотя, беспокойство ощущил. И куда теперь? Судя по всему, водила за рулём, а вот кто в салоне сидит — не увидеть. И пасмурно уже, и тонировка чёрная.

По дороге опасно идти. Захотят сбить, и увернуться не смогу. По тротуару, не факт, что они и туда не заедут, а бегать я не умею. Да и перехватить и затащить на ходу меня в машину, как раз, по дороге и проще всего, если там профи сидят, а не дятлы-любители.

Ну, что ж, тогда без вариантов, если права моя паранойя, а она не раз в прошлой жизни мне жизнь спасала. Ничего не меняем, а прямиком через дворы хромаем, до присмотренной и облюбованной мной маленькой спортивной площадки, расположенной буквально в двух шагах от забора моей больницы.

По дороге запомнил название улицы и проулок, и номер дома, так, на всякий случай, а вдруг милицию или скорую помочь придётся вызывать? Главное, чтобы не для себя.

Ну, вот я и на месте. Скидываем футболку, не стесняясь своего вида. А что? Живот складками от жира висит, буквально, на резинке шорт, руки тонкие, бицепсов, как таковых, нет, как и трицепсов, загар отсутствует.

Хилый жирдяй, одним словом. Но, пока никто не мешает заниматься, можно немного и размяться.

Для профи мой комплекс многое бы сказал, а вот у прохожих, попытки толстяка как-то не по нормальному двигать руками, только смех вызывают. Так, наклоны, приседания пропускаем, не в этом случае, как и махи ногами. Я очень надеюсь, что в будущем и до этого пункта тренировки дойдёт, пускай и через несколько лет. Уж больноувечья у меня страшные, что даже богиня перед ними спасовала. Нет, как раз она то и не спасовала, ведь по пунктам моё выздоровление расписала, это я пока не готов себя исцелить, вот и будем готовить для этой миссии тело своё, теперь уже своё.

Вначале к брусьям.

Надо удерживать свой вес, надо, пускай просто постою на руках, так они могут держать мою тушку. Но, вначале, попытки отжаться, и буду дёргаться всем телом, как припадочный, мне всё равно, что мне со стороны скажут, так, наскок... выпрямляемся.

Задерживаю дыхание. Это уже потом будем за вдохом и выдохом следить, когда подходов пять буду делать, по двадцать повторений, а пока так...

Есть! Я это сделал!

Есть отжим! Но руки предательски дрожат.

Спрыгиваю. Один раз для меня — это на сегодня олимпийское достижение.

— Эй, тюфяк, подь сюда! — раздаётся сбоку.

Похоже, вечер перестает быть томным. Троє. Два амбала с отсутствием интеллекта на лице, и прыщ, что держит руки в карманах.

В заднице, от приближающихся неприятностей, засвербело, очень не кстати вспомнились слова тети Зины про раскалённый паяльник в этом месте.

Вот же, я влип!

* * *

На улице светло, хотя времени прилично уже. Десятый час, ещё с полчасика и всё — темень. Народу во дворе нет. Все, видно, по квартирам сидят. Этот Абрикосовый проулок, именно так эта улица называется, совсем не фруктами пахнет. А эта троица, оказывается, меня пасла. Что троица, совсем не обязательно, может ещё и водила есть. Явно ведь с Хайса ребята. Сюда не стали заезжать. Меня просто упакуют и на руках отнесут к

машине. Да и развернуться тут микроавтобусу негде, по сути. Продуманные, твари. Значит, будем рассчитывать, что у троицы ещё один подельник есть. Оглядываюсь. На лицо — испуг, в глаза — обречённость.

— Эй, вы что к мальчишке пристаёте, он же инвалид!

— О как! За меня кто-то вступиться пытается.

— Я сейчас милицию вызову!

А голос то старческий!

Точно стариk — вон, из-за дома вышел и видит, как я, держась за костыль, пытаюсь пятиться назад.

— Ты чё, дед, попутал что ли? — разворачиваются к дому лицом и один из амбалов, одетый в чёрную футболку с изображением какой-то фантастической твари, которая распахивает свою огромную пасть, делает пару шагов к старику. А плюгавый, видно играющий роль главаря в этой троице, небрежно бросает:

— Иди своей дорогой, дай мне с братом поговорить!

Какой ты мне брат, сучонок?

Но и кричать об этом я не собираюсь, ведь грохнут деда ни за что! Тут за бабками приехали и такие препятствия в виде жизни деда для этих уродов, вовсе и не препятствие. Дадут по голове — и всё, в землю потом закопают. И так дедок в годах, и точно в землю пора, но, уж пожалуйста, не из-за меня.

Хорошо и так, что внимание двоих на себя оттянул, вон, что-то говорят друг другу громко, но я уже не слушаю — у меня внимание сконцентрировано на третьем участнике нападения. Явно, гад, медлит, понимает, что на костылях я далеко не убегу, а потому и делает вид, как бы он не при чём, но вот отход в сторону забора больницы он мне уже перекрыл. Ну и пусть. Именно он теперь для меня первостепенная цель. Получится его отключить — выживу, нет — тогда точно познакомлюсь с паяльником в интересном месте.

С одним, даже амбалом, я бы попробовал справиться, с двумя, а тем более, с тремя — дохлый номер. Не с этим телом, уж точно.

Но шанс дед мне дал, вон, до сих пор продолжают собачиться, а я всё внимание на ближайшего ко мне амбала направил. Накопил, как учила богиня, внутри себя энергию, направил импульс умиротворения и спокойствия в амбала. Есть! Он вначале зевнул, а потом рухнул на землю как подкошенный, и на лице урода появилась счастливая улыбка.

У меня всплеск адреналина, но терять это состояние умиротворения никак нельзя — мне ещё второго гада укладывать надо, и времени у меня практически нет. Дед уже до своего подъезда дошёл. Стоит в дверях

перекриваясь с щуплым бандюганом, а вот второй амбал обернулся ко мне и не понимает, куда же делся его напарник, и всего, что тут есть — небольшой кустик, но скорчившееся за ним тело в форме эмбриона с его стороны не видать. Озирается, уже рот для крика открывать начал, когда я вторую накопленную порцию на него выплеснул.

Всё, я на пределе. И так-то на ногах еле стоял, а тут и вовсе шатает, но и стоять просто так нельзя.

Вот щуплый, видя, что дед вот-вот зайдёт в свой подъезд, повернув голову в его сторону, начал движение ко мне.

Не успеваю достать обоих руками.

А почему, собственно, обязательно руками? У меня в руках отличное орудие, деревянно — паролоново-железное. В ножках моего костыля толстый железный штифт, и уже потом дерево, чем не полулом у меня в руках?

Второй бугай, гад такой, покрепче своего другана оказался, зевает, глаза слипаются, а всё равно падать не спешит. Что же, значит, именно он моя первая цель, и желательно эту цель по башке достать и вырубить именно с одного удара.

Я, наверное, никогда в жизни не старался так быстро двигаться, что на перебитых и еле заживающих ногах сделать очень не просто.

Оптимальное расстояние для удара...

Размах...и с силой опускаю костыль на голову бугая.

Слава богам, не сломал! Не голову урода, что рухнул подрубленным деревом на землю, а своё средство передвижения.

А вот и щуплый наконец-то обернулся, и выпучил на меня глаза. Что, не ожидал увидеть меня на таком близком расстоянии около себя, «братец»?! Двор дома, обычный для Хабары. Грязно. Раздолбанная детская площадка. Везде окурки. Корявые деревья и рослые стволы американских тополей. Внутренняя дорога в колдобинах, тротуара нет, пара скамеек, даже целых, что удивительно. Кое-где детские горки покрашены. Сломанная качелька...

Всё это как-то мгновенно бросилось в глаза. Привычка осматриваться ещё со времён службы. Без этого в поиске не выжить.

И что с этим уродом делать? И не забывать про спящего! Если второго амбала я вывел из строя, думаю, что надолго, не скоро еще он очухается, к тому же, моё энергетическое воздействие сразу не убрать, то вот с первым придётся поступать по жёсткой схеме, то есть, калечить. Если он не вовремя проснётся, то мне уже не жить. Дома вокруг нас — сталинки, старой застройки, где двух, а то и трёхэтажные. Но что интересно, вон, два

прохожих проскочили, мужики же вроде, а никто не встял, хотя и видят, что тут разборка идёт, и один из оппонентов ещё почти ребёнок, к тому же с костылём в руках, а значит, или больной, или инвалид, но нет, пробежали отвернувшись, словно ничего не видят. Знакомая ситуация!

Щуплый меня за противника, видно, не воспринял и кинулся в драку. Шаг в сторону, и с размаха ему по ногам, в район правого колена запулил.

— А-а-а! Завыло чудо, падая на землю, при этом как-то умудрился извернуться и схватиться за колено.

Ну, что же? А теперь нужно его малость попрессовать, но вначале обыскать, а вдруг волына у него имеется, или даже самый простой травмат? Сейчас перестанет выть, и начнёт стрелять. Мне это надо? Подхожу и вторым ударом своего оружия бью ему по руке, точно по локтю.

Есть хруст!

— А-а-а!

Парень вообще заорал, словно его режут.

— Упал лицом вниз! — командую я, поднимая вверх своё оружие, — а то сейчас тебе по кумполу прилетит, и не факт, что ты после этого выживешь!

Услышал.

Стоная, матерясь и при этом плача, перевернулся на живот.

— Руки в стороны! — продолжаю я.

Расставил. Ноги тоже, и даже без команды, видно опытный, не раз обыскивали, наверное. Звезду распятую изображает.

Прыгаю буквально ему на спину, приземляясь на колени.

Хекнул.

А что хочешь, во мне точно кило восемьдесят есть, если не больше, но вроде, уроду своим манёвром ничего больше не сломал.

— Тихо, не дёргайся, урод! — зло шепчу я. В душе то я спокоен, но всё равно детский организм на эту встряску по своему реагирует. Волнение унять сложно. Похлопал по карманам.

Так, точно! Вот же франт! Подмышкой наплечная кобура, а в ней... ну ничего себе, бандиты у нас живут. Глок, только, похоже, не боевой, а травмат. Что и требовалось доказать!

Так, лопатник достать и телефон. Ничё так аппарат, айфон последней модели, хорошо же блатные в наше время поживаются, хотя не факт, что блатной. Так, торпеды со своим управляющим, а к кому они относятся, ещё предстоит выяснить.

Вроде, чистый.

— Лежи и не дёргайся! — командую я, досыпая патрон в

патронник. — Пулю тут же в шею получишь, а там, как повезёт, но больно будет, жуть. Уяснил? — спрашиваю я.

— Да! — стонет он.

А теперь, быстро хромаем на своём оружии массового поражения до мирно спящего бугая.

Тут уже надо аккуратнее действовать. Стрелять в это, мирно спящее чудо, ой как не хочется, а выводить из строя надо.

А что, если...

Аккуратно снимаю с него его же ремень, который поддерживал штанишки, вернее шорты. Жарко парню, но вот он, пускай и от верёвочного ремня, но не отказался.

Мне всё в тему.

Медленно, чтобы не разбудить бугая, перехватываем ему петлёй руки, аккуратно, но сильно, затягиваем узел.

О-о, начал морщиться во сне. Ну, ничего, ты главное не просыпайся, и подольше, а то калекой сделаю, с меня станется!

И так же аккуратно охлопываю ему карманы, до которых могу достать.

Чистый. Видно, если и была пушка, то в машине оставил, или просто так, в качестве пугала его использовали.

Пускай спит, болезный, а мы к третьему участнику этой драмы пока наведаемся, благо, далеко идти не надо, а то я что-то так быстро передвигаться устал и нога правая очень сильно болеть начала.

Стараюсь отвлечься.

Доковылял. В отрубе, и тут без вариантов.

С трудом перевернул тушу на живот, охлопал. Оружия нет. Завёл бугаю руки за спину и привязал за мизинцы шнурком от его же кроссовок, рука к руке.

Вроде, бесхитростная вязка, но вот освободиться очень трудно. Спи, дорогой, а мы начнём разбираться, кто это меня так сильно хотел.

Ну-ка, что нам щуплый скажет?

Ах ты, гадёныш, от боли сознание потерял! И не расспросишь же теперь! А если...

Пока относительно светло, со своего телефона, фоткаю всех троих. Не забываю при этом следить за дорогой. Увы, про Хайс и возможного водителя забывать нельзя! А теперь, эти не очень фотогеничные снимки по вацапу скидываем одному знакомому адвокату.

Иннокентий Карлович Вин. Да-да, именно та рожа, которая меня пыталась развести на бабло и на квартиру в этом городе. Но, в процессе общения и заключения договоров о продаже моей доли, пришлось

познакомиться поближе. Скользкий тип, но правила игры знает и соблюдает, потому что жить хочет и хорошо жить, потому что за его работу очень солидно люди платят. У кого, конечно, деньги на это есть.

Смеркается.

Набираю знакомый номер.

Гудки. А, вот и ответ.

— Да, Андрей Андреевич, какие проблемы?

Без приветствия, и даже не здороваясь, спрашивает чел «на том конце провода».

— Это я бы, Карлович, у вас хотел узнать, что за проблемы? — отвечаю я. — Номер моей карты вы знаете. Жду лям в течение часа, нет — вызываю милицию со всеми последующими проблемами.

— Не понял? — строгий голос, — мы-то в чём виноваты? — спрашивает он.

— Вы мои сообщения по вацапу смотрели?

Он мне документы для согласования и ознакомления присыпал, вот с того момента и висит его контакт у меня в вацапе.

— Секунду, посмотрю... — говорит он, — а пока в двух словах объясни мне, что там у тебя произошло. — Просит он.

А мне что, сложно?

Изложил, как мог. Что в магазин собрался, потом позаниматься на турничке, здоровье поправить. А тут дяди странные прицепились, причём, явно ещё от проходной краевой больницы следили за мной. Очень грубые дяди, пришлось с ними неправильно поступить. Сейчас отдыхают, а я, очень обиженный на всех, решил вначале ему позвонить, прежде чем тревожить дядей в уставных пиджаках.

Так ему и сказал.

— Это хорошо! Не стоит беспокоить внутренние органы, — смеётся, чем-то очень довольный, Карлович. — Как тебе такое предложение, Андрей Андреич, — пауза, видно с мыслями собирается, — твой лям в четыре превращается? Как тебе такое предложение?

Я даже опешил. Хорошо, что сидел на скамеечке. Всё равно тела отдыхают, и присмотр с моей стороны за ними минимален.

— И в чём подвох? — удивлённо спрашиваю я.

Вот чувствую, что он сейчас улыбается.

— Видишь ли, если я правильно понимаю ситуацию, то в этом наезде нашей вины нет. Это, так сказать, — помялся, — те, кто с моим нанимателем вместе дела ведёт, но явно плохо ведёт дела. С ним, насчёт тебя, всё было оговорено. Я уже твои фотки переслал, кому следует, а у них

свои разборки, и нужен был только повод. А четыре миллиона — это очень серьёзный повод, или привлечение ментов. И этих субчиков я знаю. Мелкие сошки, но только работают на одну фирму, которая, думаю, в скором, очень скором времени, поменяет владельца. А четыре... — хмык в трубку, — вам половина, и нам половина.

— А вашу половину, ещё пополам? — смеюсь я в ответ.

— Правильно понимаешь, ведь я сам заниматься этим не буду. Скинь адрес, где ты сейчас. Мои мальчики, кому моя половина и ещё пополам пойдёт, займутся этим мусором, что у тебя в ногах валяется. Я уже выезжаю. Финансы разрулим по моему прибытию. Соточку я тебе захвачу, в качестве компенсации потерянных нервных клеток.

— Тогда ещё и пакет! — решаюсь я. — Винишко сладенькое, дорогое и хорошее, а к нему закуски.

— Ох, ты и ловелас! Ты же еле на ногах стоишь, а всё туда же? — смеётся адвокат.

— Это для врача моего, — отвечаю честно я. — Я и так задержался, а так ещё больше придётся задерживаться. Я ей сейчас перезвоню и попрошу, чтобы кипиши из-за моего отсутствия не поднимали, и на поиски не шли. Но это будет стоить. Конфеты, кстати, подойдут.

— Понял. Заскочу по дороге. Есть тут у нас один гипермаркет, где эксклюзив можно прикупить. Значит, так, ребята уже выехали, они на гелике. Саня — он покрупнее, и весёлый. С ним трое. Саня с тобой останется, а остальные, что с ним прибудут, те твоих гавриков заберут.

— Про Хайс не забудьте! — напоминаю я.

— А я и не забыл! — смеётся в трубку Иннокентий Карлович. — В Хайс их и упакуют. За их дальнейшую судьбу не беспокойся, она тебя меньше всего должна волновать. Даю гарантию, что ты с ними уже никогда больше не увидаешься.

Понятно. Зачистят. Но это уже не мои проблемы.

— Давай, не грусти. Я скоро! — и отключился.

А я сижу и думаю.

С щуплого я телефон и лопатник снял, а вот с остальных...

Но что-то не хочется мне вставать. Саня этот на гелике... тут всё может быть.

Я прикидывал и этак, и так. С другой стороны, адвокат ясно дал понять, что моё сообщение о нападении на меня ему просто в ёлочку. И для его нанимателя, в первую очередь. Видно, компаньона, нечистого на руку, прищучит и, причём, по жёсткому варианту. А потому, можно быть спокойным, относительно спокойным, всё-таки пара лямов евро это очень

серъёзный вариант, который мне перечислили за активы отчима.

Стоп! А какую валюту Карлович имел в виду?

Во, дела! Посмотрим, как понял меня мой оппонент. А пока есть время, трубку в руку и звонок!

— Аллё! Зинаида Степановна, ко мне тут приехали, я задержусь на пару часиков? — не давая вставить слово, произношу я быстро в трубку.

— У тебя всё хорошо? — спрашивает она каким-то севшим голосом. — Тут с проходной звонили. Митрич сказал, что тебя спрашивали какие-то личности. Наш Миртич бывший милиционер, он шваль блатную за версту чует, а тут тебя спрашивают!

— Я буду иметь в виду, но я тут с друзьями. С меня марочное вино и конфеты!

— Ох! — наконец-то рассмеялась Степановна, — ты меня ещё на свидание пригласи, Казанова! Но на обещанный чай я согласна. Не задерживайся и будь на связи. Не будет тебя через два часа, начну называть. Ждём!

Вот что значит хороший человек! И врач от бога, и отношение к пациентам отличное, и как женщина хороша, хоть и полновата немного. Не скажу про её личную жизнь, не интересовался, замужем ли она или нет, но вроде сплетен насчёт неё не слышал.

Сижу, лопатник щуплого рассматриваю, всё-таки трофей, как ни крути.

Открываем.

Карточки в сторону, даже отпечатки о футболку стираем. Что ещё?

Ого! Да парень крутым себя считал — столько бабла держал наличкой!

Ну, ничего себе навар! А может, это ему за меня заплатили?

Пять пятисычных и двенадцать бумажек по тысяче.

И зачем столько с собой таскать? Может, с кого-то стрясл? Всё может быть. В Хабаре, вообще-то, крабовские мазу держат, но и противовес им есть, но это я так, из своих воспоминаний говорю. Теперь самые страшные бандиты это менты, прокурорские и фбэшники. Вот кто в основном кошмарит коммерсов. Ладно, отбрасываем эти мысли в сторону. Сколько там времени с момента звонка прошло? Почти пол часа, и ведь уже становится темно и за этой троицей наблюдать и следить сложней получается.

О! Вроде фары сверкнули и какой-то шум и хлопанье дверей автомобиля где-то там за домом. Ночь на дворе, по дороге за домами мало машин сейчас носится, слышимость отличная. Тихий старый двор...

Прошла пара минут. Тишина. Вот, на одних габаритах, появляется из-

за дома что-то вроде джипа. Квадратный. Гелик, точно.

Транспорт остановился прямо посреди дороги и двора.

Сижу. Жду, что дальше будет.

— Андрей Андреевич, вы где? — раздался молодой, весёлый голос.

Ну, если ему идёт половина от половины Карловича, даже в рублях, я бы тоже таким весёлым был.

— Здесь я, Саня! — кричу я. — Нога болит, на скамейке, в сторону гаражей и забора больницы идите. Я тут у турника обосновался.

— Понял, идём!

Точно. Четыре фигуры. Габариты не хуже, чем у лежащих на земле амбалов. Вот же, встрял!

Рукоятка пистолета придаёт мне уверенности.

— Привет, Рэмбо!

Смеётся высокий парень, подходя и протягивая запросто мне руку.

Пожать или нет? Вот в чём вопрос!

Но протягиваю свою клешню и пожимаю аккуратно, в знак приветствия, руку этого Сани.

— Так! Вижу троицу. Обыскивал? — спрашивает он.

— Да. Вон того малого. — Отвечаю я быстро.

Саня окинул мою физиономию. Комаров море, я уже замучился отбиваться от них, заели, гады!

— Эта крыса всегда любила одеваться красиво и в модные вещи. — Говорит здоровяк. Окидывает меня взглядом. — Куртка точно подойдёт. Мы её в машине этих дурачков видели, когда водителя упаковывали. Держи!

Кидает он мне на колени ещё один лопатник и телефон.

— Твои трофеи. Как распорядиться — сам решишь. Их всё равно никто искать не будет, ты уж поверь.

— Грохнете? — устало спросил я.

— Зачем? — удивился Саня. — Сейчас не девяностые, да и смысла в этом нет. На счётчик их поставим. Деньги, машины с квартирами и коттеджами отберём. Сейчас на них такой висяк повесят, лет двадцать отрабатывать будут. Парни их на беседу забирают. А вот тебе переодеться бы. Сейчас Кеша подъедет, а то по ночам уже прохладно, а ты налегке. Пётро! — кричит он в сторону, — Куртку Щербатого из автобуса захвати, когда обратно пойдёте. Жора, а ты с этого дохляка штаны сними, ща примерим, и кроссы тоже. Вроде, размер у парня такой же, не помешает. И по золоту пройдись, не хер этим козлам ничего оставлять, и обшманай всех!

Саня прошёл по месту нашего боя, при этом подсвечивая себе под ноги большим фонарём на диодах. Отличный обзор!

Один из помощников сунул ему в руки какие-то шмотки и вот Щербатый, которого тащили под мышки два бойца, убыл в сторону дороги.

— В автобус их уложим штабелем. — Произнёс Александр, подсаживаясь ко мне.

— Ну-ка, примерь. Джинсы — фирма, баксов триста, к бабке не ходи! Не стесняйся, кто увидит? Шорты в пакет положишь, лишними не будут. У Щербатого этого добра дома навалом, под мажора косил, хмырь.

Мне тут Кеша, пока ехали, по телефону твою историю рассказал. Уважение. И прими мои соболезнования. Тяжело родителей терять, да ещё в таком возрасте. Но почему в детдом то? У тебя, вроде, как сказал Иннокентий, тут в Хабаре квартира есть, да и учился в школе ты у нас в городе.

Я пожал плечами. Комары заели меня в моём лёгком прикиде, и я молил всех богов, чтобы штаны и кроссовки мне подошли. Джинсы сели нормально. Малость великоваты, и в длину тоже, но ремень снял проблему в поясе, а штанины я просто подвернул.

Кроссачи где-то на размер больше, но не критично. Свою одежду кинул в предоставленный мне Саней пакет.

— С родственниками по матери я не очень, — говорю я. — Гнилые. Хотя и сестра у меня есть, родная, по матери, — добавляю я, — а одному, без опекуна, мне, бедному, жить не дадут, а потому и детдом.

Помолчали.

Вернулись парни, которые оттаскивали бесчувственное тело щуплого.

Взялись за следующего, а тот, кого Саня назвал Жорой, передал Сане какой-то маленький пакет.

— Так, эти барыги с наличкой были. — Под светом фонаря, который попросил подержать и посветить ему, Саня копался в очередном лопатнике. — Карточки — нам, тебе они без надобности, — решает он. — О! Ты смотри, видно, за тебя предоплату получили.

Ворошит цветными бумажками. Вижу — опять пятитысячные, но тут их явно меньше. Всего четыре и тысячных по минимуму. Три, не больше.

— А ничё так, портмоне. — Говорит Саня, и протягивает мне пакетик, что Жорик принёс. — Там золотишко с ребят сняли, нам без надобности. Ты их уложил — тебе и владеть. Кресты и цепи в порядке. Всего рыжья точно грамм на триста. Перстеньки. Но обручальные трогать не стали. Не тот фасон, да и не по понятиям это. Не поймут. Мобили у всех крутые. Щербатого ты осмотрел? — уточняет Саня.

Я молча протягиваю ему карточки, которые хотел выкинуть.

— Неплохо.

Улыбается этот простодушный с виду здоровяк и протягивает мне в ответ два айфона. Хоть и не последней модели, как у Щербатого, но тоже почти новые. — Симки убрал. Проверю. — Говорит Саня. — Это уже не твоя проблема, да с телефона Щербатого дай тоже удалю.

Ого! — рассматривает он переданный мной телефон. — Неплохо!

Потом посмотрел на меня.

— Куртку накинь, а то загрызут кровососы.

Ещё два лопатника падают мне на колени.

— Карты их я забрал, коды они мне скажут. — Смеётся. — По секрету. Жаль, прав у тебя нет, а то бы и машину тебе отдал, но, думаю, этот вопрос вы с Кешей обмозгуете. От него сообщение пришло, что будет черед пару минут, уже на подходе. Подождём.

Парни уже оттащили третье тело, и как я понял, возвращаться они не собираются.

— Пошли, в машине под кондиционером посидим, а то и влажно, и комары достали! — жалуется Александр.

Я же в уме подсчитывал, плятаясь со своим костылем до машины, дивиденды, полученные от этой драки.

Если будут этих бедолаг на бабосики разводить, то однозначно укажут, что я либо баксы, либо еврики затребовал. Если и машины с квартирами отобрать хотят и пожизненно долг отрабатывать заставят. Посмотрим, как это мне будет втюхивать Карлович. Судя по деньгам из лопатников, около сотни я сегодня точно поднял. Плюс золото, что сняли с бедолаг. А уж если ещё и телефоны сюда припости, то и вовсе получится весьма кругленькая сумма, под триста тысяч. У Щербатого точно крутая мобила была.

Сели в машину.

Гелендваген. Машина ФСБэшников и бандюков, что в принципе одно и тоже. Слова синонимы. Устало вытянул ноги. Костыль примостился на заднем сидении.

Работает радио. Ждём адвоката.

А у меня в голове разные мысли роятся.

Если всё ровно, как сейчас, разложится и с адвокатом, то может, стоит того же Саню попросить подбросить меня в детдом? Что тут ему на гелике до Комсомольска доехать?! Часа четыре от силы при скорости в сотку, а если больше, то и того быстрее.

— Саня! — обратился я к молчащему хозяину машины.

— У! — открыл глаза он.

— У тебя дел в Комсомольске случайно нет? — спросил я на свой страх и риск.

— У-у!

Потом помолчал.

— А что?

— Да вот подумал, если бы было зачем туда мотануться, может быть и меня бы до детдома подбросил бы. Меня через три дня выписывают, а тут такое! — произнёс я.

— А, понятно. — Помолчал. — С Кешей переговори. Одобрят эту поездку — сгоняем. Там у меня серьёзные друзья есть ещё с армейки. Один чечен чего стоит.

— Чечен? — удивился я.

— Настоящий чечен. Во вторую чеченскую бок о бок два года провели. У него дудаевцы семью вырезали. Полностью. Так вот, он в ответ деревню родственников главаря банды под нож пустил. Замяли. Даже тут на него покушались, но когда он с ответкой прилетел в Грозный, его кадыровцы на поле в аэропорту у самолёта встречали. Отступные предлагали. Он ведь в бога ударился, православие принял. Сейчас под Комсомольском храм строит. Сам там вести службы будет. Вроде даже, как сан уже получил. Одно радует — женился недавно и детишки появились. Успокоился. Деньги у Ахметыча не взял за месть кровную, а вот пожертвование на храм... там баба заказала его. Вроде, то ли мать, то ли бабка кого-то из родственников кровников, которых Шер проложил. У него позывной такой был. По их понятиям, с женщинами воевать стрёмно, если они не с оружием, а тут заказуха, но вроде успокоили и тут, и там. Ты не смотри, что я так молодо выгляжу. Тридцать три уже, как Христу было. А в Чечню в шестнадцать попал, совсем зелёный был, романтики захотелось. Идиот! Еле выжил.

Помолчали.

— Так что, если поедем, то познакомлю. У него в Комсомольске много связей и его многие знают. Будут проблемы — он прикроет. Я его попрошу, мне он не откажет. В дела блатных он не лезет, но его знают и уважают. Имя себе взял — я смеялся! Отец Василий! Я чуть не умер со смеху, когда услышал, но, как понятно, не при нём. Он к богу в вопросах веры очень серьёзно относится. У него два ордена за мужество, да и других полная планка. Старлеем ушёл. Офицерское звание дали после старшего прапора вместе со вторым орденом за мужество, в качестве исключения. У него своя усадьба под Комсомольском, мы с однополчанами там среди леса часто собирались раньше, но и сейчас раз в год точно отмечаемся. Традиция.

Темень на улице. Мы к больнице подъехали успели. Я Митричу сигареты и пивасик отнёс. Ждём Карловича.

— Кеша отзвонился. Уже на подходе. Менты его тормознули. Хорошо, что не наш автобус. Уже наш! — смеётся Саня. — О! А вот и его мерс, любит Кеша немцев. Хотя, мне больше Тойота вставляет. Тот же крузак. Ну, пошли здороваться. Вещи свои не забудь, вместе со своим костылём.

Не знаю что за модель. Седан. Черный, вроде. В такой темноте не рассмотреть и лампочка над проходной не помогает. Далеко она слишком.

Точно, Иннокентий Карлович собственной персоной.

Поручкался с Саней. Парой фраз обменялись, пока я от машины ковылял неспешно.

Потом, молча, кивает мне не переднее сидение. Но руку, в качестве приветствия, пожал.

Саня же, легонько хлопнув меня по плечу, произнёс:

— Я откланиваюсь, дела. Рад был познакомиться. Вот, возьми мою визитку, там телефоны и домашний, в том числе. С Кешей переговори, о чем меня просил. Разрешит — поеду. Можно было бы пару дней нормально отдохнуть. В баньку бы сходили, может девок пощупали, ты как насчёт этого?

Я же только усмехаюсь. Думал меня этим смутить?

— Я и от водки не откажусь, а не только от баб! — смеюсь в ответ. — Пока! До скорого.

— Пока! — смеётся удивлённый Александр.

В машине прохладно, работает кондиционер. Кожанный салон. Из динамиков лёгкая музыка, приятно пахнет цитрусовым освежителем.

Карлович, или как звал адвоката Кеша, молчит. Видно, с мыслями собирается.

И, наконец-то!

— Ну и задал ты нам всем задачку! — произносит он.

Я жму плечами.

— А я-то тут причём? — отвечаю я.

— В общем, расклад таков. По половине не получилось, — вздыхая, говорит Кеша. — Слишком много людей в деле, а оно, серьёзней не бывает. Предъяви кинули, и ответа внятного не получили. Тебе лям евро кинем по документам, как и до этого делали. Договор, и всё такое. Бумажки скину быстро. Уже завтра готовы будут. Налоги с нас, не волнуйся. Тебе, вот, утешительный приз. Знаю, что мало, но всё-таки! — Пачка пятитысячных в банковской упаковке легла мне на колени. — Тут и моя благодарность и за микроавтобус этих хмырей. Мой босс очень доволен операцией. К тебе

претензий ни у кого нет. И вообще, шеф сказал тебя под крыльышко взять. Мало ли что в Комсомольске может случиться? Любой вопрос, который в нашей компетенции решим. Звони. Телефон знаешь. Не удивляйся, что вокруг тебя так всё закрутилось. Деньги огромные на кону, и ты пошёл нам навстречу, это я об отступных. А теперь, с этим дурацким нападением один акционер вляпался, а к нему и так много претензий накопилось, а тут такой косяк и ультиматум от твоего имени на четыре ляма зелени, а денег то и нет! С ментами бодаться никто не хочет. Прокурорские свою часть от нашей с тобой сделки хапнули, им светиться нельзя, так что уработали — сейчас завещание пишет. Объясняю тебе, чтобы понял, что никто тебе мстить не будет. Некому просто. Семью с детьми пообещали этому уроду оставить в живых...

Что-то мне поплохело. Даже я со своим опытом к этому цинизму не готов. Ну, да ладно, не я первым начал.

— Деньги в рублях, переводить будем по курсу. — Продолжает между тем Карлович. — Банк Тинькофф. У него проще, и намного. Все операции по переводам средств через него пройдут. По финансовым делам тебе всё понятно? — уточняет адвокат.

— Да. — Коротко отвечаю я.

— Тогда, переходим ко второму вопросу. — Улыбается Иннокентий Карлович. — Всё заказанное тобой я купил. Марочное французское, даже бокалы к нему есть в упаковке. Бренд какой-то, подарочный вариант, я не вникал. К нему яблок немного и так, как ты просил, из сладкого. Рафаэлки, минитортик Наполеон, и так, по мелочи, но пакет тяжёлый. Вина две упаковки. Я так, на всякий случай. Но смотри, они литровые, не улейтесь там! И это... — сует он мне что-то в руку... — на всякий случай. Пьяная баба «звездे» не хозяйка!

Смеётся, не любитель ненормативной лексики.

Презервативы. Пачка.

Ну, блин, Кеша!

— Если вопросов больше нет, то давай прощаться, чувствуя у меня работы на всю сегодняшнюю ночь, и всё благодаря тебе!

— И баксам! — говорю я.

— И им тоже, — радостно смеётся Карлович, — но еврики лучше, а лучше всего английский фунт.

Посмеялись удачной шутке.

— Вопросов нет, — задумчиво произношу я отсмеявшись. Всё-таки этот вечер принёс поистине небывалые дивиденды. — Просьба есть.

— Какая? — тут же стал серьёзным адвокат.

— У меня выписка через три дня, — говорю я, — а как-то надо и до Комсомольска добраться, а тут такая непонятка с этим нападением. Кого-то, конечно, из попечительского совета мне в сопровождение дадут, но по вокзалам мотаться не хочется. Можешь решить, чтобы меня отвезли в детдом, например, тот же Саня?

— Саня? — удивился Иннокентий Карлович.

Задумался...

— Решим. Он отзовится, я ему твой телефон скину. Принимается, тем более, и шеф просил присмотреть за тобой. Они, кстати, с твоим отчимом с детства друзья «не разлей вода» были. Для него его гибель очень серьёзным ударом. Конечно, он сейчас больше за твою сестру переживает, ну да ладно, забудем время, когда мы не могли найти точки соприкосновения, и благо, что все вопросы решил сегодняшний вечер. Желаю, чтобы он у тебя сегодня хорошо закончился. Например, в постели с какой-нибудь симпатичной медичкой. У меня, в твоём возрасте, по ночам все мысли были о бабах. Давай, помогу собраться. Ого, сколько вещей набралось! Может, помочь донести?

— Не! — отказался я. — Я, в случае чего, сторожа попрошу — ему все равно обход положено делать, вот и донесёт до отделения.

— Ну, как знаешь! — согласился Карлович. — Я до дежурки дойду, гляну там сторож, или куда уже смылся.

Но Митрич, на моё счастье, сидел у себя на проходной, в дежурке, видно следил в окно за подъехавшей машиной и видел, как я из джипа в этот мерс пересаживался. Как там Степановна сказала, что он бывший мент?

Всё возможно.

Стучусь. Открывает. Смотрит так с подозрением, но фон от него есть. Пиво моё, похоже, уже приговорил.

— Митрич, поможешь пакеты до отделения донести? — спрашиваю я.

— Пакеты? — переспрашивает старик. — Так чего бы не помочь то? — улыбается он. Вот что пиво животворящее делает!

— Смотрю, ты уже приоделся?

Все знают, что у меня из одежды почти ничего нет.

— Друзья привезли. — Отвечаю я.

— Ну-ну! — качает головой бывший оперативник. Он, видно, бллатату за версту чует. — Пошли, покажешь что нести.

Поздоровался с адвокатом, который стоял у своей машины. Поднял пакеты, мои и тот, что привёз Карлович. Мне ничего в руки не дал, а просто сказал:

— Ты сам вначале дошкандыбай до палаты, а потом передачки носи. Попрощались, и вперёд.

До окончания двух часов отсутствия, которые я выклянчил у врача, оставалось всего минут десять. Как раз успею дойти! — подумал я.

Митрич, на удивление, ничем не интересовался. Хотя, походу, срисовал и хайс и гелик и мерс, и всех их владельцев, которые имели ко мне какое-то дело. Но старый мент молчал.

А в принципе, не очень то и тяжёлыми были пакеты. Что там, то, что я прикупил в магазине, минус сигареты и пиво. Моя одежда, которая включала шорты, тапки и старую, застиранную футболку. Щербатого пацана полностью для меня раздели. Ствол с дополнительной обоймой, кобура, лопатники и три телефона. Ну, ещё пакетик с золотом. И отдельный пакет от Карловича. Вот тот точно имел вес. Одного вина два литра.

Наконец-то я добрался до своего этажа. Митрич меня проводил прямо до палаты.

«Надо его потом как-то отблагодарить». — Подумал я.

— Спасибо большое! — произнёс я.

— Да не за что. — Усмехнулся дед. — Бывай!

А потом повернулся в дверях...

— Ствол спрячь, агент «ноль-ноль-семь»! — усмехнулся он, и был таков.

Вот же, что значит, опыт не пропьёшь!

Я так и сидел на своей кровати, и смотрел бездумно на входную дверь. Что сегодня было?

Напали. И это предупреждение от Степановны, насчёт паяльника. Надо, кстати, отзвониться и пригласить на ужин. А что, плата свободна. До десяти утра тут никто не появится. Вино есть, закуски на любой вкус. Вот только руки бы помыть.

А так, я красавчик в этом прикиде. А вот деньги и телефоны с лопатниками надо припрятать, как и пистолет, будь он неладен. Надо было его Сане отдать. Кстати, о Сане. Вот уж не думал ещё вчера, к кому в вопросе как добраться до Комсомольска мне придётся обращаться.

Но, чего только не бывает в этой жизни!

Но вернёмся к тому, что же произошло?!

То, что разобрался с пришедшими меня трясти, это хорошо. Повезло, и сильно, и никто насчёт этого не спорит. Дедок, опять же, который отвлёк от меня сразу двоих, ну и умение, которому меня научила неизвестная богиня. Усыпал одного, ввёл в сонное состояние второго. Потом, хорошо, что своё средство передвижения не сломал о головы и ноги этих додбодялов. С

Саней не ошибся, хотя, если честно, по ночи не скажу, что трусил, но пистолет сжимал левой рукой до боли в пальцах. Не уверен, что от этих профи смог бы отбиться в итоге. Без вариантов. Я теперешний им не противник, даже если бы один на один смог выйти. Потом, парни отдали и телефоны, и деньги наличку. От банковских карточек я и сам бы отказался, а документы они сразу забрали. Телефоны. Это не мой самсунг, купленный лет пять назад мамой.

Или женой?

Тьфу ты! Опять раздвоение личности!

И деньги. Куда мне их прятать? Надо позвонить с утра своему ангелу, попросить, чтобы сумку с замками мне купила. Скажу, что деньги потом отдам. Можно и сейчас позвонить, только десять часов, детское время.

Ну, подумаешь, половина одиннадцатого!

Нет, завтра позвоню. Она на дежурство послезавтра заступает, есть время, а пока...

Телефон. Набор номера. Гудки...

— Ты уже пришёл? — первым делом вопрос со стороны моего лечащего врача.

В трубке слышится смех, мужские голоса.

И, вроде как, телевизор работает. Раз телевизор, то не у себя в ординаторской сидит. Видно, в гости к кому-то пошла.

— У тебя всё нормально? — уточняет она.

— Более чем. — Отвечаю я. — Есть тортики, включая наполеон. Конфеты и другие вкусности, а главное, марочное французское эксклюзивное вино с бокалами, в наборе с коробкой.

— Тебе нельзя! — смеётся она.

— А кто сказал, что я буду пить? Я только попробую в качестве эксперимента. Да и обмыть надо мою выписку. Сколько я тут у вас? Почти три месяца, не считая времени, проведённого в реанимации.

— Солидный срок! — соглашается она.

— Вот и я так подумал. А что будет нам с двух литров французского лёгкого напитка? Да и напарницу можно взять. Тут хватит и на троих! — выступаю я в качестве змея-искусителя.

Что-то меня уже несёт, да и слова Карловича не могу забыть. Как он там сказал? — «Желаю, чтобы он у тебя сегодня хорошо закончился, например, в постели с какой-нибудь симпатичной медичкой. У меня в твоём возрасте по ночам все мысли были о бабах».

А я тоже человек. Причём, взрослый в душе. И неплохо, что тело молодое. Я тоже о женщинах последнее время мечтаю, а тут столько в

белых халатиках нимф бегает перед глазами! Как назло, халаты просвечивающиеся, хоть и не полностью, а из трусиков — всего пара лямочек. А кто-то умудряется при этом и бюстгальтер в такую жару не носить. Как тут выжить бедному полковнику в теле молодого пацана? И Карлович, тоже, провокатор!

— Ладно, жди, через полчаса загляну. У тебя ключ от вашей палаты есть на руках?

— Нет! — удивлённо отвечаю я.

— Захвачу! — решает она. — Вроде, с проверкой никого не ожидается, но всё равно не стоит светиться, да и всё равно, в принципе. Сегодня Сергеевна на дежурстве, она не сдаст. Конфеток кину... чай попьёт. А сами оттянемся!

И отключилась.

Да она датая уже! — понимаю я, — и причём, капитально. А если ещё и вином сверху полирнуть...

Покачал головой, припоминая случаи из собственной практики.

Как бы не облевалась. Не люблю пьяных баб. Обычно из-за них одни проблемы впоследствии, хотя, если сразу в постель уложить, то обычно весело получалось. Но это уж точно не мой случай!

Пора накрывать поляну.

Сдвигаю табуретки в качестве прикроватного столика. За большой стол садиться не хочется.

Накрываю их полотенцами, достаю всё, что есть из посуды — тарелок плоских три штучки, маленькие чайные ложки. Фрукты порежу, нарезку фруктовую сделаю, но вначале помыть их требуется. Откладываю в сторону.

Конфеты от Коркунова и Рафаэлло в коробках. Даже сыр Кеша купил! Явно понимает толк в употреблении благородного вина. Хорошо, что ни креветок, ни устриц с лягушачьими лапками не купил, ради прикола, с него бы стало! Два миниатюрных тортика, но, судя по цене, что отдал за них адвокат, они должны быть просто золотыми. Заварные пирожные, что сам покупал в Пятёрочке. Лимон к чаю нарезать. Коньяка нет, а под вино они не катят. Зато шоколад черный, плитка, его просто ломаем, и так, на раскрытой обёртке и маstryчим на импровизированный стол. А теперь, помыть фрукты и поляна готова!

«Может переодеться?» — мелькает мысль. Кроссовки скидываю, оставляю футболку от Щербатого — моя слишком задрипанная уже, и скидываем джинсы, облачаясь опять в свои шорты.

Так явно полегче.

Занимаемся фруктами.

Нарезка.

А теперь можно и приёмник включить. Телевизора нет. Зато, у деда приёмник неплохой. Он вечно радио Дача слушает, а там, в основном, только одни песни крутят. Как раз для моего возраста, настоящего, не этого. Да и Степановне, думаю, понравится их репертуар. Снял носки, улёгся. Как бы не заснуть!

Но есть хочется, дремлю по-тихой, наслаждаюсь музыкой. Песни девяностых крутят. Опять Маликов плачет, но поёт хорошо, мне нравятся его песни. Потом Буланова завыла, вот уж кто умеет испортить настроение своим репертуаром!

О! Скрипнула дверь. Вроде как, в замке ключ повернулся.

Шаги тихие.

Я лежу, показываю, типа, сплю.

— Ну и жених! — смешок рядом. — Пригласил на свидание, а сам храпит! — тихий шепот.

— Кто сказал, что спит? — улыбаясь, не открывая глаза, произношу я.

— Ждал, ждал, устал, решил прикорнуть, пока дамы работой заняты.

Открываю глаза и рывком сажусь на постель.

Ого! Да мы одни пришли, и похоже, что конкуренток просто отшили. Что-то я слышал, кого-то мой член удивил, ведь в реанимации все голые в основном лежат, да и после операции у меня из одежды только «костюм адама» был. Так вот, при моём росте, член, и правда, великоват. Надо сказать спасибо мне, или по линии жены так сыну подфартило? Я уж точно гигантомекса никогда не был, а вот сыну, похоже, повезло. Как там говорят? «Кто умеет любить — тот любит, а кто нет — тот, увы, женится», или не так, там что-то про талант, типа, есть — влюбляется, а если нет то, увы, женится. Я малость перефразировал старую поговорку.

Так вот, про член...

Подслушал разговор как-то, ещё лёжа в палате интенсивной терапии, молоденькие, правда, девчонки про меж себя шушукались, а я не спал, вот и обсуждали они меня и мой нетрадиционный сверхразмер. Видно, распространились слухи по всему отделению, во всяком случае, среди женской половины.

Тетя Зина, как я зову своего врача, явно подшофе, что для доктора, находящегося на дежурстве, вполне нормальное состояние. Но я ошибся, нормально она выглядит и чувствует себя. Улыбка на лице, на щёчках румянец.

Обычно она халат свой врачебный на платье одевала, а тут, видно из-за

июльской жары в Хабаровске, носит, во всяком случае на дежурстве, на голое тело. Но халат из плотного материала и практически не просвечивается. Можно только разобрать наличие нижнего белья по его контурам в районе талии и в районе груди.

Но не спорю, жарковато, хоть на окне и сетка натянута, и окно полностью открыто.

Мне-то ничего, я привык, а вот слегка подвыпившей, к тому же, слегка полноватой женщине, явно жарко. Халат у неё четкий, не на пуговицах — молния на всю длину. И поясок.

Присела на стул, закинула ногу на ногу, оголив немного бедро.

Подхватила с импровизированного стола бутыль.

— Ого, литровая расфасовка! — удивлённо произнесла она. И по слогам... — «Коллексьон персоннель. Франсуа-Луи Вюйттон», Кюве Приведю Шато Ласкомб, две тысячи двенадцатый год, в подарочной коробке, тысяча миллилитров. Красное. Сухое. Сделано из винограда сорта Каберне Совиньон. Ведь оно ужасно дорогое, Андрей! — смотрит на меня своими зелёными глазами. Удивлена, обескуражена, и немного взъярвана.

Миллион бы сейчас отдал, чтобы узнать, что в её головке сейчас творится, какие мысли мелькают. Уж больно щёчки от смущения порозовели. Но я-то малец, тринадцати лет, хотя и телом вышел, и не только. Рост подкачал немного, но ничего, ещё подрасту, уж точно. Парень явно в меня уродился, ведь почти четырнадцать мне.

— Не дороже денег, уважаемая Зинаида Степановна. Друзья привезли, да и где бы я нашёл тут, в этом захолустье такое вино? — усмехнулся я.

Она всё рассматривала этикетки.

— А штопор то у тебя есть, ухажёр?

— Обижаете, тетя Зина! У меня нож есть, швейцарский! Там всего напичкано. Сей момент!

— И хватит меня тётей звать! Зина нормально будет.

— А если Зизи? — вспомнил я песню Шуфутинского.

— Да легко! — и приспустила немного молнию на халатике, открывая мне вид своих прекрасных полушарий.

Провокация удалась на славу — что бы я ни делал, куда бы ни старался спрятать руки, но взгляд косил на эти белые бугорки, а эта проказница ещё газету деда со стола взяла и обмахивается ею, типа, жарко ей.

Уселась, главное, на мою кровать, ей так, видите ли, удобно, мою подушку под спину. Кровать моя у стенки и окна, соответственно. Я же пересел на стул. Ниже получается, зато этого соблазнительного безобразия,

в её приоткрытом сверху халатике, мне не видно. Но есть, увы, и другая проблема — ее ножки закинуты нога на ногу и бёдра открыты. Короткий, выше коленок, халатик и вовсе задрался вверх. В общем, полнейший кошмар!

Вот, вроде, раньше меня смутить и заставить возбудиться лишь легчайшей эротикой, было бы невозможно. К этому вопросу моим знаковым дамам и любимой женщине приходилось подходить очень серьёзно. А тут — пара взглядов на открытые ножки и чуток приоткрытую сверху грудь, и всё, приходится самому ногу на ногу закидывать, чтобы скрыть жуткий стояк. А если учесть размеры друга, в общем, что-то я уже жалею, что плотные джинсы поменял на лёгкие летние шорты.

Мои мучения явно замечены, оценены, и веселят эту пухленькую красавицу, которая почему-то кажется мне, уж очень доступной. Но удерживает от необдуманных действий моя врождённая скромность в общении с женщинами, да возраст этого тела, ведь что ни говори, а так можно и не только по рукам, а и по морде получить. И, если честно, эти мысли меня сильно отрезвляют.

А между тем, дверь на замке, основной свет в палате погашен. У деда есть лампа настольная для чтения, она сейчас и включена. Музыка из приёмника разливается по помещению. Вроде, «Божья коровка»! свой хит «Гранитный камешек» лупит из динамиков и мы вместе с Зизи подпеваем, причём кое-кто громкость своего голоса явно не рассчитывает. Но мы в палате одни, она угловая, а за стенкой только процедурная. В других палатах в это время мужики и женщины всё больше телевизоры смотрят, которые им заботливые родственники принесли, а нам неплохо и под приёмник.

У деда чайник прихватизировал, надеюсь не сгорит, если я один раз воду для чая вскипячу.

Зина уже пол большой коробки Рафаэлло приговорила. В бокалах — вино. Вкус нормальный, я как-то не очень разбираюсь в этом благородном напитке потомков Дюма и д'Артаньяна, а если учесть, что у нас в магазинах за бурду продают под видом вина, то естественно, откуда из меня мог вырасти ценитель.

Но уже первый литр ушёл, причём, явно, количество выпитого не в мою пользу. Если мне и перепало грамм двести-двести пятьдесят, то остальное уже булькает в моей напарнице.

Весело болтаем, она вспоминает своё детство, как в школе училась, даже про свою первую любовь весьма откровенно рассказала, как целовались с парнишкой после уроков у неё дома, как едва девственность

после шампанского на Новый Год с его другом не потеряла.

Я слышал раньше, что медики — существа, стыда не имеющие, даже поговорка была такая — ума нет — иди в пед, а стыда нет — иди в мед. Что-то в этом есть, во всяком случае, в отношении любителей медицины и последователей Гиппократа.

На брудершафт ни я, ни мне выпить не предлагают, хотя последствия выпитого на даме явно сказываются. Язык и вовсе развязался. Громко смеётся над моими шутками, замок молнии на халатике ещё ниже опустился. Понимаю девчонку, реально жарко после выпитого. А она уже перешла цитировать, что ей её знакомые по вацапу пересылают.

Заставила рядом с собой на кровать сесть. Подушку с соседней кровати приватизировали мне под спину, чтобы можно было облокотиться о стену и почки не застудить. Прижалась плечом ко мне и читает всякую смешную ересь с телефона...

— ...доктор пациенту: не волнуйтесь. Эрекция при массаже простаты — это нормально. Пациент: но у меня нет эрекции! Доктор: Это я про себя...

Смеёмся. При этом, эта коза прижимается к моей руке своей грудью. Нет, зад у неё, конечно, лучше, не спорю, но вот грудь ощущил. Явно ведь провоцирует, как ей кажется, не целованного мальчишку.

Ну-ну!

— ...бабка нашла в огороде бумеранг и заеб@лась его выбрасывать!

Ржём в голос. Зинка и вовсе, в порыве веселья, на меня навалилась.

Вот же, сучка, я же не железный!

Но и понимаю, что если полезть с приставаниями, то будет выглядеть не очень красиво, но и «козлом» быть не хочется, как в том анекдоте, но у меня возраст, и это, на минуточку, мой лечащий врач!

А Зизи всё не унимается, хотя, не спорю, сидим хорошо, я для удобства уже и руку ей на плечи закинул. Не сопротивляется, под плечо мне подлезла и вновь читает какие-то приколы. А шуточки-то выбирает и вовсе на грани!

— ...какая всё-таки переменчивая жизнь! Съедая сегодня утром на завтрак яйцо, я подумал: — ещё недавно оно было в жопе. Сейчас я кладу его в рот. А уже завтра оно опять окажется в жопе!

Заливается, словно колокольчик, остановиться не может. Ну, не скажу, что шутка уж очень удалась, хотя философская сторона цепляет, но выпитое вино сказывается. Смеёмся.

И нам хорошо, особенно мне.

Она постоянно двигается и моя левая рука уже у неё за спиной, а

ладонь, вроде как нечаянно, примостилась у неё на левой ягодице, но я не пытаюсь щупать там или гладить — лежит себе ладошка, отдыхает. А что? Она, смеясь, так телом елозит, а иногда и вовсе почти переламывается в пояснице, когда ей особенно смешно.

А вечерние, вернее,очные посиделки продолжаются, и опять окромедицинские приколы...

— ...женщина звонит мужу: дорогой, прости меня, пожалуйста, я тебе по ошибке дала таблетки не от поноса, а от нервов. Как ты? Муж: ну как, обосрался, но абсолютно спокоен!

И опять ржач на всю комнату, она хлопает своей ладошкой мне по ляжке, а там мой нетерпеливый дружок под тканью шорт прячется, если учесть, что размер у него ого-го...

Боль сквозь слёзы... от смеха!

Но врач явно уже опознала, что у меня в кармане не колбаса припрятана, но вида не подаёт, но уже более аккуратно шлёпает меня по ногам, иногда поглаживая выступающий длинный бугорок, и всё ниже наклоняется во время неудержимого смеха.

— ...алло, доктор! Я по вашему совету купил клизму. Куда её теперь? — Налейте в неё воды и засуньте её себе в зад. — Доктор, я пожалуй, перезвоню, когда у вас будет хорошее настроение...

Бля...ещё пару таких анекдотов и такой бурной на них реакции, и я просто кончу от таких тактильных ощущений. Она уже не просто наваливается на меня своей, пусть и маленькой, но грудью, она уже обниматься лезет и прячет лицо у меня на шее.

Но постепенно успокаивается, и по новой!

— Пьяная жена приходит домой на рогах и сразу затевает скандал: — да вы посмотрите на него, гада! Я его по всем кабакам ищу, а он тут посуду, сука, моет!

Смеймся. В этот раз и вовсе по моей щеке губами мазнула.

И вдруг:

— Эх, найти бы такого мужика! — и так тоскливо вздыхает.

Посидела прижавшись. Вздохнула. Бугорок у меня на ноге погладила нежно ладошкой и как бы всё ничего...

И вновь читает:

— Дорогой, помнишь ты ездил на рыбалку? — Да, а что? — Да щука твоя звонила, сказала, что уже с икрой!

А тут смех явно с натугой, но прижаться не забыла. Глаза её рядом с моими. И губы приоткрыты...

— Вот и у меня так же было, — неожиданно с болью в голосе

произнесла, — и муж был, и щука с икрой появилась. Вот и ушёл, этот гад, к щуке этой, да потом обратно просился, — вздохнула. — Не пустила.

И так мне её жалко стало!

Вот губы — рядышком, почти с моими касаются, вот глаза прикрытые, в которых явно слёзы появились. И как тут не утешить, не приголубить? И слова утешения на языке вертятся...

— Может, всё образуется? — тихо шепчу я.

Левой рукой ещё сильней прижимаю её к себе.

Мои губы соприкасаются с её полураскрытым ртом.

Мгновение...

У меня колотится сердце, как у воробья.

Отпускаю.

Думаю, что за реакция будет с её стороны, явно ведь Рубикон почти пройден?

А никакой.

Словно и не произошло ничего. Просто нам двоим очень хорошо и спокойно.

А она, как ни в чём не бывало, словно и не целовалась только что с несовершеннолетним, читает дальше, копаясь у себя в телефоне.

А я в прострации! Ещё немного и не выдержу, а запасных трусов у меня нет.

— Армянин подходит к кабинке туалета: — кто там ест? — спрашивает.

— Не ест, а срот!! — ему в ответ.

Смех вырывается у нас одновременно. И опять обжиманцы. Хорошо хоть не танцы, а то с этим стояком какой из меня танцор.

По радио «Машину» передают. «Пока горит свеча...» — надрываетя Макаревич.

Тихо, спокойно. Зизи замерла у меня на плече.

Так и сидим, ловим этот миг такого хрупкого счастья.

А трусики то у неё явно не стринги. Серьёзная оборона, не панталоны, конечно, но и не полоски-ниточки.

Целоваться сама больше пока не лезет, и я не настаиваю, мне и так в кайф.

Как же отлично вновь ощутить себя молодым!

Я даже зажмурился от удовольствия. А Зина, между тем, продолжает:

— ... вот, говорят: «счастье тебя обязательно найдёт!»... не пойму, или я так офигенно прячусь, или оно меня как-то хреново ищет!

Молчание... не до смеха. Всхлипы под мышкой у меня...

И чё делать? Успокаивать?

Как бы эта попытка, попыткой изнасилования не закончилась, и не факт, что жертвой насилия не стану я сам.

Но погладить по головке красавицу можно. Пошептать на ушко что-нибудь хорошее, ласковое. Может, растает у неё лёд в душе и не будет больше слезу пускать мой любимый лечащий врач.

Тихо сопит красавица у меня под рукой. Прижалась всем телом. Всхлипывает, но вроде как, уже не так и сильно. Понятно, что это алкоголь, но и воспользоваться мне этой её слабостью нельзя. Ведь знаю, что потом буду чувствовать себя последней конченой сукой. Захочет — сама даст понять. А я уж точно сам и шагу не сделаю, чтобы её...

Даже слов не подберу. Трахнуть? Не то, слишком грубо. Отмыть? Вообще бяка. А вот полюбил бы я её с большим удовольствием, но чувствую, что и тут мне облом. Не даст. Сама не даст, но и сопротивляться не будет, если инициативу проявлю.

Но как-то... стрёмно слишком. Не хочу портить звериными инстинктами очарование этой волшебной ночи.

Пускай всё идёт своим чередом — чему суждено случиться, то случится и без моей инициативы.

Потянулась. Левой рукой нежно ладошкой провела у меня по щеке. И сама губами дотронулась до краешка моего рта.

Я же, в ответ, правой ладошкой погладил её по волосам, и чуть сдвинув голову влево, прижался своими губами к её раскрытыму рту.

Её язычок аккуратно прошёлся по моим зубам, как бы заставляя их разойтись.

Боги, сколько нежности в этом чувственном поцелуе!

Мои руки очень аккуратно пошлились по её плечам, нежно, едва касаясь, тронули трепетное тело в районе груди, и опустились по животику на ноги.

Уж больно затянулся поцелуй, кружится голова, её рука покоится на бугорке, и он, гад, вздрогивает!

Всё, опростоволосился! Всему виной моя подростковая гиперсексуальность!

А она так нежно его пожимает...

Губы отстраняются. Чарующий момент. Я стараюсь держаться и не дёргаться от её прикосновений.

Она снова кладёт голову мне на плечо. Вновь в её руках телефон... читает:

— ... Внучка спрашивает у бабушки: — «Ба, а что такое любовник?» Бабка задумавшись: «Любовник... любовник... любовник... ЕДРИТЬ-

КОЛОТИТЬ» и рванула на чердак к сундуку... из которого выпал скелет...

Я хмыкнул, а Зина только вздохнула, как-то уж слишком протяжно.

Грустно девушки. И хочется, и колется. Понимает, что сейчас у нас классический кошмар может произойти, но, видно, алкоголь не захватил голову. Как там Карлович сказал — пьяная баба «звезды» не хозяйка, но тут явно не тот случай, умная женщина и сильная, хотя всякая сильная женщина очень мечтает хоть на мгновение побывать слабой за сильным мужским плечом. И вот это плечо, пускай всего лишь на эту ночь, у нее под головой, а моё молодое тело ей наградой.

И не думает отодвигаться и держать дистанцию. Не знаю, дойдёт ли у нас до чего более серьёзного, но и то, что сейчас достигнуто с её стороны очень смело.

Опять горит экран телефона.

— ... Жена мужу: дай денег на лифчик. Муж: Да у тебя и титек то нет! Жена: Ну я же тебе трусы покупаю...

Смеёмся от души, причём её рука, как бы невзначай, прошлась по тому месту, где недавно был большой бугорок, а теперь лишь большое влажное пятно. Но можно представить, что это я нечаянно вино разлил.

Отстраняется.

Я же расстроено взываю, но зря — подаёт полный бокал вина, и сама держит в левой руке такой же.

Чокаемся и цедим божественный напиток. Опять её тело плотно прижалось правым боком ко мне.

Моя левая ладонь нежно гладит её по мягкой и такой упругой ягодице. Молчим, наслаждаясь этой, поистине волшебной, близостью. Она опять уже одной рукой умудряется копаться в телефоне.

— ... чтобы хоть как-то оживить свадьбу, тамада назвал невесту блядью!

Ржём в голос, а кто-то и вино пролил, но, блин, не на себя, а именно на мои многострадальные шорты!

Вино не отстиривается, говорят, придётся теперь выкидывать.

И опять очередной перл на медицинскую тему.

— ... мамочка, ну и что из того, что я переспал с пациенткой, многие врачи так делают... — Да, многие, но ты-то, блядь, Сеня, — ВЕТЕРИНАР!!!

Опять раскаты смеха по всей палате проносятся.

Ох, что-то анекдоты всё откровенней и откровенней становятся.

— Я надеюсь, вы, Зинаида Степановна, у нас не ветеринар? — смеясь, спрашиваю я.

— Нет, но посмотреть могу, и не только посмотреть, товарищ пациент. Надеюсь, вы гавкать умеете? — опускает она свою ладошку в район начавшего воскрешаться бугорка.

— Гавкать — нет. Я что, кобель какой-то? Я только мурлычу от удовольствия!

И вновь прижимаю её к себе.

Наши губы вновь встречаются, и на пару минут в палате слышится только очередная песня, в этот раз в исполнении «Самоцветов».

Отдышались. Что-то поцелуи всё продолжительней и продолжительней получаются.

Забрала у меня бокал, наклонилась. Потянулась за бутылкой. Конфетной обёрткой пошуршала, опять вернула мне наполненный бокал. И вновь потянулась за поцелуем.

В этот раз действовала она более напористо, опять языком заставила разжать мои зубы, а потом мне в рот предала конфету.

Отстранилась.

Лампа потушена уже давно, ещё после первого поцелуя, из освещения только тусклый свет луны и ярко светящийся временами экран телефона.

— Это — закуска. — Улыбается. — Давай, за нас и за сегодняшний вечер! До дна!

Чокаемся.

Вторая бутылка такими темпами скоро точно закончится!

Забрала бокал. Вновь у неё в руках телефон, хотя, к чему он? И так понятно обоим, к чему всё идёт. Но приличия должны быть соблюдены, причём, с обоих сторон.

— ... на даче мужик ходит по грядкам голышом. Соседка увидела. Спрашивает: — Ты зачем голым ходишь? — Как зачем? Я хожу, а помидоры от смущения краснеют. — пожалуй и я так же сделаю. Через какое-то время дачник встретился с соседкой вновь, и решил поинтересоваться: — Ну, как помидоры? — Да никак! А вот огурцы попёрли!

И смеётся сама заливисто, шарит у меня по ноге.

— Я, вроде, не голая сижу, а огурец то вырос! — гладит она бугорок.

И так, без тени смущения, рукой мне под футболку — нырь, и давай путь под шорты искать, а сама опять губами тянется ко мне.

Ну, всё, понеслось! И от этих мыслей мне сносит крышу, и я уверено правой пятернёй мягко сжимаю ей левую грудь.

Затяжной поцелуй.

Её рука легко нашла путь к моему каменному «огурцу», а я нагло

почти полностью расстегнул молнию у неё на халатике.

Уже попытку освободить моего парня предприняла, и тут...

Бздынь. Бздынь, бзддынь!

— Проклятье! — шепчет Зина. — Сергеевна звонит. Видно, кто-то нагрянул, или кого-то привезли.

— Думаешь, тяжёлый? — уточняю я.

— У нас «Травма», у нас лёгких в принципе нет. Вот же, кому-то ночью дома не сидится! — говорит Зина, застёгивая молнию на халате.

— Да, Сергеевна! Что случилось?

С минуту слушает, потом вздыхает, отключая телефон.

— Девчонку привезли. Вся поломанная. Автомобильная авария. Слишком тяжёлая. В реанимацию вызывают. — Тяжко вздыхает. — Включи лампу.

Я встаю и шарю по столу рукой. Есть контакт. Свет бьёт по глазам.

— Так, — говорит Зина. — Я конфетки и тортики с пирожными забираю. Сергеевне обещала. Да и сами с чаем попьём. — Потом поднимает на меня свои прекрасные зелёные глаза. — И, спасибо тебе за всё! Словно опять студенткой себя почувствовала. На выписке меня не будет. Я уезжаю завтра по делам на три дня в Бикин. Жаль... без продолжения, — вздыхает. — Меня сегодня уже не жди, спать ложись. Коль тяжёлая — то на всю ночь. Лишь бы выжила.

Притягивает меня к себе и смачно так, с чувством, целует в губы.

— Ещё раз спасибо тебе за сегодняшний вечер!

Остатки вина в бутылке заткнуты пробкой. Всё остальное складываем в пакет.

Осмотрела себя. Поправила причёску.

И к дверям. Я за ней на своём костыле.

Ухажёр, блин!

У двери оборачивается. Прощальный поцелуй.

Чувствуется, что еле удержалась, чтобы по-быстрому тут не сотворить акт любви, но рассудок взял верх.

— Не забывай меня! — слёзы в глазах у моей Зизи...

Чмок в губы, и была такова.

А я...

А я просто без сил опустился на пустую заправленную кровать.

Вот же! — думаю про себя, — как же хорошо и одновременно плохо быть молодым. Слишком молодым. И затянул с активными действиями, и сама она, зная, сколько мне лет, вела себя уж слишком несмело. Столько времени потеряли! Третий час ночи. Недавно по радио новости передавали,

а теперь опять песни крутят.

На душе, не скажу, что музыка играет, всё же до логического конца наша встреча так и не дошла, но как же всё было красиво и сладостно!

Жаль дружка — второй раз откладывается на неопределённый по времени срок, хотя Саня обещал баб и водку!

Я усмехнулся про себя — а меня на следующую ночь мой ангел посетить обещался. И хотя там с возрастом вообще капец, но ведь визуально Марина намного симпатичнее Зины, и фигурка у нее просто отпад, я уже не говорю про бюст!

Я жить начал по новой и мне, увы, хочется, очень хочется, но, бля, возраст! Меня же никто за мужика не держит, хотя не факт. Мой «огурец» Зине явно в душу запал, и по отделению слухи о размере ходят, уж очень радостной выглядела Марина, когда о встрече в её дежурство договорились, и Зинаида Степановна на удивление легко навстречу пошла, хотя это всё вообще спонтанно получилось. Пойми этих женщин!

* * *

Утро... будильник на полседьмого поставил, потому что в полвосьмого у меня сдача крови, и надо успеть умыться, привести себя в порядок и в «объекте, обозначенном на карте буквами эМ и Жё» заполнить экскрементами баночки для анализов. Увы, меня готовят на выписку, но Зизи сказала, что почти всё готово. Мои документы за неё уже заполнит Яковлевич. Кстати, о нём и о Марине! Завтра у меня с ними отвальная, и надо бы хорошенько к этому подготовиться. И подготовится — это значит, не только бухла закупить, хотя этим и так Марина сама занимается, я ей денег скинул, но и подумать над тем, чем бы им заплатить за их хорошее отношение ко мне, что-нибудь этакое на память подарить.

Есть у меня пара мыслей, надо только подготовиться с подарками и не забывать, что придётся рассчитывать только на свои силы, и хотя деньги есть, но кто мнеподарки то покупать будет?

Выкрутимся. Есть у меня мысли по этому поводу. И, кстати, про Зизи надо не забыть, она сегодня уезжает, хотя оборонила так, между делом, что уже жалеет, но поездка, вроде как, давно запланирована была, или мне это приснилось?

Но однозначно, она подойдёт со мною проститься, да и как мой лечащий врач должна же она мне что-нибудь по моему дальнейшему лечению сказать.

Во всяком случае, я сам на это очень надеюсь.

Жизнь движется вперёд. Не спорю, медиков сейчас только ленивый не пинает, и у меня тоже к некоторым весьма серьёзные претензии есть — и кости неправильно срослись и кое-кто меня травил нагло, хотя видно не за просто так и по приказу, и тут явно без главврача не обошлось. И если вначале была у меня мысля кончить эту падлу, то после того, как разрулилась ситуация с родственниками и средствами отчима, от меня отстали, а тут и вовсе под крыльышко берут! Но воспользуемся, чего там! Пистолет у меня теперь есть. Даже с травмата, если знать куда стрелять, почти стопроцентно убить человека можно, если точно попасть, а с этим у меня проблем никогда не было, и даже получив такое тело в подарок, когда богиня, и кто ей там помогал, дали возможность второй жизни, уверен, я справлюсь, если припрёт. И обвес с пистолетом я в поездку надену. Саня, вроде, показался мне нормальным парнем, но, увы, доверяй, но проверяй, а в моём случае надо быть очень внимательным.

Но я отвлекся. Быстро одеваюсь в джинсы, увы, но у меня больше ничего приличного нет. Спасибо всё тому же Сане, что не побрезговал снимать с Щербатого его шмотки и отдавать их мне. Много чего отдали. А этот Щербатый был пижоном! И прикид дорогой, и глок, как оружие, недешёвое, особенно для России, Айфон дорогой, я уже глянул в нете сколько он сейчас стоит. Почти девяносто штук для Дальнего Востока, во всяком случае, именно столько в салонах МТС просят на данный момент за него.

Но если будет возможность, надо будет домой заехать и посмотреть, что там у сына осталось из шмоток. Если не понравится и будет время, то прошвырнусь по магазинам. Надо будет конкретно закупиться. И осень впереди, я не говорю о зимнем варианте одежды. И обувь надо посмотреть. Понимаю, что в детдоме должны одевать, в теории, но в то, что даст государство, я уж точно не оденусь!

Завтрак. Опять каша! Ох, как я рад, что терпеть мне такое меню ещё всего два дня.

Дед придёт как обычно к десяти, иногда, правда, его в девять приносит. У него свободное посещение, но мне всё равно. Есть ещё пара дел, которые нужно по-быстрому провернуть.

Я перед убытием на сдачу крови свои трофеи пересматривал. Искал чего-нибудь из золотых изделий.

Есть мысль!

Уже почти доковылял до палаты, как слышу за спиной быстрые шаги, причём звук женских каблучков мало с чем можно спутать.

Но, вроде, у нас по отделению даже дамы в чём-нибудь мягким ходят. Босоножки там, шлётанцы, или балетки, а тут — каблук. Странно.

И тут...

— Андрей, подожди!

Голос с сегодняшней ночи для меня самый приятый из женских, хотя не знаю, что я скажу уже после выписки из больницы. У меня ещё вечеринка ведь намечается с моим ангелом...

Поворачиваюсь, но не быстро. Костыль, он стремительно двигаться, увы, не даёт.

Я и предполагал, что будет у меня ещё последняя возможность пообщаться с моей Зизи.

— Там твой напарник ещё с побывки домой не вернулся? — подходя быстрым шагом, спросила отчего-то жутко стесняющаяся девушка.

Да какая она девушка — женщина! Красивая молодая женщина. Протрезвела, и вот теперь, видно, отходняк, но не от спиртного отходняк, а от того, что ночью натворила.

Ну, это ей так кажется, что натворила, и вот теперь не знает, как ей со мной себя вести, оттого и жутко стыдно ей, видно, хотя, вроде же, медик.

— Так вот уже дверь, Зинаида Степановна, — отвечаю я, — сейчас и узнаем!

Говорю я и толкаю дверь в палату.

— Пусто! — говорю я, пропуская её в комнату, как настоящий джентльмен, первой.

Быстро оглядываюсь назад. Как и ожидал, кое-кто из медперсонала, что уже заступил на дежурство, или просто уже прибыл на работу, с неподдельным интересом смотрит в нашу сторону. Понятно, Сергеевна, видно, уже растрезвонила всем, что неприступная Зина ночью в палате с тринадцатилетним пацаном полночи провела, и вышла оттуда только после того, как тяжёлого пациента привезли на скорой...

Но с этим Зизи сама справится, а мне так и вовсе поровну их домыслы и разыгравшаяся фантазия.

Всё, дверь отрезает нас от всех.

Зизи стоит предо мной, мнётся. В руках сумочку свою женскую мнёт. Глаза на меня не поднимает.

А вот теперь уж я точно из себя пацана несмышлённого строить не буду.

— Я тут... — начала она.

Но я договорить ей не дал.

Шаг вперёд и хватаю в охапку это смущённое чудо.

Ловко получилось, да и не сопротивлялась она совершенно, а даже

сама, с какой-то отчаянностью, прижалась ко мне, пряча у меня на груди своё лицо.

Приподнимаю её голову за подбородок. Смотрю в её зелёные глаза, а она, похоже, в полуобморочном состоянии находится.

Глазки прикрыты, а вот ротик наоборот, губки раскрыты. Вот эти губы и охватываем страстным поцелуем.

Костыль падает на пол, а мы так и стоим, обнявшись, и целуемся.

Затяжным вышел... и у самого голова кружится, представляю, что творится в данный момент с Зиной!

Отстраняемся.

Она молчит, явно бескуражена.

И я тогда говорю:

— Поверь, всё у тебя в жизни наладится, обязательно наладится. И встретишь в своей жизни того парня, который, когда ты с подружками по кабакам бегаешь, дома посуду моет и тебя ждёт!

Улыбаюсь.

Она подняла на меня свои прекрасные зелёные глаза.

— А может, вы вместе или в кабаке отдыхаете, или дома делами занимаетесь, и детишки у вас есть — сынок маленький и непоседливый и наверно, думаю, что зовут этого сорванца Андрей. И может быть, именно в эту поездку, в которую тебе, смотрю, совсем не хочется ехать и произойдёт эта судьбоносная встреча!

Она неверяще смотрит на меня. Не ожидала от меня таких слов. Подожди, посмотрим, как ты потом запоёшь, когда я всё, что хочу скажу, да и кое-что сделаю, так, чтобы запомнилось лучше. И мне очень жаль, что это будет не умопомрачительный секс!

А я, тем временем, продолжал:

— А я... А обо мне, думаю, ты будешь иногда вспоминать, глядя на своего сынишку. И, может быть, и тогда память напомнит о сегодняшней ночи... — она потупила глазки, — но ночь ведь, и правда, удалась.

Она только печально как-то так улыбается, понятно, и её та оговорка, «что без продолжения», явно у девчонки с наличием секса напряг, несмотря на то, что она медик. Но скромна, хотя эта скромность иногда куда-то девается, когда в организме чуток алкоголя, а рядом симпатичный мальчик и желательно моложе её. Знаю такой тип женщин, вот только они обычно стеснительностью не страдали, а тут...

— Но я имею в виду, что смотреться будешь в зеркало и видеть мой небольшой, скромный подарок, который я подарил на следующее утро, то есть сейчас.

Я одной рукой вытаскиваю из кармана золотую цепочку с крестиком, наверное, самую тоненькую из всех, и то, плетеная цепь явно по ширине была с полсантиметра, но смотрится довольно толстоватой на вид. И крестик больше мужской, чем женский. Но дарёному коню в зубы не смотрят, да и цепочка красивая, и крестик смотрится нормально.

А вот у моей красавицы опять глаза как блюдца.

— Это мне? — изумляется она.

— Ну, уж прости, за цветами прошвырнуться я за это время никак не успевал — улыбаюсь я.

Ого! Ей что, никто никогда дорогих подарков не дарил? Цепочка где-то под сотню стоит, в ней грамм так под тридцать, если не больше, и крест реальный. Не самый большой из того, что мне отдали, но серьёзный по весу. Цепочек у меня четыре, три перстня и какое-то кольцо с камнем. Не знаю, что делало женское колечко у бандюков, может рэкетнули кого, а может, кто и в подарок его для какой-то нимфочки при себе таскал, но факт остаётся фактом.

Беру её ручку, подношу к губам, целую каждый из пальчиков, а потом и это колечко надеваю. Как раз на её полные пальцы подошло, причём именно на средний.

— А это моему любимому лечащему врачу!

В глазах восторг и чувствую, что если бы сейчас была ночь, то уж девственником, в её понятии, я бы не остался.

— И последнее! — ухмыляюсь я. — Когда счастливой любимой жене становится грустно и мужа рядом нет, она на своём дорогом айфоне набирает знакомый номер. И звонит своему молодому другу, мало ли, о чём с ним можно поговорить?!

Выбрал айфон попроще, но и он по стоимости не менее семидесяти сейчас на сайтах висит. Почистил утром, сидя в очереди на сдачу крови. Убрал всё, и фотки с другим медиа, и журнал звонков обнулил, и перепрошивку сделал, вставив свою симку, программ разных накачал, обновил приложения, в общем, я оказывается, ещё тот хакер. Парень то мой в компах шарил не по-детски, не то что его отец, настоящий отец, то есть я.

Телефон в понтовом чехле-книжке, цвет — белый, новое всё и сам телефон, и чехол к нему.

От такого обилия подарков девушка потеряла дар речи, а я, воспользовавшись её временной недееспособностью и невозможностью соображать, начал двигать рукой, которая и прижимала тело моего врача, опустив ее как можно ниже по её телу, и припарковал точно на её, более чем классной попке.

Пара движений, чтобы приподнять платьице и вот мои пальчики щупают через ткань трусиков её обворожительную задницу. А вторая, передав девушке телефон и сказав при этом, что мой номер забит в разделе избранное, нежно сжал её левую сисечку.

Она сама потянулась к моим губам, а у меня в мозгах только и стучала мысль — а может, успею я её разложить на ближайшей кровати? Да и плывёт явно девка!

Огурец упирался ей в живот, а левая рука уже вовсю хозяйничала в её трусах.

Не ожидая такого от тринадцатилетнего пацана, моя дама чуть не сдала крепость.

Но, увы, она уже была трезва, а потому, освободив губы от поцелуя, прошептала:

— Меня машина уже ждёт, да и не успеем. Твой дед вот-вот нагрянет, а жаль! А ты там, в своём пророчестве, про моё семейное счастье не увидел, а этот молодой друг будет приезжать в Хабаровск и не будет он проводить с этой счастливой мамой и женой страстные встречи? — прошептала она.

— Всё возможно, — улыбнулся я, — даже наверняка, если, конечно, опять же будет в Хабаровске, хотя летом точно приедет на каникулы, да и у счастливицы же есть телефон, и можно просто договориться по приезде, не правда ли?

Так и стоим, прижавшись друг к другу. Женщина даже и не думает спрашивать меня откуда у меня для нее такие дорогие и необычные подарки. Чего, если честно, я больше всего опасался.

Сейчас же она одной рукой держала айфон, цепочку с крестом уже повесил ей на шею, кольцо на руке и вот эта рука с кольцом, нежно и, в то же время страстно, жамкала мой вздыбленный «огурец».

Лукавый взгляд...

— Ключ от двери не потерял? — спрашивает она немного подрагивающим голосом.

— Нет, — удивлённо говорю я, — но у тебя же и машина, и ехать надо, и дед вот-вот нагрянет!

— Плевать! Но, увы, по нормальному не получится. Закрывай дверь! — командует она.

Вот, что значит сильная женщина, привыкла принимать решения, и довольно трудные и неоднозначные.

Я, почти не отстраняясь, разворачиваюсь в полоборота, достаю из кармана джинсов ключ, благо, что дверь за спиной, втыкаю ключ в замочную скважину и делаю один оборот ключом.

И разворачиваюсь, а меня толкают на эту самую дверь спиной, и пока я барахтаюсь, неумелые руки пытаются расстегнуть мне ремень на штанах. Резкое движение сильных рук, и джинсы с трусами падают в район моих колен. Огурец торчит почти параллельно полу, немного задираясь концом головки вверх.

— Красавец! — облизываясь, произносит красавица. — А это, чтобы ты меня всегда помнил!

И опускается на колени, при этом сдёргивая одеяло с рядом стоящей кровати себе под колени.

А дальше...

Даже не знаю, как он смог уместиться своей головкой у неё во рту, и как она умудрилась при этом не подавиться. Или опытная в таком виде ласк, или рот большой, хотя я бы не сказал...

Но мне хватило буквально пары причмокиваний её умелого рта.

М-да, такое, и правда, никогда не забывается!

А между тем, походу, на это и был расчёт красавицы. Я был давно в настрое, сильно возбуждён, плюс к этому, необычные, за гранью возможного для пацана, ласки.

М-да. Не скоро, походу, до конца я смогу взять под контроль это тело.

Меня всего колотит, а чаровница и не думает освобождать моего бойца из плена. Да, в своей прошлой жизни, я такого вида ласки от многих получал, но в этот раз выброс гормонов счастья был столь велик, что я едва не потерял сознание.

Но, видя, что может перестараться и моё очередное возбуждение не за горами, дама решила меня пожалеть.

Со смачным чмоком освободила меня из плена и, поднявшись с пола, произнесла, спокойно глядя в мои глаза:

— На большее, увы, времени нет ни у меня, ни у тебя, но думаю, что и ты будешь теперь ждать моего звонка, а когда будет оказия, позвонишь сам. Номер я пока менять не собираюсь, так что жду звонка, и сама тебе позвоню, узнаю, как устроился в детдоме. Штаны одень, да и собираться мне пора, а пока пара слов. О тебе непосредственно. — И, видя, что я уже начал нормально соображать, продолжила. — Восстановление у тебя странно проходит. Я не могу сказать, чем это всё обуславливается, но вот на обследование тебе надо будет приехать. И сегодня я такие наставления по телефону Яковлевича попросила в эпикризе написать. По возможности. Но сначала позвони, чтобы я была на месте и тобой позанималась.

Потом столь же лукаво улыбнулась.

— Мне и одной хорошо, мой оракул, но вот сына и правда хочется! И

кто знает, может, и без мужа я смогу его заполучить? Нет, с этим-то, как раз, проблем нет, но хотелось бы по любви...

Опять этот взгляд.

И опять.

Бздынь, бздынь, бздынь.

— Меня уже торопят, — печально говорит она, — ключ потом Сергеевне отдашь, или лучше Марине Николаевне, я ей позовню, подруга какая-никакая всё-таки.

И прильнула ко мне, чмокнула в район шеи.

— Спасибо за всё, и жду на обследовании, — смеясь, произнесла она, — открывай, Казанова!

— Почему Казанова? — изумился я.

— А кто Марину пригласить на отвальную успел? — спрашивает она.

— Так это ещё до того, как у меня вечерняя прогулка наметилась в ваше дежурство, — оправдываюсь я.

— Да ладно, не оправдывайся, — смеётся она. — Ты мальчик видный и силён, — а глазами показала мне на мою, только что застёгнутую ширинку. — С Мариной и вовсе можешь не стесняться, она очень любит юных кавалеров, и размер для неё тоже имеет не последнее значение. Яковлевич поэтому и просто друг — не прошёл тест, но вот у тебя, думаю, есть шанс сдать его с большим успехом.

— Ты можешь так спокойно об этом говорить? — сделал я удивлённое лицо.

— Я же не юная девочка, хотя когда то и была. Неопытной и большой идеалисткой. А сейчас, ничего против не имею, — улыбается она. — Тем более, ты очень удобен, уж прости, скажу честно. Про размер твой по отделению, среди медсестер, да чего там, и врачей тоже, сказки рассказывают, кстати, с подачи всей той же Марины Николаевны. Ну и второе, и основное, несмотря на твой возраст, у тебя есть ещё одно преимущество.

— И какое? — удивился я не на шутку.

— Ты сирота, — печально говорит она, — уж прости меня за эту горькую правду, кому тебе жаловаться, если что?

Права, во всём права!

— А потому, звони и на обследование найди время приехать!

— А если к тому времени ты замуж выйти успеешь? — задаю я вопрос.

Та лишь отмахнулась.

— А какая разница-то? Ты же сам сказал, что ты для меня останешься

навсегда юным и молодым другом, а и между друзьями иногда происходит такой желанный, дружеский секс, — она мне подмигнула, — и спасибо ещё раз за подарки.

Обнимет меня, целуя в щёку.

— Звони!

И отстранив меня от двери, повернув ключ в замке, вышла из платы.

* * *

Сижу у себя на кровати, перевариваю случившееся.

Что-то непонятное творится. То стеснительная до одури, то шпарит минет, как заправская шлюха. Непонятно. Увы, не разбираюсь я в женщинах, или это так на неё мои подарки подействовали? Даже не знаю, что и сказать. И это предупреждение насчёт Мариной! Но на что-то подобное я, если честно, и надеялся. Мадам хороша собой, несмотря на возраст, и если нас, мужиков в возрасте, всегда тянет на девчонок помоложе, тогда почему и женщинам не должно хотеться молодого тела? Мораль? Да, эта сторона медали весьма темна, но если вспомнить историю, того же Калигулу или Александра Македонского, то мои возможные отношения с великовозрастными дамами уже не выглядят так уж неприлично. Да и законодательство, нет, если посмотреть закон о совращении малолетних, но я ведь в душе далеко не мальчик! Вот же, выбор. Или не дёргаться и пусть его за меня делают другие, как и произошло, впрочем, с моей Зизи. Можно было отпустить её так, и не набрасываться в первые минуты общения, но уж больно она выглядела смущённой и потерянной, хотелось вырвать её из этого состояния виноватой. А в чём она была, собственно, виновата? Что среди других мужиков не могла найти себе, не то что пару, а просто любовника? Кто знает, что у неё за тараканы в голове, хотя, как раз меня-то, это и не должно особо волновать. Даже не знаю, когда и вообще, встретимся ли мы вновь, но это требование прибыть на обследование, хм, если это написано в моих выписных документах, то думаю, что для директора детдома это будет весомым аргументом, чтобы способствовать моему убытию на это обследование именно в Хабаровск и именно в Краевую больницу. Но этот момент проясню сегодня с Яковлевичем — он тоже на посиделки приглашен, и он тоже для меня многое сделал. И ангелочек мой будет...

«Ты смотри, как Зизи то о Марине высказалась, вроде как, и не ревнует, а с другой стороны, ага, значит, я — Казанова. Интересно, когда я

им успел стать то для неё?»

Заправил кровать, которая стала свидетелем всего произошедшего. И главное, одеяло не пострадало.

Ключ припрятал. Сейчас вот-вот дед появится, надо и продумать, что с деньгами делать, с золотом и другими вещами, доставшимися в качестве трофеев, добытых в бою. Оставлять всё это богатство без присмотра нельзя. Меня сегодня никто никуда дёргать не будет, все анализы я сдал. Процедур у меня нет, уколы не ставят, физиопроцедуры закончились. Полежу, посплю. Высплюсь перед завтрашней ночью. Чуть позже Марине позвоню, попрошу, чтобы прикупила мне...

И тут раздаётся трель моего телефона.

Не понял?! Кто это может меня в такую для меня рань беспокоить? Да и кто вообще может меня беспокоить? Так, это явно телефон не Марины и не Карловича, но что мне мешает ответить на этот требовательный вызов, вон уже сколько ждёт абонент и не отключается, значит, человеку что-то от меня надо. Послушаем, но вначале включим-ка мы диктофон, я знаю, как это сделать.

— Да-а? — неуверенно произношу я в трубку.

Смутно знакомый голос произносит:

— Чё так долго не берёшь телефон? Спишишь ещё, что ли?!

Та-а-ак, и кто это может быть? — думаю я.

Но мне помогли.

— Привет, это Саня!

Всё понял, всё встало на свои места.

— Привет, Саня! Чего так рано звонишь? — обрадовано затараторил я в трубку.

— Какой рано, парень, девятый час ты называешь рано? Я уже успел кучу дел переделать и не сплю уже часа три точно. Всё на ногах, вернее, на колёсах. Карлович дал добро на нашу поездку, но есть и неприятные моменты, — вздыхая, говорит этот жизнерадостный парень.

Сложно не быть жизнерадостным, когда, по сути, за простые дела такое баблище платят, причём в твёрдой валюте, ну, если, конечно, Карлович не соврал мне.

— Какие? — спросил я. — И насчёт рано — не забывай, куда ты звонишь. Это больница, Саня, тут никто никогда никуда не торопится, и спать можно сколько получится — во сне быстрее выздоравливают.

— Ага, ага, как же! Выздоравливают быстрее, когда деньги есть на лечение и на врачей хороших, но уж точно не от времени, сколько ты

дрыхнешь в кровати! — вновь смеётся парень.

А он мне всё больше и больше нравится.

— Короче, Склифосовский, знаешь, кто это? — уточняет он.

— Знаю откуда это! — в ответ, говорю я довольно заносчиво.

— Неожиданно! — удивляется Саня. — Короче, меня нагрузили попутными делами, так что водка и бабы временно откладываются до моего очередного приезда в Комсомольск. Обязательно там тебя навещу, но к корешу моему заедем в любом случае. Я ему уже отзвонился. Он в Хурбе, это от города всего в пяти-десяти километрах. Почти в черте города. Если не знаешь, в Хурбе аэропорт города расположен, в общем, у него переночуем, потом я тебя на Дзёмги закину. Но обговорим всё чуть позже. Планирую после обеда к тебе заехать. Не люблю серьёзные дела по телефону обсуждать.

— Но иногда ведь приходится? — уточняю я.

— Приходится, но не люблю.

И тут в голове у меня щёлкнуло.

— Слушай, Саня, а ты не мог бы мне кое-что прикупить?

— Что надо? — стал резко серьёзным голос моего собеседника.

— Да, мне бы такое... — я замялся. Трусы и носки я себе сам, пожалуй, в Пятёрочке сегодня куплю, а вот остальное...

— Тут такое дело. Я отвальную врачам и медсёстрам хочу устроить, тем, кто отнеслись тут, в больнице, не просто нормально, а с сочувствием и состраданием.

— Отличное дело! — поддержал мои начинания Сашок. — Что нужно от меня?

— Я тебе СМСкой скину список, что из бухла прикупить, ну то, что я уже пробовал, а вот врачу-реаниматологу, у которого в палате я почти месяц отлёживался по первости, мне бы конины нормальной. Цена значения не имеет. Но такое, в подарочном варианте.

— Не вопрос, сделаем. По деньгам потом разберёмся. Что-нибудь ещё надо?

Я задумался. Его просить или Марину? Но думаю, что проблему решать надо быстрее.

— Тут такое дело, у меня сосед явно на руку не чист, да и зэк бывший, всё пытался свои порядки в палате устроить, но был мной послан. Но вещи он мои прошерстить может, а тут у меня куча ценного от трофеев! Так вот, мне бы, что из серьёзного прикупить — саквояж там, или что для ноутбука, сумку, например, но обязательно, чтобы молния на замок цифровой закрывалась. И не китайская подделка, которую простой булавкой открыть

можно. Я бы туда все свои ништяки с деньгами сложил, уж сумку, думаю, не уволокут. А то придётся быть привязанным к кровати и сторожить свои богатства.

— Да, это не дело! — согласился Саня. — Тогда, так. Я к тебе Петро сейчас пришлю. Он закупит всё по списку, что ты пришлёшь в сообщении. Ну и из кожгалантереи прикупим что-нибудь серьёзное. Что ещё?

Я решился.

— Мне бы трусы с носками и футболку с шортами, с моими казус вышел.

Ну, не говорить же, что я их слегка «испачкал».

— Решим. Размер скинь. У тебя, где-то пятидесятый-пятьдесят второй. Щербатый, конечно, по сравнению со своими торпедами дрыщ был, но всё же парень крепкий, и считал себя деловым и не без основания. Всё, давай! Часа через два Петруха будет прямо у тебя. Номер отделения и номер палаты скинь. Прямо до двери всё принесёт, да и светанётся перед твоим соседом, чтобы дать понять..., а то он по любому думает, что за тобой никого нет и никто за тебя не впряжётся, если что, а так, Петро увидит, его кулаки оценит и поймёт, что лучше не нарываться. Жду сообщения, и сам подъеду ближе к вечеру, или, может, даже сразу после обеда, как получится. По поездке при встрече всё и обсосём. Всё, бывай, до скорого!

— До скорого! — произнозу я.

А сам начал лихорадочно прикидывать, какой сейчас у тела сына размер. Саня явно понимает в вещах, а вот я в этом полный профан, несмотря на то, что большую часть своей прошлой жизни я жил один и обеспечивал всем себя сам, в том числе и одеждой, правда закавыка в том, что в основном я гражданской версией не пользовался, от слова совсем. Командировки — понятно, а отпуска обычно проводил в ведомственных санаториях.

Набрал СМС для Сани, указал название вина, что из закуски взять. Примерный список.

А после, плонув на всё, завалился спать.

Сколько проспал понять не смог, пока на часы не посмотрел. Я даже не слышал, когда и как появился в палате дед Макар.

— Скоро уже на обед идти, — проворчал он. — Ты чего сегодня столько дрыхнешь? — уточнил он. — Не выспался, что ли?

Я же и вовсе ничего говорить не стал, просто сделал вид, что ешё в дрёме пребываю.

В палате грохочет музыка, приёмник этого вредителя на полную мощь работает, а мне то что? Громко, не спорю, но я уже почти проснулся.

И тут звук открывающейся двери.

— Здравствуйте! — раздаётся незнакомый голос. — А Андрей где?

— Да вон, спит, гулёна. — Скрипит со своего места дед, видно удивлённый, уж больно голос у этого наглого старика бархатом налился.

А, ну понятно, впечатляют габариты Петра!

— Привет, Андрюха! — поднимает меня своей огромной лапой, почти за шиворот, добродушный украинец.

— Здравствуйте, дядя Петя! — произношу немного заторможено я. Всё-таки спалось мне хорошо.

— Ну, и лады!

Вижу несколько больших пакетов у моей кровати.

— Александр Данилович просил завезти. Посмотришь сам. Я прикупил всё согласно списка, что мне передали. Вон, в том, самом большом пакете саквояжник симпатичный и сумка для компа.

Я аж глаза закатил. Я же просил либо это, либо то, хотя, мне всё равно в детдом надо комп покупать. Системник не возьмёшь, а потому, либо нетбук, либо ноут.

— И Саня сам тебе свой планшет передал. Сказал, чтобы эти дни было чем заняться. По нету полазишь, фильмы посмотришь.

А ничё так, серьёзный аппарат.

— Он его сестрёнке купил, а та носом крутит. Он новый, вроде айпад эппл, почти семьдесят штук за него отдал недавно, а теперь всего за полтинник отдаёт.

Я усмехнулся. Ну, эту версию явно для деда скармливают. Саня у кого-то забрал дорогущий девайс, но понимает, что ему он не в тему, а денег стоит, вот и скидывает по приемлемой цене.

— Я гляну, тогда и решу, — говорю я.

Петро согласно кивает головой.

— Посмотри-посмотри, — усмехнулся Петруха, — вон, в том пакете шмотки, что ты просил прикупить. Глянь, давай, по-бырому, разоблачайся и примеряй. Что не подойдёт — поменяем. Всё договорено.

Пока я скидывал с себя джинсы от Щербатого, Петро продолжал докладывать:

— По вину — всё норм. Пара пузырей, как и просил. Конина серьёзная. Французский эксклюзив. Поставщики солидные, проверенные. Гарантию даю, что оригинал, а не дешёвая подделка.

Дед Макар смотрит на разворачивающийся перед ним цирк, раскрыв от изумления рот. То четыре месяца ко мне никто не приезжал, а тут...

Кинулся первым делом к пакету с вещами.

М-да, чувствуется фирма.

Саня с фантазией к делу подошёл, хотя, думаю, что просто звякнул знакомым держателям магазина, скинул им мой рост, размер и возраст, и они уже сами подобрали для меня вещи на свой вкус и опыт продаж.

Что сказать, в таком прикиде весьма опасно было бы моему сыну в детдоме появляться. Слишком много завистников будет и желающих прибрать к рукам мои обновы. Но со мной, даже в этом теле, такой фокус уж точно не пройдёт, да и надо резко все непонятки обрубать. Раз слабину дашь — заключают и обдерут как липку, хотя я сужу, конечно, по своему прошлому опыту.

Но вряд ли что-то серьёзно за эти годы изменилось, разве что, ещё более усугубились противоречия, все-таки сейчас в мире правят деньги, а они у меня, как ни крути, они пока есть, ещё не отобрали.

Две футболки. Как и просил длинные, и по размеру, вроде, норм.

Раздеваться при всех, конечно, стрём, трясти тут своими телесами, но Макар, который дед, уже привык за эти месяцы к моим формам, а Петро видел меня в деле, вернее, видел результаты моих действий, а потому стеснения побоку и примеряем обновки.

Так, носки и трусы в сторону. Трусы, как и просил, боксёры, но материал хлопок. Люблю, когда там всё свободно и просторно, а главное, не в обтяжку и проветривается.

Осмотриваю футболку — рисунок нанесен, что-то молодёжное, мне, в принципе, всё равно, а вот материал понравился. Чистый хлопок, причём на удивление плотная ткань, а не марля, слава богу. Пойдёт.

Свободновата, но я такую и просил.

Теперь — шорты. Эти, вроде как, и вовсе под бриджи выполнены. Куча карманов, причём все на липучках, а на заднице — под молнией. Цвет — хаки, и даже лэйбочка какая-то на коленке имеется. Ничё так, брючина только ниже колена чуток свисает. Нормально. И материал, реально, плотный.

О! А вот и этикетка с ценником. Глянем, поинтересуемся.

Ну-ка! Ну, ничего себе, цена! Две пятьсот и это только за шорты!

Надеваем.

А неплохо. Жаль, зеркала в палате нет, и не увидеть, каким я в этих прибамбасах красавчиком стал. Но вот по виду Петра, вроде как, мне всё идёт, разве что моя фигура больше на бочонок пива похожа. Невысокий, толстоват, а в балахонистой футболке свободного покроя и обрубленных брючинах шорт, я явно не могу претендовать на сердцееда или спортсмена, но над этим мы ещё поработаем, дайте только время.

— Красавец! — комментирует мой парад моделей Петро.

Я же кручу в руках вторую футболку.

Если первая имела какой-то блеклый серый цвет, то вторую почему-то выбрали ярко-жёлтую. Но мне всё равно, главное, чтобы по размерам подошла.

— Тут тебе ещё Александр Данилович просил летнюю обувку прикупить, — говорит отчего-то застеснявшийся Петро. — У меня братан твоего возраста, так он всё лето в шлёпанцах, типа римлянок ходит. Они без носков носятся, но, честно, класс. И ноги дышат, и обувать их легко. Вот и тебе я такие же прикупил. Кроссы у тебя, я помню, уже есть, а эти так, на повседневное ношение подойдут.

И ещё один пакет подаёт мне, а там коробка с обувью.

— Эти я в Спортмаркете брал. Недорогие, но по заверениям брата очень ноские. Он свои там же два года назад покупал и до сих пор носит. Застёгиваются, как видишь, на липучку и цвет под твои шорты. Вроде, по цветовой гамме весьма удачно всё подобралось, — улыбается бугай.

Я согласно киваю.

Проверим.

С размером угадали.

Обулся. А ведь, и правда, очень удобно, совсем как мои тапки на ноге чувствуются, но за счёт ремешка на липучке очень плотно на ноге сидят.

— Норм! — просто говорю я.

— Ну, а по хавчику и бухлу ты сам уже разберёшься. — Поднимается со стула довольный выполненной миссией хохол. — Данилыч попозже подъедет, — улыбается он. — Закуску бы, конечно, в холодильник положить. — Рекомендует опытный домовитый Петруха. — Фруктам то ничего не будет, а вот конфеты и тортик с мясом, могут и подпортиться на такой жаре.

Я киваю.

— Решим. В сестринскую отнесу, думаю, не откажут. — Решаю я.

— Ну ладно, я тогда отчаливаю, — лыбится бугаёнок. — Может чего ещё надо?

Я задумался.

Планшет — это конечно, хорошо, но для работы, именно работы, в интернете надо что-то посерьезней. Системник мне теперь ни к чему, да и дома у меня, вернее, у сына есть навороченный аппарат — все-таки я, оказывается, хакер в душе, но его могла и сеструха, пока меня нет, к рукам прибрать. Как-никак навороченный игровой комп, и монитор широкоформатный, отчим тогда мне, вернее, сыну на дноху купил за

полтораста тысяч этот дорогущий девайс. Но для игрушек он самое то.

Вот за него и бились с сестрой. У неё такого продвинутого монитора не было, да и системник я серьёзно апгрейдил — наворотов в нём немеряно было. А раз из-за квартиры такой сыр-бор разгорелся, то уверен, что мой комп уже давно поменял владельца.

Ну, да бог им судья!

— Я вот о чём подумал, — говорю я, смотря честными глазами на добродушное лицо этого огромного украинского Муромца. — Может, у «СЕСТРЫ» Александра Даниловича и ноутбук есть, на продажу? Желательно, мощный и игровой.

— Ноут? — сделал задумчивое лицо Петруха. — Подберем, думаю, по сходной цене. Тебе максимально мощный на данный момент? — уточняет он.

Я же соглашаясь, киваю.

— Да, по возможности, — скромно опускаем глазки.

— Поищем. — Резюмирует хохол.

— Тогда, в принципе, всё. — Говорю я.

— Раз так, то бывай! — хлопает меня по плечу Муромец своей клешней-лопатой. — Не скучай тут. Если чё не так, — взгляд кидает парень в сторону прикинувшегося ветошью деда, — звони, решим любые проблемы.

И двинул на выход.

Дед сидит, молчит, явно впечатлён. Произвёл впечатление на него «шкаф ходячий», а ведь так добродушно улыбался хохол, но опытного зэка вряд ли удалось провести. Он опасность за версту чует!

Через некоторое время я в палате остался один. Макар слинял, видно к дружкам, в соседнюю палату намылился. В картишки перекинуться, ну и поделиться последними сплетнями насчёт меня.

Я же решил перебрать свои вещи и по возможности припрятать ништяки, которые так нечаянно получил в виде трофеев после боя.

Сумка для ноута темно-коричневого цвета, кожа под крокодиловую оформлена, специальным тиснением. Кармашки и впереди и с тыльной стороны. Основной раздел, куда и пакуется ноут, закрывается на две молнии, с расходом в противоположные стороны, а посередине имеется центральный номерной, наборный замок.

Туда кидаем всю наличку, волыну с наплечной кобурой и запасной обоймой и мешочек с остатками золота.

Себе я уже выбрал цепочку и теперь она вместе с крестом у меня на груди примостилась. Перстенёк даже себе отобрал с чёрным камнем.

Простой, неказистый, но мой повысившийся статус показывает. Не каждый парнишка решится на себя столько рыжья навесить.

Но продолжаем провокации. Все разборки начнутся по приезду в Комсомольск, а пока надо попривыкнуть к этим цацкам из жёлтого металла.

Портмоне себе выбрал самое, на мой взгляд, удобное. И кармашки для карточек имеются, и бумажник с отделением под мелочь, и даже раздел для паспорта, который мне надо будет получать уже в следующем году. А пока, где-то дома припрятан мой загранпаспорт, если, конечно, и его мои родственнички не прихватили.

В сумку для ноута припрятал и трофейные телефоны. Но это пока. Уж чего-чего, а подарок жены моему сыну я на эти гаджеты менять не буду, но вот избавиться от них надо, и я уже придумал, как это сделать, тем более, один я уже умудрился подарить, получив за эти подарки...

Сладкая истома прошлась по телу. «Огурец» на такие провокационные мысли весьма прогнозируемо отреагировал.

Успокаиваемся!

Вещи — кроссы, джинсы от Щербатого, новые футболки, причем в саквояж. Саквояж выдержан в той же цветовой гамме, как и сумка для ноута, но вот по размерам впечатление произвел. Если постараться, то в этот саквояж я всю свою одежду, включая зимнюю, помешу. Надо только вакуумные пакеты для хранения одежды прикупить. Так и место сохраняется, и упаковывать свои пожитки будет легче.

Пачка пятитысячных заныканы в сумку, в один их кармашков, что под замком. Это, на сегодня, мои основные оперативные финансовые активы. Когда я ещё смогу спокойно с карточки деньги снять, а тут у меня всё под рукой! Мало ли, что ещё прикупить понадобится?

А не позвонить ли мне Карловичу?

Посещала тут меня одна мысля...

Сказано — сделано.

— У телефона! — Карлович никогда по телефону первым не здоровается.

Или это он только со мной позволяет так себя вести?

— Это я! — произнёс я.

— Это я уже понял. Чего хотел?!

Не выспался, что ли?

— Дядя Кеша, — решил я пойти на обострение, — я бы хотел уточнить один момент. — Говорю уверенно я.

«Дядя Кеша» для него, видно, как красная тряпка для быка, но со мной

он сдержался, тем более, я его так впервые назвал, и вообще, он первым начал!

— Говори, но покороче. У меня мало времени. Саню я с тобой отправляю, но с тобой возиться ему будет некогда. С директором там, вроде, всё оговорено, тем более, я сам ей хотел скоро звонить.

Я обрадовался. Значит, успел.

— Я как раз по этому поводу и хотел вас побеспокоить, дядя... — но закончить фразу мне не дали.

— Ещё раз дядей назовёшь — уши оторву! — хмыкнул он в трубку.

— А Кешей, значит, можно?! — смеясь, уточняю я.

Он в ответ тоже смеётся.

— Короче, племянничек, чего хотел?

Я перевожу дух. Похоже, первый раунд общения остался за мной.

— Вы ведь за меня этому интернату деньги платить будете? — задаю я, интересующий меня больше всего вопрос.

— Твой отчим и его друг были выпускниками и воспитанниками этого детского дома. Шестьсот тысяч в год в качестве помощи, по полтиннику в месяц побратимы платили, и так по мелочи помогали. С ремонтом, например, из коммерсов помочь спонсорскую выбивали, стройматериалы по дешёвке находили. В общем, своей альма-матер они платили, как могли. И за тебя шеф сказал решить вопрос с выплатой.

— Вот о ней я бы и хотел поговорить.

— И чего ты хочешь? — уточняет он.

Он сам видно заинтересовался, что же мне очередной раз в голову пришло?

— Я тут подумал, — со вздохом говорю я, — мне ведь в детдоме может стать скучно...

— Чё?! — не понимает ход моих мыслей старый еврей.

— Я, зная себя, обязательно что-нибудь замучу, естественно, в рамках детского дома. Вот под это мне, по-любому, понадобятся деньги. Вот я и подумал, а если сделать так, чтобы деньги, выделяемые под меня побратимом моего отчима, без моего согласия директор не мог бы расходовать?

Карлович задумался.

— В принципе, не вопрос, это решаемо, хотя для тебя возникнут определённые трудности. Мало кому понравится отчитываться за спонсорские деньги, тем более, спрашивать разрешение на эти траты у молокососа. Хотя директору и так грех жаловаться. Ему, вернее ей, и так пятьдесят тысяч безотчётных капает в месяц, а на тебя, в память о друге,

босс выделил сотню в месяц. И это — до хрена! Но есть у них общий счёт — до сих пор туда с одной интересной темы деньги капают, так что босс не свои кровные на тебя тратить будет, а, так сказать, неучтённый общий доход. Но он человек слова, и твой отчим был ему самым дорогим другом в этом мире. Так что пользуйся!

— Так можно? — спрашиваю я, а сам в голове просчитываю.

Ага, в год миллион двести тысяч рябчиков! Нехило можно развернуться там.

— А почему нет? — отвечает, немного помолчав, Карлович, — но всё должно быть в рамках детского дома, и тратиться только на его благо. Согласен?

— Да! — быстро соглашаюсь я.

— Тогда, не вопрос. Кстати, по нашим с тобой выплатам, которые так неожиданно появились. Пока всё в силе и насчёт суммы, и насчёт вида валюты. Карту я тебе уже сделал. Деньги ещё со вчерашнего дня пошли. Первые транши. Но, чтобы не привлекать внимания большими выплатами, мы будем тебе ежедневно на карточку кидать по сто пятьдесят тысяч рублей. Семьдесят лямов — это реально много. Но пока сумма не корректировалась и, как сам понимаешь, корректироваться она может только в сторону уменьшения, но пока — так. Считай, полтора года выплачивать будем, или что-то ты за свой счёт серьёзное оплатить захочешь по заключённому договору. Это оплатим без проблем и решим по составленному договору. Карту тебе Данилыч привезёт. Сразу личный кабинет запусти и привяжи на свой телефон. Мобильный банк не советую запускать — мошенников хватает. Так, ещё вопросы есть? Вариант этот, о котором ты просишь, по деньгам, я себе записал, но, как понимаешь, я его ещё с боссом обкашляю. Увы, но без него никак, всё-таки это он платит, как ни крути.

— Да понял, я понял! — а сам только поморщился.

Ну, если не выгорит, то уж тогда, если приспичит, придётся только на свои силы и средства рассчитывать, но, думаю, раз уж Карлович говорит, что так и так проплата не из личного кармана босса идёт, то и отказывать мне, в моей малой просьбе, смысла никакого нет. На это и понадеемся.

— Ну, раз понял, и вопросов больше нет, то не отвлекай меня больше! — заканчивает со мной разговор дядя Кеша. — С этого момента — Саня твой куратор. По любым вопросам — к нему, не сможешь до него дозвониться, тогда уже прошу ко мне, но это на крайний случай. По нашим финансовым делам с ним говорить не стоит, хотя он и в курсе. Если что будет непонятно по выплатам, все-таки полтора года это срок — обращайся

в любое время суток. Деньги учёт и бережное обращение любят. Всё, я отключаюсь. Пока!

— Пока! — произношу я.

Что же, кое-какие позиции я уже за собой застолбил, ещё даже не попав в детдом.

А теперь отдохнуть, и ждём Саню.

* * *

Наверное я вымотался, поработав над своим внутренним физическим состоянием с помощью техник от богини, разогнав по телу кровь и энергию вместе с ней, потому что спокойно провалился в объятия Морфея.

Как дед Макар убыл домой я и не понял. Сходил на ужин, закрыв перед этим дверь палаты на ключ. У меня там вещи.

Вышел на улицу погулять и подышать свежим воздухом.

Саня отозвонился. Извинился за то, что сегодня уже точно не приедет. Назначили стрелку на завтра. А ведь этот день у меня последний в больнице. Послезавтра в обед или перед обедом меня уже выпишут. Могут даже после обеда. Зато, Саня обрадовал, он нашёл для меня отличный новый ноут по приемлемой цене. Как раз сейчас несётся в сторону Вяземского — там у него скопилось несколько нерешённых неотложных дел, заодно и долги в виде ноута у чувака какого-то заберёт.

Меня, впрочем, эти проблемы не волновали, кто и чем за долги расплачивается с Данилычом, главное, не своей задницей и семьёй, как показывает практика.

Утро следующего дня встретило меня неласково, в виде брюзжания деда Макара. Как же он мне уже осточертел!

Вчера я не стал задерживаться на прогулке и вернулся в палату, а там сразу залёг в постель, после чистки зубов, и, погоняв энергию по телу, провалился в сон.

Проснулся поздно, вернее, разбудили.

Макар опять наезжал на меня за то, что я на завтрак не ходил. Проспал.

А что, меня вообще-то к выписке готовят и вставать так рано, чтобы на завтрак успеть не очень-то и хотелось. Процедур никаких нет, осмотра врачами тоже, а крови я и вчера с пол-литра этим вампиршам в белых халатах сдал, тем более, перед отвальной и разгрузочный день устроить не помешало бы, для моего же здоровья.

— К тебе тут Марина Николаевна прибегала, — цедит сквозь зубы дед, — что-то спросить хотела, а ты хранишь. Сказала, чтобы как проснёшься, умоешься и зубы почистишь, к ней в реанимацию заглянул. Они там всё с ночной девкой маются, но, вроде врачи говорят, что не жилец она — побита очень сильно.

Я же только буркнул в ответ, что все усёк и поплёлся к умывальнику на утренние водные процедуры.

Потом, плюнув на всё, вышел на улицу. Идти в реанимацию не хотелось. Проще позвонить. Если свободна Марина, то и ответит.

Так и получилось.

Добрался до своей любимой лавочки-скамейки. Развалился на ней поудобней, устроив свою многострадальную правую ногу как можно удобней, подставил лицо лучикам солнца и взялся за телефон.

— Ты уже встал? — грустный голос Маринды.

Что-то у них там случилось, понял по её интонации я.

— Да. Умылся и на улицу вышел. Ты что-то хотела сказать?

— Да. На вечер, вроде всё в силе, и Яковлевич обещался быть. Хочет тебя проводить по-человечески. Будем у тебя в палате сидеть. Хотели у нас в ординаторской, но тут такое дело — девчонка, которую вчера привезли, скончалась.

И тут всхлипы в трубку.

— Она как моя Санька и по возрасту и внешне очень похожа. Боги, шестнадцать лет ведь всего! — и опять всхлипы. — Плохо, что в моё дежурство, да вообще плохо, что погибла. Сейчас полицию ждём, и из прокуратуры должны прибыть. Родители приехать должны. У неё остановка сердца... два раза с утра была. Третий раз уже откачать не смогли. Сейчас бумажной волокитой замучают. Ну да ладно. Продукты у нас в холодильнике. Вино там же. Коньяк я Яковлевичу купила. Жди сразу после ужина, если опять кого тяжёлого не привезут. Ну, всё, целую! До вечера.

Я глубоко вздохнул и прикрыл глаза.

Тело буквально впитывало солнечную энергию, разлитую вокруг, как губка. Все-таки погибла девчушка, которая и мне такой вечер поломала. Да, пускай бы ещё не раз ломала, но живой осталась.

А ведь я тоже мог быть на её месте, и ведь был, вернее, был мой сын!

Настроение упало до нуля.

Поняв, что даже прогулка мне не сможет его поднять, поплелся, прихрамывая, на своё костыле обратно в палату. Лучше посплю, пока Саня не приедет. В итоге, проспал и обед.

Дед Макар всё стебается надо мной. Я же, сmurной, у себя на кровати занимаюсь эспандерами.

Вещи мои на месте. Замки не взломаны и контролька, в виде тонкого волоска, всё также на месте. Значит, испугался дед, и к моим вещам вредный старикан так и не притронулся.

Я же занимаюсь физкультурой, стараясь всё больше нагрузить упражнениями, не привыкший трудиться этот молодой организм.

Ближе к ужину раздался долгожданный звонок. Саня!

— Я в минуте ходьбы от тебя. Только сейчас с дежурной медсестрой разберусь, чтобы подсказала куда идти. Жди.

И отключился.

Макар уже слинял домой, а я занимался дополнительно ещё и айкидо после его ухода, и всё думал о предстоящей отвальной.

Всё говорило о том, что меня сегодня по-настоящему сделают мужчиной, и я от такого развития событий точно не отказался бы и совершенно не возражал бы, если всё так в итоге и произойдёт.

Яковлевич к своей зазнобе сорвется, если и вовсе с нею к нам на посиделки не заглянет, с него станется. Хотя, мне то что?! Всю ночь с нами они сидеть не будут. Им будет чем заняться, надеюсь, что нам с Николаевной тоже!

Неужели меня трясёт мандраж?

Сам себе удивляюсь.

Этих баб через моего младшего друга приличное количество прошло, а тут, на тебе, трясишься как наивный десятиклассник перед выпускным экзаменом.

Открывается дверь.

— Ну, наконец-то нашёл! — всю палату заполняет жизнерадостный голос этого весёлого бугая. — Ну, привет, бродяга!!! — Приобнимает меня, вставшего на ноги, за плечи. — Садись, в ногах правды нет!

Смеёмся.

— Я тут тебе передачку принёс. По комсомольской трассе шашлычная классная есть, «У Закира» называется. Это по объездной, недалеко от посёлка Горького. Там лучшие шашлыки в Хабаровске делают и люля. А у тебя сегодня, вроде гульбан намечается? — и тут же интересуется, пытаясь видно вогнать меня в краску. — Презики то хоть подготовил, так, на всякий случай?

Я, молча, киваю. Ну не говорить же ему про подколку дяди Кеши.

— Я тебе тоже фирменных подкинул. Правда, не знаю, угадал ли с размером?! — и ржёт.

Вот же, говнюк!

— Впрочем, лучше так, чем никак. — Потом на секунду замолкает. — А теперь, давай по нашим делам пройдёмся. — Улыбается. — Вначале, по позавчерашним непоняткам. — Помолчал немного. — У хмырей я ещё потом часы отобрал, — вздыхает как-то виновато.

Я удивлённо смотрю на него.

— Если бы был ширпотреб, то и не вспомнил бы, но пара часиков весьма, весьма.

И протягивает мне два произведения искусства.

— У водилы отобрал одни. Противоударные и водолазные. Умные титановые часы, с титановым браслетом. Garmin Fenix Chronos. Проверил по нэту. Стоимость — запредельная. Ты, вроде как, в компах шаришь и к спорту начал серьёзнее относиться. Пригодятся, они, вроде как, с GPS/ГЛОНАСС с защищенным титановым корпусом и сапфировым стеклом. Я там читал, что есть.

И читает с бумажки, которую достал из кармашка на рубашке:

— Встроенный в корпус оптический пульсометр Elevate™ для измерения пульса с запястья. Профиля для различных видов спорта, таких как бег, велоспорт, плавание, лыжи. Короче, круть. Туристические и навигационные функции GPS/ГЛОНАСС с записью трека, улучшенный барометрический альтиметр, барометр с прогнозом погоды, трехосевой электронный компас и прочее. Функции «умных часов» — беспроводная связь с совместимым смартфоном, интеллектуальные оповещения и загрузка дополнительных приложений и циферблотов из магазина Connect IQ™. Цветной, постоянно включенный трансфlectивный дисплей Garmin Chroma Display™ 1,2" с отличным качеством изображения даже при солнечном свете. В режиме «умных часов», Chronos работает до одной недели без подзарядки. Владей!

Я же верчу в руках оба хронометра.

— А вторые, зачем тогда? — недоумённо спрашиваю я.

— Это уже ВИП вещь, — хмыкнул Санёк. — Так сказать, статусная, для официальных приёмов. Петруха, сука, зажилил — хохол, что тут скажешь. А как цену узнал, так сразу в кусты — крысятничество нигде не приветствуется. Но, узнав, что часы дорогие, на общак скинул, да только где мы, а где часы эти. Щербатый, сука, любил выпендриться, на всё сверкающее, как сорока вёлся, но не спорю, вещь очень дорогая. Сделаны под «Ролекс». Золото, но явно не аналог. Может, Китай или Малайзия, но точно заводские. Если Ролекс полтора ляма, и меньше не подходит, то стоимость этих не меньше двухсот тысяч. Ну, это я так думаю. Но

Щербатому, я уверен, они просто так перепали. Трясанули какого-нибудь коммерса, и все дела. Возможно, и вовсе, что в девяностые дело было, и не обязательно это он сам замастрячил их. Честно скажу тебе, не собирался я тебе их отдавать. Но Петро, будь он неладен, принёс золотую хрень, и что оставалось делать? Так что владей и не возражай, и нам меньше соблазна. За тебя платят очень серьёзно. Ну да ладно, не это главное. Это Кешины дела, и туда я боюсь влезать.

Я вертел в руках часы. Примерил вначале «Ролекс».

Серьёзные! Сидят на запястье как влитые, прокручиваются с усилием и выглядят — просто отпад. Но ходить в них, и правда, можно разве что в ресторан, на какой-нибудь юбилей, или с дамой в театр, если в подворотне кто шустрой не попытается их у меня снять. Пацану-то такие цацки явно не по статусу.

Ну, это мы ещё посмотрим!

А вот умные часики нравятся. Андрюха мой давно о таких же мечтал. Вот уже внутри меня червячок сидит, ковыряется в душе, и ждёт, когда же Саня свалит, чтобы можно было спокойно покопаться в них. Привязать к смартфону и планшету через интернет, да и к самому ноуту отдельно можно их привязать. Вон, вижу коробку, что принёс Саня.

А парень, между тем, закончив посыпать голову пеплом, занялся обычным своим балагурством.

— Теперь, по деньгам, коль затронули этот вопрос. Кеша передал тебе документы. Проверь, там должна быть дебетовая карта от Тинькофф банка.

И протягивает мне плотный, вроде как, картонный конверт, окрашенный в жёлтые цвета банка.

Так, карточку вижу, с остальным разберёмся позже.

— А теперь по ноуту. — Между тем продолжал Саня. — Ты вовремя Петру вопрос задал. Мне как раз пришлось одного дельца трясти, а он компами занимается в Вяземском. За полсотни сторговались. Увы, но дешевле даже у меня не получилось, и так эта «сонька» упала мне вполовину меньше, а это чисто японская вещь. Даже зарядное не китайское!

— Но «Сони», вроде как, в Японии уже ноуты не выпускают?! — удивился я.

— Эксклюзив! — смеётся Данилыч. — И ты прав, и по этой причине его тоже никто не покупал. Хотя характеристики, как заверил меня бывший владелец, просто зверь. Зато, прикинь, своровать его у тебя и потом толкнуть налево будет весьма проблематично. Это тебе не простой корейский «Самсунг»!

В этом Саня однозначно прав. Не в моде сейчас «сонька».

— В общем, с учётом планшета, если он тебе понравился и устраивает, с тебя сотка за всё. Бухло и закусь за наш счёт, всё-таки с часами наш косяк, да и вообще, грех жаловаться. Только мне ты через Кешу сотку тысяч вечно зелёных принёс и по пятьдесят братве. Все не в претензии.

— Отдам по выписке. — Говорю я.

— Да не вопрос! — говорит Саня. — Теперь, по выписке. Я на стрёме буду уже с утра. Нам бы пораньше слинять, ведь ты и домой захочешь заехать, и по магазинам, что прикупить потребуется.

Я согласно киваю и говорю:

— Может, ещё в школу мою бывшую придётся ехать. Личное дело ученика забирать, с ведомостью оценок за год. Надеюсь, из-за этой аварии меня на второй год в седьмом классе не оставили.

— Заскочим, какой базар?! — смеется Саня. — И ты бы к весеннему осеннему периоду и зиме закупился. Пуховичок там, или что ещё путное. В детдоме, вроде, по тебе всё устаканили. Кеша передал, что там ты у него спрашивал и просил, так и будет, хотя директорша и не в восторге. Я не в курсе ваших дел, — и, видя, что я уже раскрыл рот для объяснений, быстро продолжил, — меньше знаешь, дольше живёшь.

Я рот захлопнул и кивнул, соглашаясь, с такой правильной жизненной позицией чувака.

— И обувь. Там, в детдоме, всякую хрень китайскую толкают, а то и того хуже — русскую, — смеётся мой куратор.

— Приодеться стоит. — Решаю я. — В Комсомольске на это времени у нас уже не будет.

— Нет, не будет, — говорит Сашок. — Надо быстро решать вопросы тут, и мчаться. Походу, нам расчёт, в среднем, часа на четыре дороги. Если повезёт, то быстрее. Можно и за три долететь. Машина у нас это позволяет. Но всё равно, хотелось бы со старым корешем в баньке посидеть, хоть он и «чех». Но обрусл и, вроде как, баню полюбил. Построил себе и пиво гонит, вернее сам варит, но вот употребляет только по праздникам. Сам увидишь. Стоящий мужик. В сам Комсомольск уже с утра. Простимся, — посмотрел на меня, — часиков до шести, — и, видя мою скривившуюся рожу, жизнерадостно заржал. — Ладно, ради тебя до семи поспим! — улыбается парень. — С утра нас ждут объятья директора интерната. Я там крутанусь, чтобы все видели, с кем ты приехал и на чём. Думаю, раз со Щербатым и его головорезами смог справиться, то уж с местной шпаной непонятки сам в состоянии разрулить, чтобы не привлекать к этим мелким проблемам серьёзных людей.

— Сам разберусь. — Спокойно говорю я.

Саня на меня внимательно посмотрел.

— А ты сильно изменился, говорят. Справки о тебе наводили.

Я кивнул.

— Странно было бы, чтобы было наоборот, — вздыхаю я.

Помолчали.

— В Комсомольске только на кладбище перед детдомом заедем? — сказал я.

— Обязательно! — поддержал меня Саня. — Тогда, так. Завтра с утра я на стрёме. Телефон под рукой. С врачом сам договоришься, чтобы тебя первого выпустили?

Я киваю, соглашаясь.

— Сегодня вечером и переговорю, конина как раз ему пойдёт.

— Отлично! Жду звонка. И это, может, ноут с собой забрать, чего завтра столько вещей то тащить?

Я задумался.

А сколько там у меня вещей? Саквояж большой, но полупустой, даже скорее пустой. Ну, сумка ещё с ноутом и планшетом. От большинства вещей, которые в ней сейчас лежат я до утра, думаю, избавлюсь.

— Да чего там тащить то? — кривлю лицо я в усмешке. — У меня и вещей то раз-два и обчёлся — сумка и пустой саквояж, что мне ваш хохол привёз.

— Ну, тогда так и порешим, — соглашается Александр. — А во сколько, вообще, эта комиссия будет?

Я пожал плечами.

— До двенадцати вся эта кутерьма с выпиской точно закончится, а вот, во сколько начнётся — без понятия.

— Но ты же сегодня с врачом бухаешь? — спросил Саня.

Я улыбаюсь, предвкушаю.

— Вот тогда и уточни у него. А я с утра, часиков так с девяти, уже у тебя буду. Вещи заберу, и ждать на площадке в машине стану. Я все дела тут решил, и больше ни для кого не доступен буду. Для всех, я уже по дороге на Комсомольск, — и вновь радостно заржал.

Явно у Данилыча дела на вечер и ночь образовались.

Распрощались. Мне не терпелось глянуть и часы умные, и ноутбук поковырять и сравнить работоспособность планшета.

Вот только, увы, этим мечтам не суждено было сбыться и в принципе, всю аппаратуру можно было отдавать Сане. Как-то я упустил, что именно на время после ужина намечались наши посиделки с медперсоналом.

Как только Саня исчез за дверью, а я, довольный, начал искать нож, чтобы вскрыть коробку с ноутом, как заиграла мелодия вызова моего телефона. Номер Яковлевича.

Вот, же!

— Привет, басмач!

Так, вечно находящийся в весёлом состоянии духа, врач обращался ко мне. А почему басмач я, в итоге, так и не понял.

— И вам не хворать, Геннадий Яковлевич.

— Дай бог, дай бог! — острит мой спаситель.

Ведь реально, только ему и богине я обязан жизнью. Вытянул мужик меня с того света, хотя и меня тоже, но, в основном, он боролся за моего единокровного сына.

— Андрюш, значит так. У нас тут дурдом, только-только прокурорские свалили. Ничего не накопали, но нервы потрепали изрядно. В ординаторской куча народа, а потому, как и предлагала Марина Николаевна отдыхаем у тебя. Ты как насчёт этого?

— Да без проблем!

— Тогда, так. Минут через пятнадцать мы у тебя. Закусь берём, пакеты с боезапасом тоже. Со мной девочка, ты не против?

— Буду только рад! — и про себя добавил, — рассмотреть эту «девочку» вблизи, кто тебе, мой дорогой, так смог голову забить любовью.

— Тогда, до встречи. Остальные хвосты я рубить буду по самые уши. Как слышал, со своим лечащим врачом ты уже попрощался! — выделил он голосом последнее слово.

Да уж, информация по больнице расходится мгновенно.

— Если вы вкладываете в слово «попрощался» какой-то другой смысл, то нет.

Молчание. Видно переваривает мой ответ.

— Плохо! — вздыхает так, наигранно, — может, тебе с ЭТИМ сегодня повезёт, жди.

«Вот же муда-а-ак!» — восхищённо про себя думаю я.

Похоже, он не только к Марине подкатывал, но и мою Зизи проверял на стойкость. А тут, видно, и тут и там облом случился. Жаль мужика, самооценка, видно, сильно у него упала, раз на замужнюю позарился.

Да, чего только в жизни не бывает, но думать о высоком можно и в процессе подготовки праздничного стола. Бегом за пакетами в сестринскую. Коробка конфет ещё утром подарена, так что проблем нет. Договорился насчёт возможности воспользоваться микроволновкой, чтобы принесённый Саней шашлык с люля подогреть.

В общем, о высоком думать не получилось. Уж больно быстро крутиться пришлось, но времени оказалось достаточно и на то, чтобы сухую колбаску нарезать тоненькими дольками и сыр к нему, и фруктики помыть, и сделать из них нарезку. Расставил вино. Бокалы из комплекта, что к бутылкам шёл. Даже по новой, подарки свои проверил.

Ещё минут пятнадцать ожидания под музыку из приёмника деда Макара, проверил его настольную лампу. Нам по-любому интим сегодня придётся насаждать, так почему бы не проверенными ранее способами?

И вот стук в дверь и, не дожидаясь моего возгласа, в палату вламывается компания.

Геннадий Яковлевич под руку ведёт Марину, а за ней с пакетами в руках заходит молодая симпатичная девчонка.

Ну, что сказать, у Яковlevича по-всякому вкус есть. Милая шатенка, носик вздёрнутый, но губки маленькие. Глазками хлопает. Глаза зелёные, улыбка располагающая, а голосок почти что ангельский!

— Куда это? — тычет мне пакетами. — Оксана! — представляется она.

— Андрей, — отвечаю я, забирая пакеты, — очень приятно!

Потом киваю на приготовленное место для банкета и сомкнутые стулья.

— Прошу к столу. У меня всё уже накрыто! — и потом тихонечко Оксане. — А что это с Мариной Николаевной?

Оксана отмахнулась своей пухленькой ручкой.

— Перенервничала. С матерью девчонки прямо там, у кровати, обнявшись плакали. Потом менты, прокуратура. Ничего нам предъявить не могут, но протокол, от него, увы, ни на шаг. Но Марине почему-то дочка привиделась. Я пару раз Саньку видела, есть что-то похожее с погибшей. Ну, Марину и накрыло. Вот, отходит потихоньку. Увы, нервная работа, к тому же реанимация, смерть там всегда рядом ходит.

Да уж! — подумал я. — Кому ты, красавица, про это рассказываешь!

Но вслух сказал другое:

— Понятно, будем лечить!

Но вначале, пока все при памяти и не пытаются уединиться от компании...

— Давайте уже за стол. — Командую я. — Второй комплект мы ещё успеем оприходить, — киваю я на полные пакеты, что принесла с компанией Оксана. Кстати, именно этот набор прикупила на этот вечер Марина Николаевна на мои деньги, вот только у меня на него созрел другой план.

Расселись.

Яковлевич разливает девушкам по бокалам французское вино. Точно такое же, какое мы пили не далее, чем позавчера с Зизи. Мне плеснул немного и себя явно не обделил.

Я поднял бокал и встал со своего места на кровати.

— Уважаемые последователи Гиппократа! — начал я свою речь.

Все, даже до этого не обращавшая на меня никакого внимания Марина, подняли на меня глаза.

— Сегодня, увы, вам не удалось спасти человека. Девушку. — Марина громко всхлипнула, — но вот при похожих обстоятельствах, почти четыре месяца назад, вы не дали уйти за грань другому подростку — мне. И этот подросток очень вам за это признателен. Этим бокалом с прекрасным напитком я хочу воздать вам по заслугам. Используя для этого, пусть и небольшие пока, но свои личные возможности, я подготовил вам подарки на память обо мне. Прошу не отказываться и не спрашивать у меня, откуда что взялось.

Удивленно-заинтересованные взгляды на меня.

— В благодарность за ваше отношение к пострадавшим, за ваши тёплые, не чёрственные сердца, на память обо мне, я прошу принять маленькие подарки. Вам, Геннадий Яковлевич, я его подарю сейчас, а Марине Николаевне немного попозже.

И с этими словами передаю небольшой кулёк Яковлевичу.

Он вначале опорожняет бокал, как, впрочем, и все остальные, собравшиеся у меня в палате, которую я не забыл закрыть, а потом уже тянется к подарку.

— Посмотрим! — с интересом проговорил он.

Все, наверное, ждали чего-то обыденного, но их ждало нечто удивительное. Я создал комплект, навроде того, который подарил своей Зизи.

Сначала Геннадий вытащил из пакетика телефон в чехле. Айфон свежей серии, заряженный. На лице врача проступило удивление, а вот его подруга просто лучится счастьем. Что-то подобное я и предполагал — и останется он со своей печеньюшкой!

— Телефон, чтобы вы всегда были на связи, — улыбаюсь я. — Вдруг мне срочно понадобится ваша консультация, как хорошего специалиста.

Ответная растерянная улыбка на его лице, но вопросов, как я и просил, откуда всё это, он не задаёт.

Опять смотрит в пакетик. На божий свет появляется цепочка. Нет, не так, — настоящая цепь крестом.

Изумление на лице Яковlevича и сожаление на физиономии его

любовницы.

— Мы все под богом ходим. — Скорбно говорю я. — Этот подарок только для вас. Он сбережёт вашу душу и не даст ей ожесточиться в этом мире.

— Спасибо, — шепчет обескураженный врач.

Но опять вопросов не задаёт.

Марина тоже смотрит на этот спектакль, улыбается, понимая, что её тоже в скором времени ждёт что-то подобное. Вроде, отходит от эмоционального взрыва, связанного с гибелью девчонки, что так похожа на её дочь.

А тем временем, Яковлевич извлекает из пакета неплохое такое портмоне.

— А это, чтобы деньги водились и не меньше достоинством, что сейчас там уже лежат! — заканчиваю я свою подготовленную речь.

Геннадий раскрывает бумажник и, на глазах у изумлённой публики, вытаскивает оттуда пятитысячную купюру.

— На счастье и на достаток. Богатства не желаю. Люди часто из-за него душу теряют, а врач без души — это узаконенный убийца. — Добиваю я.

Наверное я перестарался. Тройка тостов прошла, а парочке явно не по себе и они очень хотят уединиться. Вот тут то и понадобился второй пакет.

— Яковлевич, — говорю я, когда эти двое засобирались на выход. — Я тут немного пакетики проверил, что не нужно убрал, но две бутылочки Алазанской долины осталось. Бокалы ваши я тоже туда положил. Они всё равно в подарочном наборе были. А нам с Мариной Николаевной и литра вина хватит. И уж, коль вы собрались нас оставить, то чтобы не нарушать традиции, как-то сложившиеся в медицинской практике, когда врачам дарят горячительные напитки, я решил их соблюсти. Этот коньяк, — я вытащил коробку подарочного набора, из приготовленного для них пакета, — употребляйте только по хорошим поводам. И спасибо вам, что спасли мою жизнь.

И тут Геннадий потёк. махнул рукой накатившую слезу и приобнял меня.

— Ты сам себя береги. Завтра к десяти чтобы был готов! Пойдёшь у меня первым. Все документы уже готовы. Как и просила Зинаида Степановна, я прописал необходимость твоего повторного обследования. К осени я буду уже тут начальником отделения, так что, — он посмотрел в сторону Марины, — отдельная палата на время твоего пребывания у нас в гостях тебе обеспечена. Я тебе это обещаю. И выздоравливай!

Он прижал меня к себе к груди и прошептал на ушко:

— Марину я не заберу. Ей надо как следует отдохнуть, а в случае чего сами управимся.

Потом отстранился и, посмотрев на меня, улыбаясь и одними губами показал:

— Не упускай момент!

Подмигнул, и уже Оксане...

— Пошли?

Та кивнула. Улыбнулась мне.

— Не болей больше.

Щелкнул замок, дверь закрылась, и мы с Мариной остались одни.

Приемник надрывается голосом Пьехи: «в нашем доме поселился замечательный сосед!»

Я молча закрыл дверь на ключ, немного в сторону убрал настольную лампу, подошёл к импровизированному столу и присел рядом с Мариной. Она, молча, только как-то уж сильно тяжело вздохнув, прижалась ко мне бочком и положила мне голову на плечо.

— Сорвалась сегодня. Никогда такого не было, а тут... — она опять тяжко вздохнула, хорошо хоть не всхлипывает уже в немом плаче, — надо в отпуск, или увольняться к чертам! Устала. Да и загоняли сегодня, ноги гудят, поясница не гнётся. Вся какая-то разбитая. Вымотал меня этот случай и девчонка почти копия моей Сашки. Как же страшно то!

Я, промолчал, взял по новой бутылку и налил бокалы почти до краёв.

— Давай, за жизнь! — предложил я.

— За жизнь? — она посмотрела мне в глаза.

Хороша, только немного осунулось лицо — морщинки стали заметнее, глаза красные, нос припух немного, но милый овал, улыбка печально-мечтательная, и этот запах от неё — состоявшейся женщины. У каждого есть предпочтения, в том числе и в запахах, но тот, что от неё идёт, даже запах пота, очень на меня возбуждающее действует.

— А, давай! За жизнь! — улыбнулась она, а по приёмнику Любэ крутят, с их шлягером. «Давай за жизнь...», во как попало то! Выпили молча. Её не смущает, что пьёт вино с несовершеннолетним. Меня не смущают ее почти голые коленки, и что она своей большой грудью буквально вжалась мне под бочок. Я аккуратно приобнял её за талию. Помолчали.

— Грустно очень. Я так ждала этого дежурства, — улыбнулась она, — а тут вся разбитая, словно под каток попала, асфальто-укладочный.

Она устало улыбается. И тут меня осенило!

— А давай я тебе массаж сделаю расслабляющий! Вначале ножки, а потом и поясницу разотру. — Предложил я. Предложение, если честно, так себе — ночь, полумрак, двое, мужчина и женщина, и всё, как обычно, начинается у не слишком знакомых людей с массажа, а потом, под действием алкоголя, и на более серьёзное потянет.

Но само по себе предложение, конечно, безобидное.

— Давай, — улыбается она, — а ты умеешь?

Я кивнул, боясь, что это тело, которое я пока не могу контролировать полностью, особенно в моменты сильных душевных переживаний, выдаст голос.

— Тогда я тут на среднюю кровать рядом с твоей лягу, и халатик сниму, но ты свет полностью выключи. А то, как ты мне поясницу растирать то будешь?

Полумрак в палате. Только тусклый свет от окна, но сегодня, увы, новолуние, да и тучами небо затянуто.

Она потянулась на носках, чтобы стройней смотреться и медленно расстегивает пуговицы. Потом, столько же медленно и грациозно, словно пантера перед прыжком, скинула двурукое полотнище.

Как же красиво-то! Даже я, прожженный циник, залюбовался этой фигуркой, и тем, как она двигалась.

— Жмёт в груди! Я всегда на два размера надеваю меньше, чтобы на работе мои тити мне не мешали.

Бюстгальтер упал к ногам.

А вот это уже не честно, мы так не договаривались!

Кольщутся очертания больших упругих грудей. Трусики, если их так можно назвать — одно название. Три полоски и посередине, спереди, треугольник, причём из тюльки сделанный, вот же, зараза!

— Кто-то мне массаж обещал? — со смешком в голосе, проговорила великовозрастная проказница.

«Да меня нагло совращают! — я в душе смеюсь. — Ой, как некрасиво! Ну, ложись, мадам, будет сейчас тебе массаж по полной программе».

А что? Богиня говорила как-то, что тренировать свои способности лучше всего на посторонних, а уже потом на себе. Получается, чтобы вылечить себя, мне надо научиться хорошо управлять энергиями в телах других людей, и вот передо мной доступное, очень уставшее тело. Усыпить её мне труда не составит, а там начну гонять её и свою энергию. Думаю, что проблемных участков у неё на теле к этому возрасту скопилось предостаточно. Уж руками я точно почувствую, богиня меня такой диагностике в первую очередь учила.

— Ну что ты? — раздалось с соседней кровати. — Я же замёрзну!

Ну-ну, сейчас мы тебя согреем. Жаль, что совсем не так, как ты сама этого хочешь. Мне вас тоже, госпожа, очень хочется, вот только сегодня как-то это, как в бородатом анекдоте — медленно и печально, а мне что-то подобным скотом становиться совсем не хочется.

Посыл на сон, небольшой отток личной энергии.

О! Уже сопит. И правда, устала. Теперь накрываем это голое тело простынкой и одеялом сверху, и моем руки. Смазываем их детским кремом. Купила мне Арина, ещё когда в реанимации лежал. Уж больно натёртости в паху неприятные были.

А вот теперь можно осторожно и к телу приступить.

Удобно садимся на стульчик напротив попки женщины. Ягодицы круглые, загорелые. Стесняться некого, включил себе настольную лампу. Хоть рассмотрим, что тут нам за материал для занятий попался!

С попы и начинаем — я давно мечтал её потрогать!

Но не отвлекаемся, мы всё-таки лечением занимаемся и учёбой, а не подготовкой, для удовлетворения своих надобностей.

Нагнетаем энергию себе в ладони. Теперь — прикосновение к телу, как же приятно, чёрт! «Огурец» вот-вот лопнет. Может, её сонную... того этого? Нет, как-то это паршиво со стороны смотреться будет, а потому продолжаем учиться делать диагностику.

Часа два мучился, истратил кучу своей личной внутренней энергии, но проблемные точки я всё-таки на теле Марины нашёл. Что-то с венами на ногах и в районе низа живота энергии много уходит. Или воспаление, или может, что-то по венерическим заболеваниям, хотя вряд ли, значит, что-то с маткой. Или с мочеполовой системой? Может, каналы забились, или камни в мочевом пузыре? Точно определить не в состоянии пока — знаний у меня ноль. А вот воздействовать на проблемные участки — легко! Разгоняем собственные силы организма женщины и постепенно, очень аккуратно, чтобы не навредить, направляем всю эту мощь на проблемные участки, и через каждые полчаса, диагностика по новой. Часам к четырём дошёл до головы. Пару раз переворачивал это, чмокающее во сне губами, красивое и очень возбуждающее тело. Но сдержался, и боги, кто бы только знал, чего мне это всё стоило, но я выдержал и теперь весь потный и уставший пытался остатками энергии, что едва плескалась во мне, воздействовать на кожу шеи и лица милой женщины. Самое трудное, как можно было понять, было в начале, когда массировал ягодицы, потом немного ложбинку, что прикрывал треугольник трусиков помассировал, а уж про груди я и вовсе молчу. Большие, тяжёлые, чистые, вот только какие-то образования в одной

из них. Вот там я больше всего сил своих и потерял.

Забрезжил рассвет. Я укрываю Марину простыней и сверху кладу одеяло. Окно открыто, а кровать, как раз, около него. Как бы не продуло эту обнажённую красавицу. Из последних сил, встав на четвереньки, добрался до своего ложа. Сил снять шорты с футболкой уже нет. Только коснулся головой подушки и тут же отключился.

Сквозь сон дразнящий запах кофе. Степановна запретила мне его употреблять и точно знаю, что в запасах ни моих, ни деда этого волшебного напитка нет.

— Вставай, лежебока! — радостный, весёлый волнующий голосок.

Ангел прилетел!

Точно ангел, но живой, радостный, выспавшийся, и ещё... словно помолодевший.

— Андрюша, вставай, уже полшестого. Поговорим, да я откланиюсь. Дежурство сдавать надо.

Марина, чёрт тебя побери, я в пятом часу лёг, наверное, если не позже, а ты мне — «полшестого», хотя, да, не спорю, за окном уже светло. Распогодилось, солнце утреннее вовсю в окно светит.

— Давай кофейку тяпнем, да шашлычок, что остался, доедим. Я его уже разогрела у девчат в микроволновке.

Вот же, зараза красивая, всё никак не уймётся!

— А-э-э-э-э! — зеваю я, подывая в полный голос, на всю палату.

— Тише, оглашенный! — смеётся Марина, — соседей разбудишь, больница ещё спит.

Продрал глаза... не показалось! Точно, свеженькая и помолодевшая женщина у меня на кровати, присела с краешка, в руках большая чашка, а там как раз и есть, наверное, кофе для меня.

— Подвинься, встану, — недовольно бормочу я, всё-таки реально не выспавшийся, — хоть рожу сполосну.

Встать удалось с трудом, под насмешливым взглядом моей неудавшейся соблазнительницы. Просто сполоснул лицо холодной водой, разгоняя сон, и подсел к нашему вчерашнему импровизированному столу из табуреток.

Марина бутербродов горячих наделала из лаваша, колбасы и сыра с национальным кавказским кетчупом. А ничё так. Вкусно!

— Ты что со мной вчера сделал, негодник?

Бутеры ушли на «ура», да ещё под обжигающий кофе....

Шуточный наезд, вижу, что глаза смеются.

— И что я такого НЕ сделал? — хохмлю я.

Марина обижено дует губки.

— Про «не сделал» — потом поговорим! — говорит она, стараясь сделать голос серьёзным, но внутреннее веселье выдает выражение глаз, — я спала, как убитая, но во сне мне так хорошо и спокойно было, словно в детство окунулась с головой и почувствовала себя молоденькой школьницей, когда просыпаешься утром, а у тебя ничего не болит! — смотрит она мне в глаза, — и ноги не гудят, и поясница не лом словила. Я гнусь, как юная гимнастка. Пока ты дрых, свою бывшую разминку легко прошла и даже на шпагат села — такого лет тридцать со мной не происходило. А тут, после твоего обещанного массажа такие пируэты выдала, что у самой голова кругом идёт от мыслей. Грудь подтянулась, словно и не кормила детей. Я не говорю про кожу на лице, груди и шее. Девчонки, сучки, тут же на это обратили внимание и на мои руки. Подколоть успели, что я, вместо любовника, себе косметолога завела.

Ага, любовника, значит, не слишком ли он молоденький для этих дам или не дам?

— Чего молчишь? — улыбаясь, спросила Марина.

Я пожал плечами.

— А чего говорить? Ножки я тебе помассировал, хотел будить уже, да ты так сладко спала, ну я...

— Что ты? — настаивает она на откровениях.

— Поясницу тебе растёр, спинку... попа у тебя была холодная. Разогрел, — усмехаюсь я, смотря на Марину. Удивлена таким поведением тринадцатилетнего пацана. Ни тебе стеснения, ни смущения и румянца на щеках. Немного наглости в голосе, пренебрежения и максимум уверенности. Женщин, как я помню, такое отношение к ним всегда заводило.

Бутеры, тем временем, кончились, а у меня в руках уже вторая чашка полная кофе. Теперь настала очередь шашлыка. Его точно надо бы добить. Марина уйдёт, а я завалюсь спать. До десяти часов времени ещё навалом, точно успею, если не выспаться, то уж поспать, это точно. Да и прибраться надо перед приходом деда и его вещи ему на тумбочку сложить.

— Хорошо ты умеешь массаж делать, — задумчиво ответила красавица. — Я словно помолодела и ничего поутру не болит. Такого я за собой что-то не припомню и что самое удивительное, ночного возлияния на лице не видно. Совсем. Странно!

Потом бросила на меня полный благодарности взгляд.

— Надо в пакеты продукты и вино сложить. — Говорю я, — с собой заберёшь, они мне всё равно уже без надобности, а деду я их оставлять не

намерен.

— Тут коньяк, что я покупала. Ты же его, вроде как, Яковлевичу хотел подарить? — спрашивает Марина.

— Гене я другой вчера подарил, ты же видела. А этот я знаю куда пристроить, но не подарить, — улыбаюсь я. — Хорошо, что напомнила.

Достаю приготовленный для Марины пакет.

— Это тебе, но я сам то, что отобрал для тебя, тебе сейчас покажу.

Сидим напротив друг друга, я улыбаюсь, а Марина с пакетика глаз не сводит.

Хотя, в принципе, набор тот же.

— Айфон. Лучшее из того, что у меня было.

Протягиваю трубку Щербатого.

— Ого! — восклицает красавица, — он же безумных денег стоит!

— Да ладно! — смеюсь я, — он мне почти задаром достался — клетками нервов заплатил.

Внимательный взгляд мне в ответ, но молодец, вопросов лишних не задаёт.

Ну, а остальное, увы, только для мужчин подойдёт. Перстенёк золотой с камушком, — выкладываю я часть подарка на стол и цепочка с крестом. Тебе такой носить не получится.

А Марина, подхватив цепочку, усмехается в ответ:

— И мужу слишком жирно будет. Сдам в ломбард, а себе на эти деньги от тебя сама подарок прикуплю. Можно?

И такой взгляд щенячий.

Я улыбнулся в ответ.

— Конечно, можно — это твои подарки, распоряжайся ими, как тебе заблагорассудится. Ну и последнее — портмоне.

— А это мужу отдам, пускай пользуется! — смеётся она. Но если ты и туда купюры положил, то он их точно не увидит, я знаю на что их можно, и даже нужно, потратить!

Молодец. Практичная и красивая дама. Вроде только проснулись, а она, мне кажется, всё краше и краше. Прямо расцветает с отступлением ночи. Наверное, я малость перестарался по неопытности, уж слишком много и своих и её сил потратил на восстановление организма. Урок мне.

Сложив мои подарки в пакетик, Марина как-то уж очень грустно посмотрела на меня.

— С одной стороны, очень жаль, что я заснула вчера, — вздыхает, — у меня на тебя были совсем другие планы.

Знаем мы ваши планы! Растрезвонила на всю больницу про мой

нестандартный размер, даже скромница Зизи не удержалась от проверки.

— С другой стороны, ты раскрыл себя, как врачеватель и лучший в мире массажист. Я себя чувствую, как в далёком детстве. И любви... очень-очень хочется.

Посмотрела на меня таким взглядом, что мне резко поплохело, а «огурец» в штанах начал быстро наливаться силой.

— Но времени нет, да и светло слишком.

Вздохнула. Точно, видно, предпочитает молодые тела. Впрочем, как я и раньше говорил, сложно её за это осуждать.

— Яковлевич говорил, что на обследование тебя вызовут, и направление в детдом пришлют. Приезжай, тогда и наверстаем! — обещает она, отчего я сам чуть на седьмое небо не взлетел от счастья.

Я согласно киваю, не в силах произнести и слова. Вот же, опять этот дискомфорт с телом, но мы над этим потом обязательно поработаем.

Всё, теперь на выход. У двери обняла и в щёку поцеловала, прижавшись ко мне своей восхитительной грудью.

Ключ не забыл вернуть, помня слова своей Зизи, прибрался в палате, раздевшись и поставив будильник на часах на полдесятого, завалился спать.

* * *

— Ну ты и дрыхнуть!

Голос Сани вырывает меня из нирваны.

Продрав глаза, смотрю на часы на руке, с ума сойти, чёртов немец! Мне спать ещё полчаса, а он припёрся, как и обещал!

— Вставай, а то всё проспишь! — смеётся бугай.

— Так он и так всё самое интересное проспал, — раздался голос деда, — к нему тут бабы косяками ходят, а он дрыхнет.

Бабы? — изумился я. Ну, понимаю, Марина бы пришла перед сменой попрощаться, но кто ещё? Неужто Зизи сменила свои планы из-за меня?

— И кто такие? — уже Саня впрягся в разговор с Макаром, пока я поплёлся к умывальнику.

На этот раз утренний моцион пойдет по полной программе — с чисткой зубов, подмыванием мудей и сменой белья. Старые грязные трусы с собой не поташу. Сменка есть, так что со старой рваной футболкой весь неликвид на выброс.

— Так Марина Николаевна проводить заходила, она как раз собиралась

домой после дежурства. Посидела около него на краешке кровати, погладила по волосам этого оболтуса и ушла. Потом девка нашего врача, из реаниматорской, заглянула. Вроде, тоже попрощаться пришла. Всё новым айфоном светила и такая радостная отчего-то была. Наверное, ей её хахаль подарил за лучший минет — о ней по больнице такие слухи гуляют!

Понятно. Как и ожидалось, высосала из Яковлевича себе подарок. Надеюсь, золотую цепочку с крестом ей не удалось таким же макаром отработать. А между тем, найдя новые уши, в лице Сани, Макар, который дед, продолжал:

— Затем молоденькие шлюшки заявились. Есть тут у нас две ссыкухи, на передок слабые. Что-то про массаж гутарили между собой и очень расстроились, когда увидели, что объект их вздохания в отрубе. Шлюхи — они и в Африке шлюхи. Видно, что-то хотели, да и знали, чем с нашим пацаном расплатиться. Вот только причём тут массаж?

Как раз то и причём! Они и на дежурстве вчера были. То-то Яковлевич про хвости говорил, которые по самые уши отрубает. Значит, тоже пытались намылиться на наше суаре, а массаж...

Вот же, Марина! Ну не умеет женщина язык за зубами держать, растрапала, видно, про чудесное действие моего массажа по всей больнице. У неё тут каждая вторая в лучших подругах ходит. А как же, надо же, типа, с подругами такой радостью поделиться.

Какое счастье, что сегодня меня выписывают, а то каждая ночь была бы для меня пыткой в виде осязания голых баб. И если эти молоденькие шлюшки нашли бы, чем со мной расплатиться за мои услуги массажиста, то та же начальница отделения, в которой килограмм сто пятьдесят...

Я даже зажмурился от страха! И ведь не откажешь.

Я нагло переодеваюсь, никого не стесняюсь. Помылся под голый торс. Подмышками мылом прошёлся. Надо было бы в душ сходить, но уже не успеваю. Вчера надо было об этом думать. Но ничего, выпишут, а после всё равно домой заезжать. Там и помоюсь. Да и вещи собрать надо.

Саня болтает с дедом, а я собираю вещи и одеваюсь. В шортах на комиссию идти влом. Да и по магазинам с Саней в таком виде ходить, думаю, не стоит. Он, вон как, представительно и дорого одет. Оставшуюся цепь с крестом — на шею, рубашка в которой и попал в аварию, под джинсы, хорошо идёт. Чистая! Мне её постирали и погладили, хоть и давненько это было, но я её с той поры ни разу не одевал. Сверху — куртку джинсовую из комплекта, доставшегося от Щербатого. Его же ремень с необычной, вычурной бляшкой. Часы умные на руке, портмоне с деньгами, ключами от квартиры и документами, в виде свидетельства о рождении,

кладём во внутренний карман куртки. К моему большому удивлению, на ней и такой прибамбас есть.

Причесался. Оброс то как, надо в парикмахерскую обязательно заехать.

Саня остался ждать меня в палате, болтая с дедом, а я поплёлся к Яковлевичу.

Мой спаситель выглядел уставшим после сложного дежурства, но очень довольным. Явно рассказ деда про его подружку имеет под собой весьма серьёзные основания. Айфон в минус, но это как посмотреть, явно Гена доволен результатом общения со своей замужней зазнобой, а смартфон... легко пришёл, легко ушёл, зато получил незабываемые впечатления. Ну, это я сделал такой вывод, глядя на его довольную физиономию.

— Заходишь первым. Молчишь. Все за тебя скажу я. Начнётся всё действие ровно в десять. Это формальности, но необходимые формальности. Марина сказала, что заходила к тебе, но ты спал, — а потом, приблизившись ко мне на минимально возможное расстояние, почти касаясь головой моего лба, шепотом спросил, — ты, что с ней ночью делал? Она вся светилась от счастья утром, когда в ординаторскую зашла, да не пустая. Довольная, смеялась, радовалась солнышку. Вся какая-то светлая была. Все подумали про тебя, что ты гигант большогоекса, а она всё про какой-то массаж говорила и про то, что отлично выспалась!

Я улыбнулся.

— Так и есть! Выспалась она хорошо, а я полночи массаж ей делал. Она на ноги жаловалась, что гудят сильно, я и размял, а она заснула.

Гена на меня смотрит, явно не веря.

— Вот не поверю, что Марина такого молодого парня пропустила мимо себя! — прошептал он. — Это её слабость и все у нас об этом знают. А молодёжь просто ведётся на её большие сиськи, а тут только массаж — и она радостная?! Странно. Ну да ладно, готовься, тебя позовут.

Комиссия прошла мгновенно. Я всего пару минут стоял перед группой врачей. Что-то зачитывал Яковлевич. Потом мне высказали пожелания, как поддерживать своё здоровье и про то, что документы подаются на мою инвалидность.

Что говорить? Я молчал, слушал и молчал. От меня тут мало что зависело, спасибо за то, что вообще спасли, и богине отдельное спасибо. В другой реальности, я сына потерял.

Потом минут десять подождал под дверями ординаторской нашего отделения. Мне готовили документы. А затем, процедура прощания. Всё-

таки четыре месяца провести в одном и том же отделении — это многого стоит. Много знакомых, многие видели меня лежачего, который и говорить то мог с трудом. Спасибо им всем!

Провожать меня вышли все медики, которые были в это утро в отделении. Приятные слова, ответные слова благодарности. Слёзы у меня на глазах, и молчание сопровождающего меня Сани.

Всё, мы на улице.

— А тебя тут любят! — задумчиво произнёс парень.

— Любили, — с надеждой в голосе произнёс я. — Четыре месяца — это реально много, но эти люди мне жизнь спасли.

Помолчали. Я хромаю на своём костыле, а Саня тащит мои вещи, хотя их у меня всего ничего. Отдельно у него в руках пакет — мне надо с одним человеком попрощаться, который лично ко мне очень хорошо относился.

Вот и проходная. Нас Митрич заметил, ещё когда из больничного корпуса вышли. Стоит, курит, внимательно рассматривает моего носильщика.

— Покидаешь нас? — говорит бывший мент.

— Когда-нибудь это должно было случиться, — философски отвечаю я.

Беру из рук Сани, чёрный пакет.

— Спасибо тебе, Митрич, за всё — говорю я. — Тебе от меня маленький презент.

Тот распахнул пакет, глянул. Хмыкнул себе в усы.

— Откуда в тебе такие знания жизненные, Андрюха? — произносит он задумчиво, а сам уже срисовал и мой прикид, который один раз уже видел, и цепочку толстую у меня на шее, и, конечно, золотой перстенёк на среднем пальце правой руки. Даже наверняка и на дорогущие часы обратил внимание. Да и мой сопровождающий явно не прост, особенно если учесть, что за средство передвижения под задницей, у этого парня.

— Ну, бывай, агент ноль-ноль-семь! — смеётся он. — И осторожней с волынкой, а лучше и вовсе от неё избавься, даже если это простой травмат.

Ох, ты ж! А ведь явно не для меня он это говорил — этот спич явно Сане был предназначен. Так и есть, Саня просто кивнул на взгляд деда, и мы пошли к машине.

— Волына Щербатого? — спросил мой нынешний куратор от братвы.

— Да, — однозначно ответил я.

— Прав дед, она тебе ни к чему, не стоит ментам давать повод для давления на тебя, — строго произнёс Александр Данилович. — Да и в

детдом её тащить не лучшее решение. Она у тебя в сумке для ноута? — уточнил он.

— Да, — ответил я.

— Ладно, домой к тебе заедем, а там и решим.

Хлопнули двери гелика. Я пристегнулся ремнем. Именно он мне уже спас жизнь, вернее, моему сыну. Саня включил музыку, а я прикрыл глаза. Первый этап новой жизни позади, а теперь впереди знакомство с квартирой, где жила моя бывшая, и где теперь буду на каникулах жить и я.

Глава вторая

Дом, родной дом. Родной, но уж точно не мне. Такая крутая высотка на Тургенева, рядом, через дорогу, площадь Славы и высотка местной телерадиокомпании. Дом радио — так называют её в народе. Отличный вид на Амур и набережную Хабаровска. Обхожу комнаты.

Пять штук — это реально много. Большая кухня, наши с сестрой спальни, родителей спальня и гостиная. У отчима даже свой кабинет был для работы. Мебель дорогая, а на кухне, и вовсе лучшее, что есть из техники, и фирмы серьёзные.

— Неплохо, — комментирует увиденное Саня.

Не балагурит, понимает, как у меня сейчас должно быть на душе.

Но вот лично у меня всё спокойно. По бывшей жене я уже давно переболел. Это ведь она меня бросила, так чего тогда страдать мне по её гибели?

Но делаю печальное лицо, а то не поймут. Заглянул в кабинет отчима. Рабочий стол, пара кресел, диванчик и шкафы с книгами. О! Справочники по медицине. Что-то в голове щёлкнуло! Массаж, который делал Марине и диагностика! Знания медицинские, а что, это вариант! Надо с собой пару справочников в интернат прихватить. Кто знает, может, в будущем и пригодятся.

Саня на кухне хозяйничает. Чайку решил сварганиТЬ. Печенюшки и конфеты мы с собой принесли. Я же к себе, вернее, в комнату сына намылился, надо разобраться с вещами, да и посмотреть, как тут сын без меня обитал.

М-да, неплохая комнатушка. Пять на пять, где-то. Спортивных снарядов нет, но вот присутствует диван, типа софы, встроенный большой стеклянный шкаф и большой компьютерный стол, на котором, как я и ожидал, сего девайса, увы, не было, да и так было заметно по квартире — всё, что можно было вынести ценного и нестационарного в виде, например, встроенной кухни и большой мебели, всё вынесено. Ну, да ладно!

И это, грязно и неубрано в квартире. Сам-то я не в состоянии тут уборкой заниматься, а вызывать фирму, специализирующуюся на уборках квартир, у меня времени нет.

Вначале шкаф — надо понять, что на меня из вещей тут есть.

М-да, не густо.

Пара костюмов, куч рубашек, футболки, шорты. Новых нет, но и не

застираны они — есть, что подобрать, причём по моему вкусу.

В кабинете отчима нашёл похожий саквояж из кожи. Он чуть побольше, чем мне Петро купил, но и есть одно преимущество — он на колёсах, его, при необходимости, при перемещении катить можно.

Делать примерку вещей на грязное тело — верх безрассудства, а потому скидываю вещи, остаюсь в одних трусах и иду в ванную комнату.

Мылся долго и с удовольствием. Увы, запускать джакузи смысла не было, не успеваю, хотя, если честно, то очень хотелось, но мы ограничены по времени. Уже двенадцатый час, а нам, может быть, придётся ещё и по магазинам ездить.

Сполоснулся после геля с шампунем, насухо вытерся свежим полотенцем. Тут же в ванной комнате обнаружил интересную сумку. Она выполнена в виде скатки, внутри которой, на липучке, типа маленьких барсеток из прозрачного материала, сделанные закрывающимися на молнию, а к самой кожаной скатерти-самобранке на полосу липучки присоединяются. Отличная походная вещь, производства американской компании Мэри Кей. Вот под свои мыльно-рыльные принадлежности её и прихватизирую. В спальне родителей нашёл одеколон и принадлежности отчима для бритья. Пригодятся. Ему всё равно уже ими не пользоваться.

Сидим на кухне. Сборы закончились. В прихожей, у дверей, два заполненных саквояжа — один довольно большой, другой чуток поменьше. Сумка с компом и наиболее ценными вещами со мной на кухне. Причина есть...

Чаепитие подходит к концу.

Разговаривать не хочется, молчит и Саня, хотя видно, что всё-таки о чём-то напомнить мне хочет.

— Волыну с собой потянем? — спросил Данилович.

Я вздохнул.

— Александр Данилович, давайте на чистоту! — поднимаю я на него взгляд, прикрываясь большой кружкой с изображением футболиста Рональдо.

— Давай! — серьёзно отвечает парень.

— Ситуация вокруг меня непонятная, согласись.

— Я не в курсе, что раньше было, — произнёс Данилыч, — и, если честно, то и знать не хочу. Знаю только, что на данный момент к тебе ни у кого претензий нет.

Я усмехнулся.

— У меня сложные отношения с твоим Кешей и его боссом. Очень сложные, хотя, в последнее время, и устаканили наши отношения,

благодаря, кстати, ситуации, начавшейся с Щербатого.

Саня согласно кивает.

— И тут вдруг те, кого я считал врагами, берут надо мной шефство. Согласись, странная ситуация.

Саня просто пожал плечами.

— Чего только в жизни не бывает. Друзья иногда становятся врагами, а неприятели верной опорой в делах и в жизни.

— Но вот ты же боевик, по сути. Тебе скажут, тот же Кеша, свернуть мне голову, и ведь свернёшь! — жёстким голосом произнёс я.

Усмешка на лице этого бугая.

— Я — не тот случай. Да, не спорю, урода грохнуть мне не составит труда, но человека, которого я считаю нормальным, никто не поставит именно мне такую задачу. Я защитник, телохранитель, могу решать всякие непонятные проблемы, а потому, меня ведь к тебе в кураторы прикрепили. И скажу так, если произойдёт такое, что вдруг с меня снимут эту задачу, берегись, значит, кто-то хочет тебе зла, а то и смерти. — Саня смотрит на меня открытым взглядом.

Молчим. Я пытаюсь осознать, что мне только что сказали.

— Понятно! — наконец-то произношу я.

— А раз понятно, вытаскивай волыну! С возможными проблемами в интернате она тебе не помощница, а если что серьёзней возникнет, позвонишь. Решим и накажем, кого ни попадя.

Я, со вздохом, снимаю с себя куртку Щербатого. Там под ней, на подвеске, висит глок.

— Чтоб тебя! — матерится Саня, — что удумал! Давай сюда, прямо разоружение Германии! — смеётся Данилыч.

Да и у меня на душе, если честно, стало спокойнее. Почему-то я ему верю.

— Слушай, Андрюха, — обращается ко мне мой цербер, — а что ты с квартирой думаешь делать, на время, пока в детдоме будешь чалиться?

Я с удивлением смотрю на Саню.

— А тебе то что с этого? — не понял я вопроса.

— Ну, ты даёшь! Пустая, упакованная хата, и я — красный молодец с большой елкой. Сам подумай.

Я улыбнулся и кинул на него понимающий взгляд.

— Бляди?

Довольный Данилыч кивает головой.

— Да, Штирлиц, они самые!

Я подумал.

— Хорошо, но только сам, и не сдавать её, и квартплата вся на тебе. —
Делаю я уточнение.

— Да без проблем! — обрадовано улыбается Данилыч, — и порядок поддерживать буду. Сам понимаешь, что девки тут будут не совсем простые. Для простых и шалав всяких и подворотни хватит. Впрочем, их услугами я уже давно перестал пользоваться.

Я кладу на стол перед ним ключи от квартиры и диктую код для сигнализации.

Всё, больше меня здесь ничего не задерживает. Сейчас пробежимся по магазинам, заскочим в парикмахерскую и вперёд, в отрыв. Саня и так уже телефон свой отключил и пользуется моей трубкой.

В школу звякнул, своей бывшей классной. Заезжать туда уже нет надобности. Она и поведала, что мои документы уже ушли по новому адресу. Краевое государственное казенное учреждение «Организация, осуществляющая обучение для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей „Детский дом номер тридцать пять“». По старому — школа-интернат со спец-уклоном номер три — тройка, в простонародье — на улице Ломоносова, остановка «Новый микрорайон», район Дзёмги.

Саня тут же по-моему смартфону стал прикидывать, как до него лучше всего и проще со стороны Хурбы добираться.

— Всё, понял! — смеётся он. — По военному Хуминскому шоссе до Стационарной, мимо железнодорожного вокзала, потом выходим на Лазо и по ней до Дзёмог, это основная объездная дорога, а там, по проспекту Победы и привет, мы почти на месте.

Мне эти названия шоссе и улиц ничего не говорят. В Комсомольске мне как-то раньше бывать не приходилось, хотя по рассказам друзей знал, что архитектура центральных улиц там своеобразная. Чем-то Волгоград напоминает, бывший Сталинград, домами постройки пятидесятых годов. И проспекты везде широкие и пустынные, по которым до сих пор ездит старый транспорт в виде трамваев.

А по магазинам...

Отобрал я вещи, что налезли на меня и не вызывали взрыв веселья со стороны эксперта в виде Александра Даниловича. В итоге оказалось, что из кучи моих, а вернее, сына, вещей ничего путного по его представлениям нет. Для занятия спортом ничего вообще даже близко. Меховая куртка в условиях детдома как-то не катит. Нормального тёплого пуховика нет. В чём осенью бегать и просто по улице гулять — тоже.

Ни одной толстовки простой в наличии не было, даже затрапезного спортивного костюма.

Пока я делал прощальный променад по квартире, с заходом в уборную, Саня связался со знакомыми, держащими магазин мужской одежды где-то в южном микрорайоне города.

Стоило мне вновь появиться на кухне, как Саня произнёс:

— Нас ждут. Твои данные я передал и размер обуви тоже. К нашему приезду подберут, что у них есть из приличного, а потому, хватаем вещи и вперёд. И там, как раз в том же торговом центре, есть магазин медтехники. Думаю, стоит сменить тебе этот тяжёлый костыль, который тебе подарили в больнице, на что-нибудь поприличней, полегче и посовременней, а то этот костыль весь твой представительный вид портит, ну и трость, например, прикупить на будущее, надеюсь, недолго тебе осталось костыли мучить. Будешь хоть и прихрамывая, но сам ходить. — А потом улыбнулся. — А может быть и бегать!

На посещение торгового центра, как ни спешили, ушло почти два часа.

Вначале забежали к друзьям Сани. Обслуживала нас хозяйка этого продвинутого бутика. Ассортимент, видно, был рассчитан именно на молодёжь, а вот я то, как раз, нынешний, в этой молодёжной моде ни бум-бум. Только цены смущали, но Саня на ушко шепнул, что подделок китайских и турецких тут нет. Вещи с Техаса везут. У девушки там родственники и, несмотря на санкции, багаж доходит исправно, пускай и приходится отправлять его через Европу.

Судя по тому, как вела себя с Данилычем эта дама, становилось понятно, кто и ради кого выклянчил у меня этот ловелас ключи от моей квартиры. И ведь явно дама замужем, а вот семейное положение моего куратора я так и не удосужился узнать.

Меня быстро и профессионально взяли в оборот. Футболки, кроссовки, тенниски, кофта на молнии. Тёплый спортивный костюм, а главное, фирма то какая!

— ... Монтана в самой Америке не сильно распространена. Она классику выпускает, тем и живёт, но почитателей в мире хватает. Не смотрите на цену, — улыбается Наташа. Уже познакомились. Красивая дама. Жгучая, наверно крашеная, брюнетка. Волосы — каре, лицо мраморное, видно походы к косметологу, как за продуктами. Следит за собой и явно не забывает про фитнес. Но ведёт себя строгого, фамильярности не допускает. Ко мне обращается только «Андрей Андреевич». — В Америке эти джинсы менее чем за сотню долларов не найдёте. Если они, конечно, настоящие. А эти настоящие, я могу гарантировать.

М-да... с доставкой цена прыгнула до пятнадцати штук. Но Саня,

видно, презентовал меня, как денежного клиента и приходится соответствовать.

С ума сойти, общей сложностью оставил в магазине почти триста штук. Благо, расплатился карточкой от Тинькова. Там за три дня уже накопилась приличная сумма. Мои саквояжи теперь забиты под завязку. В основном, вещи для спорта и пара джинсовых костюмов. Смысла много набирать — нет. Я расту, да и похудеть в ближайшее время собираюсь, вернее, уже начал.

— У турок тоже есть отличные вещи, — рассказывает Наташа, уговаривая нас с Саней кофе, а к нему и пирожными. Явно красавица тоже любит сладкое и её мужу каждая пироженка обходится в тридцать тысяч в виде фитнеса, но это их дело, — вот, например, ТАФИКА отличные куртки делают. Молодёжно-спортивный стиль, тёплые, но дорогие. Я вам ответственно заявляю — на всём Дальнем Востоке куртки этой фирмы продаю только я.

Я улыбнулся. Впарила мне сразу три штуки. Цветовая гамма одна. Чёрный цвет. Все три из натуральной кожи, вот только наполнители и фасон немного разный. Одна — пуховик с капюшоном, выдерживает до минус сорока градусов. Вторая — с непонятным наполнителем, короткая, по попу, и лёгкая. И третья — для весны и осени. Но понравились, в общем, теперь я по полной упакован. Посидели, поболтали. Девушка рада и мне, как щедрому оптовому покупателю, ну, естественно, и Сане, как другу и возможному любовнику. Саня, под предлогом покупки для меня костылей, проводил меня в медтехнику и сказал, что ждать будет в машине. Вот что-то не уверен я в его чистых помыслах, потому что, выбрав себе титановые лёгкие кости с опорой на руках и дорогущую трость, возвращался с помощником, который и нёс мои покупки до машины. Я обратил внимание, что бутик Наташи был закрыт для посетителей. А некоторые несознательные элементы, подошли к машине спустя только минут двадцать моего ожидания.

Подошёл смущённый. Я же только хмыкнул и ничего не сказал по этому поводу.

Потом была парикмахерская и модельная стрижка «площадка» и вот мы уже, спустя ещё час, в районе поселка Горького встали у кафешки Закира на обед.

— Шашлык, люля, зелень-мелень, и ещё с час минус. И вот я, с отяжелевшим желудком, удобно устроился на переднем кресле. Мелькают деревья вдоль трассы. Зелёная пелена мельтешащей листвы заставляет прикрывать усталые глаза. Под ровный рокот мотора я проваливаюсь в

нирвану...

* * *

— Ну, ты и горазд спать. Хорошо хоть не храпишь пока, — смеётся довольный Данилыч.

— Мы уже Амур проехали и на Харбу на ментовском посту повернули. Ещё минут десять — и мы на месте.

Я, очумело, спросонья, осматриваюсь. Какие-то постройки, озеро с правой стороны.

— И сколько я спал? — уточняю я, заодно, чтобы понять, за сколько мы почти долетели до Комсомольска.

— Три часа двадцать минут. Можно было бы и быстрее, — улыбается Саня, — но я сильно гнать не стал, да и в сон начало клонить, несмотря на то, что день сейчас ешё.

— Нормально пролетели! — думаю я. — Сто сорок, наверное, была скорость, не считая мест, где приходилось притормаживать, например, проезжая насёлённые пункты, хотя вроде их и немного по пути, трасса всё-таки чуть в стороне от них находится. Про Маяк точно знаю, что именно там проезжать через весь населённый пункт надо. Где-то под ним сын тогда почти со всей семьёй и попал в то страшное автопроисшествие.

— Так, кореш мой уже на стрёме. Банька истопится, но баб не будет. Ведёшь себя с ним культурно и очень вежливо. Он кавказец — это раз, а теперь ешё и представитель служителей культа — это два. По-простому поп. — Как всегда, улыбается Саня, — а потому, следи за языком и трижды подумай, прежде чем открывать рот.

Зря пугал. Нормальным мужиком оказался этот чечен. И жена у него тоже ненавистной мне национальности. Интересный винегрет у них в семье. Вот, вроде поп православный, а порядки в доме, как будто не Комсомольск рядом, а Грозный и все вокруг приверженцы аллаха.

Но баня была, пивом собственного приготовления угощали. Водки и баб, как и говорил Саня, не было, для меня, во всяком случае. Спать ушёл рано, в отведённую нам Саней, как гостям, комнату, а бывшие однополчане, по-видимому, за рюмкой чая засиделись за столом до утра.

— Вставай, пора! — немного помятый ночными возлияниями, проговорил Саня. — Завтракаем, и погнали! За рулём сегодня не я, это точно. Брратец нашего побратима. Не хочу с ментами тут разборки чинить. Они в Комсомольске малоубалтываемые, чуть лучше уссурийских, те

вообще полные отморозки!

Не помню, что снилось, но то, что бабы, это точно.

Встаю, одеваюсь и умываюсь. Сегодня серьёзный день, от которого будет много зависеть, как он у меня пройдёт и главное, чем закончится.

Быстрый завтрак.

Заставили записать номер телефона отца Василия и его брата, сердечно распрошались, и вот мы уже едем в сторону Комсомольска. Жена с её мужем, похоронены на кладбище, относящегося, как раз, к Хурбе. Стечение обстоятельств.

Никаких чувств. Купил цветы на входе, в храме рядом поставил свечи и за себя, и за сына заодно. Теперь мы точно одно целое. На могилке протёр памятники, положил цветы, постоял с постной миной. Мужа этого, который когда-то увёл у меня жену, в лицо я не знал и мне его, если честно, не очень то и было жаль, хотя к моему сыну относился он нормально. А как относиться к бывшей жене и по совместительству теперь матери?

Не хотел ехать, но это было бы очень странно с моей стороны не посетить могилу родителей.

Саня бы уж точно не понял. Кстати, вчера отец Василий мне крест осветил. Я, оказывается, крещённый. Я, то есть сын, а как отец всегда был истинным атеистом. И ты смотри-ка, а был обласкан божьей милостью, пускай и неизвестной сейчас, забытой всеми богини.

Молча, въезжаем в город. Дорога после федералки явно дрянь. Ямы, выбоины, стыки, сколы асфальта. И, к тому же, ещё и лужи. Недавно тут, оказывается, был летний ливень.

Мои мысли все об интернате. Как я там устроюсь? Погуглил инет, но мало чего наскрёб о будущем доме на эти несколько лет. Явно организация солидная и на контроле у администрации города, но детдом есть детдом и как его не украшай снаружи, внутри условия жизни далеко не домашние. А вот как все, я жить и не хочу. И не буду.

Экстерном мне никто сдать экзамен за школу не даст, да я и сам эти экзамены не потяну. Увы, но все знания у меня весьма специфичны. Кого-нибудь грохнуть, даже голыми руками, да легко, а вот вычислять сложные алгоритмы, — это уже, увы, не ко мне.

— Не грусти, — неправильно понимает мой грустный вид Саня.

— Поздно грустить, — вздыхаю я, — чем уже им поможешь? Меня больше волнуют вопросы, связанные с жизнью в этом интернате и не столько общение со сверстниками, как материально-техническое обеспечение. Я тут читал, что жилые комнаты рассчитаны для обустройства от одного до четырёх человек, вот я и думаю, что нужно

сделать, чтобы попасть в число избранных?

— С другими ты в комнате жить бы не хотел, — понимает, что я хотел сказать, Данилыч.

Я пожимаю плечами.

— Человек любит комфорт и я бы смог его себе обеспечить, — намекаю я на свои теперешние финансовые возможности.

— Попробуем решить и это, потерпи ещё минут десять, и мы на месте. Директора там недавно уволили. Исполняет обязанности начальника заведения от образования некто Панритова Наталья Андреевна. По слухам, ещё та стерва. Но правильная стерва. Не замужем, живёт работой. Едва за сорок. Заместитель директора по воспитательной работе. Не утверждают её на должности, потому что у неё неуживчивый характер. С начальством ладить не умеет, видно потому и муж от неё сбежал, если и был! — кривится Санёк. — Но Кеша именно с ней общался насчёт тебя, так что, думаю, проблем не должно быть. Делаем так! Вначале я с ней переговорю, а потом уже ты сам там. Пока я тебя в комнату не заселю — не уеду. И до завтрашнего вечера я буду в городе проблемы кое-какие решать. Понадоблюсь — звони, понял?

Я кивнул, соглашаясь.

Комсомольск мне, мягко говоря, не понравился. Может, потому что мы ехали проулками и на центральные улицы не выезжали, а потом, и вовсе, видно, по объездной объезжали город. Дзёмги — это пригород Комсомольска и знаменит на весь мир тем, что тут есть, на базе военного аэродрома, целый завод, который выпускает, вроде как, СУ-30МК. Или ещё какие его модификации, а так же и пассажирский самолёт Сухой Супер Джет 100.

Грязные, хоть и широкие улицы, а уж про качество дорожного покрытия я и вовсе молчу.

— Так, подъезжаем. Сейчас через трамвайные пути повернём, потом по проулку, и на месте. Вон, то двухэтажное здание и есть твой новый дом, — говорит Санёк.

М-да. На картинке как-то красивее было. Огромный дом с пристройками по бокам. Видно, это старое здание ещё сталинской постройки. Рядом же — новодел и, походу, это и есть школа-интернат, где учатся не только воспитанники детдома, но и те ребята, кто проживает рядом, как в пятиэтажках, раскиданных вокруг, так и дети из частного сектора.

Ну, вот чем-то родным пахнуло!

Ребятня на улицу высыпала посмотреть на красивую чёрную машину,

ну и на нас заодно.

Я спокоен, а вещи свои пока оставил в машине. Саня уже со своим телефоном. В Хабаровск, по нашему прибытию в город, ещё вчера позвонил.

Наше появление фурора, к счастью, не произвело. Интересно, конечно, всем. К кому приехала такая машина, а может, кого и новенького привезла.

Увидели меня в моём прикиде.

Завистливые взгляды пацанов моего возраста, и откровенное, оценивающее разглядывание почти взрослых воспитанниц.

М-да, ничего не меняется. У нас, в моё время, девчонки, кто постарше, деньги себе телом своим зарабатывали на обочине шоссе Белогорск — Благовещенск. И видно, что и тут некоторые скромностью не страдают, или просто их на это вынуждают обстоятельства.

Ну уж точно, я им не судья.

В своё время, я только по счастливой случайности на малолетку не попал, да и потом от тюрьмы наш участковый спас. Спасибо ему и земной поклон за это!

— Эй, ребята, — обратился к глазеющим на нас пацанам Данилыч, — как к вашему директору пройти?

Тут все разом загомонили, но вперёд вышла среднего роста девица и, просто сказав, «идите за мной, я вас провожу», под взглядами своих подруг пошла к крыльцу здания.

И следом за ней, ковыляя на новых костылях, поплёлся и я, а следом, явно кося взглядом на девичий зад, шёл о чём-то задумавшийся Санёк.

Что сказать? Здание снаружи явно выглядело лучше, чем внутри. На входе сидела вахтёрша. Девчонка просто сказала, что это к директору и нас пропустили, видно мой вид калеки подействовал на бабушку в качестве пропуска. На нас все оборачивались. И явно это здание административное, а новодел — школа. Думаю, я угадал.

Поднялись на второй этаж. Девчонка остановилась напротив двери с табличкой, на которой было написано «Заместитель по воспитательной работе». Постучалась и, приоткрыв дверь, произнесла:

— Наталья Андреевна, тут к вам приехали.

Из кабинета раздалось:

— Пускай зайдут.

Девчонка отпрянула от двери, давая проход, а Данилыч коротко кивнул.

— Жди здесь! — и, зайдя в кабинет, плотно прикрыл за собой двери.

Я огляделся. Обычное административное здание. Возможно, что это

раньше и было зданием школы. Большой широкий коридор, арки полукругом, явно давно тут капитального ремонта не было, но всё побелено, покрашено и пол даже без дырок.

А тем временем, девчонка, которая привела нас с Данилычем сюда, спросила:

— Ты к нам?

Я перевёл на неё взгляд.

М-да, одета аккуратно, но явно вещи не новые, приятная юная чистота во взгляде. Глаза раскосые, без смеси крови с местным населением тут явно не обошлось. Кто тут у нас, эвенки? Или нанайцы? Не помню.

— Меня Андрей зовут, — представился я.

Неприлично разговаривать с красивой девушкой и первым не называться по имени.

— Алина, — улыбнулось создание.

А ведь, несмотря на круглое лицо, дама весьма симпатична. В меру высокая, стройная. Блузка или рубашка цвета вишни, тёмная юбка до колен. Ножки голые, без колготок. Носочки с укороченным подголёнком и манжетой белого цвета и, в завершении, белые кроссовки, явно китайского производства.

Дёшево, скромно и сердито. И я тут весь из себя — с золотой цепью и перстнем на руке, да в джинсе от Монтаны. Что-то я уж очень сильно выпендрился.

Но скромность в сторону, мой прикид не для девчонок, а чтобы местных авторитетов спровоцировать и их шестёрок. Уверен, что как бы тут ни работали воспитатели, а такого разбойничьяго приблуднённого контингента тут навалом.

— И да, я к вам.

И улыбнулся.

Удивление на её лице и полное непонимание.

«Рву шаблоны!» — усмехнулся про себя я.

— Ты сирота? — уточняет она.

Я киваю. Ну не вдаваться же в подробности.

Она ещё раз окинула меня взглядом. Недалеко собралась стайка девчонок разного возраста, но к нам пока подходить не спешат.

— Странный ты какой-то, — наконец выносит она свой вердикт. — Кто к нам впервые попадает, очень подавленным выглядит и всего боится, озирается постоянно. А ты стоишь спокойно. Огляделся только и словно домой попал.

Я удивлённо приподнимаю брови. Вот это да, Шерлок Холмс в юбке,

как всё точно определила! И то, что не боюсь тут никого, и то, что едва ли впервые почувствовал себя, что я точно, будто в своё детство попал. Вот только чем тогда занимался, такого я себе теперь позволять не буду. А чем заняться для себя я точно найду.

— Какой есть, — улыбаюсь вновь, — а ты тут давно? — уточняю я.

— С самого рождения, — совершенно не смущаясь, отвечает она. — Тут большинство таких. Вообще странно, что тебя к нам прислали. А-а ты, наверное, инвалид! — утвердительно говорит она.

— Да, в больнице при выписке на комиссии сказали, что послали документы на оформление инвалидности.

— Ты был в больнице? — удивляется она.

— Ага. Авария на дороге. Родители погибли, а меня после четырёх месяцев лечения к вам из Хабаровска прислали.

А разве в Хабаровске нет школ-интернатов и детских домов при них? — удивляется девчонка.

Я же только хмыкаю себе под нос. На редкость умна красавица!

— Есть, но не я так решал, — разводжу руками в стороны, — а как у вас со школой, где вы учитесь? — тут же спрашиваю я, чтобы увести разговор немного от себя.

— В соседнем здании. Оно новой постройки. Обычная школа. Смешанные классы. И девочки и мальчики так же, как и детдомовские, и простые дети из семей учатся, — отвечает она, — у нас старый корпус. Его ещё в пятидесятых построили, почти сразу после войны. Тут даже спортзал есть, но он требует ремонта, а потому не работает.

— И стипендию платят? — спрашиваю я.

— Ага, по сто пятьдесят рублей ежемесячно.

— На каждый день? — не поверив, переспросил я.

— Ага, разбежался, у нашего Путина на нас денег нет. Полтораста рубликов в месяц и свободен и не в чём себе не отказывай!

— Но как же на них жить то можно? — удивился я.

— Да как все живут, так и живём. Кормят, одевают. Где жить — есть. Если заболеешь, лечат бесплатно. Кто может, подрабатывают. Кому-то что-то родственники подкидывают, но это редкость. Бедно живут тут люди! — говорит она, кося взглядом на расстегнутый ворот рубашки, а там широченная цепь из золота...

— А в какой класс ты перешёл? В десятый? — с надеждой в голосе спросила она.

Я мотнул головой.

— Нет, всего в восьмой.

И опять этот оценивающий взгляд.

— Жаль!

— А ты красивая! — решил я сделать девушке комплемент.

Та зарделась. Смущившись, глазками хлоп-хлоп и улыбается.

— Спасибо.

Тёмененькая, волосы пока, по-видимому, краской не тронуты. Естественный цвет.

— А как у вас с жильём? — продолжаю я интересоваться житьём-бытьём.

— Туго. Народа много. Второй, самый старый корпус, на ремонте. Пустует, больше чем наполовину. На вечном ремонте. Сколько себя помню, всё его ремонтируют, ремонтируют, но всё никак не отремонтируют. По слухам, пару директоров в начале двухтысячных уволили за растраты, — прошептала она. — Хищение в особо крупных размерах, но воз и ныне там, а теперь и вовсе денег не выделяют. А то, что выделяется, вон, на фасад здания пустили. Какого-то шишку из Москвы ждали, да не приехал, сука. Фасад нам, старшим, красить не дали, все-таки высотные работы, а так все помещения и этот коридор, классы в школе — всё вот этими руками побелено и покрашено. Экономят, гады. Хорошо хоть кормят относительно нормально и то, от смены зависит. Повара разные и им тоже есть хочется.

— Продукты тырят? — удивился я.

— А ты что хочешь? Но у нашей мымры не забалуешь, оттого народ в детдоме, несмотря на её характер, любит эту ведьму, — опять шёпотом, и кивок в сторону двери, за которой скрылся Саня.

«Что-то больно долго они там совещаются насчёт меня. Как бы эта ведьма его не заколдовала, — улыбнулся своим мыслям, — или не съела к херам!»

— А так, не волнуйся, жить можно, хотя вам, пацанам, и сложнее.

О! Чувствую, получу инфу со стороны!

— И почему ты считаешь, что сложнее? — спрашиваю я.

— Дерётесь по всяким пустякам. Группировки разные. Восьмиклассники десятиклассников гоняют, а тут ещё и бывшие выпускники всё никак сюда дорогу не забудут, ну и страшают пацанов. У девчонок, конечно, тоже есть трудности, но, в основном, из-за нехватки денег. Доходит до того, что некоторые, — она посмотрела на меня пронзительным взглядом, — некоторые услуги за деньги на стороне оказывают. Все хотят, чтобы и одеться покрасивее, и телефон получше. В кино сходить, чтобы было на что.

— Полы моют? — уточнил я, типа, не врубаюсь, о чём разговор идёт.

— И это тоже. У нас много таких как ты, — кивок на мой костыль, — а инвалидам стипендия существеннее, чем простым воспитанникам выдаётся. Вот и предлагают услуги по уборке жилых комнат.

— И сколько стоит удовольствие? — уточняю я.

— Двести рублей за четырёхместную. Остальные — сто пятьдесят.

— И куда при надобности обращаться? — спрашиваю я, заинтересовавшись такими предложениями.

— А давай номерами телефонов обменяемся. Понадобится, ты только позвони, всё организуем! — смеётся она.

— И по остальным услугам тоже? — решил я похулиганить.

Внимательный взгляд зелёных глаз.

— Прайс услуг есть, но он для избранных, и у кого деньги имеются. В прайсе не только наши девушки, но и те, кто раньше тут учился. Цены от тысячи.

— За час? — удивился я дешевизне.

— За ночь, но угощения тоже с тебя.

Нифига се, лафа!

— Заметано, по этому вопросу к тебе обращаться? — спрашиваю я.

Снова её взгляд остановился на золотом кресте у меня на груди, а потом переполз на правую руку с печаткой на пальце.

— Организуем, но всё от смены дежурных зависит будет. Тут свои особенности, — а потом, с усмешкой посмотрела мне в глаза, — ты, вначале, со своими цацками переживи знакомство с Дэсой.

— Это ещё что за зверь такой? — удивился я.

— Да авторитет из местных. В одиннадцатый перешёл, всё никак от него избавиться не могут, но он действует через своих шестёрок. Он их «торпедами» называет. Фильм «Бригада» посмотрел и всё, снесло крышу дураку.

Я опять улыбаюсь. А что, мне несложно, а так хоть за дурака примут, и всерьез в своих раскладах никто считать не будет. На свою голову.

— Я-то переживу, а вот как ты с ними общение переносишь?

Алина усмехнулась.

— Так я местная. С горшка тут. Кто мне, что из пришлых скажет? Его же тут же уроют! Конечно, если с моей стороны косяка нет. Потому, в делах расходимся сторонами, как в море корабли. Он в мои дела не лезет, а я в его. Но его дела — рэкет. Мелких на деньги трясёт и эта участь, думаю, и тебя, мил человек, не минует, несмотря на твою очень серьезную крышу, — опять кивок в сторону двери, где пропал Саня.

Я же только улыбаюсь. Улыбчивый человек всем нравится.

— А малолеток в бизнес берёте? — возвращаюсь я к интересующей меня теме.

— Нет, только с восемнадцати. Одиннадцатый класс и старше. Нам проблемы с ментами не нужны. А так, всегда можно сказать, что по любви, — улыбается, — а кто младше, полы моют. Всем хорошо. У нас много инвалидов. Спецшкола, чего уж там, но и нормальных хватает. Где-то, пятьдесят на пятьдесят.

— Серьёзный подход!

Она кивает, соглашаясь.

— Так не нами заведено. Говорят, ещё с девяностых, и из блатных следят. Можно реально мамкам на проблемы из-за девок налететь.

— А что с дурью?

Продолжаю я вынимать из словоохотливой девчонки нужную мне информацию.

— Подсудно, да и за детей на зоне голову оторвут, а если поймают с поличным барыгу, то и вовсе кончить могут. Нет, есть, конечно, любители, но заставлять не будут. Захочешь кайфануть — обеспечим. Но с этим не ко мне. Понадобится, сведу, но по деньгам, сам знаешь, дороже, чем с девочками обойдётся.

Вот же, Мамка мне попалась. Как всё по полочкам раскладывает, и насчёт меня верные выводы сделала. Опыт, что и говорить, хотя возраст у писюхи лет шестнадцать-семнадцать получается, и не факт, что сама целка.

— А ты классная! — искренне восхищаюсь я девчонкой. — И лови мой номер.

Достаю свой Самсунг и сразу забиваю её номер себе в адресную книгу.

Что у неё за телефон, я не обратил внимания, лишь уточнил, интернет подключён или нет. Сказала, что да, но тариф хреновый, интернет быстро деньги сжирает.

Разберёмся. С авторитетными ребятами и нормальными надо дружить. Именно дружить — никаких чувств! Любовь все дела рушит... знаем, проходил.

Тут открывается дверь и показывается Саня.

Точно ведьма! Где его вечная улыбка?

Подошёл почти вплотную и шепотом:

— Прими мои соболезнования, но там, — кивок в сторону кабинета себе за спину, — чудовище в женском обличии. Но слово держит. На тебя, уже заранее, настроена очень негативно. Что ты там просил у Кеши, её просто взбесило, но против нашего босса не пошла, да и направление из Краевого совета Попечителей так просто не отфутболишь. Скрипя зубами,

но тебя примет. Нет — увезу обратно. Я ей так и сказал. Испугалась. А потому, счёт к тебе у неё ещё больше возрос. Я — за вещами, сейчас завхоз подойдёт, а тебя приглашают на беседу. Прогнёшься, сам знаешь, потом и вовсе жизни не дадут. Так что постараися и не ругаться, и вместе с тем, выскреби себе нормальные условия содержания. Подлянку с её стороны я ожидаю. Так что, лично проверю, что поместили тебя, соответственно отношению нашего босса к своей альма-матер. Не тушуйся, но и не веди себя нагло. Больше улыбайся при разговоре и меньше говори, вначале осмотреться надо, что тут у них происходит, а потом и проблемы решать начнём, но на разборки и принятие решения тебе сутки. Надо, я Кеше звякну. Думаю, он её быстро облагородит. Ну, давай, ни пуха!

— К чёрту! — выдохнул я.

Долго стоял и теперь правая нога сильно болеть начала, и разработками богини не воспользуюсь, а потому, в таком хреновом настроении я рванул дверь кабинета на себя.

* * *

А вот таких я люблю, вернее любил. Мой типаж женщин!

Сильная, уверенная в себе, при этом, на вид хрупкая, небольшого росточка, ухоженная, следит за собой и не обязательно писаная красавица. Хватит того, что фигуру блюдёт. Не люблю толстых женщин. Мужики имеют право на такой ма-а-аленький недостаток. И вот ещё штришок: женские классические костюмы, причём со вкусом подобранные. Я тащусь от таких женщин, хотя, если честно, с такими грымзами очень сложно по жизни ужиться, но мне всегда это как-то удавалось.

А эта... Волосы тёмные, цвет не определяю, так навскидку, и не брюнетка, и не шатенка, а что-то среднее, и красноты в них нет. Волосы, видно, длинные. Коса, под Тимошенко, на затылке в украинскую колбасу свёрнута. Это смотрится отпадно! Представляю, как рано ей надо по утрам вставать, чтобы до выхода на работу успеть такую красоту навести.

Костюмчик серого цвета, но приталенный. Рукава на пиджачке — три четверти, блузка — белая, с круглым вырезом. Цепочка золотая с кулончиком. Никаких новомодных течений по страстям церковным. Крестик, как таковой, отсутствует. Кисти рук ухоженные, кожа на них чистая и на лице, что характерно, ни морщинки. Или так профессионально боевая штукатурка уложена, или по жизни ещё молодо выглядит. Хороша, чертовка, вот только эта дама не для моего возраста, а потому она для меня

очень опасна. Как бы так умудриться сделать, чтобы после сегодняшнего знакомства врагами не стать? Надо очень постараться!

— Здравствуйте! — здороваясь я.

И, конечно, всеприемлющая улыбка у меня на лице. Но сам себе удивляюсь. Да я же её уже боюсь!

Вот это новость!

Проковылял пару шагов по кабинету.

Да-а-а, бедновато нынче директора интернатов живут, во всяком случае, обстановка в кабинете руководителя заведения явно спартанская. Два стола, причём одинаковых, тумбочка под одним столом, за которым и расположилась, исполняющая обязанности директора. Писчие принадлежности в китайской подставке. У стены шкафчик с папками, весьма потрепанный, шторки непонятного, как и волосы женщины, цвета, люстра — прощай молодость, явно ещё сделана совпромом. У стены, напротив шкафа, ряд стульев, таких основательных, какие умели ещё при Союзе делать. Или тут всё так плохо с финансами, или просто сама хозяйка кабинета аскет, но это же только кабинет её, как зама, может, у директора и покруче?

И что бросается в глаза, вся стена завешана, убранными в рамки, детскими рисунками. На шкафу стоят и какие-то детские, весьма массивные, поделки.

Всё, осмотр закончен, перевожу снова свой взгляд на хозяйку кабинета. Если я рассматривал больше сам кабинет и обстановку в нём, то вот сей педагог всё это время, молча, не сводила с меня своего, уж слишком строгого взгляда.

По опыту службы в армии, так начальство смотрело на нерадивого лётчика, прежде чем начать его строить, а иногда и откровенно иметь, но вот только иметь я себя не дам, ни в прямом, ни в переносном смысле.

— Присесть можно? — нагло спрашиваю я. И куда только делся мой миролюбивый настрой, ведь хотел наладить нормальные отношения с дамой, да видно не судьба. — А то нога разболелась.

Та опять окинула меня взглядом аллигатора, задержала взгляд на моих костылях и так же молча кивнула.

Ну, а мне то что, посидим, помолчим. И вдруг...

— Меня зовут Наталья Андреевна, фамилия моя Панритова. Фамильярности я не приемлю, Андрей Андреевич, и, как говорят, я бываю излишне строга к ученикам и к воспитанникам. Я заместитель директора по воспитательной работе, но в данный момент, исполняю обязанности директора данного учреждения, куда вас почему-то отправили, аж из

краевого центра. Почему? Я так понять и не смогла, и никто мне внятно не объяснил. О том, что вы инвалид, мне лично ни о чём не говорит. В том же Вяземском есть подобный интернат, я про Хабаровск и не говорю. Правила поведения в нашем детском доме просты — все друг друга уважают и живут дружно, как все.

И смотрит на меня, так испытывающе.

А-а! Типа, провокация для мажора, каким я, видно, со стороны выгляжу.

Ну что же, раз этого от меня и ждут, то не будем разочаровывать тётю.

— Как все? — приподнимаю я правую бровь, больно долго тренировался, особенно последние месяцы своей, и не только своей, жизни в этом теле.

— Все! — жёстко припечатывает она.

А у меня сама собой едкая ухмылочка на лице расцветает.

— Школа, как и армия — это зеркало общества, — произношу я. — И если говорят, по слухам, при Советах, такой фокус ещё проходил, то теперь, вряд ли. Каждый хочет, в меру своих способностей и возможностей, жить лучше, чем другие, да просто жить хорошо и не обязательно, как все. Вы можете со всем вашим министерством образования обеспечить в этом, отдельно взятом учреждении всем детям хорошие и достойные условия? — нагло спрашиваю я.

У директора, глаза от возмущения и удивления от поведения будущего воспитанника, лезут из орбит, но ответить соизволила.

— Конечно! — безапелляционно заявила она.

— Позвольте усомниться, — и усмехаюсь, — сто пятьдесят рублей стипендии воспитанникам в месяц, это, конечно, великие выплаты!

Молчит, только глазами молнии в меня швыряет.

— Так вот, — продолжаю я, — ни о каком «Как все», не может быть и речи. «Как все» жить я не хочу и не буду. Вам это надо принять, или мы расстанемся, причём, прямо здесь и сейчас. Мне есть где жить, я уже взрослый человек, почти взрослый, и позаботиться о себе я смогу. А то, что там напридумывало начальство по детям сиротам, меня мало волнует. Силой вы меня тут не удержите, на цепь не посадите. Да, я не стал возмущаться такому странному решению по отправке меня к вам, и я тоже от этого решения не в восторге. Я даже надеюсь на то, что вы откажетесь от такого воспитанника, и я, с чувством выполненного долга, возвращусь в Хабаровск. Ещё раз говорю, у меня есть где жить. Так что решение, уважаемая Наталья Андреевна, теперь за вами.

Она помолчала, по новой рассматривая меня.

— И как ты себе это представляешь, Андрей Андреевич? — уже она усмехается мне.

Я даже залюбовался ею.

Э-э-э! Как бы с этим раздвоением личности в столь юном возрасте, каким я со стороны несомненно выгляжу, не стать любителем женщин «за...». Вопрос в том, на сколько «За...»!

— Пока не знаю, — говорю я, — надо осмотреться, прикинуть возможности, рассмотреть разные варианты. Я же не ведаю о том, что тут у вас есть из благ цивилизации, а чего нет. И есть ли возможность эти блага тут организовать? — вновь улыбаюсь я. — Но могу вас заверить в том, что ничего без вашего ведома я предпринимать не буду. За редким исключением.

Она в ответ, как и я немного раньше, красиво так, удивлённо выгнула бровь. А у неё этот фокус намного красивее и чётче получается. Уела!

— Увы, но если что или кто будет угрожать моей безопасности, о своих решениях, чтобы избежать этих угроз, или нивелировать их, я вас предупредить просто не успею.

Она только улыбнулась на эту мою тираду.

— Как загнул то!

А ведь тает же, тает между нами лёд! Я ей явно нравлюсь, или вспомнила сколько за меня денег дают?

— Тогда, давайте, Андрей Андреевич, определяться с вами. Вы утверждаете, что не хотите жить так, как все дети у нас живут в детдоме. Я права?

— Если у всех ваших детей отличные жилищные условия, питание, обеспечение — то я, конечно, согласен. Но отличные условия, в моём понимании, тут вашими возможностями, увы, не достигнуть. Никак. И я бы хотел, в виду вышеизложенного, иметь право самостоятельно решать вопросы по улучшению этих самых условий, естественно, с вашей помощью, а главное с вашего разрешения.

Хмык, с её стороны. Похоже, милую даму даже стал забавлять наш с нею необычный разговор.

— Александр Данилович предупреждал меня о том, что вы, Андрюша, необычный подросток. А теперь я сама в этом воочию убедилась. Но вернёмся всё-таки к нашим проблемам. Чего ты хочешь?

О! Похоже, начинается нормальный деловой разговор.

— Не столь уж и много, уважаемая Наталья Андреевна. Просторные комнаты с хорошим ремонтом, можно и не одну. Чтобы никто посторонний в неё, без спроса, войти не мог и уж, не дай бог, не взял, что там лежать у

меня будет. Места для досуга, занятия спортом, для развлечений. Про питание я уже говорил. Если будет кухня — и вовсе прекрасно, но главное встроенный санузел, желательно с джакузи.

— С джакузи? — и наша неприступная красавица рассмеялась в голос. — Джакузи! Аха-ха-ха-ха-ха! Ой, уморил! Джакузи ему подавай!

Я же только радостно смотрю на эту необыкновенную женщину. Получилось вытянуть её из ракушки, куда она, похоже, сама себя и загнала.

— А почему вы решили, что подавай? — задаю я вопрос.

О! Этим вопросом вызвал к себе неподдельный интерес.

— А как же ещё? — не понимает она.

Я лишь только обворожительно улыбаюсь.

— Ой, не смущайте меня, Наталья Андреевна. На меня деньги поступают, неучтённые финансы. Вот и будем их тратить на всё хорошее.

Смех прекратился. Тень легла на её чело.

— Ты хочешь тратить выделяемые другом твоего отца и родственниками деньги только на себя? — спрашивает она, и такая угроза в её голосе чувствуется.

Вот только меня это мало волнует.

— Родственников? — удивился я.

— Твой отец с Мишой каждый месяц мне выплачивали по пятьдесят тысяч. Не мне, конечно, а детдому. Я раньше об этих деньгах и не подозревала даже. Ими директор по своему усмотрению распоряжалась, как хотела. Отец твой погиб, прими мои искренние соболезнования, и друг его, Миша, определил тебе ежемесячное пособие в размере ста тысяч. Я разговаривала с Иннокентием Карловичем и знаю об условиях по тратам этой сотни. Но, как заверил меня адвокат Миши, все деньги идут только на благо интерната и школы. Так?

Я согласно кивнул, а что там говорить то?

— Но ещё и твои дедушка и бабушка решили поддержать тебя тут. Я немного в курсе ваших отношений, — через паузу произносит Наталья Андреевна, — не осуждаю и не обсуждаю их. Всё лечит время. Потому и говорила, что не понимаю, почему ты у меня тут, ну, да ладно. Чужая семья — потёмки. Так вот, Зоя Яковлевна заверила, что каждый месяц на твоё содержание будет ими перечисляться двадцать пять тысяч, но с условием того, что ты об этих деньгах знать не должен.

Она смотрит на меня требовательно. Я показываю пальцами, будто зашиваю ниткой с иголкой себе рот, а потом произношу.

— Я — могила!

Она кивает и продолжает.

— Меня устроит, если и на первые пятьдесят тысяч ты не будешь претендовать, но и я должна знать на что ты собираешься тратить свою часть средств выделяемых тебе на содержание. И главное, никому об этом в интернате не рассказывать. Понял?

Опять кивок.

— Теперь, что касается твоего проживания в тех условиях, в которых, вот уже не первый год, учатся и живут воспитанники детского дома.

Она вздыхает глубоко, отчего её грудь вздымается над столом. Ловит мой взгляд и понимает, куда он у меня направлен и, довольная, улыбается.

Не скажу, что большие у неё сиськи, навскидку, между двойкой и тройкой, хотя женщины часто с помощью новомодных бюстгальтеров очень удачно и качественно обманывают нас, мужчин.

— Условия проживания не очень, — начала она мне объяснять про местное житьё-бытьё. — Здание старое, хотя ежегодно своими силами на деньги спонсоров и тех копеек, что выделяет город, ремонтируем как школу с классами кабинетами и коридорами, так и наше общежитие детдома. Всё делается руками детей и, как следствие, качество ремонта, увы, страдает, зато его объём намного больше, чем если бы мы брали специалистов со стороны. Увы, имеем то, что имеем. Один корпус жилой у нас и вовсе почти пустует — нужен ремонт. Поддерживаем только зимой отопление в рабочем состоянии, иначе здание давно бы рассыпалось. Строили его ещё в начале пятидесятых, но теперь оно очень сильно обветшало. Но само здание и помещения в нём отлично спроектированы. Есть даже спортивный зал для занятий спортом, фойе, широченные балконы. Сама замеряла их как-то. Шесть на шесть метров. Умели при дедушке Сталине строить, а под спортзалом даже что-то вроде бассейна имеется, правда, небольшого, десять на шесть всего и комнаты. Помывочные, раздевалки и даже что-то в виде сауны есть, также много больших помещений. Зал для танцев, и зал для занятий боксом. Наш нынешний физрук хотел там что-то делать, да денег никто не дал, а куда спонсорские деньги уходили — у бывшего директора надо было уточнять, — вздыхает она.

Я задумался.

А что, вариант! Много мыслей в голове крутится, но вначале надо все собственными глазами увидеть.

— А пока, я тебя в том здании поселю. Да больше пока и негде. Небольшая комната, рассчитанная на проживание одного человека, но жить будете пока вдвоём. Там тоже мальчик с проблемными ногами, — говорит директор. — Ты свалился мне, как снег на голову, а тут ещё и директор

ушёл, или его ушли, не важно. В общем, всё на одной мне. По питанию, я команду уже дала. Сейчас у нас тут каникулы в самом разгаре. Половина детей разъехалась. Лагеря, санатории, кто по родственникам турне устроил, — улыбается она, явно что-то своё личное вспоминая. — Я ведь сама воспитанница этого интерната, — говорит Наталья Андреевна.

Тогда это все и объясняет. Дама, не найдя утешения в личной жизни и в семейном счастье, горит на работе, похоже, поставив крест на себе, как на женщине, но следит за собой. Должность обязывает.

— Вначале привыкнем друг к другу. Обживёмся. До начала учебного года ещё почти полтора месяца. Чуть меньше. Ты попробуешь решить свои проблемы, — улыбается, — ты же попробуешь сделать ремонт у себя в комнате, правильно? — я согласно киваю, — но при условии, что выделенные для этого средства, ты на себя, то есть на свою комнату, — смеётся, — или комплекс комнат, не тратишь. А тратишь только на объекты общего использования. Ты согласен?

Я прикинул и так, и этак...

— Хорошо, но пока я учусь и живу в интернате, эти общественные объекты, как вы, Наталья Андреевна выразились, используются только по моему разумению и кроме меня там никто не командует. Согласны?

Теперь настала очередь задуматься и этой эффектной женщине.

— Не понимаю, объясни. — Просит красавица.

Я же пожимаю плечами.

— Например, — говорю я, — я на свои средства, вернее на те, что мне выделяют, ремонтирую спортзал или бассейн. Тогда никто — ни вы, ни физрук школы туда доступа не имеете. Только с моего согласия.

— Но это же неправильно! — возмущается она.

— Ремонтируйте сами своими финансами, — говорю спокойно я. — А куда потратить деньги я найду. Вон, группу музыкальную соберу, а музыкальное оборудование нынче очень дорогое. Очень!

— Но наш учитель физкультуры, Николай Иванович, он будет против.

— Против? — спрашиваю я. — Тогда чего сам не ремонтирует? К тому же, у него и в новом корпусе спортзал есть. Либо так — либо никак! — ставлю я точку в своих требованиях.

Помолчали.

А глазки то у неё бегают, явно что-то задумала. Понятно, если бы не Карлович и не выделяемые на меня деньги, этого разговора бы не было. Но пользуемся теми преимуществами, что есть на данный момент.

— Ладно, — соглашается директор, — запиши свой телефон на листочке, вот, ручку возьми, и мой, на всякий случай. Заселившись, а потом

посмотришь, где тебе захочется свою энергию приложить. Я не буду против, если ты отремонтируешь себе комнату. В том корпусе у нас заведует зам завхоза, Игорь Васильевич. Бывший военный, сейчас на пенсии. Хороший работник, ответственный, не пьёт почти. Вроде, по слухам, только виски предпочитает, причём, явно в нем разбирается и любит только настоящее, а не китайскую подделку. Это так, к слову.

Явный намёк, а с завхозом надо сразу мосты наводить.

— По школе и по твоей успеваемости потом поговорим, — принимает решение Наталья Андреевна. — Отметься в санитарной части интерната. Там дежурный врач есть всегда. Документы твои мне передали. Теперь, что касается внутренней дисциплины. Есть у нас свои хулиганы, к сожалению. Я не смогу тебя постоянно оберегать, вы, мальчишки, вечно что-то делите. И этот твой вызывающий вид — она даже немного поморщилась, глядя на то, как я одет, а также на мои золотые цацки, — запретить я тебе так одеваться не могу и украшения с шеи снять тоже, но постараюсь, если получится, не доводить до драк. Я чувствую, ты их не боишься и это меня, если честно, пугает. К нам часто заходят и бывшие воспитанники, и не все из них ребята благополучные, да и сам Комсомольск славится обилием любителей блатной жизни. Прошу тебя — не нарвись.

Смотрит так на меня, по-доброму и всепонимающим взглядом.

Ну, если учесть, что сама в детстве прошла эту школу жизни, то, что там говорить! Но отвечать что-то надо.

— Я очень постараюсь, Наталья Андреевна. Ну, я тогда пойду? — спрашиваю я, вставая.

— Я Алине сейчас скажу, чтобы вас с Александром Даниловичем проводила до комнаты, где ты будешь жить, пока не определишься, где и в какой комнате начнёшь ремонт для себя, — поднимается из-за стола директриса.

Угадал, хороша у неё фигурка. Смотрится, как девочка. Чем-то даже Марину Николаевну напоминает, вот только грудь явно подкачала.

А Андреевна то заметила мой мужской, оценивающий взгляд. Она удивлена и немного обеспокоена таким поведением своего нового ученика. Проводила до двери кабинета, даже вышла в коридор первой. Я же, на своих костылях, ковылял следом.

— Алиничка, девочка моя, проводи, пожалуйста, Андрея и Александра Даниловича до комнаты, где у нас Серёжа Ватутин живёт.

Я смотрю на Алинку — она удивлена, если не сказать большего. Данилыч тут же обнаружился, видно, пока мы с директором разговаривали, а времени на это ушло ничуть не меньше, чем на Данилыча, они уже тут

нашли с Алиной общий язык.

Судя по реакции Алины, это и была та подстава со стороны директора, о которой я недавно думал, глядя на бегающие глаза на лице этой ведьмы. Красивой ведьмы. Вон, Саня в её присутствии ведёт себя как пришибленный. Неужели смогла построить этого головореза, эта маленькая, но такая сильная женщина? Стоит держать ухо востро, что-то почувствовал и Саня, но молчит. Ладно, глянем, что там нам за жильё предлагают.

— А ты, Андрюша, — вот же, сучка, так меня называет при девчонке, которая здесь имеет вес! Ну, погоди у меня! — если что случится или понадобится чего, звони, не стесняйся.

У Алины от таких перлов со стороны директрисы, и вовсе, глаза из орбит выкатились, а рот так и застыл открытым.

Понятно, для кого это было сказано. Зуб даю, теперь точно по всему детскому дому известия об «Андрюше» распространятся.

Я же только ухмыляюсь про себя — погодите господа, я вам весь сюжет помаю! И ведь точно настроен ломать, но, походу, не только челюсти, но и кости. Интересно, кто у меня первой жертвой будет?

— Ага! — несколько секунд потребовалось девочке, чтобы прийти в себя, — я поняла, Наталья Андреевна. Отведу, конечно, мне не сложно.

— А по дороге расскажи, где у нас что находится. И в столовую указать дорогу не забудь. Вещи отнесёте, проводи мальчика на приём дежурному врачу, всё-таки он у нас в инвалидах числится.

Не-е! Точно, гадина! Умеет укусить. На меня эта видимая инвалидность никак не влияет, а вот для простого парнишки.... Верный расчёт — сразу обламывает семейного мальчишку, чтобы быстрее понял, куда он попал.

Вот только со мной сей способ не пройдёт. Плавали — знаем!

Алинка идёт впереди, крутит своей попкой, нашего охмурителя малолеток, заводит, потом Саня, нагруженный сумками, не сводит взгляда с точеного зада девчонки, а уже за ними, еле поспевая, я на костылях.

Алинка показывает, что где есть, где что находится. Вход по коридору в новую школу. Потом, как пройти в основной жилой комплекс. Кстати, там и врач находится и целая медчасть. Потом, как добраться до столовой рассказала. Тут столько ответвлений, что с непривычки и по незнанию точно заблудишься!

— ... это сейчас народа мало, — болтает по ходу Алинка, — каникулы, кто куда разъехался. Ближе к сентябрю тут народа будет просто уйма. Малышня спокойно ходить не умеет. Носятся, как угорелые. За ними, нас,

старшиков, заставляют присматривать. А сейчас здесь обитают те, кому летом совершенно некуда податься. И новички. Такие тоже есть, вроде тебя Анд... — заминка — рей.

Понятно. Чуть Андрюша не слетело у неё с языка. Ну, ничего, мы такое проходили. Даже если и Андрюша останется, то с придыхианием и уважительно очень, моё имя произносить будут все. Уж этого я по-любому добьюсь, и меня мало волнует количество недоумков, которых я, в итоге, сам калеками сделаю. Хотя и надеюсь, что обойдётся, и до таких методов опускаться не придётся.

— А вот уже и старый корпус пошёл. Тебя сюда определили. Тут обычно никого не бывает. Я имею в виду, воспитателей в вечернее время. Всего четыре комнаты жилых, но они в очень затрапезном состоянии. По уму, если честно сказать, положа правую руку на левое сердце, свободных, не занятых мест нет. Жилой корпус забит до отказа. Девчонки, и вовсе, по четверо в комнате живут. Им деваться некуда! — вздыхает. — Но это в больших комнатах, а так, конечно, условия жизни приемлемые. Чисто, всё покрашено. Это тут, в блоке, как заметил, наверное, стены коридора обшарпанными выглядят. На осень ремонт тут запланирован. Все заштукутурим, покрасим. С дверями, конечно, сложнее. Их так просто нам самим не отремонтировать, а специалистам деньги платить надо и немалые, а их, как я поняла, у интерната нет. Говорят, по документам, это здание всего три года назад отремонтировали полностью, капитальный ремонт произвели, но это по бумагам. И деньги, естественно, не выделяют. Я с помощницей нашего бухгалтера в нормальных отношениях. Она совсем молоденькая девчонка... посекретничали. Вот так то, но со стороны здания фасад покрасили, смотрится нормально, а сюда никого особо не пускают, тем более, проверяющих.

Я же про себя плююсь. А ведь реально, меня на бабло развести хотят. С одной стороны, мне это выгодно. С другой, я сотку кусков у директората интерната забрал и им явно такой расклад не в жилу. Но и четвертак, от предков по матери, им идёт, и на эти деньги я не претендую. Хотя, походу, что-то мутит Андреевна с моей пропиской в этом заброшенном жилом комплексе.

— ... мы на втором этаже, — между тем продолжает делиться секретами Алинка. — Третий, вообще, закрыт. Там двери даже забиты, чтобы никто не лазил. На первом — техпомещения, но они в таком же состоянии. У завхоза там пара помещений под всякий хлам отдана. Старая мебель, строй материалы, но, в основном, там всё пустует. А второй этаж под жилые комнаты определили. Но их, занятых, всего с десяток. Туалет —

никакой, душ... — смеётся — придётся тебе, Андрей, к нам ходить, в основной корпус. Ближе... до мальчишек, а они у нас на третьем этаже, тебе тяжелее будет добираться.

— А что, у нас тут горячей воды нет? — уточняю я.

— Есть! — лыбится раскосая красавица, — но сам душ — полный отпад. У завхоза всё руки не доходят там порядок навести. Да и те, кто тут живёт, молчат в тряпочку. Новенькие, в основном. Кто их жалобы слушать будет, и, к тому же, они вроде тебя, — пауза — с костылями.

«Вот так номер! — думаю я. — Это что же получается, тут, типа, отстойник? Всех новеньких сюда определяют? Смогу ужиться и постоять за себя — переведут в более нормальные условия, нет, что же, как на зоне — „а не кажется ли тебе, деточка, что твое место возле параши?!“».

Кстати, о ней. Приспичило.

Спросил.

— А ты чего молчал то? — опять смеётся Алинка, — мы же через основной корпус проходили. Там всё более-менее цивильно, а тут... — посмотрела на мои кости и ногу, которая сильно хромает, — даже не знаю, как ты на том троне разместишься! — улыбается. — Как такового, унитаза тут нет — пара кирпичей и дыра посередине. Ремонт, а до нашей уборной ещё добежать надо.

Я закатываю глаза, шепча проклятия.

Вот же удручили, но деваться некуда — по маленькому можно и тут посетить объект, заодно проведя разведку.

Остановился у двери, на которую указала Алинка.

— Мы тебя у входа в твою комнату подождём. Вон она, в красный цвет окрашена.

Я оглянулся.

Коридор, по которому мы шли, выполнен в виде арок. Полукруглый потолок местами даже побелен. Сам коридор широкий метра четыре, не меньше, высокие потолки и стены уж слишком облупленные, а главная достопримечательность, которая меня и добила — это проводка. Открытая. Старая, на скрученных между собой проводах, и висящие лампочки в старых электроламповых патронах ещё советского производства и такие же круглые, допотопные накладные выключатели.

Боже, как же тут убого-то! Надеюсь, что в комнате интерьер помоложе, во всяком случае, мебель, и мне вновь не придётся спать на узких солдатских панцирных койках. Этого экстрема мне хватило в прошлой жизни.

М-да. Посещение туалета ввергло меня в ещё большее уныние. Как же

всё убого то!

Данилыч моё состояние понял, видно, по выражению моего лица, когда я неспешно вышел из туалета.

Запашок, однако, и что самое неприятное, давненько там никто не убирался, как же они тут живут то?!

Он стоял на пороге моего нового, но надеюсь, что временного жилища. И, судя уже по его виду, меня ждут впереди, и вовсе, откровения.

Подхожу не спеша, а куда мне теперь спешить? Я сам согласился на интернат или детдом, не желая получить в опекуны родственников по линии жены, а потому терпим.

Саня уже занёс мои вещи в комнату и стоял у входа, разговаривая с Алинкой. При моём приближении оба замолчали.

Ну, и что тут у нас?

М-да, комната — пенал, где-то три на шесть. По размерам ещё ничего, вот только, судя по стенам и потолку, ремонта эта комната не видела лет двести, если не больше.

Почище, конечно, и поаккуратней, чем в коридоре, но вот эта мебель...

Шкаф — «прощай молодость» на деревянных ножках. Крепкий на вид, но весь обшарпанный, и дверцы явно не закрываются, их прикрыть, и то проблема. Лампочка Ильича, копия тех, что висят в коридоре. Две кровати — сетка продавленная. Но, на удивление, не односпальные, а полуторки. Матрас один, верблюжье одеяло, явно, привет Китаю, да и старая на вид подушка, вся в разводах. Постельного белья не наблюдаю. Пара табуреток и у каждой из кроватей обыкновенная тумбочка, привет из моего курсантского прошлого. Правда, на вид, тоже вся раздолбаная.

Но я устал, ноги болят сильно. Я и такому набору уже рад, плюхнулся задницей на кровать и едва ею же до пола не достал. Растигнута сетка до невозможности. На таком безобразии я точно спать не смогу. Саня ловит мой умоляющий взгляд. Алинка, видя моё скрюченное положение на кровати, вздохнула.

— Ну, вы тут располагайтесь. Сосед, видно, уже в сторону столовой лыжи навострил. У него, как обычно, на кровати бардак. Не любит аккуратно заправлять за собой постель. Ничего, ещё познакомишься. А ты, Андрюша, — вот же, сучка, — в случае чего, обращайся. Понадоблюсь, мой номер телефона знаешь. Звони.

И, качнув напоследок ручкой, как бы прощаясь, вильнув попкой, убыла по коридору в сторону хоть какой-то цивилизации.

Саня, молча, без своих обычных подколок, прошёл в комнату, попытавшись прикрыть за собой дверь. Увы, это ему не удалось, я, в

смысле, о двери. Этот выкидыш человеческого гения закрываться не хотел ни в какую.

— Да-а, — протянул Санёк, — удержали! — потом посмотрел на меня. — Может Кеше звякнуть, ну что за безобразия! За те деньги, что босс сюда вкладывал, и теперь ещё больше из-за тебя будет вкладывать, можно было и нормальную комнату предоставить.

Я же только отмахнулся. Нормально, в моём понимании, я всё равно ничего не получу. А вот тут, если приложить силы, ум и средства, можно весьма неплохо устроиться, на свой вкус и цвет.

— Весь этот антураж меня устраивает, — произношу я задумчиво, — это дела на ближайшее будущее, но то, что необходимо, нужно занять сегодня. Поможешь? — спрашиваю я у Сани.

— Сегодня? — задумался он. — Я тебе Ваху оставлю. Он меня на машине к ребятам подбросит, а потом по твоим делам пойдет. Ты чего хотел то? — спрашивает он.

Но ответить я не успел. Распахивается, прикрытая не до конца, входная дверь и в комнату сильно прихрамывая на левую ногу, не пользуясь костылём, заползает паренёк. Явно немного младше меня. Худой, кожа да кости. Синий спортивный костюм на нем не первой свежести. Почему так решил? Так все штаны в заплатках и молния на олимпийке менянная, причём, пришита топорно и внахлест. Тапки резиновые на ногах и грязные, сильно ношеные, носки. И этот запах давно не мытого тела...

Загнанный, испуганный взгляд. Но боится явно не здорового Саню, а опасается именно меня.

— Здравствуйте! — пропищало создание.

Саня просто кивнул, а вот я...

— Тебя, как я понял, Сергеем зовут? — уточнил я для порядка.

— Ага! — сказал тот, и мнётся на месте, переминаясь с ноги на ногу.

Ему тоже стоять трудно, а может, и больно.

— Да ты проходи, проходи. Всё-таки это тоже твой дом... комната, — поправился я, — мы тут, с твоего позволения, поговорим немного, — произношу я.

— Так, может, я тогда пойду, погуляю? — неуверенно произносит пацанчик.

Но видно, как ему не хочется уходить. И гулять ему явно не хочется. Прячется, видно, от местных, в этом закутке и не понимает, что именно тут, на отшибе, он наиболее уязвим.

— Да ложись, отдыхай, — говорю я, — вижу, что тебе стоять неудобно. Надеюсь, что тут, из нашего разговора с дядей Сашей, ты никому

ничего не расскажешь?

Тот замотал головой.

— Нет, конечно, хоть режьте меня!

Да-а, сильно, видно, застращали парня местные, но его историю я ещё успею услышать. А пока...

Проводил взглядом это хромающее чудо, что теперь улеглось удобно на своей кровати и взяло книгу в руки. Типа, читать собрался. Ну, ничего, проверим заодно своего соседа по жилью.

— Так чего ты хотел? — возвращает меня к нашим делам Саня.

Я хлопаю по матрасу. Пришлось сесть на самый краешек кровати, почти на металлический продольный треугольник.

— Кровать хочу новую и матрас ортопедический. Сам видишь, на этом спать невозможно. Получишь стопроцентное искривление позвоночника и сколиоз. И коль мы тут вдвоём, то две кровати, — и обращаюсь к мальчишке, — ты, Сергей, как, не против заменить это уё...? — матом выражая я отношение к этому артефакту древности.

— Ага! — похоже, Сергей пока изучил отлично всего лишь это слово. Всё «ага» и «ага».

— Тогда, две кровати и два матраса, — перечисляю я то, чего бы тут хотел заменить немедленно.

Деньги — деньгами, а страдать я не собираюсь. А ночью, если не заменю кровать, страдание будет мне обеспеченно стопроцентно.

— Нет проблем! — как Вася из МММ, отвечает начинающий вновь улыбаться и балагурить Данилыч. — Чего ещё желаете, сударь?

— Давай, по три комплекта постельного к кроватям, — перечисляю я свои хотелки, — и две мощные настольные лампы. — Оглядываюсь. Так, розетка около моей кровати есть, а вот у соседа — нет.

— Сергей у тебя там розетка в наличии имеется? — спрашиваю я.

— Ага!

Я на его ответ только улыбаюсь.

— Из мебели может ещё чего? — уточняет Саня.

Я же отрицательно машу головой.

— Смысла нет, — отвечаю я и тут же поясняю, — я тут жить всё равно не буду. С директрисой договорился, что я выберу себе тут помещение в этом здании и оборудую себе под жильё.

— Да ну?! — изумляется Данилыч.

— Потому и ни телевизор, ни мебель я пока не планирую покупать, а вот для решения проблем со взрослым населением интерната, и теми, кто тут наделён властью и занимается распределением материальных благ, мне

нужны будут помощники — толкатели, в виде ящика приличной конины, ящика виски, но настоящего виски, несколько коробок «Рафаэло» и шампусика пару бутылок. Ну, и от коробочки шоколадок я бы не отказался, но с этим можно и завтра решить. Виски, хотя бы бутылочку, надо сегодня найти. Есть у меня на неё планы.

Саня, похоже, понимает, куда я собрался похромать, но пока не до конца.

— И ещё чего надо? — уточняет Данилыч, а сам на часы посматривает.

— Да на сегодня пока ничего, наверное, а вот завтра... Ты вообще, когда планируешь обратно? — уточняю я.

— Завтра под вечер рвану, — говорит Санёк, — часиков в восемь, а потому продумай всё серьёзней, что тебе на ближайшее будущее понадобится. Чтобы завтра прикупить и привезти.

— Тогда, к постельному белью, ещё и подушки четыре штуки и тёплые одеяла, лучше из овечьей шерсти, но дорогие. Тут зимы очень холодные, сам знаешь.

— Сделаем. Всё? — нетерпеливо спрашивает Саня.

Вижу, что он уже торопится.

— Пока всё. — Отвечаю я.

— Ну, тогда переодевайся, — советует Данилыч, — а я поехал. По интернету Ваха тебе фотки кроватей вышлет, вместе выберете.

— А по деньгам? — уточняю я.

— Потом рассчитаешься. Заодно и за компы отдашь, — напоминает Саня.

Всё, ушёл, а я, прикрыв глаза и облокотившись спиной о стену, стараясь при этом сесть так, чтобы не сильно провалиться на панцирной сетке кровати, задумался.

Планы. А какие они у меня? Деньги есть, но молиться на них я не намерен, и если есть возможность с их помощью улучшить себе жизнь, я это сделаю без малейшего сожаления. А тут есть почти заброшенное фойе. И что-то про большие балконы Андреевна говорила, а я обожаю балконы. Там бы мне себе суперквартирку устроить! Кто знает, как повернётся у меня жизнь за эти четыре года? То, что я буду тут учиться до одиннадцатого класса включительно, это точно. В никакие техникумы и профтехучилища, я поступать не собираюсь. А вот чем себя занять, я так пока и не решил. Информации, об окружающем меня, пока маловато. Вон, сидит напротив меня на своей кровати один из возможных источников инфы того, что тут происходит, но повременю до вечера, надо самому с

мыслями собраться и наметить хоть какой-то план, хотя бы на ближайшие три-пять дней.

А что за такое короткое время можно сделать? А сделать надо, и в первую очередь — определиться с местом будущего своего проживания тут — это раз. А пока тут Саня, надо и насчёт тех договориться, кто мне этот ремонт сделает. Второй момент — это Карлович. Вот уверен, этот еврей уже всё продумал, чтобы мне под благовидным предлогом, деньги за Щербатого, не отдавать. Голову на отсечение даю, не видать мне их, как собственных ушей. Я и так удивлён очень, что они мне начали выплаты слать, причём каждый день. Вопрос только в том, как долго они будут продолжаться. В порядочности этого хитрожопого адвоката я почему-то очень сомневаюсь. А раз так, то почему бы ремонт своей комнаты за его счёт, вернее, за счёт фирмы его босса, не провернуть? И это надо обмозговать. Санёк, вроде, обмолвился, что босс, в основном, строительством занят. А раз строительством...

Х-м! Обдумаем!

А что ещё вырисовывается в перспективе? Что тут есть ещё интересного и ценного?

Со слов всей той же директрисы, спортзал и бассейн под ним. Отличное вложение капитала, которого мне в другом виде, то есть, в денежном эквиваленте, никогда не видать. Ну, я так думаю.

Вариант! Получить в полное пользование, на четыре года, целый спортзал и бассейн. А там и сауну можно будет сделать. Вода тут есть, канализация проведена. Лафа!

А что ещё?

Вот только подумать над этим мне не дали.

Вначале, в коридоре раздались голоса. Я открыл глаза и посмотрел на моего соседа, который в комок свернулся от охватившего его страха и загнано смотрел на меня, причём в его глазах была крупинка надежды, именно надежды, и эта надежда, походу, была связана именно со мной.

Распахивается дверь, и без приглашения, и даже не спросив разрешения, в комнату вваливается колоритная такая троица...

Явно постарше меня, эти вошедшие.

Бритые налысо, в спортивных китайских костюмах, во рту у каждого жвачка и довольные улыбки.

— Привет, жирдяй! Андрюш-а-а! — тянет прыщавый. Видно, заводила местный или чья-то шестёрка. И радостный гогот луженых глоток.

— Ватрушка, ну-ка слинял отсюда, нам с этим поциком побазарить надо! — говорит этот говорливый.

Мальчишка, было, дёрнулся встать, но я его остановил.

— Отдыхай, Сергей, — произнёс спокойно я.

Эта ситуация меня очень забавляла.

Как же вовремя вы, ребята, тут появились! Я прямо чувствую, как у меня начинает скачками подниматься настроение!

Есть... есть теперь на ком и злость сорвать, и пора, я думаю, начинать свои порядки наводить, пускай, хотя бы, в своей собственной комнате.

* * *

Главный в этой троице даже дар речи потерял. Мои слова для него, словно гром среди ясного неба. В его понимании, обезьяна с ним по-английски заговорила. Явно, этот долбодятел ни от кого тут отпора не получал. Совсем паря, видно, расслабился.

— Ты смотри, а оно, оказывается, ещё и говорить умеет! — заржал самый здоровый из этой троицы.

Я усмехнулся про себя, парни под блатных косят. Типа, гопники такие, отвязанные, все из себя и даже натянули дешёвые китайские спортивные костюмы Адиdas, по их понятиям, одежду крутых перцев. В девяностых, может быть, с натяжкой, на что-то и могли бы претендовать, но сейчас серьёзные ребята на такую дешёвку, уж точно перестали вестись.

А между тем, щуплый развернулся всем корпусом ко мне. Жадным взглядом прошёлся по моему прикиду, задержался на цепочке, перстеньке и кроссовках.

— А кто тут у нас без разрешения пасть открывает? Чучело, с тобой разговор чуть позже будет, нам лишние свидетели не нужны. Ты пока цепочку сними, чтобы не порвать её ненароком!

Я, в ответ, лишь надменно так ухмыльнулся, но пока промолчал, не делая никаких движений.

— Ты чё, в натуре, борзой слишком?! Те, что с тобой сюда сунулись, провожая, не будут постоянно тут жить! — распаляется щуплый.

— Андрюша в дюшу очень хочет получить! — заржал здоровяк, — ща, я ему козу забацаю и за нос потаскаю!

С этими словами он сделал шаг ко мне и, вытянув руку, словно копируя Леонова из фильма «Джентльмены удачи», зарычал:

— Пасть порву, моргалы выко...

Вот только договорить я ему не дал.

Мизинец руки на излом, и склоняющееся тело опускается на пол у моих ног.

Третий, не поняв до конца расклада, бросается на помощь дружку и получает от меня сидящего удар ногой под колено.

Хруст!

Левая у меня сильной стала за это время, как на ноги встал, ведь вся нагрузка на неё, да и ракурс был очень удачным — оптимальное положение для точного и сильного удара.

Чтобы уронить повреждение у корешей, просто выворачиваю здоровому пареньку мизинец до характерного хруста.

Вой на всю комнату! Слёзы, сопли, и крики. Два тела валяются на полу, сильно и громко подывая.

Я же, спокойно смотрю в глаза щуплого.

— Тебя тоже покалечить, а то вы, как черепашки ниндзя — толку мало, а криков много!

Смотрю спокойно в его обескураженное лицо. Страх, непонимание, и боязнь боли.

— А теперь, сучёнок, запоминай! Сюда, в это крыло общаги, ни ногой! Ещё раз увижу тут вашу троицу черепашек, без предупреждения по панцирю надаю, усёк?!

Молча, кивает. Как же он, бедолага, испугался то!

— За то, что вы тут так выделались, убрать туалет. Кто будет это делать — мне пофиг! Серёгу не трогать — он мой сосед! И вообще, к нему чтобы больше не приставали, понял?!

Мелкие кивки с его стороны.

А вой то немного утих. Скулёж только от боли у чуваков, из раскрытых и скошенных ртов вырывается.

— Времени даю час, потом не обижайся! Найду и руку тебе сломаю. А пока, эту падаль с пола поднимай. Этот, с пальцем, и сам в состоянии дойти, а чуваку, что ногой, помоги. Пускай почувствует, каково это на костылях сутками ходить. Про туалет не напоминаю. Ну-ка, из карманов всё вытаскиваем. Не понял, мне что, встать и самому по ним пройтись?! В таком случае, вы у меня голыми отсюда уйдете!

Я, типа, сделал попытку встать — этого хватило, чтобы на полу начала образовываться кучка. Пару часов сняли по моему требованию с рук, три телефона появились из карманов, один портсигар, круто местная гопота живёт. Что-то среднее между портмоне и кошельком — одна штука и помятые купюры денег — две пятисотки и штук пять поменьше, сотки и полтинники. Уж совсем мелочью я побрезговал.

— С туалетом закончите — вещи верну. Деньги — в оплату за уборку. А вообще-то вас трое, и косяков, значит, столько же. А потому, в душевой

чтобы убрали. Я всё понятно сказал?

Щуплый, молча, кивает.

— Не слышу?! — грозно говорю я.

— Понял я, понял! — скучит сучёнок.

— И ещё, — произношу я вкрадчивым голосом с угрозой, глядя в его испуганные глаза, — если кто-нибудь из-за тебя ко мне сюда, на разборки, придёт, и он по мордасам получит, и тебе хана! Башкой в унитаз засуну, а что это значит, не мне тебе говорить. Понял?!

— Да-да понял! — промычало создание.

— И зовут меня Андрей Андреевич, и только так ко мне и обращаться, ясно? А теперь, черепашки-ниндзя, кыш отсюда! Вы не дали мне додумать наполеоновские планы. Я что сказал, брысь, падаль, отсюда и жду доклада о выполнении работ!

Смешно было смотреть, как эта борзая троица, подывая, а кто и хромая, или баюкая пострадавшую руку, выметаются из нашей с Серёгой комнаты.

Вот только особой радости у него на лице я что-то не замечаю.

— Деса заявится. — Вздыхает он.

И, видя у меня на лице непонимание, объясняет:

— Отморозок местный. Осторожный, гад, но у него прикормлена тройка полных уродов, весь детдом терроризируют. Деньги у малых, и кто послабее, забирают, вещи понравившиеся, что поесть, тоже не брезгуют. Наша, по воспитательной, гоняет их, да толку! На них боятся жаловаться.

— А эти трое? — уточняю я насчёт черепашек.

— Эти под ним ходят, но шестёрки, могут прессануть тех, кто послабее.

Я удивился.

— И что, из всего интерната им никто ничего не может сказать против, что ли?! — удивился я.

На что Серёга только вздыхает.

— Ну почему же? Сашка, погоняло Волк, по фамилии Волков из восьмого, сейчас в девятый перешёл, этот их посыпает, он справедливый, но он ни за кого не впрягается. У него парочка друзей из класса, вот к ним Деса не пристаёт. Они, вроде как, боками расходятся. Пару раз были разборки из-за девчонок, но до драк не дошло.

Я прикрыл глаза.

Ну и зачем? Зачем было калечить то, ведь дети же! С другой стороны, если бы с ними миндалевничал, то задолбали бы с проверками на вшивость, а так, сразу ясно дал понять — чуть что, сразу в травмпункт.

— Ты-то сам как сюда попал? — задаю устало я вопрос парнишке.

Молчание, только слышно, как мальчишка начал расстроено сопеть носом.

— Папаня слишком ревнивым был. — Вздыхает Серёга. — Водилой — дальнобойщиком работал. В отъездах часто, а тут у нас в квартире трубу прорвало, да надо же такому случиться, под вечер. Куда обращаться? Маманя и позвала соседа, а ремонт до глубокой ночи затянулся. Ночь — полночь, я спать, а мама соседа чаем напоить решила, а заодно пускай, мол, помоется. Испачкался весь, а тут отец из рейса возвращается. И видит картину — мамка, в халатике на голое тело, на кухне стол готовит, а в ванной вода льётся. Он туда, а там голый мужик. Ну и сносит у него крышу. Соседу семь колотых ран, маме три. И этого хватило. Ему когда в ментовке объяснили с моих слов, как дело то было, он в петлю и полез. Любил он мать очень. В итоге, я один. Я тогда от криков очень испугался и из окна в снег раздетым прыгнул, а у нас третий этаж... вот теперь ноги... — плачет.

М-да, ситуэйшн.

Успокаивать бесполезно, только время такие раны лечит.

Ладно. Не будем больше ворошить раны пацану. Ему не позавидуешь, всех родных разом потерял, да ещё при таких обстоятельствах, и что самое паршивое, ещё, походу, и калекой на всю жизнь стал, хотя, о последнем утверждении мы ещё посмотрим. Мне ведь надо на ком-то тренироваться!

Пока тишина, и Ваха ещё не звонит, а в комнате то бардак и полы с окнами давненько никто не мыл. А потому...

Телефон в руки. Набираю набитый и сохранённый в памяти телефона номер.

Гудки.

— Да?! — слышу женский голос.

Вот же, засранка! По всему интернату, наверно, об «Андрюше» известия разнесла, то-то та троица ко мне первой и рванула, как только Данилыч за порог, хотя, может, и к лучшему. Бегать ни за кем не пришлось, да и удачно всё вышло.

— Я по поводу предоставляемых услуг, уважаемая Алина. — Произношу я вежливо, имидж терять никак нам нельзя. Держим марку.

— Вы насчёт, каких услуг звоните, — пауза — Андрей Андреевич?

Ух, ты! А, походу, инфа по детдому, как цунами расходится.

Я же только усмехаюсь, в так и не выросшие пока усы.

— Мне бы бригаду прислать. Генеральную уборку организовать. Кровати вынести в коридор, а потом, куда там их сдают вместе с постельным бельем, матрасами и подушками. Одеяла понадобятся в

качестве ковриков. Так что и потаскать придётся и полы с окнами мыть.

— Каждой по сотке устроит? — уточняет Алина.

— Если не батальон будет, то да. — Отвечаю я.

— Батальон уж точно не обещаю, но две пары точно организую. Две девчонки и два пацана. Девчонки моют, парни носят и вёдра с водой и вещи с мебелью. Устроит?

— Не вопрос, — отвечаю я, — когда ждать работников?

Алинка смеётся.

— Насчёт работников небольшая заминка. Некоторые на уборку народ собирают. Тут у вас, вроде и туалет, и душевую убирать требуется, а бесплатно на такую работу никто подписываться не хочет.

Я сразу понял, о чём речь.

— Штуку за всё, но с качеством и чтобы пахло, как в цветочном магазине. — Делаю заказ я.

— Тогда с тебя оплата за химию, я гонца в магазин зашлю. Будет вам и мыло, и шампунь, и освежитель воздуха, и даже туалетная бумага для ваших задниц. Обещаю, за такие деньги, там всё блестеть и сверкать будет. Если сейчас краску достанем, то где что-то и подкрасить можем. Тебя как, это устраивает?

Я же пересчитываю бумажную мелочь оставшуюся от черепашек...

Так, почти пятихатка набралась.

— Даю сверху, на всё про всё, ещё четыреста пятьдесят. Что останется, тебе за суету. Ты как?

— Ноу проблем!

Ого! Какие продвинутые дамы, а какая радостная то стала!

— Тогда, жду! — обрываю звонок.

Алинка, конечно, классная девчонка, но то, как она обо мне разные слухи по детдому быстро распространила, говорит о том, что дама весьма опасна. Надо с ней дружить, и ни в коем случае под юбку к ней не лезть. Потом от неприятностей замучаешься отмахиваться, а у меня, походу, проблем будет за глаза! С другой стороны, так жить веселее.

Вздыхаю.

Да уж, веселья полные штаны! В такой переплёт попал. Но удивляет и, одновременно, радует одно — ведь, двоих, по сути, покалечил, и никто на разборки не прибегает. Ни прилатнённая шпана, дружки этих оболтусов, ни воспитатели с директрисой. А раз Алинка знает подробности, то...

Кстати, а откуда она подробности узнала? Эта троица ниндзей явно молчать должна была, а в комнате никого не было больше!

Ну, я тупица, блин! Серёга!

— Серый, — обратился я, к прикинувшемуся ветошью на кровати, пацану, — ты моё общение с троицей, случайно на телефон не снимал?

Так и хочется крикнуть — «в глаза смотреть!»

Потупил взгляд, но явно рожа довольная.

Вот же подстава, откуда не ждал — хотя...

А почему это, собственно, подстава то? Наоборот! «Пресса» разнесла по всему интернату ПРАВДУ! И это обращение ко мне... Андрей Андреевич...

А ведь сработало, и причём быстро. Явно, эту троицу в интернате ребята не любили, а тут такое унижение и поиск бригады на уборку туалета с душевой!

Да, как бы палку не перегнуть, ведь и сломаться может, а мне тогда точно придётся этому плюгавому дураку, как и обещал, руку ломать, а делать это мне совсем не хочется.

— Так всё-таки, Серёга? — спрашиваю я.

— Ага!

И я чуть не заржал в голос.

— Достал ты уже с этим «ага». Общаться по- нормальному, что, разве не умеешь?

Сопит в две дырочки, голову опустил, глаза боится на меня поднять, но через паузу всё-таки ответил:

— Этот шнырь меня больше всего доставал. Его и не просили насчёт этого, а он не переставал измываться, а тут ты их обломал. У меня и осталось от родителей, так этот телефон — мне его на двенадцатилетие подарили. Тут и фотки родителей есть и видео. Это всё, что у меня осталось, а эти хотели забрать, а сказал, что горло им перегрызу. Ведь, и так всё забрали в итоге, с чем сюда я приехал. Но телефон я не отдал, сказал, что убью и их и себя. Пока отстали, а тут ты сегодня. Ну, как пропустить такое развлечение? Скинул по вацапу ребятам, а они уже по всему детдому распространили. У кого телефоны есть, а у кого нет, просто поделились, дав посмотреть.

Я скривился.

М-да, первый день и такая известность.

— И что теперь? — уточнил я. — Ваших правил то я не знаю.

Серёга пожал плечами.

— А что теперь? Или оставят тебя в покое, или на разборки, к вечеру, придут всей штоблой. Тут толпой бить не западло. Это будет зависеть от того, как они испугались. Может, и вовсе старшаков позовут, ну тех, кто уже выпустился, но, вообще-то, такое не принято спускать с рук, я уверен,

что разборки будут ждать тебя впереди.

Я скривился. Что ж, одной рукой, похоже, не обойдётся, но будем решать проблемы по мере их поступления.

И тут у меня в кармане куртки затрясся в вызове телефон. Я его на беззвучку поставил, на одной вибрации работает.

— Да?! — ответил я на требовательный звонок.

— Андрей, это Ваха! — раздалось в трубке. — Я в магазине. Присмотрел три варианта кроватей. Все полуторки, как ты и просил. Но проблема в том, что матрасы дороже самих кроватей. Есть, как ты просил, ортопедические. Скидываю по вацапу. Выбирай. После обеда подвезём.

Я открыл вацап.

А чего выбирать то? Потом всё равно двуспальную кровать покупать, если удастся решить вопрос с отдельной комнатой.

Вот, вроде ничё. Из массива дуба, и пружинный блок к ней, её и выбрал.

— Подумай, может ещё что прикупить? — спрашивает братец служителя культа.

Я прикинул и так и этак.

— Да, есть просьба, Ваха. Мне бы тут двери поменять, а то комната, что проходной двор, — говорю я, — но желательно договориться с мастером, чтобы именно сегодня установили.

Молчание в трубке. Ваха, видно, обдумывает мою просьбу.

— Узнаю. — Наконец-то, оттавивает он. — Если будет возможность, то сегодня всё организуем, если нет, то завтра, что ещё?

— Сейф бы маленький. У меня тут ништяков много, да шляются тут косяками разные типы, ну, ты понимаешь!

— С этим, думаю, без проблем. Решим, если больше ничего, то после обеда жди. Тебе что-нибудь поесть привезти?

— Да! Было бы неплохо!

— Ладно, шашлыков возьму.

— Тогда и чайник электрический, и пару кружек, — прошу я.

— Понял. Пройдусь по нормальному списку, — воспринял мою просьбу Ваха, — простой холостяцкий набор, но пока только без сковородки! — и смеётся.

— Пойдёт, — отвечаю я.

А сам перевожу взгляд на Серёгу.

— И про виски не забудь, пожалуйста. Хотя бы одну бутылку на сегодня.

— Не забуду. Жди.

И отключился.

Я посмотрел на телефон. Сиди, не сиди, а делами надо заниматься.

— Сергей, а ты знаешь, где Игорь Васильевич обитает?

— Зам завхоза нашего? — уточняет у меня мой сосед.

— Да, — отвечаю я.

— Конечно, знаю. У него в нашем корпусе каптерка. Он обычно всегда на месте, — произнёс радостно Сергей.

Видно понял, что сейчас я к нему с просьбой обращусь. Очень хочет быть для меня полезным.

— Будь добр, сходи, узнай на месте он или нет. Если на месте, то попроси его никуда не уходить, мне с ним переговорить надо.

— Всё, я бегу, — подскочил с кровати мой посланец — быстрый олень. — Ты сразу пойдёшь?

— Да, если он на месте будет.

— Так я его найду. Он, если не у себя, то подойдёт, — заверил меня, более опытный в местной кухне, паренёк.

* * *

Понравился мне этот бывший актовый зал. Теперь, главное, продумать, как ремонт начать делать, и на какие шиши.

Но подумать над этим у меня так и не получилось. Мой путь лежал в спортзал.

Открыть замок, висящий на двери напротив, так и не смогли. Ломать не стали, да и инструмента подходящего не было, пришлось ковылять до лестничного пролёта и, хромая, спускаться на первый этаж.

— Дальше лестница ведёт в цокольные помещения, — рассказывает Васильевич, — а тут спортивный зал, и раньше кухня была со столовой. И банный комплекс. Стирали ведь всё сами. Да и сейчас тоже, но в новом корпусе. Но и помывка тут общая была. В новом корпусе в некоторых номерах и душ с туалетами есть, и даже ванные комнаты, но таких единицы, и живут там, как ты понимаешь, особо приближённые к императору, то есть, к директору детского дома, любимчики и те, за которых спонсоры деньги платят.

А вот и ответ!

Месть, так сказать, директрисы за то, что я у неё, пускай и не все, но большую часть из выделяемых на меня денег, увёл.

Ну да ладно, я не в обиде.

— А вы говорили про залы для бокса и гимнастики?

— А, ты про это! — отмахивается завхоз, вернее его зам, — они все на цокольном этаже, а по-простому, в подвале. Но там помещения сухие, несмотря на близость Амура. Река ведь часто разливается. За всю бытность интерната его раза три эвакуировали.

А вот вторую дверь в спортзал открыли спокойно. Ключ имелся в наличии и даже был промаркирован. Все по уму и всё для порядка, вот только в самом помещении для занятия спортом, этот порядок отсутствовал напрочь.

Я еле сдержал, пытавшийся вырваться из груди, вздох разочарования, а Васильевич продолжал меня просвещать:

— Задумали лет, наверное, надцать ремонт тут генеральный устроить, еще во времена перестройки, и забыли, в итоге. Как видишь, даже полы вскрыли, стены от штукатурки старой зачем-то отскребли до кирпичей, только этот строительный мусор забыли вывезти. Здесь и раздевалки есть, причём женские и мужские, и даже душ был тоже при каждой раздевалке. При Советском Союзе на нашей базе разные спортивные соревнования проходили. У нас спортивный зал был один из самых больших по площади, тридцать метров в длину и двадцать в ширину, с учётом мест для болельщиков. Ну и про балкон — панораму я тебе уже рассказывал. Вход со второго этажа на эту верхотуру мы и не смогли открыть. Сейчас по Госту, самые большие в длину — это двадцать четыре метра и в половину по ширине. Откуда знаю? Так новый спортзал у нас такой. Физрук очень хотел тут ремонт сделать, и зал для бокса оборудовать, а в гимнастическом карате вести, да запретили. Сдавать посторонним не разрешили, типа, детское заведение, а что тут всё простирает и не ремонтируется, а от этого рушится, никого, похоже, не волнует.

Я увидел над головой большой балкон во всю длину зала и заканчивался он как раз лестницей, ведущей прямо в сам спортзал.

— Тут даже в футбол ребята играли. Тогда ещё его минифутболом никто не звал. А теперь, как видишь, запустение, куда ни глянь.

Да-а! Вид разрухи в спортзале подействовал на меня весьма удручающее. С другой стороны, если возьмусь восстанавливать его, то не придётся в большинстве случаев заниматься снятием старых покрытий. Другой вопрос — деревянный пол зала. Вот он то, как раз, реальные деньги стоить будет, да и сам ремонт этого помещения в кругленькую сумму обойдётся, тут явно парой лямов не обойтись, разве что за работу.

Смотреть раздевалки не пошёл. Грязно, мусора много, захламлено всё очень.

Видя, что энтузиазм у меня спал, Васильевич поинтересовался:

— Ну, так что, домой или продолжим ознакомление?

Назад бы, в комнату, по уму мне надо было возвращаться, и уборка уже началась, Серёга СМСку скинул, и вещи у меня там, да и на разборки кто подойти может, а на Сержа надежды не особо много, но и упускать возможность получить как можно больше информации о местных достопримечательностях от знающего человека, мне было никак нельзя.

— А давайте в цокольный теперь, — прошу я. — Кухня со столовой особо меня пока не возбуждают, — шучу я.

Пока не возбуждают. Аппетит приходит во время еды.

Лестница в подвал была и вовсе разбита, впрочем, и сам коридор вызывал удручающие мысли. «Разруха. Тут бы сцены из апокалиптических фильмов снимать!» — подумалось мне.

Если в спортзале ещё имелись окна и даже стёкла в них, то вот в помещении под бассейн они отсутствовали, как элемент. Не рамы, те, как раз, были под самым потолком, но они были, просто забиты деревянными щитами, а из освещения имелась в наличии всего одна единственная лампочка.

Если в спортзале специально готовили стены, потолок и пол под проведение ремонта, то сам бассейн, видно от старости, решил, как дерево сбрасывает осенью листву, так и котлован бассейна скинул с себя кафельную плитку.

— Тут по ремонту скажу одно — канализация подлежит полной замене, — вынес приговор Васильевич. — Денег нет на его ремонт, и не будет. Это вам не Советский Союз, — вздыхает бывший вояка. Послужил ещё при СССР, оттого так и воспринимает это запустение во всём. — Раздевалки и душевые не в лучшем состоянии, — продолжает Васильевич. — Смотреть будем?

— Нет. — Помотал я головой. — Давайте залы для бокса и гимнастический глянем.

Посмотрели.

Да, старенькое всё, да, потрёпанное. Окна бы заменить на нормальные, а то всё забито щитами и какими-то старыми тряпками утеплено. Короче, средневековые в разгаре.

Но, в сравнении со спортзалом и бассейном, почти ВИП апартаменты, осталось только руки приложить. Но пока я не видел в этом смысла.

Нет спортзала — делать зал для бокса смысла не было.

Коридоры восстанавливать надо? Надо. Освещение, нормальный пол и лестницу с перилами. Я же тут, едва себе ноги не переломал по новой. А

потому, думаю, если начинать бодягу с ремонтом, то только скопом, комплексно, к тому же, выход на первый этаж, а уж, тем более, на цокольный, только через нас. Через второй этаж, где у нас сейчас жилые комнаты имеются.

Экскурсия заняла примерно полтора часа. Вышли даже на задний двор.

— ...раньше-то именно тут был фасад здания, его, так сказать, лицевая часть, — рассказывает Васильевич. — Но потом переиграли. Вон, видишь, с торца большая пристройка имеется? Это раньше гараж был, мастерские. Ребята по выпуску тут учились на шофёров, но, с приходом демократов, всё похерили. Машины продали, мастерскую в конец разграбили. Как ещё ворота эти железные на металлолом не сдали, не пойму. Там два машиноместа, но если поприжаться, то и легковушку спокойно можно загнать. В аренду помещение не сдать — опять же, образовательное учреждение, в общем, замкнутый круг.

— Но я слышал, что у детдома два автобуса имеются в наличии? — говорю я.

— Есть, не спорю, но ставят их в местном автомоторном предприятии. Там и проходят медосмотр перед выездом и техническое обслуживание. В общем, почти отобрали у нас наш же транспорт. Это прежний директор, что-то со своим муженьком мутит.

— А Наталья Андреевна? — уточнил я.

— Пытается разгребать завалы, но её всё никак не утвердят. Тут сложная ситуация — вроде, лучше её то, по уму, и кандидатуры на это место не найти. Должность то собачья, но и характер у неё не сахар, наверное, сам успел уже в этом убедиться, ну и красивая! Вроде бы, ровесники мы с ней почти, а я выгляжу уже, как старик, а она — как девочка. К тому же, приплюсуй сюда, что до сих пор не замужем — отсюда и проблемы. Её начальство клеить начинает, а чиновники то у нас, сплошь мужичьё, а она их на хер посыпает открытым текстом. В общем, сложно у нас. Почему тебе, пацану, это рассказываю, такие подробности... — взгляд на меня прямой и, на удивление, серьёзный. — Ты, походу, денежный мешок и с тебя бабло попробуют сосать. А где серьёзные деньги крутятся, там и интересы чиновников всплывают. Мы ведь не коммерческая организация и не бюджетная, как таковая. От нас министерство отбрехалось и сейчас на балансе города стоим, а у города денег нет, несмотря на то, сколько тут серьёзных предприятий работает. И подводные лодки делают, и самолёты, а денег нет. Всё что остаётся, Хабаровск забирает. В общем, на распределении денег мы в списке последние.

— Да, — заметил я. Вздыхаю. — Уж больно ежемесячная стипендия у вас тут щедрая!

— А, ну да! — усмехается завхоз, — а сто пятьдесят рублей на ребёнка... зажириуешь!

Помолчали. Я же смотрел на открывающийся вид на стадион.

Васильевич заметил мой взгляд и произнёс:

— Вход для воспитанников интерната свободный. Можно посмотреть, как ребята тренируются, даже на игры сходить можно, но вот играть там самим не разрешают. Наше поле, вон туда, метров двести вправо, в сторону Амура. Поле, конечно, не ахти, но ребятам нашим хватает. Там и волейбольная площадка имеется, и даже кое-какие самодельные спортивные снаряды. Турники и брусья имеются в наличии, но всё допотопное. Что говорить, интернат!

Я же, про себя, материл наших лучших людей страны. ВВП, конечно, тот ещё мудак, но для детей же можно было хоть что-нибудь сделать?! Размер стипендии детей детдома просто убивал наповал. А если продать Дворцы мудаков Шувалова, да Рогозина, наверное, всем детдомовским детям разово годовой заработок выплатить можно было бы. А сколько у нас этих вышеназванных пид@ров?!

Но это всё утопия. Эти ушлёпки никогда так просто, наворованное ими, не отдадут. Да ну и хер с ними, к чертям эту политику! Как говорят: каков народ — такие и бояре. Что мы заслуживаем, то и имеем. Просто гляньте на цены на заправках, всё ясно станет.

Смотреть спортивный городок не стал — без толку. Что я там не видел? К соседям на стадион я позже загляну. Времени у меня ещё целый месяц каникул, найду время, чтобы посетить сей объект.

По итогам нашей экскурсии, Васильевич так проникся ко мне, что пообещал завтра поменять и тумбочки прикроватные и даже учебные столы дать с тумбами и новые стулья к ним. Прикинули, что места подо всё хватит. Проникся он ко мне добрым сердцем после того, как я сказал, что закупленная мебель, в частности две кровати, я оставлю в комнате, когда придет время переезда, и, возможно, захвачу с собой и Сергея. Итак, если сделать по-быстрому ремонт в комнате, получится отличный гостиничный номер с новой мебелью. В итоге, мне пообещали ещё и мини прихожую. Убогоньскую, но всё-таки.

* * *

Вернулись на второй этаж общаги.

Вовремя! Как раз Ваха прибыл. Я отправил Серёгу встречать, показывать, куда тащить новую мебель. Бригада уборщиков сработала очень оперативно. Всё-таки Алинка отличный организатор, да и ребята заработать очень хотят, оттого и такой энтузиазм.

Вещи и мебель из комнаты вытащены, стены с окнами отмыты, полы досыхают.

Васильевич даёт команду шкаф и кровати разбирать и тащить в разобранном виде к нему, в один из оборудованных складов для старой мебели. Сказал и тумбочки захватить, не разбирай.

А вот и Ваха с носильщиками и, по-видимому, специалистом по дверям. Серёга тут по указке снимал предварительные размеры и по телефону данные на вацап скидывал.

Похоже, мне повезёт и к вечеру будет у моей комнаты достойная, а не фанерная дверь с нормальными замками.

Вижу и маленький сейф, но мне в нём оружие, типа сайги, не хранить. Хватит, как раз для моих потребностей. Деньги, бумаги и драгоценности хранить, хотя я и сам, та ещё драгоценность.

Алинка прониклась масштабами изменений, как и Васильевич, а потому, он организовал выдачу со склада новой мебели. Ждать завтрашнего дня не стал. И чувствую, что сегодня я полностью переоборудую комнату, вот только ремонт тут пока делать не собираюсь.

В душе и туалете на этаже идёт генеральная уборка. Васильевича, Алинка уговорила выдать краску, водоэмульсионку, специально для ванных комнат и уборных. Колер какой-то даже нашли и кисточки с валиком. Отдал деньги девчонке ещё и добавил из бумажника, который забрал у щуплого. Я пока в плюсах и своих денег ни рубля не потратил, если не считать траты на мебель и бухло, что Ваха привёз с постельными принадлежностями.

Народа набежало прилично, но Алинка и Васильевич всех, похоже, к работам припрягли. Праздношатающихся не увидишь.

Разбирают старую мебель и уносят к Васильевичу на склад, обратно уже новую мебель тащат. И, походу, совсем не завидуют. Понял, что только тут, у лишенцев, типа меня с Серёгой, в комнате древняя рухлядь стоит, у остальных, кто живёт в новом корпусе, мебель стоит новая. Точно, тут отстойник. Но надо отдать должное местному начальству — отлично заботятся о детях, чтобы жили они в уюте. Если еще и кормят прилично, то скажу, что молодцы вся администрация заведения, а стипендия — это от безысходности и не их вина в её размере. Это пускай государству стыдно будет.

В комнатке, впрочем, как и в уборной, впечатляющие изменения. Вымыто и вычищено всё. Насчёт двух кирпичей и дырки, конечно, Алинка шутила, но унитаз выглядел убого, но теперь и чисто, и стены покрашены заново. И крышка с сидельцем имеется, и шпингалет наличествует, и даже держатель для бумаги появился и полочка со стоящим на ней цитрусовым освежителем воздуха. Что-то Васильевич выдал, что-то купили на выданные мной деньги.

В ванной тоже изменения. Кафель отмыт. Где можно — подкрашено. Шторка на ванне появилась и держатель под неё. И даже кусок мыла в половинке от мыльницы с краю на раковине примостился, о щеколде я уже не говорю.

Народ сам радуется, веселится и смеется. Все довольны, особенно жильцы этого, богами забытого, здания.

Вот начали уже заносить мебель в комнату и расставлять её там по указке Серёги и Алинки. Эти двое вовсю спорят, что где установить — всё-таки мебели добавилось серьёзно. Да и кровати всё же малость побольше прежних, и шкаф, что старшаки собрали, тоже, и в высоту, и в длину больше старого антиквариата. Но, в итоге, всё вошло, и даже небольшая прихожка.

Места в комнате стало мало и Васильевич, видно оценивший подаренный пузырь вискаря, выделил из собственных закромов, новую узкую ковровую дорожку и два маленьких коврика, явно ручной работы. Но, на удивление, новые.

— Местные умельцы ткут, — объяснил мне завхоз. — Сейчас над кроватями повесим, и уютней будет в комнате, и от стены так сильно зимой холодом нести не будет.

Я же смотрю на рамы окна.

М-да. Убожество, хоть и покрашенное, но щели между рамами с палец и главное для лета — сетки нет в наличии.

Но тратиться на это я не буду. Пару месяцев потерплю, а себе в новых комнатах новые окна поставлю.

Всё когда-нибудь кончается. Закончилась и уборка с перестановкой мебели, и только спецы по дверям ещё копаются с их установкой, но, по ходу дела, у них всё идёт к логическому завершению.

Наш планируемый ужин с обедом, в виде кучи шашлыка и лавашей с зеленью, умыты толвой за пару минут. В одиночку жрать деликатесы тут в падлу, тем более, запашок шёл от пакетов с едой просто убийственный, а тут ещё Арсеньевский квас! Молодчина Ваха, умудрился тройку полторашек прикупить. В общем, импровизированный перекус удался на

славу, за ним же и с парнями и девчатами перезнакомился.

Я новичок и всем было интересно, за какие это прегрешения меня такого красивого, всего из себя, к ним упрятали. Вопросы, конечно, такие, в открытую, никто из них не задавал, но чтобы догадаться о том, что мучает эти светлые головы гением или экстрасенсом не надо было быть.

Серёга не отрывается от компа. Что-то там в наушники с микрофоном тихонечко шепчет. Я не прислушиваюсь. Основная работа сделана, народ начал рассасываться.

В комнате со мной Алинка с подружкой. Подружку зовут Ленкой. Симпатичная, но угловата, как все, в большинстве своём, подростки. Глазки строит, но в наш с Алинкой разговор не вмешивается. А мы обо всём болтаем.

Ленка осталась, чтобы прибраться после окончания установки дверей. А работы, по заверению мастера, ещё где-то на час.

Кстати, он же помог установить сейф. На анкеры притянули к кирпичной стене на широком подоконнике окна. Дёшево и сердито.

Ваха пообещал завтра с Данилычем заявиться, и привезти основной заказ по спиртному и конфетам. Девчонок, всех кто участвовал в уборке, угостил шоколадками. Упаковки сладких плиток, как не бывало. С парнями сами поделятся, а деньги уже всем раздаст, в зависимости от вклада в уборку, сама Алинка.

— А не пора ли нам на ужин? — напоминает девчонка. — Ленка потом сама подойдёт. Давай с нами! — предлагает она. И уже обращается к Серёге, — ты идёшь???

Серёга помотал головой.

— Мне шашлыка хватило, да и занят я сейчас. — Не отрываясь от экрана ноута, говорит Серж, — идите, если успею, то сбегаю, нет, так чай просто попьём.

Я же только улыбаюсь на его уточнение.

Опытный Ваха прикупил и чайник электрический и, соответственно, всего к чаю. Жаль, в номере нет холодильника, а потому краковскую колбасу с хлебом надо будет в первую очередь уничтожать, а колбасу точно в столовой не дают.

А я не откажусь посетить местный общепит. Надо уже узнать, что где находится.

С Алинкой договорились, что как закончится установка двери, они с Ленкой подойдут, а я, наказав Сергею угостить мастеров чаем, на своих костылях поплёлся за девчонками на ужин.

Ещё раз хочу сказать, что администрация делает всё возможное, чтобы

наладить быт своим воспитанникам. Мне помещение столовой понравилось. И как организовано питание, и качество блюд было весьма высокого уровня. Нет этого клейстера из макарон, как в армии, а манка и вовсе была восхитительна, и в больнице, и тем более, в армии, её не часто давали. Довольный, я самостоятельно возвращался к себе. Расслабленный, уставший после такого сумасшедшего дня, как вдруг...

Троица перегораживает мне путь.

Я даже не успел среагировать, просто заступили проход, вот только, на моё и их счастье, никаких агрессивных действий с их стороны не последовало.

— Привет, Принц! — произнес, вместо приветствия, высокого роста пацан.

Взгляд открытый, серьёзный, без этой приблуднённой гнусавости через нос. Сам чернявый. Сложен правильно. Явно и мышца имеется, видно, парень спорту не чужд.

Да и спутники его ему под стать, только существенно ниже ростом. Один блондинистый, судя по коротким волосам причёски, или уже просто они у него выцвести на летнем солнце успели, а вот третий, и вовсе полностью лысый.

Парни явно не местная шелупонь, но и слюнями их сложно назвать. Не какие-то там качки, но что спорту они уделяют достаточное количество времени, это точно!

— С чего это, я принц? — уточняю я, а сам продолжаю идти не останавливаясь.

Не разойдутся — придётся валить.

— Постой! — произносит высокий. — Давай, поговорим.

Поговорим? И даже не «побазарим»?!

Удивлённо посмотрел на парня.

— А кто нам мешает в движении разговаривать? — спрашиваю я.

— Да, в принципе, никто, — соглашается заправила в этой тройке, — заодно и проводим. На новоселье пригласишь? — с усмешкой на лице, произносит он и делает шаг в сторону, позволяя мне пройти.

— Ну, если только на чай. — Отвечаю я, улыбаясь.

А что, ведь реально, первое нормальное общение с ребятами, не считая нормальной компании Алинки, но там ребята работали за мои деньги, а такие отношения дружескими сложно назвать.

— Можно и на чай, — соглашается парнишка. — Кстати, меня Александром зовут, а это Димка и Вовик. У Димки что-то с волосами. Не растут совсем. Говорят, что или облучение где подхватил, или на нервной

почве, последствия пережитого стресса.

Я посмотрел на Димона.

Парень явно по поводу своей лысой головы малость комплексовал.

— Не парься, — произношу я ему, — ты на плюсы смотри.

— Какие ещё плюсы? — не понял он.

Я же опять улыбаюсь. Улыбчивые люди всем нравятся, а всадить в грудину нож, при надобности, улыбка уж точно не помешает.

— В парикмахерской не надо деньги тратить, и на расчёсках, прикинь, какая экономия, я не говорю про всякие там шампуни, бальзамамы и ополаскиватели!

Посмеялись. Идём медленно. Нога опять разболелась, да и спешить то мне особо не куда.

— А почему я принц, Саня? — уточнил я.

Тот только усмехается, скалясь в довольной улыбке.

— Ну, а как по-другому? Дня у нас не побыл, а уже о тебе весь детдом гудит. Черепашек-ниндзя завёл себе. Комнату, говорят, как в пещере Али Бабы красотой завесил, и даже сейф установил. Новую, железную и, сразу видно, что дорогую, дверь устанавливаешь, да еще и со встроенным электрическим звонком. Алинку очаровал, другие девки тобой уже бредят. Деньгами направо и налево разбрасываешься, сопровождающие серьёзные и на крутой машине тебя привезли. Кто ты, раз не принц? Вон, весь в золоте и прикид у тебя дорогущий. Директор наша лично принимала, вроде как, даже разрешила выбирать комнату и полэтажа. Это уже от Васильевича известно стало. И это, заметь, всего за день!

Я же только усмехаюсь про себя.

Да-а-а, разворочил я, походу, это болото.

— И ещё один момент. Васильевич, а он дядька весьма заносчивый, сгноит, если невзлюбит, а тут лично, ЛИЧНО водит тебя на экскурсии по интернату. А ещё, Деса...

— А с ним то, что не так? — удивился я.

— Наслышен, значит. — Усмехается Саня. — А то, что его людей ты в одно мгновение в черепашек превратил, а он с разборками не пришёл, и это знак. Так-то, тебя пока никто поддерживать не будет, пока понятно не станет, какую ты нишу в местной иерархии займёшь, и это не просто проблема, это проблемища. Даже девчонки боятся подходить. Это Алинка у нас безранговая. Ей на всё и всех пофиг. Поставила себя так, и уважают её. А у других девок такого веса в обществе нет. Кто телом себе путь пробивает к лучшей жизни, и это особо не порицается, кто-то на учёбу налегает, а по жизни серенькие мышки. Тут ни за кем ничего нет. Каждый,

по сути, сам за себя. Родителей нет, родственники отсутствуют, друзей мало, а то, и вовсе, у большинства нет. Мы, детдомовские — изгои и тут ничего не поделаешь. Ещё деньги власть дают, но их ни у кого из нас нет. Кому пенсию по потере кормильца выплачивают, те Крёзы по нашим меркам. Кто-то силой пытается надо всеми вознестись, но...

Я даже приостановился, чтобы передохнуть, дать ноге успокоиться, ну и интересное что-то затронул этот необычный пацанёнок.

— И что «но»? Сила — она и в Африке сила! — смеюсь я.

Саня же серьёзно смотрит на меня.

— Если пережать, то спокойно можно схлопотать удар шилом в печень. Очень просто! И ударившему ничего не будет — он не просто не совершеннолетний, он и вовсе малец. Были случаи в прошлом!

Ага, предупреждает, а ведь прав! Шило, да тот же заточенный напильник или шабер, на зоне, вон, и вовсе, раньше простым электродом от сварки пользовались. Заточил под рукоятку, закрутку сделал, и всё — готовый стилет получается. Во всяком случае, колющие удары отлично таким оружием нанести можно. Смертельные удары.

— А ты и с деньгами, а раз вокруг тебя танцы бабуина, замзахоза исполняет, значит, с большими деньгами. Машина, что тебя сюда привезла, на всех впечатление произвела. Гелендваген. Никто о таком, наверное, и не слышал, не говоря, чтобы воочию увидеть. А ты спокойно в ней разъезжаешь, да ещё с Хабары прибыл. Твои сопровождающие. Один кавказец, второй или спортсмен, или качёк, но то, что к братве имеет отношение, и так понятно. Потому и принц. Но, по-видимому, в изгнании? — задаёт он неожиданный вопрос.

Я пожал плечами и вздохнул.

— Проехали! — произнес я загадочно, и вновь тронулся по широкому коридору.

— И ещё, — произносит Саня, — у Димки, хотя он и лысый, девчонка у нашего секретаря помощницей подрабатывает. Так вот, вчера, перед твоим приездом получается, одна пожилая пара приезжала. Серьёзные такие, на белом джипе. Вот там то, твоя фамилия и прозвучала. Вроде как, родственники твои, но у них другая фамилия.

— Петренко, — вновь вздыхаю я. — А отчима моего и сестры теперь фамилия Лисицыны. Отчим с матерью погибли в автокатастрофе, а я выжил, вот только ноги. Четыре месяца больницы, два из них, в реанимации. Удовольствия мало.

— М-да, — протянул Вовка, крепыш среднего роста. Но широк в кости, хотя и не скажешь, что жирок есть. Просто крепкий.

Я же про себя подумал, что у каждого, кто тут оказался, СВОЯ страшная история имеется. Вон, тому же Серёге, вряд ли кто позавидовать может!

А вот и поворот в проход, который ведёт в старое здание детдома.

Почти дошли.

Надо тренироваться! Решено — сегодня Серёгой займусь. Потренируюсь на нём управлением энергиями, а завтра, пускай не с утра, но точно в течение дня или вечером на спортплощадку схожу, надо продолжать заниматься, а пока эспандеры достану. На сегодня мне и их хватить должно.

— О, да ты и правда затеял смену двери? — произнёс Димка, а все ребята смотрели на меня поражённо.

— Это сколько же она должна стоить с установкой? — поддержал друга Вовка.

— Не больше денег, — усмехнулся я. — Уж очень не понравилось мне, что врываются в комнату все кому не лень, а потом оказывается, что они и вести себя в приличном обществе совсем не умеют!

— А ты из-за черепашек решил двери поменять?! — рассмеялся Саня.

— И из-за них тоже, — хмыкнул я. — Всё-таки личное пространство должно быть у каждого, так учёные говорят. А меня из-за двери его, почему-то, стараются лишить.

Саня, на мой спич с привлечением учёных, только глубоко вздохнул.

— Ну, заходите гости дорогие.

Похоже, пока мы в столовой ужинали, все работы по установке двери мастера завершили.

Серега всё ещё за компом, видно, что и чай даже не предлагал работникам. Некогда ему.

Хотя, вот, глянул на вошедших со мной пацанов, и рот у него так и застыл открытым.

А мусор то уже убран! Ленка, видно, приходила. Спасибо девчонке за помощь нуждающимся в заботе!

— Ленка приходила? — спросил я, со вздохом усаживаясь на жёсткий матрас своей кровати. Он кивнул в ответ.

И тут Серёгу, видно, по компу вызвали, потому что он быстро затараторил по-английски.

На что я неплохо им владел, но тут явно я ничего не понимал в сленге игроков.

Кого-то мочить надо, кому-то бафов подкинуть, кто-то хила просил помочь, а кто-то ещё что-то.

Но если я хоть что-то понимал, то вошедшие его вообще не понимали, и, раззявив рты, уставились на Сержа, как на невиданную диковинку.

— Это он по-каковски? — отаял Саня.

— Инглиш, но игровой, — произнёс я.

— Твой комп?

— Да, — просто ответил я. — Димон, вон чайник, сходи, воды набери, — прошу я. — Вовчик, на подоконнике пакеты. Мечи на стол. — И, уже Серёге, — ты там скоро?

— С полчаса ещё! — быстро ответил этот геймер и вновь — гыр гыр, быр быр — ноу из ит...

Саня, как пришибленный, смотрел на разошедшегося Серёгу, а тот, не переставая, переговаривался на английском языке со своими виртуальными друзьями.

Вскипел чайник. Нарезана колбаса. Распакованы печеньушки и пакет с пряниками. Разломана на кусочки шоколадка в фольге...

Сидим, чаёвничаем.

Мудрый, опытный Ваха ещё и сервис, оказывается, мне китайский прикупил, как раз на шесть персон!

Разговор не клеится... Саня менжуется, парни, глядя на предводителя, стесняются, как девочки, один Серега, не обращая ни на кого внимания, лопочет на английском без перерыва.

— Мы послезавтра на футбол пойдём, — наконец-то, нашёл о чём поговорить, Саня.

— Куда? — уточнил я.

Футбол, с сегодняшнего дня, меня сильно заинтересовал.

— К соседям. Наши с ними играть будут. Мы ведь втроём раньше за «Ливаду» играли.

Видя моё непонимание, объясняет:

— «Ливада», это команда парня, чей это стадион.

Я не поверил услышанному.

— Так, получается, стадион пацану принадлежит? — изумился я.

Саня задумался. Все сёrbают чай, заедают пряниками. В отличие от печеньушек, пряники как-то лучше пошли.

— Не знаю точно. Но всем там распоряжается Илюха. У него отец бизнесмен. В том году выкупил стадион и кучу бабла в него вложил. Поле поменял, ограждение сделал. Сейчас подтрибунным помещением занимаются. Хотели вначале спортбар там сделать, но близость детдома, короче, не разрешили им.

— Так вы чё, против своей же команды играли? — удивился я.

— Нет, как раз мы то и не стали — влом. — Отмахнулся Саня. — Да и Илюха слишком много из себя строит. Вовик ему зарядил разок, так потом охранники отца за ним гонялись с месяц, пока наша директор ментами отца Илюхи не припугнула.

— А за что врезал то? — спросил я симпатичного блондина.

— Да этот чёрт про пацанов говорить начал всякую ерунду. Взять то с детдомовских нечего, а на игру собираются быстро. А играть на интерес начали. Что мы можем предложить?

— А сейчас на что играют? — Поинтересовался я.

— Кто проиграет — в лошадей превращаются, катают противника на хребте, пока не упадут сами. Два круга по стадиону. Никто ещё на своих ногах, так до финиша, после игры, и не дошёл.

— И продолжают играть? — изумился я такому виду мазохизма.

— Так в ответной ставке каждому по три тысячи обещано. Илюха человек слова — так себя ставит в общении с пацанами.

— А почему тогда сами за сборную интерната не играете? — не понимаю я.

Саня с ребятами переглянулись между собой.

— А как тогда быть, если очередной раз проиграем? Бегать всем вместе от охранников отца Илюхи не хочется — те, во время этих забегов, и пятками лупят, как настоящих жеребцов, и обзывают по-всякому! Морду же набьём. — Произносит за всех Вовчик. — Хватит того, что с нашей стороны старшаки за Илюху играют. Деса со товарищами и ещё трое из одиннадцатого класса.

— Кто же тогда за сборную интерната с ними на поле бьётся? — изумился я.

— А ты у нас в какой класс перешёл? — уточняет Саня.

— Я? В восьмой, — отвечаю, не понимая, к чему такие вопросы.

— Ага! Вот из твоего класса пацаны и футболисты, в основном, в команде. Мишка — за капитана. Четверо ещё с седьмого. Не удивляйся. Бывший седьмой класс — чемпионы школы. Ещё пара ребят играет, кто в «Шанхае» живёт.

— В частном секторе. — Расшифровывает Вовка слова своего предводителя.

Ага, а послезавтра, значит, игра. А что, нормальный момент, чтобы познакомиться с будущими одноклассниками.

— Ок! Я с вами! Посмотрю, как наши чемпионы против мажоров играют. — Смеюсь я.

— Играют то нормально, разгромных счётов не было, перевес в два

мяча максимум, а так, и вовсе, в основном, ничьи. А когда ничья — бывают серии пенальти, а у нас с вратарём проблемы. В клетке никто стоять не хочет, вот потому и проигрываем. — Вздыхает Саня. — Я у Илюхи в команде, в основном, на воротах стоял. Вовчик — защитник, а удар у него очень хлёсткий и столь же неточный. Димка по краю в атаке. У него голова лысая, от того, наверное, он ею, что ногой играет. Все его голы — это удары головой, кстати, навесы ему всегда Вован подавал. Но с прыжком у нашего толстяка проблемы!

— Какого толстяка?! — вопит Димон, и все разом начинают смеяться.

Я же, усмехнувшись про себя, замечаю, как кидает обеспокоенно, в мою сторону, взгляды Серёга. Вот ведь вижу, что освободился, а так и не подсаживается к столу, а колбасы то всё меньше и меньше остаётся.

— Надо учиться прыгать, как Рональдо, — говорю я. — Как-то видел в ютубе ролик, где в замедленном виде разбирали особенности, как тело футболиста ведет себя, во время игры головой, в прыжке. Ведь, несмотря на не сильно высокий рост, именно Рональдо выигрывает в Реале у испанцев, все верховые мячи. И головой он много забил голов!

— Скажешь тоже, Рональдо! — вздыхает Димка.

Ему явно приятно мое напоминание о великом футболисте, и что ему именно у него надо учиться, но где он, а где испанский Реал?!

— Так, пацаны, — говорю я. — У меня сегодня был слишком насыщенный денёк, а мне ещё в интернете посидеть надо. Так что, я — отдыхать, да и с Серым переговорить надо.

И указываю ребятам на дверь. Обид нет. Все понимают, что у меня стресс, тем более, драка была с черепашками. Устал человек, с кем не бывает.

Поручкались, попрощались. Санька напомнил о походе на футбол послезавтра, но решили, что неплохо было бы завтра встретиться.

Все за дверь. Серёгу я заслал вновь наполнить чайник водой, а сам достал причиндалы для организации вечернего моциона.

— Я — в душ, а ты пока с чаем расстайся, — командую я Серёге. — Колбаску подрежь, люблю краковскую. Не ссы, надо — завтра ещё закажу, жаль с холодильником проблемы.

— Холодильник найду. — Отвечает Серёга. — Было бы, что класть. Договорюсь! — потом смотрит на меня так испытывающее, — а ты где Волка то успел подцепить?

Я удивлённо уставился на моего соседа.

— Саня? — спросил я.

— Александр Васильевич Волков, погоняло Волк, или Суворов. Он на

обе клички откликается с удовольствием, — докладывает мой основной осведомитель.

Я присаживаюсь обратно на кровать.

Однако!

— Так, вроде, и не цеплял, — начинаю вспоминать я. — Шёл из столовой, а тут троица дорогу перегородила. Думал, от Дэсы привет, а то и он сам, но разговор мирно начался. Напросились в гости на новоселье. Тебе, кстати, как новая кровать?

— Отпад! — радостно скалится Серёга, — и одеяло большое и толстое. Подушки две, это и вовсе шикарно, а про матрас и саму кровать я вообще молчу! И мягкая, и, в то же время, не прогибается под спиной. Классно! А постельное белье какое! Вообще, думал, что шёлк, а написано бязь, но королевская. Это как? — спрашивает пацан.

Я пожимаю плечами.

— Коммерческий ход, наверное, — произношу задумчиво я. Меня больше этот Волк волнует. — А ты не говорил, что Волчара в футбол играет.

Серёга стушевался немного.

— Так ты о нём и не спрашивал особо. Это я сам тебе про него говорил, что троица у нас есть, кто Дэсу не боится. И, насчёт последнего, странно, что на разборки никто не пришёл, хотя ещё время есть. — Смотрит на меня. — Давай в душ, а я у открытой двери покараулю, в случае чего, если кто заявится, крик подниму. От этих уродов чего хочешь можно ждать, а ты раздетый будешь, распаренный, и это, дружки Дэсы обычно с битами ходят! — предупреждает меня Серёга.

Ну, ничего себе заявочка! Бита в умелых руках это страшное оружие. Хотя, в умелых руках, практически, любой предмет смертельно опасен, как оружие, даже простая тарелка.

Но предупреждён, значит вооружен. Будем надеяться, что вечером уже не попрутся сюда, ко мне, на разборки, но в готовности буду. В случае чего, перво-наперво попробую усыпить противника, а если толпой будут, то самого опасного на вид.

— Ладно, об этом позже поговорим, — произношу я. — С тебя чай и бутеры. Разговор, чувствуя, у нас с тобой будет серьёзный и долгий.

И, прихватив чудо сундучок от Мери Кэй, на одном костыле поплёлся в душевую.

Вечерний моцион — это сказка, когда и помещение помывки настроению под стать. Надо бы, конечно, и шланг, и распылитель поменять, да и смеситель подтекает, но напор воды отличный, и горячая вода в

наличии. Шторка непромокаемая имеется, и не надо бояться забрызгать пол и собственные тапочки. Полотенце новое и большое. Ваха, умница, всё предусмотрел для нас двоих.

Я отмокаю под упругими горячими струями воды. Расслабон!

Зеркала нет, но мне пока бриться и не требуется. Пушок есть, но сбивать его смысла нет, а потому просто чистим зубы и парим ногу — у меня сегодня ещё и массаж запланирован. А помня, как я себя чувствовал после рукоблудия по телу Марины... Стоп, стоп, а вот дружку подниматься не стоит — тебе, надеюсь, в ближайшее время, я применение обязательно найду, ну я же не железный!

Стою под горячими потоками воды и размышляю.

Комсомольск — город. Транспортных проблем, вроде, особых нет, но он растянулся вдоль Амура, а я с моими ногами особо не наезжусь. Машину купить, так прав нет, да и возраст, кто мне позволит за руль сесть?

Мотоцикл? Раньше-то я гонял, но когда это было, да и нога, опять же. Хотя, мысль здравая. Какой-нибудь Кавасаки заиметь, но, опять же, оформление, и главное, категорию как открыть? Засада. Деньги есть, а не воспользуюсь.

Хотя, воспользоваться то можно, но это же оформление, учёба, экзамены.

А квадроциклы?

Отмахиваюсь. По трассе на нём не порассекаешь, да и весь набор телодвижений надо проходить, опять же, права...

Помню, Путин, по Крыму, вроде, на трицикле рассекал.

А что, мысль! Обдумать надо и условия его эксплуатации хорошенъко изучить стоит.

Всё, хватит нежиться. Меня опять чай ждёт и интересный разговор.

* * *

Утро, вернее, почти полдень, судя по показаниям часов.

Посидели вчера с Серёгой, наверное, до часа. Он мне все тайны местного двора раскрывал, во всяком случае, что знал. А знал этот маленький пройдоха очень много. Общаться он умеет и друзей заводить.

О Волке и его друзьях всю подноготную выдал. Чем живут, чем на жизнь себе зарабатывают. Дэсу затронули, и его приспешников, а также местное хулиганье, что недавно выпустилось, но так до сих пор дорогу сюда и не забыло. О футбольной команде интерната, её капитане и

основных играющих.

Я даже сам себе сказать не мог, а на чёрта мне все эти сведения? Ну, про Дэсу и его гавриков — ладно, о врагах нужно знать по-возможности всё. Сильные и слабые их стороны, чем живут, где, в основном, обитают, кто у них крыша. Без этих знаний опасно принимать хоть какие-то решения.

А вот зачем мне футболёры? Этого сказать я даже сам себе не мог. В футбол мне самому ещё не скоро играть. Тренировать? А смысл? Да и кто из них согласится на такого тренера?

Но вот червячок в душе ковыряется. Теребит душу, только к чему, так пока и не понял. Но это предчувствие! Зря я ему не следовал ранее, не прислушивался. Ведь орало оно тогда, перед той злополучной операцией — Мустафа предатель! Но данные по нему были уж очень чистые, повёлся. И сам погиб, и ребят своих подставил. Вроде, все выжили, хоть и поранило многих, а сам...

Нет, с утра нельзя вставать в таком плохом настроении. Хотя, если бы не звонок Сани, что он после обеда будет у меня, и не один, то, наверное, и дальше бы дрых.

Кровать — просто сказка, бельё новое. Эмоционально был выжат, к тому же, после того, как уложил Серёгу спать и посыпом отправил его в нирвану, провёл диагностику его организма.

Как и предполагалось, основная проблема — это ноги. Не пойму, почему так всё с ним произошло. Ведь явно врачебная ошибка, правая нога должна была срастись нормально. Предпосылок к искривлению не было, во всяком случае, мне говорила об этом сделанная диагностика. Я даже ночью в медицинском справочнике поковырялся. Если с левой ногой всё обстояло сложнее и намного, там явно хирург — красавец, собрал ступню из того, что было и парень вполне正常 ходит, то, увы, с правой явно накосячили.

Гонять энергию не стал. И сам почувствовал, как после провёдённой диагностики еле на ногах стою, так и второй момент не маловажный обнаружился. Внутренних сил у паренька — минимум. Оказывается, он прятался от черепах этого Дэсы и в столовую почти не ходил. Отощал и, как результат, почти до дистрофии дошёл. Будем откармливать.

Своей энергией немного поделился. А потом в постель к себе залез, предварительно раздевшись. Курс прокачки внутренних сил в области таза и ног, и всё — ушёл в нирвану. Вот так и получилось, что разбудить меня мог только поставленный на вибрацию телефон.

Просыпаюсь от звонка. Александр Данилович решил выйти на связь.

Предупредил, что опять планы поменялись и его к вечеру уже ждут в Хабаровске. Уточнил, что бы мне ещё прикупить. Попросил продуктов и, плюнув на всё, запросил кофе в зёрнах, упаковку молока, кофе-машину, мультиварку, и минихолодильник, а также набор продуктов, чтобы его набить. Если всё это лето я буду пропускать завтрак, то стоило бы дополнительно позаботиться о себе любимом.

Серёга, гад, уже не спал, а во всю в ноуте шурвал. Переписывается с друзьями. По-тихому болтает на ингилише...

— Так, я умываться, — командую я, — с тебя стол с остатками нашего ужина!

— Колбасы уже нет, — смущаясь, докладывает сосед.

Отмахиваюсь.

— У нас гости через пару часиков, — потягиваясь в постели с подыванием от зевков, произнёс я. — Разговор слышал? Так что с продуктами проблем, на первое время, не будет. Розетки у нас в наличии, холодильник подключим, на него мультиварку пристроим. А на подоконник кофе-машину. Люблю я капучино. А пока порядок наводи и кушать готовь. Я бивни почищу и присоединюсь к тебе. Нас никто не тревожил, пока я спал? — уточняю я.

— Нет, — отвечает Серёга. — Дёрнулись в двери, но она закрыта. Я не вставал, они не стучали и на звонок не жали. А кто пытался нас посетить — взрослые или воспитанники, не скажу.

— Ё! Меня же просили к местному врачу наведаться. — Вспоминаю я.

— Так, на обед пойдём и заскочим, я покажу, где они обитают, эти помощники смерти, — обнадёживает помошью в этом вопросе Серж.

Я же вздыхаю. Глубоко.

— Не надо так, они меня с того света вытянули, — произношу я и про себя думаю, что и не меня одного.

— А чем сегодня займёмся? — Серж крепко держит в руках ноут.

Я пожал плечами.

— Друзей провожу и пойду гулять по округе. Может, покушать на вечер чего приготовим? Надо СМСку Сане отправить, чтобы продуктов для мультиварки привёз. Ты как насчёт перловки? — спрашиваю я.

— Перловки? — переспрашивает у меня мой сосед. — А это что такое?

Я же про себя плююсь.

Тут хоть и детдом, но из такой дешёвой крупы каши детям не варят.

— Я из неё плов люблю с мясом. Но с мясом у нас напряг, тогда используем тушёнку. А перловка — первое дело, когда дефицит веса, а у

тебя он на лицо. Так что, будем отъедаться и качаться.

— Ты обещал вчера мне ноги посмотреть! — напомнил Серёга.

Оно и понятно, я ведь его, перед обещанным массажем, просто усыпал.

— Хреново пока всё, — честно отвечаю я. Жалеть я его не собираюсь. Сильнее будет и ответственнее относиться к своему здоровью станет. — Отощал ты сильно, внутренних сил, чтобы организму бороться с болезнью, у тебя нет. А потому, в первую очередь — хавчик, много хавчика. Приёмы пищи не пропускаем. Сегодня у нас такая ситуация в первый и последний раз. Вечером дополнительный приём пищи и среди дня. Для этого у нас с тобой будет и холодильник с набором продуктов, и мультиварка. Готовить я тебя научу. Кстати, тут рядом с интернатом продовольственный магазин есть?

— В «Шанхае» если только, а до супермаркета две остановки чапать надо. Но за маленькую мзду, спокойно быстрого оленя организуем.

— Кого? — не понял я.

— Посыльного. Ему малость денюжки, а он по списку приносит продукты. Всё решим! — уверено заверяет меня Серёга.

Вот же, неунывающий шкет! Самого жизнь в таком малом возрасте прополоскала, лишив семьи, но держится, несмотря ни на что.

— Отлично. — Говорю я. — Напоминаю про завтрак, вернее уже, наверное, полдник, а я мыться!

Полчасика поплескался. Не мог отказаться от удовольствия принятия ванны. Вернее, возможности постоять под душем. Освежился. Зубки почистил, и готов к труду и обороне. Вчера полвечера мучил эспандеры, а кистевой теперь постоянно носить с собой буду.

На удивление, меня никто не трогает из начальства, да и кому? — сегодня выходной.

Завтрак прошёл на «ура». Хотя, уже, по сути, обеденное время.

В интернате как вымерло всё. Ни души. Со слов Серёги, все прямоходящие в город мотанули. Гулять. Остались лишь калеки, вроде нас с Серёгой.

Опять отлёживаюсь, массируя кистевой эспандер. Надо бы по планам на ближайшее время определиться, да в голову ничего не приходит. Понятно, что нужно с ремонтом комнаты быстрее определяться, да вот ничего конкретного не могу придумать. Сане то я обмолвился насчёт желания получить на эти годы своё эксклюзивное жильё, а вот конкретику то и не озвучил.

Обед. Ковыляем в сторону столовой. Народа, и правда, за столиками

мизер. И все покалеченные по жизни, вроде нас с Серёгой.

Навернул с удовольствием борща, заел пшёнкой с подливой и кусочками мяса, полирнул сверху компотом. Такими темпами, чувствуя, я точно худеть долго буду, хотя, по идеи, и торопиться то мне особо некуда. Мне силы и энергия нужны для восстановления функции ног. Травмы у меня, и правда, не шуточные.

На обратном пути заглянули к местному эскулапу. Женщина весьма преклонного возраста сегодня на дежурстве. Даже не стал запоминать имя — отчество, как-то не отложилось в памяти.

Она и к своим обязанностям так же относилась, так сказать, отбывала номер. Пощупала пульс. Сказала открыть рот. Спросила про самочувствие...

Вот и весь медосмотр. А коль я ни на что не жаловался, кроме как на свою судьбинушку, то был отправлен со своим сопровождающим на все четыре стороны!

Ещё полчаса отдыха. Запустил, по возвращению в комнату, планшет. Порыскал в нете. А ведь со стационарным интернетом надо что-то делать.

Запустил поиск провайдеров. Штук шесть нашёл. Кроме привычного Ростелекома, комп выдал ссылки на какие-то незнакомые названия — ТТК, ЭЛКОМ, Энфорта, Дальтек и другие.

Оторвал Серёгу от своей игрушки и озадачил своего рекрута поиском приемлемого варианта. Надо просчитать и рассмотреть все предложения.

Вот и Саня отозвонился. Он уже на подходе, через пару минут будет на месте.

Быстрый шмон. Убрались, чай разогрел. Конфеты едут, как и остальные вкусняшки. Встречать не пошёл. У меня скорость передвижения минимальная.

— Привет, охламон! — сгребает меня, вставшего на ноги, в охапку, как обычно, весёлый и не унывающий Данилыч.

Ваха просто приобнял и похлопал по плечу.

С Серёгой здороваются за руку, как со старым знакомым. Нагружены, как лоси. Следом грузчики и представители магазина, в котором сделан закуп моего заказа.

— Самим тащить неохота, и так времени в обрез, — объясняет Саня. — Холодильник мини, и всё по списку. С коробками, думаю, сам разберёшься. А неплохо вы тут вдвоём устроились! — окидывает взглядом обстановку в комнате Данилыч. — Дверь — класс, а вот окно — дрянь! Чего не заменишь? Ах, да, ты же надумал, вроде, переезжать. Кстати, познакомься, этот, со стороны смотрящийся скромным парнем, известная

личность, авторитет в определённых кругах, как самого города и окрестностей, так и непосредственно, Дзёмог. Мой старый товарищ, держатель фирмы, которая выступает, обычно, субподрядчиком в фирме босса, когда у нас есть заказы в Комсомольском районе. Звать этого господина — Владлен, но к коммунистической партии, он, к счастью, не имеет никакого отношения.

Я же только хмыкаю себе под нос на такой замысловатый спич Данилыча. Серго не понимает, причём тут КПСС или КПРФ, а вот мне ясна эта подколка, видно направленная на старого знакомого и компаньона со стороны Сани. Владлен — красивое имя, если не знать, как оно образовано и откуда пошло.

Владлен — это сокращённо Владимир Ленин. Те ещё, видно, шутники были родители у парня!

— Очень приятно! — произношу я, протягивая для пожатия правую руку.

— А ты, значит, и есть подшефный Александра Даниловича? — Улыбаясь, спрашивает мой новый знакомый.

— Да, и зовут меня Андреем, — представляюсь я.

Даже не могу со всем своим опытом определить возраст этого человека. Парень? Ет... молодой человек? Может быть, вот только это выражение глаз. Я такие глаза у снайперов видел, которые не один десяток человек к праотцам отправили и не страдали при этом никакими моральными терзаниями.

Под тридцатник, наверное, может, чуть больше, на мой взгляд, но выглядит за счёт худого телосложения и чистой кожи на лице и без складок, намного младше своих реальных лет. Из одёжды, сплошной минимализм. Джинсовые шорты, которые, типа таких же, как у меня есть, потом приталенная рубашка в клетку и на ногах шлёпки типа римлянок без носков. Летний вариант.

Представители продавца аппаратуры быстро распаковали холодильник и установили его в приготовленное нами место. Подключение, проверка, затем сверху установили мультиварку, а рядом микроволновку.

На мой удивлённый взгляд Саня только рукой махнул.

— Понадобится! — произнёс он.

Серёга во всю помогает Вахе складывать продукты в холодильник. Мы же втроем попиваем чай. Ваха от угощения отказался. Может, пост у них там какой-нибудь. Чехи — странные люди, они обычно днём вообще не едят и только после захода солнца отрываются за столом за весь день вынужденного голодания.

— Кофе-машину взяли фирменную, — отметил Александр. — Рекомендовали, как лучшую в своём классе. Швейцарское качество. Упаковку молока и пачку кофе с сахаром. К ней — кофе в зёрнах. Вроде как, бразильское, хотя, если это голимый Китай, то не удивлюсь, — продолжает объяснять Саня. — Договорился в магазине, при покупке, что настроят, и первые чашки мы выпьем именно капучино. Люблю этот напиток. А пока, давай по твоим делам пройдёмся. Я Владлена не просто так к тебе познакомиться притащил. Его в Дзёмгах все знают, в первую очередь, блатняк. Так что, если с этой стороны проблемы у тебя возникнут, смело обращайся. Мы специально, пока к тебе шли, не торопились. Кому надо — увидели, кто к тебе в гости направился. А потому, думаю, со стороны местной шпаны проблем больше у тебя не будет. Ну, второй вопрос, это квартирка, что ты тут себе решил заделать. Бригада у Владлена свободная, с его слов, есть. Да, что я тут, как передатчик говорю, сами между собой пообщайтесь, а я пока кофе-машину проверю, что там эти деятели с настройками натворили.

Саня поднялся и направился к ребятам, стоявшим около окна.

Кофе-машину, как и планировали, установили на подоконник. Мой сейф этому девайсу, совершенно не мешал.

А Владлен пил чай и, поверх кружки, рассматривал меня, как какую-то диковинку.

Я взглядом, типа, спросил, «чего»? Владлен откусил кусочек от пирожного, пожевал с удовольствием и только после этого, произнёс:

— Странно. Данилыч, обычно, ни за кого не просил. Никогда за эти годы, что я с ним знаком. НИКОГДА, а тут, пацан, сопляк и вдруг — «помоги»!

Продолжает буравить меня взглядом.

А мне то что, с его рассматриваний, худее точно не стану. Мне бы компанию отделочную нормальную получить и в срок ремонт сделать. Очень хотелось бы до первого сентября управиться.

— Ты тут, в этом здании, собрался себе комнаты ремонтировать? — наконец задал вопрос друган Данилыча, по интересующему меня вопросу.

— Да, тут, — кивнул я. — Под двести квадратных метров площадь с большим балконом.

— Балконом? — удивился мой собеседник.

— Да. Сталинская постройка. Потолки, сам видишь как высоко расположены. Комнату хочу разбить на несколько отдельных, плюс туалет с ванной комнатой, раздельные. Балкон застеклить и утеплить. Отопление провести. Жаль, сейчас, наверное, не смогу показать помещение, хотя оно и

рядом находится. Через пару комнат по коридору.

— Незачем, — отвечает Владлен. — Я в понедельник к тебе своего проектировщика пришлю. Обсудите, что да как. Он предварительную калькуляцию на работы и материалы состряпает. Возьмём по-божески. У меня как раз бригада корейцев освободилась. Поставят уже неделю как, а серьёзных заказов нет, хотя лето. Ты до завтра прикинь вчerne, что хочешь в итоге получить. Желательно, всё на компе нарисовать. Файл потом скинешь. Давай номерами телефонов обменяемся. Санька уедет сегодня, так что вопросы с тобой напрямую решать будем.

Я прикинул и так, и этак.

— Тут такое дело... — произношу я немногим неуверенным голосом.

— Чего ёщё? — удивлённо смотрит на меня Владлен.

— Я бы хотел документы нашей сделки оформить на интернат, хотя платить буду из своих.

Мой собеседник с холодным взглядом убийцы внимательно посмотрел на меня.

— Не вопрос! По цене, как и обещал, сильно наглеть не буду, а вот по материалам, советовал бы напрямую выйти на шефа Данилыча. У них своя строительная фирма и база со стройматериалами тоже своя. Объём крутится большой, оттого и оптовая цена самая мизерная по всему Дальнему Востоку. А если учесть прямые поставки из Кореи и Китая, то может быть, что и по всей стране самая демократичная цена тоже у них, во всяком случае, на многие товары. А тебе, как понял, шеф Сани отказывать не будет.

* * *

«Намёк понял, обсудим». — Решил я. Всё равно планировал Карловичу звонить, днём раньше, днём позже, какая разница, но вначале — калькуляция.

Значит, корейцы. Эти, по слухам, умеют хорошо работать и халтуру не гонят. Цена работ и выход качества приемлемый, хотя с электрикой и подключением оборудования и аппаратуры, я чувствую, придётся привлекать настоящих профессионалов за отдельную и немаленькую плату. Но тут, как говорится, скопой платит дважды. Нет уж, проходили, ещё в той жизни.

— По работам всё решили? — уточняет он.

— По оплате, — намекаю я на толстое обстоятельство.

— Вначале калькуляция, — категорично заявляет Владлен.

— Это понятно, — вздыхаю я, — но я, как частное лицо, смогу переводить деньги постепенно на карточку или на счёт, без разницы, через онлайн кабинет банка. Сер, ВТБ или Тинькофф, какой пожелаете. — Говорю я.

Молодой человек глянул на меня оценивающе, как бы прикидывая, откуда во мне такая уверенность. Кто его знает, что ему обо мне Саня наговорил?

— Разберёмся. — Спокойно отвечает он.

Я же, в свою очередь, закидываю удочку на будущее.

— Возможно, это будет мой не последний заказ, — смотрю ему в глаза, — но там объёмы будут в разы больше.

Тот удивлённо приподнимает брови. Видно, у него ещё никогда не было такого МОЛОДОГО заказчика.

— Очень хорошо! — улыбается он в ответ.

Тут подваливает Саня, неся в руках две чашки, от которых распространяется убийственный аромат настоящего капучино.

Молочная пенка воздушная и объёмная!

— Пробуйте, — предлагает он нам, ставя около каждого по чашке с молочной пенкой, — как по мне, так отлично. Заправился кофе, как никогда, теперь точно до Хабаровска за рулём не засну! — смеётся он.

— И в Хабаровске, на всякий случай, за рулём тоже спать не надо! — подкалываю его я.

Все вместе смеёмся над моей удачной шуткой.

— У меня теперь есть где спать, и не одному! — возвращает мне подколку Саня.

Ага, это намёк, что его сегодня вечером и ночью ждут в знакомой мне теперь квартире. Явно не только его по работе в Хабару так рано вызвали. Вот же, Казанова.

А кофе класс! Теперь уж точно заживём!

Поговорили ещё обо всём, затронув вопрос денег. Перевёл деньги за кровати и всё, что закупил вчера и сегодня, в том числе, оплатив установку дверей.

Задерживаться не стали, хотя на всё про всё ушло где-то с полтора — два часа.

Всё. А теперь переодеваться. Я — в спортивку. Погуляю, а потом на спортгородок, но вначале надо проводить дорогих гостей.

Серж остался в комнате. От ноута ни ногой — у него опять какие-то соревнования по своей Доте. Надеется хоть что-нибудь заработать. Ему

ребята, кстати, денег на мою карту перевели. Вот что значит нормальные ребята, особенно девчонка постаралась. Всё в баксах. Из Вашингтона, и вовсе полштуки паренёк закинул. Уж больно его проняло, после рассказа Сергея, что с ним стряслось и почему он так долго на связь с друзьями не выходил.

Я же, с Саней, Вахой и Владленом ковыляю на выход, и, по дороге, Владлен мне спокойным голосом говорит:

— Если у тебя будут какие-то непонятки с местными, сразу звони. В любое время суток. Ментов старайся в свои разборки не привлекать. Не спорю, мы не на всех бродяг сильное влияние имеем, но к нам прислушиваются, а беспредельщики ещё и боятся. Мы не матери Терезы, у нас один основной метод — уродов закопать, если потребуется, имей ввиду. А по комнатам не волнуйся, до сентября по-любому въедешь в новые апартаменты.

Во внутреннем дворике, где парни оставили машину, собралась большая куча ребят. Видно, ближе к ужину приехала большая часть из города. Алинки не видать, а вот Волчара тут как тут.

Меня заметил, махнул рукой. Я кивнул, дав понять, что как только провожу посетителей, то сразу и подойду.

Прощание наше не затянулось. Всё уже обговорено, все напутствия мне даны. Ваха обещался, хоть раз в неделю, меня посещать. Даже отец Василий собирался посетить наше заведение. Может, молельную комнату или даже что-то типа часовенки замутить, благо помещений для этого в нашем старом здании навалом. Весь третий этаж полностью свободен, впрочем, как и остальные два.

Поручкались. Мне отбили плечи поощрительными хлопками и, усевшись в шикарную тачку, были таковы.

Всё. Вот теперь я точно остался один.

— О, как дела принц? — громко из толпы, подходя ко мне, крикнул Саня.

Понятно. Презентация моей новой кликухи.

Подходят всей своей компашкой. Здоровкаемся, как взрослые, с рукопожатиями и громким разговором.

— Нормально. — Отвечаю я. — Погулять вышел, да друзей проводил. Сам видел. В Хабару рванули, но обещались навещать.

— А этот, что в шортах, он тебе кто? — задал вопрос Вовка.

Понятно, опять для всех вопрос задан. Мы стоим посреди двора, напротив центрального входа. Народ не спешит расходиться, всем интересны подробности.

— Это Владлен, побратим моего друга, кто меня сюда к вам из Хабаровска привёз, — отвечаю я спокойным голосом. — Он местный, как и Ваха. Друг моего друга — мне друг! — смеюсь я, немного переделывая постулат средневековья, который глаголил совсем другую аксиому.

Но парни прониклись. Явно Владлена даже тут знают, или слышали о нём.

А, понятно, вон стайка взрослых девчонок, что яростно шепотом что-то обсуждают. Знакомы они, наверное, с Владленом и знакомство, видно, в одной из саун произошло.

Кстати, а не познакомить ли мне с кем-нибудь из них своего младшего брата? А то воспоминания о моей Зизи и Марине Николаевне сильно мешают по ночам спать.

В своей бурной молодости отлично помню, чем, в основном, симпатичные девчонки промышляли в интернате, а ведь девкам уже под восемнадцать есть. В самом соку курочки!

Так, мысли что-то не туда свернули, я же, вроде как, спортом хотел заниматься и погулять?!

— Ты куда собрался? — поинтересовался у меня Димон.

Я неопределённо пожал плечами.

— По округе хотел побродить и в спортгородке задержаться до ужина, — честно ответил я.

А чего скрывать свои планы? От слежки мне всё равно никуда не уйти.

— Ты бы был поосторожней! — задумчиво произнёс Саня. Волк смотрел на меня настороженно и с сочувствием во взгляде. — Слух прошёл, что Дэса бывших старшаков привлечь хочет. Сам-то он светиться побоится, но вот золотая цепочка и перстенёк на твоей руке на многих очень плохо действуют! — намекает он мне почти открытым текстом на возможные проблемы. — Суббота, бухают. А потом на приключения потянет. Сидел бы ты в комнате эти выходные, хотя бы.

Умный совет опытного пацана. Но я, почему-то надеялся на авторитет Владлена, всё-таки его тут узнали, а значит тронуть меня, как его возможного друга, не должны.

А Сане я ответил просто:

— Всю жизнь за железной дверью прятаться не будешь, — с улыбкой на лице произнес со вздохом я, — и от себя не убежишь.

— Ну, как знаешь, — положив мне на плечо руку, произнёс Волчара, — наше дело предупредить. Номер есть, в случае чего, звони. Телефон то не забыл, я надеюсь?

Я покачал головой.

— Нет, он у меня с собой.

— И всё-таки, будь поосторожней, — уже и Димон присоединился к доводам Сани, — эти разговоры разводить не будут. Отморозки, и пофиг им будет, что ты на костылях. Они бы и лежачего битами избили, учитывай это. Если вдруг чё и предложат поговорить, сразу бей, пока возможность имеется. Те ещё твари!

Понятно. Видно, личный опыт общения с местными отморозками у пацана имеется, и немалый.

— Учту, — говорю я, — а вы то сами куда намылились?

Пацаны расплылись в улыбках.

— Девчонок выгулять надо. В клуб на первак поедем. Там сегодня зачётная вечеринка намечается, и вход всего две сотни на рыло. Всего ничего. А потом, может, в местный док заглянем. Там сегодня танцульки кому за тридцать, но обычно одна молодёжь тусуется. Нас знают, драк, думаю, не будет, обойдётся. Жаль, ты с нами не можешь.

Я про себя усмехаюсь. Денежный друг ни одной компании никогда ещё не мешал, да и среди девчонок, я думаю, будет немало желающих составить мне компанию в качестве моей девушки. А потом можно было бы где-нибудь в кустах прямо в том же доке и знакомство поближе свести, хотя меня бы больше какой-нибудь номер в гостинице устроил. Но, увы, паспорта у меня пока в наличии не имеется.

— Ничего, — смеюсь я, — какие наши годы, успеем ещё пофестивалить. Вот сменю костыли, хотя бы на приличную палочку — помощницу, вот тогда погуляем. Вы главное, всех девок не перепортите.

Смеются.

— На всех нам точно сил не хватит! — давясь смехом, отвечает Вовчик.

— Ну, всё, время! — командует Саня, — и, глядя мне в глаза, произносит: — осторожней, и про то, что бить надо первым не забудь. К тебе они вряд ли теперь в одиночку подгребать будут. И всё-таки отсиделся бы ты у себя за железной дверью!

Хлопает по плечу и, развернувшись, парни, подхватив под руки своих зазноб, взяли направление к близлежащей автобусной остановке, хотя спокойно могут и на трамвае уехать. Остановки смежные. Пассажирам очень удобно.

А я, не спорю, немного напрягся. Парни открытым текстом предупреждают, что меня будут подлавливать.

Но и прятаться влом. Ведь не сегодня, так завтра поймают, и вряд ли я буду, как сейчас, к этому столкновению морально готов. А так, и разомнусь,

да и теплится надежда, что побоятся они ко мне лезть, из-за Владлена.

Вздыхаю. Нечего планы на прогулку менять, заодно и посмотрим, насколько в авторитете в Комсомольске мой новый знакомый.

Прогулка доставила мне истинное удовольствие. Правда, нога сильно разболелась, но до спортгородка я всё-таки добрался.

Да, подзадержался. Ужин пропустил. Серёга звонил, уточнял, где я и когда меня ждать домой. Так и сказал, заменил ужин занятием спортом, но ему наказал в обязательном порядке посетить наш местный, для нас совершенно бесплатный, общепит.

Прошёлся вначале по округе.

Что сказать? Грязно, дороги разбиты, где когда-то был асфальт, впрочем, всё как везде, одни дыры. До центральной улицы не дошёл, меня больше тянуло в сторону реки, но, увы, до Амура для меня было далече, да и песок пошёл, а по нему ходить на костылях ещё то удовольствие. Пришлось возвращаться.

Шанхай, так называемый, я весь, конечно не обошёл, но рядом с интернатом местность облазил. Надо понимать куда меня всё-таки занесло.

Родственники сына жили в центре, на улице Ленина, но посещения центра города я наметил на потом. Мне главное представлять, что и где вокруг меня находится.

Как и планировал, время на посещение стадиона тратить не стал, у меня на него планы на завтра, тем более, пригласили, а вот спортгородок детдома меня интересовал.

Все оказалось убого, но функционально.

Самодельные брусья, совмещённые со шведской стенкой. Всё сделано из труб. Сварено ровно и даже покрашено. Пара турников из того же материала. Низкие скамеекки со вкопанной, вроде упора, трубой вдоль скамеек, чтобы было обо что ногами цепляться, когда делаешь упражнения на пресс. Даже примитивные снаряды имеются для силовых упражнений.

Вот им я был очень рад.

В общем, я сегодня дал себе нешуточную нагрузку, а после каждого подхода к снаряду ещё и энергию по телу гонял, пользуясь приёмами богини. В общем, увлёкся.

Очнулся когда начали наступать сумерки. В воздухе почувствовалась влага, и стало реально прохладно, несмотря на почти конец июля на дворе.

Собраться бедному, что подпоясаться. Накинул куртку от спортивного костюма. Застёгиваться не стал, пока жарко.

Возвращаемся.

Уработался я, благо, никто не мешал. Пацанва на поле мяч гоняла и на

меня не отвлекалась. Поле, мягко говоря, слишком корявое, кочка на кочке. Ворота — деревянные, но, на удивление, сетка имеется, не свистнул, никто для своих нужд. Есть даже пара скамеек для болельщиков. Видно, тут местные пацаны режутся в футбол с интернатовскими.

По краю — лесопосадка, а вот за ней, походу, и раскинулся Амурбатюшка. Туда, видно и дорога идёт, что делает тут, недалеко от футбольного поля, резкий изгиб.

Но я подзадержался. Пацанва уже давно свинтила по своим пацанским делам, а я...

А я всё анализирую то, как же получилось со мной это чудо. Спасибо богине за возможность прожить заново жизнь, пускай и за единственного на земле родного человека.

Вот и первые постройки. До административного здания детдома ещё шагов двести, не больше. Моих шагов.

Деревья. Озеленением улиц во времена Союза занимались весьма серьезно и результат есть. Вот этот результат, едва не стал для меня фатальным.

Стоило тропинке приблизиться к толстому, высокому, американскому тополю, как тут же из-за его ствола, молча, без крика, метнулась ко мне фигура, которая явно держала в руках что-то навроде палки. Толстой палки.

Да это же бита для игры в бейсбол!

Тренировки всё-таки не проходят даром для этого тела, да и настороже я был внутренне. Предупреждение ребят подействовало на меня всё-таки отрезвляюще, и перед тем как покинуть спортгородок, я накопил в себе требуемое количество энергии, для посыла солнного удара.

Повезло.

Шаг в сторону и приседаем, костьль, по касательной, подставляем под коварный удар биты. Удар, вследствие этого, приходится вскользь.

Правая нога от резкой нагрузки буквально взрывается болью, но это приносит обратный эффект. Я в ярости.

Еле успел сдержать ответный удар, после того, как резко развернулся.

Ну, как удержал удар? Я его перенаправил. Первоначально хотелось, очень сильно хотелось, отоварить этого урода по затылку. Он, по инерции, пробежал вперёд, подставив тем самым спину.

Убил бы гада!

Но удар набалдашника титанового костьля, с глухим звуком, врезался под коленку левой ноги урода. Есть, хруст и дикий крик поверженного врага! Но не отвлекаемся, от другого дерева выметается еще одна фигура, правда действует противник явно нервно. Произвела, видно, на него

впечатление моя быстрая расправа над его подельником.

О, господа! Да вас тут, я смотрю, слишком много для пацана, тем более, который передвигается с помощью двух костылей, а потому господатоварищи, граждане, бывшие квартиросямщики и бомжи, сдерживаться я больше не собираюсь!

А ну, по одному и в очередь!

Куда, сучонок? Бежать уже, друзья мои, вам поздно. Вы достигли оптимального расстояния для моих молниеносных разящих ударов боевыми костылями!

В очередь, в очередь, суки!

Глава третья

— … вот скажи, зачем надо было опускать пацанов?

Наша с Серёгой комната. Он забился под одеяло и не отсвечивает. Всем своим существом показывает, что спит. А гости у меня непростые.

Владлен, которому я отзвонился сразу после драки, и какой-то пожилой крепыш с наколками на пальцах рук.

Уверенный в себе дядька.

Драка… да какая там драка — уроды надеялись влегкую избить калеку. Гурьбой пёрли, пытаясь задавить количеством, на землю уронить, а там уже обиходить битами по, и так инвалидному, телу. Это, как в армии, пинают бурого духа — толпой. И будь ты хоть спецназ, а массой задавят. А тут благородные гопники нападают по одному. СМЭШНО. К тому же, спецназ, в теле толстяка-инвалида, без наработанных навыков — это груша для битья.

Знаю, проходили. И в училище и в детстве, проведённом в подобном заведении. Гопники и старались толпой валить, это только первые двое не сдержались и видно, уж больно им хотелось лично проломить мне голову.

Потом просто старался их в колонну по одному выстроить, постоянно маневрируя, да и валить я их начал наглухо, видя, сколько их на тропинку то вылезло. Семеро!

Подпustил, уворот, удар по ногам — лежит, в сторону, принимаю следующего, один раз сразу с двумя схлестнулся, но они друг другу больше мешали, едва сами себя не покалечили.

Лежат. Только слышу удаляющийся бег одного или двух из нападавших. Струхнули, твари!

Жаль, не вижу струсивших, а наугад сонным ударом я не смогу их достать. Ну, ничего, ещё встретимся!

А пока…

— … а разве толпа народа, которая идёт УБИВАТЬ беззащитного инвалида, причём, вооружившись битами, не являются ПИДОР@МИ? — Отвечаю я на столь не однозначный наезд цветного.

Впрочем, может я, и правда перестарался с наказанием?

Но тогда мне казалось, что все мои действия были обоснованными и справедливыми.

Я, стоя, переводил дух. Унимаю, рвущееся на свободу, бешено колотящееся сердце.

Ноги болели так, что думал, а не усесться ли мне на землю — настолько боялся, что если я тут присяду, то без посторонней помощи, боюсь, уже не поднимусь самостоятельно.

— Так, уроды, а теперь раздеваемся, — командую я.

Рядом лежащий, встрепенулся.

— Да пошёл ты! Мы тебя ещё... — вот только договорить я ему не дал.

Резкий взмах боевого костыля и вторая, до этого целая ещё, нога с неприятным хрустом переламывается в колене. Дикий крик из горла, бальзам мне на душу!

— Кто не понял — калека на всю жизнь. Узнаете, каково это инвалидом быть. Время пошло!

И я, наклонившись, поднял валяющуюся у меня в ногах биту.

Стоная, проклиная меня, поверженные стаскивали с себя одежду, а потом, я их заставил и трусы снять. Затем, посып сонным ударом по площади. Напрягаясь, биты, хватом с руки, в очко их всем засунул. По самое не могу.

Прекрасные ощущения, в момент пробуждения, я им обеспечил.

Затем ещё с полчаса потратил, чтобы обшманать и вещи тварей, и их самих. У кого цепочки были, с кого пара колец досталось, вроде как, золотых. Пара часиков, не скажу, что очень приличные, но в детдоме всё сгодится, в том числе и одежда.

Прежде чем в тюк её всю скопом связать, обчистил карманы. С уловом не густо, но пару червонцев со всех собрал, включая и семь телефонов, причём весьма неплохих. Любит гопота похвастаться друг перед другом.

Вот с этим всем скарбом и поплёлся в сторону интерната. Нападавшим ничего не оставил, кроме трусов, конечно, ими я побрезговал.

Звякнул Сереге, чтобы организовал встречу у крыльца, а лучше дружков мне навстречу послал. Боюсь, что с такой ношей я до дома просто не дотяну, но вот перед выходом домой, я до Владлена и дозвонился.

— ... Владлен, это я. Не поздно звоню? — уточнил я.

Всё-таки устал я сильно. На сон этих отморозков потратил немало внутренней энергии, да и общее мое состояние оставляло желать лучшего.

Опытный парень, видно, по голосу понял многое.

— Проблемы? Подрался? — быстро задал он мне вопрос.

Я же объясняться не стал.

— Вацап есть? — уточнил я.

— Да!

— Скидываю фотки. Место около спортгородка от интерната. По

тропинке около лесопосадки. Поймал?

Молчание, а потом пару крепких словцов... и...

— Сам как?

— Живой, но устал. Иду к себе и этих сторожить не собираюсь. Если есть вопросы, приезжай, отвечу. Ты просил ментов не привлекать, я и не стал. Отзвонился тебе. — Объясняю я.

А сам, подняв с земли тюк с вещами, в виде трофеев, направился в сторону интерната.

— Что хоть за гаврики? — уточнил он.

— Без понятия! — честно отвечаю я. — Я их впервые вижу, кроме одного. С ним я уже имел столкновение ещё вчера днём. Первые ласточки были. Вести себя не умели, пришлось объяснить им приличия и культуру поведения. Видно, не поняли. Остальные, гопота местная, возможно, что бывшие воспитанники интерната.

Владлен опять матом прошёлся по недоумкам.

— Буду, где-то, через час, может, два. Сейчас отзвонюсь людям — прикроют и дебилами этими займутся, но на разборки — жди. Не понравился мне этот голый натюрморт, с битами в задницах в главных ролях. Лишнее это было, — вздыхает, — но это уже не мне решать. Жди, подъедем.

Я же, повернувшись, вновь осмотрел диспозицию бывшего поля боя.

М-да, сорвался! Идея с битами все же, наверное, лишней была, хотя, какого чёрта, эти ведь убивать меня шли! Вряд ли я бы выжил, пропустив первый же удар, битой в голову. Нет, всё правильно я сделал!

И полсотни шагов не прошёл, как впереди заметил силуэты, спешивших мне на помощь, пацанов. Бежали они в открытую, и главное, палок у них в руках не было, причём, даже пара девчонок виднелась. Вру, троица.

Подбежавшие парни вырвали у меня из рук тюк, а двое и вовсе стали поддерживать меня под руки. Ноги, особенно правая, болели нещадно. Я едва не терял сознание от боли и все техники богини не помогали.

Девчонки же и пара ребят кинулись в ту сторону, откуда я пришёл.

Спасибо парням, что помогли добраться до комнаты. Серёга, кстати, ждал меня на крыльце нашего общежития.

Молча, ничего не спрашивая и не говоря, сопровождал меня до комнаты, а потом, сказав, куда кинуть вещи, выгнав парней из комнаты, принялся ухаживать за мной.

Помог снять костюм, кроссовки. Принес в тазике воды умыться и уложил на кровать, прямо поверх одеяла. А затем, стал молча меня

разглядывать, усевшись рядом с моей кроватью на стул.

— У нас сейчас гости будут, — через силу проговорил я, — и не простые. Ты бы к друзьям свалил на время, — предложил я альтернативу его нахождению в комнате.

— Сделаю вид, что сплю — отмахнулся Серж.

Понятно, ему слишком хотелось ничего не пропустить из того, что будет происходить в этой комнате.

Я же...

— Я немного отдохну. Полежу, — прошептал я.

— Может, что поесть приготовить? — предложил Серега.

— Разве что, капучино сваргань и бутер с колбасой копчёной, — попросил я.

Уже минут через пять я, развалившись на трех подушках, Серж мне одну свою под спину презентовал, распивал прекрасный кофе, заедая его горячим бутером. Серж оказался ещё тем гурманом. И Сане спасибо за микроволновку, хотя, я её и не заказывал.

— ... Андрей, а можно вопрос? — попивая вместе со мной кофе, Серж задумчиво, вперил в меня взгляд.

— Валяй! — просто ответил я.

— Я вот не пойму, — вздыхает он. — Я слышал ваш разговор с другом твоего друга, с этим Владом.

— Не Владом, а Владленом. Имя составлено, в честь Владимира Ильича Ульянова, известного революционера и основателя Советского Союза, которого мир знал под псевдонимом ЛЕНИН. Владлен сокращённо Владимир Ленин. Понятно?

— Угу. А чё так сложно то?

Я пожал плечами.

— И не такие имена в мире встретить то можно. Ты чего спросить хотел? — напоминаю я.

Мой сосед немного помялся.

— А зачем тебе эта комната — квартира здесь? — прямо спрашивает Сергей. — Такие деньжищи! Не проще ли себе купить квартиру в Комсомольске и жить в ней, договорившись с администрацией детдома? Да и воспринимают тебя все сейчас в детдоме, как мажора. Да ещё и это прозвище — «принц», хотя пацаны скинули видео с места, где у вас там драка произошла и того, что ты после себя там оставил. И этот тюк с вещами. Девки, что туда убежали вместе с парнями, уже предложили звать тебя не иначе, как спецназёр или терминатор.

Я же только поражённо смотрю на своего нового другана.

— Лучше «спецназёр», хотя «принц» мне тоже нравится! — смеюсь я. — Да за какого мажора вы меня принимаете, и какой я мажор? — раздражённо отмахиваюсь от таких претензий. — Да не мажор я, бог с вами, я просто понял настоящую цену деньгам! И вкус к жизни другой почувствовал. Мировоззрение меняется в момент, стоит постоять у черты, а тут заново родился, получается. С того света врачи вытащили. В коме несколько суток пролежал в реанимации. Родителей потерял в одночасье. Вся жизнь наперекосяк, а потом, когда выжил, разборки из-за денег. Да и чего их копить, эти деньги? Жить надо и наслаждаться моментом счастья в этой жизни. Где там вы все мажора нашли? И не деньги делают нас, Сергей, а мы деньги.

Я вновь только вздыхаю.

Откуда тогда прозвище это — Принц!? Сами же ко мне его приклеили.

А вот эта тяга к комфорту и роскоши действительно с трудом вписывается в мой старый образ. Этот прикид, да и квартирка, которую я планирую, прежде всего, для себя создать, явно не в стиле меня прежнего.

Но!

Детский дом, потом казарма, почти всё время на казённом довольствии и такой образ мажора!? Просто жизнь захотелось поменять в корне. Я не хочу идти по старой, знакомой, проторенной дорожке.

И чего я добился в той своей жизни? Семью потерял. Сына потерял. Всё — Родине, а она? Сын погиб, а они мне ни слова об этом, так и погиб, не зная, что на земле и следочка не осталось от меня. И это вся благодарность от Родины?

Как, не палясь, от своего имени, эту свою жизненную позицию могу разъяснить?

А Серёга между тем продолжал:

— Девчонки то, которые на место вашей драки первыми прибежали — непростые, вроде Алинки, масть держат. Старшая — в Волка по уши втрескалась, да и симпатичная, но резкая слишком и своевольная, а так — пацанки! Мне тут фотки скинули, что ты с нападавшими сделал. Респект и уважуха тебе от всех ребят. Эта местная гопота и выходцы из нашего детдома. Отморозки и уроды редкостные. Ребят наших на бабки ставили постоянно. И, смотри-ка, черепашка одна попалась. Как ты их всех так просто уложить смог и раздеть при этом, а потом такую экзекуцию провести? Они что, вообще не сопротивлялись и просто так задницы свои под биты подставили?!

Я же усмехаюсь про себя.

— Сами ешё и попросили об этом! — привираю я.

А пускай теперь отмываются от таких слухов. А Серега обязательно постарается донести до страждущих свежих новостей, мою точку зрения на произошедшее. Хана уродам — заключают теперь. Не отмоются.

А сам вспоминаю один стишок.

«Три мудреца в одном тазу пустились по морю в грозу.

Будь попрочнее старый таз, длиннее был бы наш рассказ».

Детский стишок, не то Маршака, не то Чуковского. Вот и эта моя история, считай, там бы и закончилась, если бы бывший спецназовец в этом теле, был бы настолько беспомощен.

— А вот ещё пацаны про тебя спрашивали, — никак не угомонится Серёга, от того и перебегает в расспросах с одной темы на другую. — Ты как относишься вообще к присоединению Крыма? А то у нас тут, до недавнего времени, по этому вопросу настоящие баталии велись, хорошо, что словесные.

Как я отношусь? — хмыкаю я себе под нос. Очень хреново отношусь. Что к Донбассу, где побывать пришлось, что к Сирии и Южной Осетии. Если, в последнем случае, я ещё применение силы оправдываю, там реально жернова были, да ребят наших из голубых касок порешили, в спины расстреливая. За это надо было мстить, то с Крымом, а тем более Донбассом, всё не так однозначно, но это моё личное мнение.

Я просто Чечню вспоминаю. Как бы мы ко вторжениям отнеслись? Вот то-то же! А почему хохлы должны по-другому в этом вопросе вести себя? Мы в Чечне и арабов и амеров крушили — кого там только не было, тут же...

Не спорю, хохлы сами свою страну на шабаш выставили, но это не говорит о том, что её, так сказать, нам, братьям, на куски её рвать надо. И странно себя ВВП повёл. Крым спас, а Донбасс с Луганском на растерзание оставил. А потому и говорю — нечего нам в эти разборки влезать. Донецк — миллионник! Оружие дайте, ФСБ пускай там работает, зачем своих пацанов туда отправлять, да ещё так по-скотски? Типа, пацаны туда сами поехали, отпуск проводить. Хмыри, короче.

А в Крыму, реально, как рейдеры себя вели. И теперь, когда раздаются возгласы от бывших украинцев на полуострове, что с присоединением к России они стали хуже жить, дорого всё, включая продукты и воду, так и хочется в их зажравшиеся рожи крикнуть, что с присоединением Крыма, вся страна ХУЖЕ жить стала. Санкции, мост этот, который сотни лярдов сожрал, а выставляют его строительство, как невероятное достижение. Вон, китаёзы, сто с лишним км мост построили, он в шесть, а не то в семь раз дешевле у них вышел. Короче, нахер, в жопу эту политику!

А Сирия...

Ну, там, и вовсе всё просто. Одно слово — нефть!

Раньше пели как? Люди гибнут за металл. А теперь один припев — гибнут наши ребята за чёрное золото.

Простой пример — Ливия. Ведь именно Путин сдал полковника Каддафи, и опять же нефтепродукты в этом виноваты. Именно Россия была гарантом разоружения армии Каддафи, а в итоге, сделали вид, что утёрлись и виной всему обычный газ. Ливия могла всю Европу им залить, а куда тогда наш газ продавать? Вот и порешили чужими руками, самолётами и бомбами, и теперь ни Каддафи, ни газа.

Ничего личного, как говорят американцы, только бизнес!

И в Сирии та же песня, чем больше там хаос, тем меньше нефти оттуда идёт, тем сложнее нефтепровод и газопровод из того же Ирана в Европу отправить. Россия, я имею в виду, Газпром и Роснефть — в плюсе, а потери на этой войне можно и засекретить. Вот такая херня, а что пацану то ответить, не втягивать же его в эти политические дебри?

Поэтому, твердым голосом, уверенным тоном говорю:

— Крым — наш!

И вижу облегчение на лице ещё совсем юного мальчишки.

— Ты завтра со мной на стадион пойдёшь? — спрашиваю я, уводя разговор от неприятной для меня темы. — Волчара с ребятами позвали, вроде наши парни с командой того Илюхи опять схлестнуться на поле решили.

Серёга обрадовался.

— Пойду, конечно, — отвечает мой сосед по комнате. — У них вечно на поле настоящая битва между собой! Будем надеяться на ничью, победы вряд ли удастся добиться — судейские со стороны Илюхи, в случае чего, засудят. Были прецеденты.

Я удивлено взорвался в нового друга.

Слова-то какие — прецеденты!

— Там всё по-взрослому, что ли? И судьи имеются? — неподдельно изумился я таким уточнениям.

— А ты что хотел? — отвечает Серж. — Илюха платит, а кто платит, тот и музыку заказывает.

Я же только понятливо вздыхаю. Как же всё знакомо!

Тут раздаётся трель телефона.

— Да! — Отвечает Серый и на пару мгновений замолкает, что-то слушая по телефону.

Потом зыркнул в мою сторону.

Отключается.

— С вахты ребята позвонили, двое к тебе в гости направились. Одного сегодня у тебя в гостях уже видели, а вот второй, — взгляд испуганный, — местная знаменитость. По Зёмгам у бандитов за главного, вроде. Как бы за смотрящего, но я не уверен. Девчонки его узнали. Ну, ты понял.

Киваю.

— И чё теперь?

Я прикинул расклад.

— Свалить из комнаты на время, пока я тут тёрки разводить буду, точно не хочешь?

Тот покачал головой.

— Одного я тебя не оставлю, — отвечает он, правда запал у него явно на исходе.

— Тогда, давай капучино три штучки и пару горячих бутеров. Не знаю, как ты, а я проголодался и нельзя встречать гостей с пустыми руками. — И, улыбаясь, добавляю, — я угощение имею в виду, а не пистолеты с глушителями.

На что Серёга только хмыкает.

— С тебя станется!

Вот так и встретили мы не столь уж и дорогих и долгожданных гостей.

Вошли без стука, почти без звука, как в песне Высоцкого про Кука. Но то, что некоторые готовы были меня съесть со всем моим дерьмом, это было написано на лице второго гостя.

Владлен же настроен был решительно, на предмет моей защиты. Второй же, хоть и с интересом меня рассматривает, но вот злобы в этом взгляде настоящего хищника, хоть отбавляй. Я не в курсе, его Владлен откуда-то вытащил, возможно, что из-за стола, а то и с бабы снял. Всё может быть.

Мужик, в наколках, весьма колоритный тип. Лет сорока, может и меньше, а может и больше, так навскидку не определю, даже со всем своим опытом. Плотный, жилистый. Взгляд карих глаз — жёсткий, нос перебит, явно бывший боксёр. Шрам над левой бровью — небольшой, но заметный. Рот с тонкими, жёсткими губами и видны золотые фиксы. Одет он небрежно, но со вкусом. Рубашка с коротким рукавом навыпуск, светлые, наверное, льняные брюки и мокасины, почему-то красного цвета.

Я удивлённо даже брови поднял. Вроде, «чёрные» не допускают в своей одежде фасоны с использованием красного цвета. Западло считается, хотя я могу и ошибаться, даже, наверняка ошибаюсь.

Тут же, Сержу:

— Иди, погуляй, малой, разговор у нас к твоему соседу серьёзный.

На что Серж, заикаясь от волнения и сильно прихрамывая, идя к кровати, произнёс:

— Вообще-то спать уже пора, я вам мешать не буду, — а потом добавил: — И, вообще-то, это моя комната и я тут живу, а для беседы, если она такая секретная, можно и на улице беседку приспособить, правда, там комары и мошкара! — и залез с ногами, не раздеваясь, под одеяло.

Владлен только хмыкнул на этот демарш Серёги, а его напарник зло сощурился, но ничего не сказал.

А затем начался мой форменный допрос. Что, да как, и почему?

Но я держал жёсткую позицию и на тот, крайний вопрос, ответил весьма заносчиво.

Вот только, крыть мои доводы старшему в нашей троице собеседников, было нечём. Владлен и вовсе молчал.

* * *

— ... так говоришь, шёл домой, а эти с битами напали из-за деревьев? — продолжает меня пытать нежданый гость с золотой фиксой во рту.

А я начинаю закипать.

— Я уже про это рассказывал! — отвечаю я.

— А как ты смог отбиться то? — уточняет он, совершенно не обращая внимания на моё проявившееся раздражение.

— Костыли длинные и я знаю, куда надо бить.

— Да уж! — хмыкает он. — То, что ментов не позвал, это правильно. Не зачем их притягивать к такому непростому случаю. Но ты ведь всем семерым по ногам надавал. Мои ребята уже разбудили чудиков. Биты из жоп у них вытащили — те сами не смогли, да и перебитые ноги не давали двигаться из-за сильной боли. — Потом перевёл взгляд на кучу связанной в тюк одежды.

— А это зачем? Там даже трусов не смогли найти.

Я же пожал плечами.

— На их трусы я точно не претендовал.

— Но снять же ты их заставил? — уточняет мой, слишком дотошный собеседник.

— Ну, не самому же мне это делать было, хватило того, что их же битами, этих уродов, мне лично оприходовать пришлось. А вещи... — я

посмотрел с улыбкой, на внимательно слушающего меня собеседника, — боевая добыча. Что в бою взято, то свято. Наркоту, что нашёл при них, выкинул по дороге. В грязь втоптал.

— Там не на одну тысячу товара было, парень. — Прямо глядя мне в глаза, произнёс с угрозой в голосе дядя Вова. Так он разрешил к себе обращаться.

Я же, на его претензию, только плечами пожал.

— Не ко мне претензии. Дурь мне не нужна, деньги не верну, это моральная компенсация за потраченные нервные клетки, а они, как известно, не восстанавливаются.

— Компенсация, говоришь? — усмехнулся он, — а биты в задницах тогда что?

— Наказание! — я возвращаю ухмылку. — Есть преступление, есть наказание. Я их к такому приговорил и, как палач, сам же исполнил решение моего суда. Пускай скажут спасибо, что биты не обратным хватом всунул — чувствовали они бы себя, думаю, ещё хуже.

Дядя Вова только головой качает на мои слова.

Я же про себя морщусь. Ведь эта шваль меня грохнуть пыталась, но оказывается, при деле мальчики были — наркотой приторговывали. И чего, спрашивается, с товаром ко мне полезли? А я молчать не собираюсь, и деньги не отдам, вон, пускай этих геев теперь трясут.

— Ладно, понял. К тебе претензий нет. А этих... посмотрим, что можно сделать, но прошу и советую так больше не поступать.

— А что делать? — уточняю я.

Дядя Вова, молча, рассматривает меня.

Понимаю его. Перед ним жирдяй, но со связями. Владлен за меня впрягся и, возможно, кто-то из Хабаровска словечко замолвит. А раз так, то и наезжать особо смысла нет, тем более, и правда, косяков с моей стороны нет. Не считать же таковым своеобразное наказание за фактическую попытку убийства. Дядя Вова отдаёт себе отчёт в том, что меня бы в живых точно не оставили, да и вряд ли бы я после нескольких ударов по голове выжил бы.

— Думаю, если специально нарваться не будешь, то никто к тебе больше не полезет. Не наглей по жизни, и всё будет путём. До выхода из детдома, проживёшь тихо и спокойно, а потом уже сам. Но и спрос с тебя будет уже другой, соизмеримый с твоими поступками. Пока же, как я говорил, претензий не имеем. Но вот как быть, если парни калеками останутся?

Я же пожал плечами.

— Поймут, каково это — жить инвалидом. Я вообще хотел им и руки, и ноги поломать, но пожалел.

— Один и так на ногах не стоит, в больницу всех в травмпункт повезли. Рабочие халаты дали. Нашли, чтобы срам прикрыть.

Я же ухмыляюсь довольной улыбкой.

— Зато запомнят навсегда этот томный вечерок. Могли бы сейчас водку пить и баб тискать, хотя, двое, наверное, сейчас так и делают.

— Двое? — удивился дядя Вова.

Пожал плечами.

— Может и больше, но мне показалось, что топот ног двух человек слышал. — Отвечаю я.

Дядя, слышно, как зубами скребанул.

— Найдём! — потом мне. — Спасибо за кофе. Неплох капучино, и береги себя, а главное, постараитесь, чтобы я о тебе больше не слышал.

На что я с улыбкой на лице отвечаю:

— А вот этого уже пообещать не могу, но... — смотрю в его, отчего-то ставшие злыми, глаза, — но могу заверить, что если не полезут ко мне, то я сам никого не трону.

Тот, соглашаясь, кивнул.

— И на том спасибо, но не забывай, где ты находишься — это Комсомольск!

Намёк, на сильное лобби криминального мира. Есть и такое, но и менты тут тоже, по рассказам, далеко не сахар. Всё переплетено между собой, и криминал, и власть, и менты с прокуратурой, и ФСБ. Знаю, проходили. Почти везде так по стране, но тут, в этом забытом богами крае, эти противоречия выступают наиболее сильно и, притом, болезненно. Левая торговля лесом, рыба, икра, как чёрная, так и красная. Золото и всё сопутствующее.

В общем, не зря раньше именно из Комсомольска господа по криминалу за всем Дальним Востоком присматривали.

— Учту, — просто, ёмко и коротко отвечаю я.

Очередной кивок с его стороны и уже Владлену:

— Ты со мной?

— Я чуть попозже. Переговорю с мальцом, — отвечает, молчавший весь разговор с дядей Вовой, побратим Сани.

Всё, остались вдвоём, если не считать спрятавшегося под одеялом на своей кровати, Серёги.

— Проводи. — Командует Владлен.

Понятно, разговор не для посторонних ушей.

Делать нечего, придётся вставать, хотя ноги очень сильно болят.

Хромаю сильно, при этом, стараясь перенести всю тяжесть своего немалого веса, на силу рук. Так и прокачаюсь, смеюсь про себя, а между тем, Владлен меня пытается пропесочить.

— … ты по краю прошёл. Вован явно тобой очень недоволен. Очень. А это опасно. Он уж точно милосердием не страдает. Не я бы… тебя бы кончили. Даже не обсуждается. И с битами ты явно перегнул палку. По их понятиям, лучше бы убил. Но, что сделано, то сделано. Если бы не твои костили и их биты, а также количество нападавших, разговор бы этот точно закончился по-другому. Да я и сейчас не уверен, что всё спустят на тормозах. А потому, будь предельно внимательным и аккуратным, особенно в общении с посторонними. Страйся пока не выпячиваться.

Я же про себя кривлюсь. Будь я в прежнем теле, я бы этому цветному, пальцы его растопыренные быстро обломал, но, что имеем, то имеем, а потому, язык в задницу — и молчок.

Улыбаемся и машем, улыбаемся и машем, как в том приколе, что по нэту бегает с пингвинами непонятными в главных ролях, а может, это птицы Киви?

— Хотя я надеялся, что, увидев меня в твоём обществе, горячие головы поостынут. Ну, ничего, с этим я и сам, без помощи Вовы разберусь. Но с тебя полный штиль в проблемах. Хватит. Первый день знакомства и столько шума вокруг тебя. Остепенись и не провоцируй, хотя, — скосил взгляд на моё подпрыгивающее на костылях тело и болезненный прикус губы, а ведь и правда, очень больно идти.

— Давай, возвращайся, вижу, что реально, ты еле на ногах стоишь. И насчёт ментов, если будут разборки, а они, думаю, будут, всё-таки в травму повезли, а кто-нибудь и проболтается, говори, ничего не знаю, никого не видел. Стой на своём. Запомнил?

— Да. — Так же коротко, через силу, отвечаю я.

— Дальше — я сам. В случае чего, звони! — потом улыбка расцветает у него на лице, — а лучше, живи спокойно и меня больше, по таким поводам, не беспокой.

Одобряющий шлепок ладонью по моему плечу.

— Бывай! В понедельник, как договаривались, человек от меня придет, осмотреть фронт работ и определиться по срокам.

Я согласно киваю, говорить уже не могу, еле на ногах стою, а ведь ещё и обратно идти.

Расстались.

Еле до комнаты добрёл.

Серёга, видя мой состояния, с расспросами не лез. Помог раздеться и буквально уложил в постель.

С час мучил себя разгоном энергии по телу. Немного полегчало, и на этом фоне отключился, под непрекращающийся бубнёж Сержа, шпарящего на английском. Опять всю ночь в игре проведёт, засранец.

* * *

Воскресенье.

Как же я люблю этот день — и отдых, и чувствуешь, что надо думать наперёд, ведь впереди рабочая неделя, если, конечно, ты не в отпуске и не на пенсии сидишь.

Я же, и вовсе учусь пока, оказывается, в школе, да ещё и на каникулах в данный момент.

Проснулся. Прислушался к своему состоянию. Вроде нормально, даже, я бы сказал, очень нормально. Я удивлён, думал и вовсе, после всего произошедшего, а также запредельных нагрузок, пошевелиться теперь не смогу. А тут...

Наводит на мысль!

Правая нога побаливает, но намного меньше, чем обычно по утрам. Левая и вовсе, как нормальная. Да и общее состояние просто отпад!

Это что же получается — запредельная нагрузка, а потом процессы, запущенные по инструктажам богини, и такой эффект?!

Я перевёл взгляд на дрыхнувшего на своей кровати Серёгу. Вот он, мой подопытный кролик, с его экзекуции и начнём, и с себя, конечно. Но не сегодня. Раз выходной и явно Серж опять всю ночь не спал, с ребятами своими в доту резался, пожалеем, да и на матч нас пригласили. А теперь пора вставать и надо откармливать то худое тело, что нос из-под одеяла вытащить боится. С головой укрылся, хмырёнок!

— А ну, подъём! — ору я на всю комнату и во всё горло.

А басок у меня, что надо!

Серый вскочил, глаза дикие, испуганные.

— Что? Где?

Я же, давясь смехом, добавляю:

— Когда?!

— Что когда? — спросонья, Серый ничегошеньки не понимает.

— Вставай, умывайся, а то завтрак проспишь! — сквозь смех, говорю я.

— Не-е, я спать! — тянет мой сосед по комнате и норовит опять в кровать лечь.

— Вставай, и на завтрак! Тебе, в отличие от меня, толстого, нельзя приём пищи пропускать. Поправляться надо, если хочешь прежним стать. Я имею в виду здоровым. — Я непреклонен. — Комп заберу, если хоть раз пропустишь поход в столовую. Минимум, на неделю!

Довод веский, и парнишка нехотя опять поднимается.

— И не забудь, кто-то мне обещался составить компанию в посещении стадиона и футбольного матча на нём. Когда, кстати, собираются?

Серый, зевая и подывая, ответил не совсем понятно.

— А-э! В де-е-ся-ть, на-верное-е-е. А-э! Как всегда! — закончил он.

— В десять ровно? — уточнил я, так как боялся, что не так понял своего юного друга.

— Ага... эа!!! — опять зевок.

— Умываться брысь! — командую я, а сам принимаюсь натягивать на себя спортивку.

После чая на завтрак, до десяти можно и позаниматься немножко. Надеюсь, уж теперь мне никто мешать не будет!

Как бы не так!

Наше появление на завтраке произвело фурор.

Саня с парнями подгребли к нашему с Серёгой столику. Девчонки, та троица, что первыми вчера вечером мне пришли на помощь, ну, и так, ребят до кучи собралось прилично.

Все смотрят восторженными глазами, а Волк, на правах хорошего знакомого, да может и вообще друга, начинает расспросы насчёт вчерашнего и делится новостями:

— Чебурашки не ночевали сегодня в интернате, включая и Дэсу. Ссут! Накрыл ты вчера бригаду Дика. Дикарём всё себя выставлял, дескать такой бесшабашный! Дурь в округе толкал, но в детдом не лез. Года два, как отчалился от нас, но в армию его не брали. Что-то с головой.

— А теперь и с жопой! — вставляет реплику довольный Димон.

Все вокруг ржут.

Понятно, достала эта бригада ребят в интернате. Взрослым, тем более в ментовку, не пожалуешься, не то воспитание, да и не принято, а терпеть выходки уродов всех достало. А тут, как манна небесная — бита в задницах у говнюков. Всем, как бальзам на душу! Вон, какие озарённые лица у всех.

— В травмпункт менты нагрянули. Кто-то слил информацию о происшествии. Наш дежурный по интернату, от учителей, говорит, что звонили к нам, но у того инфы не было, сказал, что в детдоме всё спокойно.

Саня смотрит на меня восторженно, но и одновременно обеспокоено.

— Менты точно не отстанут. Семеро покалеченных, причём, одному ты обе ноги сломал. И переломы очень хреновые. Коленную чашечку разбил, а это, к бабке не ходи, инвалидность. Хорошо, если ходить на костылях будет, а то, и вовсе инвалидная коляска. От Дэсы, где он и как, ничего не известно. Шифруется. Его и блатные искали. Спрашивали с утра, мол, не появлялся ли? Он вчера там был со своими. Но дёру дали, когда увидели, как ты начал метелить всех своими костылями. Очканули — и дёру! Мне пацаны фотки прислали с описанием кто и что. Мы как раз в Доса, на скачках были, а тут такие весёлые известия! Даже выпили с ребятами за твоё здоровье.

Смеются.

Девчонки вокруг выются, а троица вчерашних, и вовсе, едва ли на колени пристроиться собираются. Ну не ко мне, конечно, но ребят Волка, явно не прочь оседлать. Ух, ты, смотри какая конкуренция со стороны девчат, за парней ведётся. А вот и Алинка подошла.

СМСку скинула, что переговорить надо. Пригласил ее, в спортгородок — заодно и проводит.

В общем, завтрак прошел в дружественной обстановке.

Саня напомнил про футбол, а я познакомился с парнями, которые будут играть за интернат, то есть, с нашей стороны. Мои, кстати, будущие одноклассники. Капитан команды выделялся среди всех своим независимым видом. Говорил уверенно, иногда даже прикрикивая на некоторых собеседников. И его явно слушаются, и что заметно, с Волком и его компанией у парня есть свои личные тёрки. Может, оттого и не участвует Волчара с ребятами в футбольных баталиях на стороне команды интерната?

Приём пищи закончен, все разбредаются по своим делам. Серёга в комнату к компу умотал. Заверил, что на стадион к футбольному матчу сам подойдёт, я же, в сопровождении Саня, его парней и девчонок, вышел на крыльце нашего административного здания детдома.

— Ты куда собрался, с утра пораньше? — спрашивает Санёк.

— О спорт, ты мир! — цитирую я известную аксиому.

Волчара демонстративно так, оглядывает мою пухлую физиономию и с явным сарказмом выдаёт:

— Ну да, ну да! Тебе бы очень Сумо подошло, в качестве главного вида спорта!

Все смеются, в том числе и я.

— А в Японии, между прочим, сумоисты, являются национальными

героями и известны не менее, чем великие основатели разных школ каратэ! — заявляю я.

Главное, рожу делать уверенной, а правду я говорю или привираю, уже не имеет никакого значения.

Все прониклись.

— Ладно, спортсмен! — смеётся Димон, — не перетрудись там, а мы — на стадион. Вроде, малые видели там Дэсу с одним из черепашек — чебурашек. Пойдём, перетрём с ними. Теперь есть смысл и по ушам им надавать, уж больно хотелось это сделать в последнее время.

Я понятливо киваю.

— Но все руки не доходили! — подкалываю я его.

— И это тоже! — смеётся в ответ Саня. — Долги надо отдавать.

— Да, это точно. Долг платежом красен! — соглашаюсь я.

Махнув рукой толпе ребят и прихрамывая на костылях, хотя не так сильно, как обычно, пошкандыбал по известному теперь маршруту, на очередную свою тренировку.

И, правда. О спорт, ты — мир!

* * *

— ... директриса уже в курсе. Но сегодня выходной, решили тебе кости помыть уже завтра. Да и в отъезде, вроде, она.

Сидим, молчим. Как и ожидал, я увидел Алинку около импровизированного стадиончика, вернее, простого кочковатого футбольного поля.

Одна пришла. Прикид прошлый, но явно блузку поменяла с прошлого раза, а всё остальное, включая причёску, у моей собеседницы осталось прежним.

Не пойму, рада она за меня, или осуждает за что-то.

— Из полиции ей называли, насчёт тебя спрашивали. Но заяв в ментовке нет, так что просто участковый интересовался, что произошло вчера вечером. — Опять взяла паузу в разговоре девонька, да и я сам, кроме как привет, и рта не раскрыл. — Говорят, ночью, к тебе сам Угрюмый заглядывал? — задаёт она непонятный мне вопрос.

— Какой ещё, угрюмый? — не понимаю, о чём идёт речь.

— Сматрящий за районом, — тихо, почти шепотом, говорит Алинка. Потом впилась в моё лицо взглядом. — С чего тебе такая честь?

Я же хмыкнул, поняв, наконец, о ком идёт речь.

Да, права подруга, дело явно не во мне, а в фигуре побратима Александра Даниловича, Владлене. Если бы и прислали кого на разборки, то пару «торпед» с шестёркой во главе. А тут, оказывается, парень привёл местную знаменитость со мной разбираться по понятиям. И сам присутствовал, не давая возможности беспрепятственно учинить. Да и косяков то с моей стороны, если посмотреть по-честному, и не было. Ничем Владлен не рисковал, впряженаясь за меня, оттого и к тяжёлой артиллерию сразу в разборках прибег. Привлёк, так сказать, самые серьёзные аргументы.

Вот же, гадство, и суток в детдоме не провёл, а уже в такие серьёзные разборки умудрился вляпаться.

— С шанхая ребята звонили. Можешь теперь, хоть ночью ходить там, никто не тронет. Этих очень не любили местные. Барыги — не только дурь толкали среди шпаны, но и беспредельничали. У меня знакомых много. А про вчерашнее происшествие быстро информация распространилась. Что и говорить — телефоны, интернет, вацап. Фотки, говорят, уже на ютубе висят, и просмотров несколько тысяч. Причём, кто-то и прокомментировал произошедшее, но твоего имени там не прозвучало. Просто представили, как криминальные разборки в Комсомольске.

Я же в душе костерю себя. Вот, блин, прославился, так прославился!

Смешок со стороны подруги.

— Девчонки уже забиваются на тебя начинают, кому из них ты в качестве их парня-трофея достанешься. Причём, не только «оторви и выбрось» отличились, но и вполне приличные девахи.

— Контингент? — усмехаясь, уточняю я.

— На год младше и старше, вплоть до выпускных классов.

Понятно.

При деньгах, за сутки прославиться успел — нагнул местных деловых, хотя самого чуть не убили. Теперь ещё и погонялы мне кинули крутые, причём знают, что это не моя личная подвижка. Принц да Спецназёр с Терминатором — понятно, отчего у девчонок крышу сносит, да и сам я не урод, несмотря на мою жирную физиономию. Мордахой вышел сынок в меня и в мамашу свою, вобрав от нас с ней всё самое лучшее. А с телом мы решим, уже решаем.

— Есть предложения и насчёт переспать, — тихо продолжает Алинка.

— Уже? — изумляюсь я.

Девчонка пожимает плечами.

— Деньги всем нужны, — отвечает она. — А тут, ноги развел — тысячу получила... за ночь, — поправилась она.

Я вопросительно смотрю на неё.

— Я уже говорила тебе, я не по этой части. Тут любительниц так заработать, и без меня хватает. Кстати, спасибо за плату по уборке. Все, кто участвовал рады, да и те, кто живёт с вами в старом здании. Есть ещё задумки?

Вот вроде интересуется, но явно, другое гложет что-то.

— Что у тебя случилось, Алинка? — спрашиваю я её прямо.

Она вздыхает.

— Ты случился. Парень, которому ты обе ноги перебил, — замолкает... — в общем, мы с ним раньше встречались. До серьёзного не дошло, а потом его на наркоту подсадили дружки. В общем, разбежались. А тут узнаю, что ты его... помял.

Я же, вспомнив этого первого, несогласного раздеваться...

— Не брал бы биту в руки и не курил всякую гадость, целым бы остался.

Оправдываться я точно не собирался, даже перед Алинкой, хотя эта простая девчонка с немногими раскосыми глазами, мне всё больше и больше нравилась.

— Он первым из всех на меня с битой кинулся, а потом, — вздыхаю, — в качестве профилактики, по второй ноге получил.

Алинка кивает.

— Я понимаю, но как он теперь жить то будет? А если не сможет выzdороветь, после твоих поучений и наказаний?

Вот же женская логика в действии. Эти уроды меня чуть ли не убили, а теперь их, а не меня жалеют.

Начинаю раздражаться.

— Алина, в чём я-то виноват? Этот твой бывший ухажёр, если работал, будет на больничном, нет, так бухать и наркоту принимать меньше будет.

— Почему меньше? — не понимает подруга.

— А на что? Как я понял, они с местных деньги трясли. А теперь у них, увы, больничный. Только на костылях на паперть у церкви на первак прорываться.

— Зачем? — не понимает меня Алинка.

— Милостыню у прихожан просить. — Разъясняю я.

Она переводит на меня задумчивый взгляд.

— Злой ты! — вздыхает глубоко.

Поднимается.

— Пошла я.

Двусмысленно звучит, а я, глядя вслед удаляющейся стройной

девичьей фигурке, тихо произношу себе под нос:

— Будешь тут злым!

С час покачался на импровизированных спортивных снарядах местной сборки. Забил руки, пресс болит, и турник сломался. Под моим весом сварка не выдержала нагрузки, планка с одного места оторвалась. Надо организовать починку, а к кому обращаться? Пожалуй, опять к Алинке, больше то не к кому, но не сегодня. Пускай отойдёт после нашего с ней разговора.

Опять едва не уработался, хорошо Серёга отозвонился, напомнил о футболе.

Мне и самому интересно посмотреть на местное развлекалово, да и, по-честному, и заняться то больше нечем. Стадион меня сильно заинтересовал с первого осмотра, когда с Васильевичем экскурсией ходили по интернату, а теперь надо лично с ним знакомство свести и осмотреть его изнутри.

Возвращаемся.

Когда проходил мимо места вчерашней бойни, в душе шевельнулось облегчение. Главное, никого не убил. Ведь вспышку ярости я вчера реально схватил. Вот тогда точно были бы настоящие проблемы!

У крыльца здания интерната меня дожидался Серёга, с каким-то пацаном.

Поздоровался, познакомился.

Васян какой-то. Явно из местных народов, населяющих берег Амура. Невысокий. Молчаливый. Улыбка на лице блуждающая. Одет в шорты и тапки китайские. Майка с логотипом какого-то иностранного футбольного клуба. Я в этом не очень то разбираюсь.

Втроём поплелись на стадион. Я еле ковыляю, и по сравнению со мной, Серж и вовсе живчиком выглядит.

— ... весь интернат кипит по поводу твоей вчерашней драки и её результата. — Докладывает последние новости, пока мы идем, Серёга. — Дэсу ищут. Он не ночевал сегодня со своими дружками. Волк, а к нему присоединилось большинство из старшеклассников, хотят отмутузить бывшего заправилу. Смена власти в действии. — Делает вывод Серёга.

Я, соглашаясь, киваю.

Есть такое ощущение. Как говорится, кому война, а кому мать родная. Вот и местные решили, на конфузе бывших заправил, поменять ориентиры. Волк — спортсмен и, вроде как, к наркоте не прикасался никогда, а тут и шанхайские присоединились, те из них, кто в нашей школе учится. В общем, переворот во власти.

— … но думаю, Дэса так просто не сдастся. Хитрый он.

— Не хитрый, а хитрохопый! — поправляет его, до этого всю дорогу молчавший, Васян.

— Пусть так, — легко соглашается, раздухарившийся Серёга, — но за Дэсой, Илюха стоит, и он его не бросит. Дэса у него в команде на позиции форварда и удар у него с левой ноги просто убийственный.

— И такой же неточный! — смеётся Вася.

— Но если попал, то попал! — голосом выделяет последнее слово Серый, и уже мне принялся объяснять свои доводы. — За Илюхой — его отец. А он у местных в авторитете, мало, что бизнесмен. Так что Дэсу не сдадут Волку и остальным на растерзание, пока тот в его команде играет. Ну, это я так думаю. А в интернате директриса бы слово замолвила. Он у неё приближённым был. Кого надо поприжать, да и несогласных образумить. Но теперь и директора поменяли, так что, всё может произойти. Главное — Серж переводит на меня взгляд, — к нам эта шваль цепляться не будет, хотя подлянок всяких и подстав подкинуть вполне сможет.

Денёк сегодня, на удивление, классный. Вроде, только утро и десяти нет, но припекать начинает, на небе ни облачка. Штиль, ветра нет. Вполне футбольная погода, где-то двадцать — двадцать два градуса.

— Андрей, у нас тут целая дискуссия развернулась в интернате, и не только, — Серый опять на меня непонятные взгляды кидает. — Как получилось так, что ты спокойно смог биты им в задницы всунуть? Ведь они, когда их ребята увидели, все спали?

Я же только загадочно улыбнулся.

— Оттого и не сопротивлялись, что заснули, несмотря на сломанные ноги. Устали, наверное.

Серёга хмыкает в ответ.

— Ага! Все разом?! — Это уже Васян встрял.

Напустил тайны. Парни прониклись, явно разнесут мою версию по всему интернату. А ведь, самое смешное, что до этого никто меня об этом не спрашивал. Как смог отбиться — спрашивали, сослался на крепкие кости, из титана сделанные. Но вот о том, почему самой экзекуции, при вынесении моего приговора, никто не сопротивлялся, никто так и не уточнил. Забавно.

Но об этих неудачниках пора забыть, другие проблемы вылезают уже на передний план.

— Андрей, а что ты с кучей вещей делать собрался, которые с этих недоумков взял? — не унимается Серёга.

— Раздам ребятам в детдоме. — Пожимаю я плечами, хотя, это сделал как-то на инстинктах. Хоть и полегчало мне сегодня, но уже с утра длинные забеги сделал на костылях, а это очень не просто, да и больно. — Если хочешь, займись распределением, — предложил я Серёге, — ты лучше ребят знаешь. И по телефонам. Кому надо скину по дешёвке.

— Это за сколько? — Влез уже Васян.

— По штуке. — Прикидываю я.

Бесплатно отдавать не решился. Я — не мать Тереза.

— Нормально! — и уже Серому, — чур, я первый в очереди на выбор! — заявляет его друган.

Дальше, до самого входа на стадион, меня не дёргали расспросами, обсуждая появившийся шанс заполучить нормальные смартфоны. Всё-таки улов у меня был весьма приличный, после этого, никому не нужного столкновения с местными отморозками.

Стадион мне понравился. Я его издали уже рассматривал, обратив основное внимание на новый сетчатый забор, сделанный из профильного толстого прутка. Покрашенный в тёмно-зелёный цвет, он неплохо контрастировал с цветом искусственного газона самого футбольного поля. Трибуна возвышалась над землёй, этажа на три, минимум, растянувшись с одной стороны, почти на всю длину самого футбольного покрытия. Отделка стен новая, явно недавно подверглась неплохому ремонту. На трибунах, вот же неожиданность, настоящие кресла, причём складывающиеся, хотя и выполненные из крепкой, жесткой пластмассы. Они тремя рядами вытягивались, по цвету, в национальный флаг России. Три цвета нашего триколора. Белый, синий и красный. С противоположной стороны поля — только сетка забора, а у самого поля, беговая дорожка шириной на пару бегущих в ряд. А вот дальше, только несколько скамеек для зрителей и далее, ряд высаженных деревьев приличного возраста, и забор. За воротами, с правой стороны, пара площадок для тенниса, огороженных сетками. С другой стороны ворот, волейбольная и баскетбольная площадки. Причем, заметил, если теннисные корты — с земляным покрытием, то волейбольная и баскетбольная площадки явно с искусственным покрытием, возможно, строителями применены резиновые блоки.

Однако, серьёзно вложился бизнесмен в своего сына, очень серьёзно. Но говорят, что подтрибунные помещения пока никак не используются. Ремонт там только планируют делать, но то, что я увидел, произвело на меня неизгладимое впечатление. Реально денег вложили в восстановление стадиона, и само покрытие футбольного поля впечатляет. Явно, не дешёвый

ширпотреб.

Нас уже ждали, вернее, не нас конкретно, но нашему появлению, собравшиеся на трибуне, обрадовались. Волк со своей компашкой, другие ребята, явно, из детского дома. Но, думаю, и местных тут среди интернатовских навалом. Я ведь так толком и не успел почти ни с кем познакомиться.

— Принц, давай к нам! — кричит Димон.

Саня тоже машет рукой.

Серый напрягся.

— Я с тобой! — безапелляционно говорит мой сосед, а вот Васян приближаться к заправилам интерната не решается.

Отпочковывается и сваливает куда-то налево.

А на поле уже идёт игра. Явно недавно матч начался. Всё-таки припоздали мы немного.

Две команды, но явно неполные, всего восемь футболёров с каждой стороны по полю бегают, не считая вратарей, хотя, само поле стандартного размера.

— Наши — в синих футболках — подсказывает мне Волчара, хотя я и так это понял.

Не по размеру формы ребят невысокого роста, что сейчас, всей гурьбой, на своей стороне поля пытались отбиться от наседающего противника. А вот противники интернатовских, явно экипированы намного лучше. Белые футболки с лейблами сборной Германии, шорты под форму чемпионов мира и, главное, бутсы, предназначенные именно для игры на искусственном поле. Я это сразу заметил, потому что наши, а интернатовских я уже считал своими, играли кто в чём. Кто в кроссах, а кто и просто в китайских резиновых кедах.

Вдоль бровок, неспешно и как-то вальяжно, передвигаются судейские. Причём, в настоящей форме судей. А главнюк обосновался в центре поля и оттуда наблюдает за ходом поединка.

А поединок...

— ...наши сегодня в ударе! — комментирует Вован. — В первой же атаке, Гришка сходу пробил, когда к нему мяч отскочил после подачи в штрафную. И наудачу запулил, да так, что в девятку попал. Папашке ничего не оставалось делать, как свистнуть и указать на центр поля.

— Папашке? — не понял я.

Мы с Серёгой устроились рядом с ребятами. Волчара и компания сегодня, явно не со своими дамами, которых они вчера на танцульки водили. А вот троица Ленок рядом. Ленки, это те пацанки, что вчера

первыми на место драки рванули, ещё те оторвы! Я их про себя назвал Еленами Прекрасными. Несмотря на подростковую угловатость, на личики и на фигурки девчонки были очень ничего. Невысокого росточка, но фигуристые и с явно намекающими присутствующими прыщами, на место будущих грудей.

— Судьёй сегодня Илюхин отец. Он тоже спорт любит и сына к нему приучает. Да Илюха и так фанат футбола. Машется руками тоже, кстати, неплохо. Вон, с семёркой на футболке. Фанат Рональдо. Любит водиться, хотя и не обладает, пока, никаким дриблингом. Вон, сам смотри, как играют. Фолят они по-чёрному, но батянька даёт им играть, и на их толчки, особенно в спину, не обращает внимания. — Комментирует Вовка.

Я перевожу взгляд на поле.

Да, прижали наших, хотя противник играет уж очень просто — наброс на ворота, а там, как повезёт. Но капитан сборной интерната — парень умный. Выстроил свою защиту по уму, и все верховые мячи перехватывают. А вот и в атаку сорвались.

Парни у нас худые и жилистые. Хоть и ростом не высоки, но быстроногие, во, как в отрыв рванули!

Э-э! Это чё за дела?! Какой офсайд?!

Явно же засуживает папанька! Но, на удивление, ребята на трибуне молчат, не протестуя против такого беспредела!

— Судью на мыло! — во всём горло заорал я.

На трибуне воцарилась полная тишина. Все взгляды собравшихся нацелились на меня. А в них страх, и испуг неподдельный. Один Серёга своим детским голоском завопил:

— Судья — сволочь продажная!

И тут заметил движение внизу трибуны. Ого! Да тут оказывается и охрана имеется, и мальчики, что двинули в нашу сторону, весьма приличные. Качки — не качки, но бойцы серьёзные и это сразу видно.

А на поле тоже остановка. Судейский и все футболисты, вместо того, чтобы спортом заняться и бегать с мячом, уставились в нашу сторону, не сводя своих глаз с трибуны:

И тут Волчара, кинув на меня быстрый взгляд, заголосил:

— Атакуй не атакуй, всё равно получишь... — и через паузу — ШАЙБУ! ШАЙБУ! — и следом — Судью на мыло!

А вот его уже криками, поддержали и остальные.

Над стадионом так и неслось:

— Судья — тварь продажная!

И это выражение, было одним из самых миролюбивых.

Охрана в ступоре. Ладно, одного за жабры схватить, а тут, человек сорок — шестьдесят ребят собралось и все скандируют обидные слова, в адрес продажного судьи.

На удивление, подействовало.

Действо продолжилось, и мы на трибуне немного успокоились.

А футбол качеством хоть и не блистал, зато, в отличие от игры сборной страны, здесь, на поле, чувствовалась СТРАСТЬ! Именно страсть. Не было опыта и мастерства, но было желание и все на поле выкладывались по полной.

И всё-таки, до перерыва, хозяева стадиона закатали банку в наши ворота. Навес, кутерьма, никто толком не мог попасть по скачущему мячу — ни наши защитники, ни их нападающие, а вратарь так и метался в створе ворот.

Наконец, очередной отскок. Удар пыром наудачу. Рикошет — и мяч трепыхается в сетке.

Один-один!

Вздох разочарования прошёлся по трибуне, а вскоре раздался и свисток судейского, на перерыв.

Полчаса игры на исходе.

Скамеек специально для команд нет, если хозяева ушли в подтрибунное помещение, видно есть у них там, где приткнуться и передохнуть, то вот нашим футболистам на отдых отдана вся трибуна, правда, отдохать приходится под палящим солнцем.

— Как впечатление от игры? — раздаётся рядом.

Поворачиваю голову. Около меня стоит наш капитан команды.

Я удивлённо задираю брови. Где я, а где футбол, а тут спрашивают моё мнение об игре.

Отвечаю честно:

— Не впечатлён, но как бегаете посмотреть интересно.

Увы, но правда всегда никому не нравится.

— Ты считаешь, мы только бегаем? — интересуется он.

Я же замечаю, что разговоры вокруг прекратились. Все прислушиваются, о чём мы разговариваем с главным футболёром интерната.

Я пожимаю плечами и говорю:

— Паса, как такового, нет, игра — сумбурная, взаимодействия — ноль.

Да и половину тайма все пешком ходят, а это говорит о том, что физическая форма игроков откровенно плохая. Головой играть не умеете, ни при верховых подачах, ни в вопросе организации атак. Ноги за мыслями не

успевают, дриблинига нет. Если кто и начинает водиться, то тут же теряет мяч. Но и ваши соперники, явно не профи, а то бы сейчас счёт был не один — один, а десять — один в их пользу, а то, и вовсе ноль красовался у вас. Увы, но на мой неискущёный взгляд, играете вы хреново, да и вратарь нулевой. Ударов то в створ ворот, при их большом преимуществе во владении мячом, и вовсе не было! — развозжу я руками в стороны, — зато есть страсть и желание порвать противника, и это заметно. Видно, что вы старые, проверенные враги друг для друга.

И замолкаю.

— Критиковать всегда легче, — с обидой в голосе произносит наш капитан.

— Я не претендую! — поднимаю руки вверх. — Но раньше футболом сам баловался и представление об игре и организации игры имею. Так вот, у вас этой организации нет — каждый, кто во что горазд на поле выдаёт. Команды не чувствуется. Ну, это на мой взгляд. Ты спросил — я честно ответил.

Явно мой оппонент хотел что-то обидное мне сказать, но сдержался. Я инвалид, в отличие от него. Пожалел.

Всё. Свисток. Команды зовут на поле.

Волк с ребятами, молча, посматривают на меня. Одно радует, хоть о вчерашней драке и её последствиях никто больше разговора не заводит, а вот мои слова о команде интерната и футболе вообще, похоже, ребят зацепили.

Вовка, обижено поджав губы, произнёс:

— У нас тренера не было. Физрук по волейболу тащится, но при этом больше старается нашим девкам время уделять, он для них и секцию сам ведёт.

Я же только скабрезно скалюсь.

Физрук, явно не дурак по части молодых юных женских тел. Сталкивался ещё в прошлой жизни с подобными проявлениями заботы о взрослеющих девушках со стороны старпёров. Но тут, по разговорам, вроде мужик и не старый ещё — тридцатку разменял, может и больше.

— А футболом сами, на общественных началах занимались, а тут стадион хозяина пару лет назад поменял, Илюха появился, вот с тех пор и вражда у нас с ними на поле. Пару раз на первенство города выходили, но и первый круг пройти не могли. Досадно, конечно.

Молчим. Футбол идёт. Периодически туда взгляды кидаю, но на поле вновь ничего интересного не происходит, разве что угловой наши заработали.

Ты смотри! Забили! С игры забили! Судья не решился гол по какой-то причине отменять. Хотя, на мой взгляд, в момент удара наш защитник, сыгравший хорошо головой на опережение, своего оппонента за футболку притянул.

Но повторов нет, а судья не заметил. Хотя, вон какие страсти! Явно футболисты команды местного олигарха пытаются претензии предъявить, на нечестно забитый гол.

Но свисток дан. Начало с центра поля.

И опять эта тягомотина с вечными забросами в центр штрафной.

Наших зажали так, что те и забыли, наверное, когда в последний раз на сторону поля противника переходили. Но время идёт. Вот-вот закончится основное время матча, болельщики уже предвкушают процедуру прогона побеждённых, которые на своём горбу победителей повезут, дав круг по полю. Вроде, есть шанс, что впервые в качестве рысаков будут, а не как обычно, ребята команды детского дома.

И тут...

— Какого он не свистит? — волнуется рядом Димон, — время кончилось!

— Так по громкой связи объявили, что три минуты наш судья к игре добавил. — Напомнил Волчара и тут же разразился громко отборной бранью, а над стадионом зазвучало:

— Судью на мыло! — причём орали все болельщики на трибунах, и даже некоторые футболисты на поле, причём, поголовно, недовольные только с нашей стороны.

И почему я не удивляюсь?!

Пенальти.

За что? Просмотрел.

— Дэса упал. Типа, уронили его, схватив за майку! — объясняет мне глазастый Серж, — во как наши возмущаются. Он не с мячом был, а вон, как...

— Засудили! — смеюсь я.

Понимаю отца этого Илюхи. Явно не хочет, чтобы его сынок жеребца из себя изображал, скача с улюлюкающим победителем на хребту, вокруг поля.

Без шансов! Сама семёрка и реализовала удар, под непрекращающиеся крики болельщиков, а Серж, между тем, мне успел шепнуть, что раньше никто никогда на судейских так не кричал. А тут я первый подал пример и, как результат, над стадионом настоящий ор стоит.

Финальный свисток, но явно эмоции зашкаливают, да и ещё один

момент, явно влияет на развитие событий. Раньше все боялись Дэсы и его банды, а вот теперь ситуация кардинально изменилась. Дэсе и его братве ребята желают начистить физиономии. И как бы это на самом поле не произошло!

Но заправила народного протеста сейчас на трибуне сидит и это, явно, не ваш покорный слуга. Волчара и его пацаны только в бессилии сжимают кулаки. При отце Илюхи и его орангутангах-охранниках, разборки лучше не вести. Это все понимают, хотя как раз мне эти ограничения по фигу. Но рыпаться я ни на кого не собираюсь. И так уже начудил за последние сутки, мама не горюй. Не хочу ни во что вмешиваться!

Эх, не зря говорят, хочешь рассмешить бога — расскажи ему о своих планах.

Вот и со мной что-то навроде этого произошло.

Парни яростно обсуждают прошедшую игру. У меня же вновь разболелась нога и я, ни на кого не обращая внимания, стараясь тихонечко спуститься с трибуны, смотрю, куда ставить свои набодажники костылей. Мысль одна — добраться быстрее до кровати и растянуться на ней. Может, и поспать успею до обеда! Пропускать приём пищи я не собираюсь.

— А куда это наша новая знаменитость так быстро собралась? — раздаётся голос рядом.

Я же, не обращая на него внимания, мало ли кто с кем там разговаривает, пытаюсь идти дальше, но, увы, кто-то меня весьма грубо останавливает, схватив под локоть.

— С тобой, инвалид, разговаривают. — Ещё голос, но уже явно более взрослого человека.

Ага, ну и диспозиция!

Один из орангутангов прихватил меня за руку, а вот обратился ко мне с вопросом, насчёт моей повышенной знаменитости, ни кто иной, как сынок судьи, который, по совместительству, местный олигарх.

— Слышишь, пингвин, руку убрал! — сквозь зубы цежу я охраннику.

— Ты чё там вяка...

Но договорить я ему не дал.

Выворачиваю руку из его захвата, шаг назад, разворачиваясь к противнику лицом, и набалдашник моего боевого костыля впивается уроду прямо между ног.

А сам кричу громко Серёге, поднимая кипиши и привлекая внимание окружающих к себе.

— Серый, звони в ментовку! Нападение на инвалида! — привет Ильфу и Петрову и их «Золотому телёнку», и показываю пальцем на

скрючившееся в виде эмбриона тело у меня в ногах.

Тишина вокруг нас.

Надеюсь, хоть этого-то я не покалечил? Хотя, удар по яйцам железкой очень опасный и болезненный. Я ведь не сдерживался.

В мою сторону рвануло ещё двое здоровых оболтусов, но их остановил возглас Ильи.

— Хватит! — и уже вопрос ко мне. — Зачем?

Я же жму плечами.

— Не люблю, когда меня хватают руками. Не люблю, когда обзывают инвалидом. Вот этот урод теперь на себе прочувствует, каково это. Только в отличие от нас с моим напарником, — кивок в сторону притихшего Сержа, который продолжал держать телефон в руках, — его проблема будет не в ногах, а в яйцах, и вряд ли он уже сможет обзавестись потомством, если, конечно, в этом ему добрые друзья не помогут.

А вот теперь смех раздался со стороны обступивших меня ребят, и первым голос подал именно Волчара.

— Предоставляем услуги кастрации с помощью костылей. Недорого! — и ржёт.

Вот и наши футболисты подошли. Напротив нас — Илья со своими членами команды, среди них и Дэса с одним из черепашек.

Отец в разборки не вмешивается. Стоит вдалеке, наблюдает. Скрюченного горе-охранника уже拥вели сослуживцы под руки в подтрибунное помещение стадиона.

Илья, и правда, парень видный. Блондин, крепко сложен, взгляд серых глаз уверенный, держится стойко. Плотный малый и явно с претензиями на лидерство.

— Слышал, что тебе футбол не понравился, — добавив сарказма в голос, произнёс сын олигарха.

Я же, опять плечами повёл.

— Вроде, свои выводы я тебе лично не говорил?

— Мне — нет, — соглашается Илья, — а вот остальные слышали твои разглагольствования.

Я усмехнулся ему в лицо.

— Меня спросили, я ответил. Я не профессиональный спортсмен, но футбол у нас в стране многие любят, и если хочешь знать, что думаю по сегодняшнему матчу, то вы его просрали. Вас, вон, меценат вытащил, чтобы вы тут жеребчиков не изображали на поле. А это, мягко говоря, не правильно.

— Да нас засудили! — крикнул наш капитан команды.

Парни его поддержали выкриками.

— Судейская ошибка! — нагло улыбается Илья. — Бывает. Вон, говорят, великий Марадона, вообще, на Чемпионате Мира, рукой гол забил, и ничего. Засчитали, а аргентинцы стали чемпионами мира. И никто особо не возмущался.

— Да весь мир на ушах стоял! — отвечаю я. — Но где мы, а где Марадона с Аргентиной?! Тут у вас приз за победу — заезд на уставших противниках. Смешно.

На что Илья только оскалился.

— Да чего с вас взять, нищебродов? Что вы можете на кон поставить, кроме своей жопы?! Но, увы, мы не по этой части.

Волчара выдвинулся вперёд.

— А за «жопу» и заточку в печень можно получить и папаня с бульдогами своими не успеет помочь. Так что осторожней и за языком следи, что, и главное, кому говоришь! Ты не всегда дома сидишь, можешь и ответить за свои слова.

— А я всегда отвечаю! — Илюха явно не боится угрозы со стороны Сани, но всё же дал ход назад в словах. — Не спорю, погорячился. Но сути это не меняет.

— Меняет! — опять возглас со стороны нашего главного футболиста. — Ты, Дэса, говорил что-то про рабство. Что ты имел в виду?

Дэса — в свете Денис Леонидович Демидов. Высокий, красивый парень. Вот только этот, постоянно оценивающий его взгляд, каким он на всех смотрит. Брюнет. Нос тонкий, сказал бы, аристократический, рот большой, волевой подбородок. И волосы, словно шапка негра, такие же курчавые. Сильный, видно сразу, вот только эта бледность на лице — явно на наркоту подсел, спортсмен хренов.

— Я-то на выпуск, на следующий год. Так хотел бы шестёрку себе заиметь, но в качестве раба. Любая команда проигравшему обязательна для выполнения. Ну, кроме сексуальных, но это уже по договорённости. Как тебе, Илюха, мысль заполучить личного раба на несколько лет, в своё личное пользование? — уточняет он у своего добродетеля.

Илюха, похабненько так, улыбнулся.

— Лучше рабыню! — отвечает он. И так с провокацией в голосе добавляет: — да ведь, только зассут!

И смеётся.

Тишина.

— А ответная ставка? — задаёт вопрос наш капитан.

— А я стадион поставлю. Отец его на меня полностью переписал,

теперь это моя личная собственность.

Все прониклись. Деньги то сюда вложены очень серьёзные.

Вот только меня это всё мало касается, да и нога болит.

Сделал попытку продолжить движение вниз...

Не дали.

— Но условие одно, — добавляет Илюха. — Этот резкий, на костылях, в ставке тоже участвует.

— Как нападающий! — заржал в голос Дэса.

Я же, перевожу на него свой взгляд.

— Могу и как нападающий, но вряд ли ты моё нападение переживёшь, урод. Вчера ноги унёс, а вот сегодня, тебе может так уже не повезти. Узнаешь, каково это жить инвалидом, а то, и вовсе в инвалидной коляске.

Смех как обрезало.

Стоим, молчим.

— Ну, почему, как игрок? — раздаётся голос Илюхи. — Наш новенький еще разбирается в футболе, почему бы ему, например, тренером не пойти, если, конечно, игроки сами против не будут?

Сказал и смотрит требовательно на своего постоянного оппонента, в виде нашего капитана интернатовской команды.

А тот переводит взгляд то на меня, то на Волка.

— Нас мало. — Говорит он.

— Почему? — смеётся Илья. — Девять постоянных игроков. Волчара не откажется. Ведь так, Саня, поучаствуешь в таком эксперименте, или сдрейфишь?

Волк молчит, но, видно, как его зацепили слова пацана.

— С ним ещё двое, а это уже двенадцать. Тренер ваш новый — кивок на меня, и ещё четверых надо. У меня в команде семнадцать пацанов.

— Я пойду! — слышу я голос Серёги, — раз тренер у нас хромает, — дипломатично указал на мой недуг Серж, — то и помощник тренера, тоже может быть увечным.

— Во! Вас уже четырнадцать набралось. Ещё троих наберёте — и вперёд. Ставки равные.

— Мы пойдём массажистками! — девчачий крик.

Поворачиваю голову.

Ленки. Вот же, сучки, и куда лезут?

— Ну, ты как, новенький? Как там тебя, Ваше Высочество прозвали? — и ржёт.

Я нагло усаживаюсь в ближайшее кресло. Не могу уже столько стоять на ногах.

— А вообще, меня это каким боком касается? — спрашиваю я. — Оно мне надо?

Молчание.

— Стадион — на ваши жалкие жизни, — несёт парня. — Вы и так в дерьме и не вылезаете оттуда. Чем рискуете то?

— Свободой! — отвечаю я. — Свободой, а ты всего лишь деньгами, чуешь разницу? Ставь свою свободу на кон, против нашей, тогда и поговорим. А так, команду дадим рабу, он и стадион предоставит, для тренировок. Нахрен нам весь это геморрой? — показываю я рукой вокруг. — Что нам с этим всем делать?

Илюха не ожидал такого вопроса.

— Продадите.

Логично.

Вот только я не пойму, чего его отец в разговор не впрягается, ведь явно сына не в ту сторону понесло.

Но не лезет, наблюдает со стороны.

— Какие условия для выигрыша?

— Футбол? Сыграем и решим! — смеётся Илья. Уж больно уверен в своих силах. — У нас просто сегодня потеря среди игроков, но в следующей игре мы все будем в отличной форме.

Я же киваю.

— Не сомневаюсь, вот только я, как тренер, не успею подготовить своих игроков, если и соглашусь на твою авантюру, а потому, боюсь, Дэсе не удастся воспользоваться плодами игры и получить личного раба в своё распоряжение.

— Почему? — не понимает Илья.

— Если все согласятся, то считаю, этот матч должен пройти не сейчас и не завтра.

— А когда? — задаёт вопрос Дэса.

— Например, на следующий год. В майские праздники. На день Победы. Как вам такое предложение?

Молчание. Илюха обдумывает моё предложение.

— Хорошо! — соглашается он. — Ставки, и правда, слишком высоки.

— Но есть одно уточнение, — говорю я.

— И какое? — спрашивает он.

— Мы завтра дадим свой окончательный ответ. Мало ли, кто возьмёт самоотвод и испугается последствий проигрыша. Устраивает такой вариант?

— Конечно. Да и мне с отцом по этому поводу переговорить надо. —

Соглашается Илюха.

— Ну, тогда до завтра? — уточняю я.

— До завтра! — отвечает парень, — и это, моих людей не трогать, всё-таки договор.

— Договор! — соглашается и Волчара.

* * *

И что это было?

Иду и думаю о прошедшем разговоре.

Менять стадион на рабство! Что-то новенькое. И позиция отца этого мажора, явно напрягает. Ребята, вон, тоже идут притихшие. Даже Вован с Димоном молчат, не комментируют произошедшее. Тут и наш капитан идет, понурив голову, понимает, что шанс выиграть спор у нас невелик.

— Надо бы собраться и обговорить возникшую ситуацию! — говорю я достаточно громко, чтобы все услышали. — Давайте, после ужина на футбольном поле соберёмся и обсудим поступившее предложение.

— Скорее уж, ультиматум. — Хмыкает Саня.

— Ну, до ультиматума далеко, есть шанс и отказаться. — Вставляет свое слово вездесущий Вован.

— Засудят! — отмахивается Димон. — А спорить потом бесполезно будет.

— Судью со стороны пригласить, — робко предлагает Серж.

К моему удивлению, его предложение всех устроило, но...

— Для этого бабосики нужны, и они есть у отца Илюхи, а никак не у нас. — Намекает на толстые обстоятельства, наш кэп.

— Ладно, — подвожу итог я, — это всё лирика. Надо каждому для себя решить, соглашается ли он на такую ставку, а потом, вечером, насчет остального решим. Предупреждаю сразу, если я сам впрягусь в ваши разборы, то никто не сможет выйти из договора. У каждого своя голова на плечах. В запасе будет почти год, есть шанс подготовиться. Как? Это уже я буду решать, как тренер. Если считаете, что мне не место в вашей команде, то без проблем, у меня своего гимора хватает и ваши непонятки я разгребать не собираюсь.

— Но, — начал Саня.

— Волчара, нехер мне сейчас на мозги капать. Тут не мы с тобой вдвоём решаем, — перебиваю я его. — В общем, как сказал, в спортгородке, после ужина.

— А почему не после обеда? — встрял кэп.

— Я устал и хочу спать. Не забывай, мне тяжело ходить так далеко и постоянно на костылях быть. А так, все обдумают сложившееся положение и примут для себя самих решение. Ни на кого давить не будем. По мне, так я, с удовольствием откажусь от этой авантюры. В общем, решать вопрос участия в этом безумии каждому из нас самостоятельно. Рабство, хоть и на словах, думаю, никому не нужно. С другой стороны, ответная ставка. Но вот чувствую, друзья, сложно с ней будет. Как по мне, я бы отказался.

Всё, вот и добрались до здания интерната.

К чертям всё, ноги болят, и вновь костерю себя за охранника. Но уж больно ракурс был удачный, да и подставил он сам и нарывался на грубость. Терпеть не могу, когда меня цепляют за руки, но сам факт, что тринадцатилетний пацан валит охранника, да ещё на глазах у всех, в том числе, и друзей этого орангутанга и его босса.

Но, успокаиваю себя, не покалечил, это главное, а ведь мог металлическими палками, но удар был один, зато какой, и главное, точно в цель. Впредь наука будет — руки не распускать. А ведь видно, шугали эти оханички пацанов из детского дома. Вон, как на мои крики про судью, среагировали вначале. Боялись.

А теперь — спать! Вот доберусь до койки и поспать завалюсь, перед этим, погоняв энергию по телу. Ведь опять дал нешуточную нагрузку ногам, да и всему телу.

Обед, в итоге, прошел мимо. Серж, правда, доложил, что моя пайка зря не пропала. Он её с большим удовольствием навернул. Сегодня давали котлеты с макаронами на второе, и пропасть добру он не дал. Настоящий товарищ! А вот я проспал всё и вся.

Откликнулся только на настойчивые потряхивания Сержа за плечо.

— Вставай, лежебока! — вернул мне подколку мой сосед по комнате. — Нас ждут великие дела!

Я потянулся. На удивление, ничего не болит. Совсем. Даже дыхание задержал, чтобы лучше запечатлеть этот момент. Может, правда, нагрузки и упражнения от богини так действуют на меня?

— Обед пропустил, но на ужин придётся идти, если ты не забыл, что сразу после него у нас намечена стрелка. — Серж закрывает комп. — Кстати, семь штук принесли. Телефоны раздал, а с симками сами разберутся. Из вещей тоже уже ничего не осталось, но за них я деньги не брал.

Я согласно кивнул и, подхватив полотенце, направился в душ. Надо прийти в себя, но прежде, попросил Серого приготовить, к моему

возвращению с водных процедур, большую кружку капучино и пару бутеров с колбасой.

Сидим, кофейничаем, Серёга новостями делится, а их...

— ... шанхайские все «за». Никто не отказался. В тебя, как в тренера, конечно, не верят, но всё равно согласны под твою руку пойти. Наш кэп вначале буксовал, но с доводами ребят согласился. Да и устал он вечно за всех в ответе быть. Так и выразился. За Волка не скажу, не знаю, а вот у девчонок драка произошла. Ленки, бабс «стай товарищей» погоняли по зданию, крику было, досюда даже отголоски дошли, так верещали. В общем, Ленки-пенки, ни в какую не хотят отказываться от участия в этом споре. Димон, говорят, что-то вякнул по приколу, и тут же в ухо от их заправилы получил. На такое, все-таки, она мастерица. Ведь за интернат в сборной по дзюдо выступает. Вроде, шпилька с кепкой, а удар — мужиков с ног валит! Был тут случай по зиме. Пристали заезжие, так мало, что по мордасам им девчонки надавали, так и деньги забрали, и часы. Менты на разборки приезжали. Хохма, короче.

— А по остальным? — уточняю я.

Серый отмахивается.

— Все согласятся, я уверен. Дэса уже всех со своей компашкой достал, а тут такая возможность его опустить.

Я же вздыхаю.

— Или сами будем деръмо ложками хлебать. — Не соглашаюсь я с таким утверждением.

— Возможно, — легко соглашается Серый, — но Илюха прав. Мы, как в фильме «Такси два» — мы в деръме! А на стадион уже планы у пацанов. Кто продать предлагает, кто хочет в аренду сдавать и деньги иметь, а кто думает и то, и другое, а ещё и самим на нём играть. Сколько людей, столько и мнений, но все сходятся в одном — риск — благородное дело, и уж точно хуже жить не станем.

Я же про себя кривлюсь. Они-то, может быть, и не станут жить хуже, а мне каково?

На ужине вокруг нас вилась куча ребят. Всем что-то да надо было узнать. Но меня уже побаиваются, а потому, на все их вопросы отвечал мой назначенный зам. Я уже, про себя, Серого начал называть пресс-атташе. А что, языки знает, у самого язык подвешен и за словом в карман не лезет, верный, как пёс, в компах шарит лучше всех, наверное, в интернате. Плюс, связи есть в игровом мировом сообществе. Вот, пускай оттачивает умение отбrehиваться.

К нам за столик, тем временем, подсела Алинка.

Шикнула на Серёгу, чтобы хоть ненадолго заткнулся и, глядя на меня с усмешкой на губах, произнесла:

— Опять умудрился отличиться!

Вроде и не спросила, а именно утвердительно подвела итог очередных суток, проведённых мной в детдоме.

Молчу. Жду, что мне дальше скажут.

— Стукнули уже наверх. Директриса в курсе. Собиралась даже в полицию обращаться. Рабство ведь, но потом, вроде, передумала. Мне звонила, уточняла, как обстановка и настроение среди ребят. Потому и не стала к ментам обращаться. А ведь щекотливая ситуация, согласись.

Киваю.

— Вот и я про это же говорю, но как она потом сама выразилась, что главное, всю энергию направить в правильное и мирное русло. А спорт — это мир!

Я усмехаюсь про себя. Сам недавно эту аксиому, как лозунг выдвигал. А тут, ты ж смотри, как ввернули то удачно.

— Узнала, что тебя гвоздём программы избрали противники и без твоего согласия, договора не заключить. Сам то, что решил?

Берёт быка за рога. Понятно, доложить надо руководству.

— Демидова уже хоть и списали со счетов, но директриса опасается, как бы что не произошло нехорошего. Драка, или поножовщина. Местное хулиганье примеряет на себя образ калек — инвалидов, благодаря тебе, но место пустым никогда не бывает. Придут другие. Вот Наталья и не хочет, чтобы это место кто-то из её воспитанников занял.

— Так что? — открыл я, наконец, рот, — нам дают добро на эту афёру?

— Официально, нет, конечно. Официально, администрация ничего знать не будет. Это уже ваши договорённости между собой, но контингент интерната знать подоплётку будет и сплотится вокруг своих футболистов. — Потом хохотнула и добавила, — и их тренеров. Девки сами напросились, так что, если не прогонишь, а прогнать их будет, ой как не просто, будут теперь постоянно под твоим присмотром. Директрису это устраивает, тем более, эта троица, наверное, единственная, кто тебя ни во что не ставит и планов насчёт твоего охмурения не имеет. Пока, во всяком случае, не имеет. В общем, всем, вроде как, хорошо. Решение за тобой.

Манная каша в рот не лезет, а тут ешё и такие подробности! Возможно, аппетит перебил с помощью кофе и бутеров, но вот эти слова Алинки, по поводу администрации нашего заведения...

На меня, походу, решили скинуть всю ответственность за происходящее. Вот только, никто так и не спросил, а оно мне надо?

— Я не решил, — говорю я весьма громко. — Ещё есть время отказаться.

Алинка удивлённо смотрит на меня.

— Ты что, трусишь?

Я пожимаю плечами.

— Это так заметно? — вопросом на вопрос, отвечаю я.

— Не-ет, — задумчиво тянет она.

Я же чтобы её не мучить, объясняю:

— Спор не прост. Тухло пахнет он. Парни боятся, что нас попросту засудят. Хотя футбол — это игра и в ней всегда есть шанс на победу. Но вот своё будущее на эти годы доверять только шансу и случаю, я лично не хочу. Если увижу, что парни не прониклись ситуацией и легкомысленно относятся к условиям договора, то откажусь. Мне оно, если честно, не надо. Меня вынуждают присоединиться к заведомо безнадёжному варианту.

— Но, — поняла Алинка, что у меня есть доводы и «за», в этой авантюре.

— Но, — киваю я, — ответная ставка, и она нам даёт шанс почувствовать себя людьми. Вернуть стадион, и возможно, в последствии, заработать деньги. Но пока все эти договорённости выеденного яйца не стоят.

— Почему? — не поняла моя подруга.

— Отец Ильи. Он бизнесмен. Он вложил в стадион серьёзные бабки и ты думаешь, он так легко согласится на желание своего отпрыска выставить его в ответной ставке? Я что-то сильно в этом сомневаюсь.

Помолчали.

— Ладно, нам пора идти, — говорю я, поднимаясь из-за стола. Серого уже давно след простишь.

— С тобой можно? — слышу я в ответ.

С удивлением смотрю на Алинку.

— У вас там свой сабантуй и меня не приглашали. Посторонних не будет, но сам понимаешь.

Мнётся.

Я же, с усмешкой, смотрю на застенчиво стоящую передо мной девушку.

— Директор, да и посплетничать потом, чтобы было о чём, — говорю я.

Молчит.

— Пошли, чего уж там. Лишней, уж точно не будешь.

Десять минут ковылял на костылях до спортгородка. Алинка что-то рассказывала, но я её почти не слушал. Серый с Васяном усвистали вперёд. Он уже испросил разрешение на присутствие друга на этом импровизированном собрании. Я же всё в голове прокручивал события сегодняшнего дня.

Это пари, этот спор, и вытребованный с меня договор. Есть шанс отказаться. Уж больно, и правда, от него тухлятиной тянет, но и азарт берёт. Такое поле для экспериментов с силой богини! Физически натаскать парней, подкормить, и поставить удар. На ворота — Волка, и тоже настропалить, чтобы всё летящее ловил. Шанс есть. А чтобы увеличить этот шанс, надо настоять, чтобы все готовились к матчу в полном формате. Два тайма по сорок пять минут. Потом, если надо, дополнительное время и серия пенальти, если ничья на табло стадиона будет висеть.

Табло, хоть и не работает пока, но, вроде, говорят, что вот-вот подключат. Серьезно Илюхин папа к ремонту и оборудованию стадиона подходит.

Вечер. Мошкара. Комарья. Веточку с тополя мне Алинка обломала, чтобы была возможность отмахиваться от этой кровососущей дряни.

Добрались. Две скамейки заняты. Сидят ребята и что-то обсуждают. Вокруг, на ногах, ещё несколько человек примостились. Жестикуляция есть, но сильных криков не слышно. Всё более-менее мирно идёт.

Подходим. Нас уже давно заметили. На лице Сани удивление. Явно не ожидал в паре со мной Алинку увидеть. Другие ребята тоже притихли. И только три Ленки зло и независимо, смело смотрят на местного авторитета в юбке.

— Всем привет! — заново здороваясь я.

— Привет! — хором отвечают парни, а девчонки просто скалятся в улыбках, но больше всё-таки они за реакцией Алинки следят.

Нам дали присесть на скамейке. С правой стороны Алинка, с левой — Серж себе место около меня отвоевал. Бригада Волка стоит напротив меня. Все ждут, что же я им поведаю.

А мне особо и сказать то нечего.

— Чего решили? — прямо спрашиваю я. А чего тянуть?

— Решили дать бой. — Выступает вперёд Кэп. — Волк с нами. С тобой набралось семнадцать ребят, но эти трое...

Кивок на Ленок и тут же наш футболёр получает подзатыльник от самой боевой Лены.

— Осторожней! — командую я, — вы, Елена Прекрасная, у моего центрального полузащитника мозги отобьёте. А ему, по определению, на

поле больше думать положено, чем бегать.

— Откуда у него мозги появились? — состроила рожицу красотка.

Я примирительно поднимаю руку вверх.

— А теперь, конкретно и по фамилиям. Список где?

Молчок. Всё с недоумением воззрились на меня.

— Так. Самоотводов нет? — уточняю я, и уже Серёге:

— Пиши на телефоне протокол собрания. Потом распечатаем и дадим подписать меморандум. А пока, конкретика. — Вглядываюсь в лица ребят. Решимости валом, эмоций куча, вот только трезвого расчета, увы, ни у кого не видать. Даже Волчара, и тот проникся общим настроением. — У кого есть отвод по мне, как к тренеру и моему помощнику? — киваю на Серёгу.

— Нет! — слышится отовсюду.

— Предупреждаю сразу, буду требовать выполнение моих команд на полном серьёзе. И ещё, потом выйти из команды никто не сможет, во всяком случае, на своих двоих. Лично покалечу, потому что, в этом случае, вы подставите всю команду под удар. А потому, ещё раз спрашиваю, все добровольно решили поучаствовать в ответной ставке, ставя на нее, не что-нибудь, а свою жизнь!

Проняло. Задумались.

— Раз молчите, значит, все согласны. А теперь, каждый из вас принесёт слова клятвы. И не смешно. Проверте, отступников мы судить будем всей командой, пощады не ждите, в случае попытки уклониться от выполнения взятых на себя обязательств. И это, в первую очередь, будет касаться именно тренировочного процесса, а так же нагрузок. Я обращаюсь к ребятам, которые живут в шанхае.

Тишина. А я продолжаю нагнетать, главное — это моральная накачка. Опыт есть — на войне, как на войне.

В итоге, никто не отказался от участия в этом безумии. Никто не выразил сомнения по отношению ко мне, как к своему тренеру. Девчонки, и вовсе, после произнесения клятвы, расцеловали меня в обе щёки и только Алинка просидела на скамейке весь вечер, не произнеся и слова.

А слова у клятвы были простые:

Я, такой-то, такой-то, клянусь выполнять требования тренера и делать всё от меня зависящее, для достижения победы в матче. Соглашаюсь поставить в качестве взноса, свою свободу.

И привет. Красиво, просто и торжественно. А ведь права Алинка, вон, как лица у ребят светятся. Это означает, что они объединены единой мечтой, делом, и соответственно, ответственностью.

Последним давал клятву я.

Боги, как же мне не хотелось этого делать! Опыт имеется, но деваться было уже некуда.

Пообещал заботиться о своих подопечных. Следить за их здоровьем ну и, конечно, обеспечить всем необходимым, по возможности.

— Эта клятва распространяется и действует только до мая следующего года, до момента, пока не сыграем матч, который всё и решит. — Говорю я. — А вот если выиграем в этом споре, тогда появятся определённые варианты, которые мы с вами обсудим, если будут условия, — оглядываю ребят, — возможно, у нас есть будущее, во всяком случае, на соревнованиях города мы можем попробовать выступить, а там, чем чёрт не шутит, и на краевой уровень выйдем. И не стоит забывать, друзья, что есть возможность попытать счастье и на Всероссийском первенстве, как там оно называется, это соревнование, вроде, кожаный мяч. Помню, команда из Хабаровска из посёлка Горького с названием «Заря», не только по России выиграла первенство, но и потом участвовала в соревнованиях, проводимых в Германии. Со сверстниками играли, правда, увы, вроде не очень успешно за рубежом выступили, но сам факт.

Парни присмирели, слушая об открывающихся перспективах.

— В общем, братва, у нас есть к чему стремиться и куда двигаться, но вначале — бой на день Победы. И проиграть его мы не имеем права!

Я кидал лозунги, морально настраивая ребят на серьёзную работу, хотя у меня теплилась надежда, что отец Илюхи прекратит всю эту вакханалию. Всё-таки, денег он в стадион вложил прилично.

Вечереет. Немного позанимался, но без фанатизма. Завтра опять переговоры с представителями команды противника, и что-то мне подсказывает, что эта беседа легко не пройдёт!

Вернулся к себе в комнату. Есть мысль звякнуть Карловичу. В свете последних дел, вариант со спортзалом заиграл новыми красками. Даже просто собрать ребят и проводить над ними эксперименты по методикам богини сейчас мне негде. А потому, вопрос с ремонтом того же зала для танцев или занятия боксом, актуален, как никогда. Вот вопрос. И осталось решить, а деньги, откуда брать?!

Вот и надо уточнить, может случиться так, что крайние выплаты мне пойдут? С этих деловых, где сядешь там и слезешь, а потому Карловича на связь, а Серёгу отправим погулять, нечего ему наш возможный разговор слушать.

Глава четвёртая

Есть, есть ещё шанс отказаться. Ведь на «слабо» развели, хотя какое слабо? Мне пофиг на местные разборки, но эти глаза ребят, горящие решимостью...

Плююсь про себя. Лежу на кровати, размышляю. Энергию по телу погонял, сжигаю калории, как могу.

Серж усвистал к ребятам. Он теперь фартовый — целый зам тренера по футболу сборной интерната. Звучит! А если ещё приплюсовать проданные за бесценок друзьям телефоны и раздачу неплохих шмоток с поверженных противников, и вовсе получается, парень, приближённый к императору.

Правда, сам этот император судорожно ищет выход из сложившейся ситуации и, к своему ужасу, не находит его.

Да, бывший спецназ. Полковник. Чего только в жизни не повидал, но, может, это детское тело так на мозги влияет? Я не нахожу аргументы, чтобы безоговорочно отказаться от этой авантюры, хотя и понимаю, что шансы на положительный, для нас результат, минимальны.

Если даже удастся за это время подготовить ребят, то вот стопроцентно исключить подстроенную судейскую ошибку у меня получится вряд ли. И как это объяснить детям я не знаю. Нет, могу просто сказать, что это развод, и что нас на эмоциях обыграли, причём, весьма профессионально. Возможно, что эта подстава уже давно рассматривалась, теми же Дэсой с Илюхой.

Но вот после вечерней сходки, у меня остаётся только одна надежда, и эта надежда связана с отцом капитана команды противника. Деньги он реальные вложил в восстановление стадиона. Стотметровое здание, пускай ещё внутри подтрибунного помещения ремонт не сделан, а ведь это тоже серьёзные деньги, особенно для Комсомольска, всё-таки цены тут кусаются на всё. Территория приравнена к территориям Крайнего Севера и северные надбавки тут платят работягам, как и накидывают наценки на весь товар наши купчины.

Теплится надежда, конечно, но и чувство крепнет, что не всё так просто с этой, по сути, проведённой Дэсой и Илюхой, провокацией.

Зачем меня цепляли? Морду начистить наглому новичку и так можно. Уже пытались, пускай и неудачно. Так, что тогда?

Завтра попробую разобраться. Ребят предупредил, если я пойму, что

это чистой воды развод, то от имени всех откажусь от участия в авантюре.

Но появилась у меня в голове и другая мысль — футбол и всё то, что связано с ним. Мне тут, в интернате, ещё целых четыре года трубить, но и после окончания школы, есть шанс тут же при интернате остаться, тем же тренером, если мне, конечно, такая работа понравится и она окажется денежной.

А вот насчет денежной, есть мысль и чем дальше я её мариную у себя в мозгах, тем сильнее опасаюсь своих выводов, хотя, если честно, эти мысли меня вдохновляют.

Цены на футболистов. В настоящее время футбол, как таковой, это очень серьёзный бизнес, и очень доходный, осталось продумать, как подготовить талантливых игроков, чтобы за них ведущие команды страны и мира захотели заплатить мне бабки. А то, что я не альтруист, это точно. Но для этого надо и вложиться на первом этапе. И основные траты связаны, как раз с базой, на которой я бы мог готовить этих футболистов, и чего там, тешу себя мыслью с надеждой, что и сам смогу вскоре бегать и играть в эту прекрасную игру.

Вопрос такого заработка заставил меня мечтать. А почему, собственно, нет? Вопрос учёбы, как тренера. Дальше, как пристроить свои возможности в вопросе подготовки пацаны и главное, как о себе заявить? То, что создать свою команду и выступать в чемпионате России, даже в нижних дивизионах, нечего и мечтать — это понятно.

Пока мы дети, есть различные турниры, причём и всероссийские. А вот когда подрастём, повзрослеем?

Но и на счёт этого у меня есть мысль, её просто надо обдумать и развить до приемлемого плана.

А пока встаёт вопрос, где же нам тренироваться и главное, где взять помещение, чтобы я мог без палева применять к ребятам техники богини. Вот проблема. И в свете всего этого, встаёт в полный рост проблема ремонта помещений цокольного этажа этого старого здания, а возможно, стоит впрячься в восстановление и старого спортивного зала.

Цена вопроса серьёзна. Под лям баксов точно уйдёт на всё, если не больше, и надо учесть, что основные материалы и оборудование, как бы с запада не пришлось везти, а главное, тех, кто такие работы выполнить сможет. Не надо забывать про высоту потолков в спортзале. А раз эта проблема имеется, то стоит искать возможности её решения.

И чувствую, даже после окончания школы, если у меня выстрелят мои задумки, квартирка в этом старом здании станет на несколько лет мне домом. Так что ремонт выбранного помещения я, уж точно, отменять не

буду.

А теперь, телефон в руки и отзвонимся мы пока Карловичу.

Гудки идут. Трубку никто не берёт.

Серж проинструктирован, что пока я ему сам не отзвонюсь, он в комнату ни ногой.

Заинтригован, конечно, но возмущаться он не стал, тем более, ему есть чем заняться.

— Ты чего в такое позднее время звонишь? — бурчит в трубку адвокат.

Я кинул взгляд на руку, часы показывают десятый час.

— Ещё детское время! — произношу я. — Здравствуйте, уважаемый Иннокентий Карлович!

— И тебе не хворать! И вообще, кому-то завтра с утра на работу. Это у тебя лето и каникулы. Ладно, как ты там устроился?

Я вздыхаю, вспоминая о моих последних, совсем не обязательных приключениях.

— Спасибо, отлично, но есть некоторые вопросы, решить которые можете помочь мне именно вы.

— Я? — пауза. Видно, обдумывает мои слова Иннокентий, по-простому дядя Кеша. — Со слов Даниловича, тебе там не очень понравилось. — Хохотнул старый еврей.

— Привыкаю. Начинает нравиться, — отзвался я. — Но есть пара тем, если решить которые, мне тут ещё больше понравится.

— Даже так? Интересно. И что за темы? Саша об этом промолчал.

Я сделал отметочку. О моих планах сделать тут, за свой счёт, себе приличную квартирку, Данилович не проговорился, хотя, если честно, я его и не просил никому не говорить о моих планах.

— Да. Но прежде я хотел бы поинтересоваться на одну тему.

— И какую? — заинтригованно спросил Иннокентий Карлович.

Я про себя перекрестился.

— У меня грандиозные планы на деньги, которые вы мне выплачиваете по факту нападения на меня. Хотел бы уточнить, — а потом, словно с головой в омут, — до какого момента вы собираетесь мне деньги на счёт пересылать?

Молчание. Пауза явно затягивается.

— Скажи мне, Андрюша, — вкрадчивый голос с того конца «провод», — случайно, во время аварии, в тебя демон какой-нибудь не вселился?

Я чуть в осадок не выпал от таких уточнений.

— Вы, Иннокентий Карлович, явно перечитали фантастики. И с чего

вы сделали такие выводы?

Я себя чувствую не лучшим образом. Ведь почти угадал, еврейская рожа!

— Твоя способность держаться, общение со старшими, авторитет которых ты ни во что не ставишь, умение стоять на своём, а теперь и аналитикой выделился.

О! Я явно в яблочко попал.

— Всё очень просто. Жизнь учит, а деньги ещё и развращают, сплошь и рядом люди нарушают договора. А тут, вроде, пацан, так почему бы не кинуть?

Карловича разговор уже не забавляет.

Молчит, обдумывает мои слова.

— Да, была такая мысль. — Вздыхает он в трубку. — У фирмы финансовые проблемы.

— Но мои финансы и ваши тут никак не состыковываются. Это вы на мне неплохо поднялись, — напоминаю я.

— Мы тобой просто воспользовались, и резон в твоих словах, соглашусь, есть, но ты понимаешь...

Вот только договорить я ему не дал.

— Иннокентий Карлович, — обратился я к нему, — у меня есть предложение, которое успокоит вашу совесть.

— Совесть?! У меня?! — смеётся Карлович. Потом резко обрывается. — Пора, чувствую, синагогу посетить, раввина насчёт тебя поспрашивать и уж точно, душу успокоить. — Помолчал немного. — Чего ты хочешь?

Я, очередной раз, перекрестился про себя.

— Я тут решил серьёзно обосноваться, может быть, и в будущем связать свою жизнь с интернатом и работой с детьми.

— Интригующее начало! — подбодрил меня Карлович. — Дальше.

— В здании, в котором я поселился, много свободных помещений, которые в будущем я хотел бы использовать по своему усмотрению. Но проблема в том, что как здание, так и помещения, требует ремонта и если фасад более — менее привели в порядок, то внутри — полная разруха.

— Короче, ты хочешь сделать в нужных тебе помещениях ремонт?

— Да. — Отвечаю коротко я.

— И понимая, что мы можем кинуть тебя по бабкам, решил провести этот ремонт на деньги, которые мы тебе должны, но которые, ты уверен, в полном объёме не получишь?

— Да...

Молчание. Думает. После паузы, произнес:

— Мы решили тебе всего ещё один месяц проплаты делать, а потом... ну, ты, я смотрю, мальчик понятливый, просек, что к чему. А по поводу ремонта, — вздох. — Ты хочешь застолбить за собой эти, тобой, вернее, за твой счёт, отремонтированные помещения?

— Да.

— Тогда, дай мне час. Я переговорю кое с кем. Так получилось, что босс у меня в гостях находится. — Думаю, чтобы успокоить нашу совесть мы согласимся, но ремонт, в случае положительного решения, будет проводить именно наша фирма своими силами. Может, кого в Комсомольске привлечём. Нам это выгодно. Что хоть за помещения?

— Спортзал, два зала поменьше, бассейн с комплексом бытовых помещений. Потом, зал под жилую квартиру с балконом, ну и лестницы с пролётами на два этажа.

— Ну, у тебя и аппетит! Так ты все наши долги вытянешь!

Помолчали.

— Я тебя понял. Жди, отзовюсь сегодня.

И отключился.

Я же, лёжа на кровати, перевожу дух.

Вот же, как знал! Суки, кинуть хотели!

Хотя, чего удивляться то? Тут молодой лошара, за которым никого нет, да и деньги у них уже, с какого хрена им делиться то? Я вообще удивлён, что эти деньги шли.

Но расстраивает факт того, что всё-таки основная сумма пройдёт мимо кассы. Это ещё хорошо, если согласятся на проведение ремонта, а если, нет? Что я им могу предъявить? Ничего! Разве что, грохнуть уродов и получить от этого моральное удовлетворение.

Но это теперь не наш метод!

Час. И чем заняться?

Поспать? Надо Сержу звякнуть. В случае чего, разбу...

Вот только додумать не успел. Серёга позвонил сам.

Странно. Не должен был.

Отвечаю:

— Чего хотел? Я же просил! — наехал я на своего соседа по комнате.

— Да тут, — испуганный голос Сержа в трубке, — короче, к тебе гости пожаловали, никто не смог им помешать.

Я напрягся. Вот и очередные проблемы. Можно, впрочем, железную дверь на замок закрыть. Замучаются ломиться.

— Кто? — спрашиваю я.

— Отец Илюхи, собственной персоной. Один, с пакетиком в руках.

Охранники у крыльца, возле машины остались.

— Почему решили, что ко мне? — изумился я.

— Спросил, в какой ты комнате обитаешь. Алинка его ведёт.

Вот так расклад.

Закрываться я не стал. Явно развязка сегодняшнего безобразия наметилась. Папаня, явно не просто так ко мне в гости направился.

Хотя, какого чёрта я ему сдался? Его сынок это безобразие затеял, просто бы запретил сыну хернёй заниматься, а тут, лично ко мне.

Опять же, почему именно ко мне? Ничего не понимаю!

Да чего страдать, сейчас всё и узнаю!

Ждать пришлось недолго. Вначале шаги и тихий говор послышался со стороны коридора, а потом в дверь тихо постучали.

— Андрей! К тебе можно? — голос Алинки из-за двери.

— Входи, красавица, — кричу я. — Мне только тебя и не хватало.

— Я не одна!

— Знаю! — отвечаю я честно. А чего строить из себя непонятливого и незнающего. Быстрее до сути дела доберёмся.

Дверь открылась и в комнату заглянула подруга.

— Тогда, я пошла, а вы уж тут сами. Проводить человека позовёшь Серёгу. Он на вахте, с пацанами что-то обсуждает.

В комнату вошёл прилично одетый мужчина. Моего возраста, прошлого. Уже явно за сорок, вернее, к полтиннику ближе. Видно, Илюха поздний ребёнок, а потому, балованный и любимый.

Засада!

— Позволишь? — мой поздний гость рукой указал на стул.

— Присаживайтесь, конечно, — говорю я, вставая. — Может, кофе?

Мужчина окинул быстрым взглядом комнату. Заметил кофе машину на подоконнике.

— Если не сложно, то чёрный и без сахара. Я тут немного, как раз к чаю взял. — И выкладывает из пакета пару пачек корейского Чоко пай.

Я, на костыле, принялся ухаживать за гостем. Правая нога на удивление не болела, даже когда я на неё весь вес переводил.

Отлично!

Настроение взлетело ввысь.

Уселись около моего школьного стола. Пара чашек кофе, причём, я себе с молоком навёл, и сахара не пожалел, рубаю пирожные в шоколаде и мельком рассматриваю гостя.

Крепкий, не старый, походу, ещё мужчина. Сединой виски обдало, но у брюнетов это обычное дело. Одет, сразу видно, в дорогой спортивный

костюм. Фирму так с наскока не определю, а вот кроссовки от Адиdas.

— И что вас привело, в столь поздний час, ко мне? — уточняю я.

Тот только хмыкнул на мой возвышенный слог.

— Познакомиться, хотя я тебя и так знаю.

Я улыбнулся.

— Крики про продажного судью? — уточняю я.

— Раньше, намного раньше! — ухмыляется мой гость.

Я же удивлённо вздыхаю брови вверх.

— Дела имел с твоим отчимом. Даже пару раз у вас в гостях в Хабаровске был и тут на квартиру заезжал. Но ты меня, наверняка, не помнишь. Ты же всё больше по компьютерам!

Понятно.

— Но это не объясняет причину вашего появления у меня, — произношу я. — Сегодняшнее безобразие? — делаю предположение я.

— В точку! — улыбается он. — Вернее, его подоплётка.

Я вообще ничего не понимаю!

— Как ты относишься к самому факту этого спора?

Я пожимаю плечами.

— Бредятина.

Тот лишь усмехается.

— Я согласен с твоим определением. Вот почему и пришёл обговорить общие условия.

— Зачем? — не понимаю я.

Отец Илюхи, только вздыхает.

— Сын сделал, не спорю, глупость. Большую глупость, и если станет где-нибудь известно о предмете спора, то боюсь, у меня будут большие проблемы, впрочем, как и у директора вашего заведения. Ты с этим согласен?

А вот в этом ракурсе я как-то не думал. А ведь и правда, стоит только об этом безобразии узнать писакам — и всё, заключают.

— Но можно всё выставить, как детские приколы? — произнес я.

Собеседник мой только скривился.

— Удар по имиджу сына, его авторитету, а потому, он никак не хочет идти на попятную, даже слышать не хочет меня и мои доводы.

Я пожал плечами.

— Давайте, я откажусь и всё, в чём проблема?

— А твои парни?

Я отмахнулся.

— Отбрешусь. Перебесятся.

Мужик губы сжал, обдумывает моё предложение.

Я же добавил:

— Но вы, в этом случае, гарантируете, что со стороны Ильи и его друзей не будет провокационных заявлений, типа, мы испугались. Мне не хочется обижать своих новых друзей.

На что этот, ещё не старый человек, честно ответил:

— Этого как раз-то, я обещать не могу. Сам же понимаешь, что тут за контингент собран.

Помолчали.

— Есть ещё один вариант, — произнёс, задумчиво, мужик.

— И? — коротко спросил я.

Меня, в принципе, и первый вполне устраивал. Спортзал я уже решил восстанавливать, и попытаться создать свою команду футболистов. А также, попробовать на этом хорошо заработать.

— Я вложил огромные деньги в сына и в его увлечение спортом, в частности, футболом, и так просто терять эти деньги я не намерен.

— А я тут причём? — не понимаю я. — Вроде, это ваш сын был инициатором столь одиозного пари?

— Не спорю, но я говорю про другое. Я предлагаю тебе поставить ответную ставку.

Оп-па! А, оказывается, моё материальное положение, серьёзным людям, отлично известно, да и чего удивляться, когда такие разборки были по активам моего отчима?

— И что же вы конкретно предлагаете? — интересуюсь я.

* * *

Ну и расклад!

Мой необычный гость выжидающе смотрит на меня. Третья чашка кофе им уничтожена, крепкий мужик.

Его предложение несколько необычно, вот только при таких условиях я точно из этого пари выхожу, и парням выставить кроме себя нечего, да и стоит ли?

А высказал он мне следующее:

— Есть два варианта развития событий. Первый — оптимальный. Ты ставишь равную ставку с моей. Я выставляю стадион. Увы, но отказаться от ремонта трибуны и его помещений я уже не мог. Я не в состоянии отложить сделку. Деньги ушли, но сами работы можно скорректировать. По

кругу, всё про всё мне обошлось, с одной стороны, не очень дорого, сам стадион, и вовсе за долги отдали. В общем, прошу двенадцать миллионов, естественно в рублях. Не бог весть, какие деньги!

Я же морщусь про себя. Я чувствую, больше на свои помещения и квартирку тут потрачу, а здесь целый стадион, и правда, не столь уж большие деньги. Сказывается, видно, отдаленность спортивного сооружения от центра города. Да и сам город, всё-таки Дальний Восток, кому тут что надо?

— А второй вариант развития событий? — уточняю я.

— Второй... — скривился отец Илюхи.

И, кстати, познакомились. Станислав Ильич. Илюху в честь деда назвали.

— Слухи уже разошлись среди местных, и, как понимаешь, в современном бизнесе сложно достичь определённых высот и при этом не нажить врагов. Конечно, сейчас не девяностые, но отношения в сфере бизнеса можно охарактеризовать все одним словом — террариум!

Я улыбаюсь, кивая в ответ. Он понял, что с его выводами я согласен и продолжил свои объяснения:

— Группа, так сказать, товарищей, готова выставить в ответной ставке. Все любят спорт, и по мере надобности, они будут пользоваться стадионом, но, увы, не так часто, а потому готовы, в память о твоём отчиме, вернуть его, я имею в виду стадион, детскому дому. Выставляются каждый по миллиону, — он посмотрел на меня внимательно, — есть шанс поддержать любителей спорта, миллион — это не двенадцать на одного, но при этом у тебя будет прерогатива в отношении использования стадиона.

Умеет убеждать.

— А что я парням скажу? Они, между прочим, в случае победы, на дивиденды от его продажи надеются.

Тот лишь хохотнул.

— А кому вы его продавать собираетесь? Это Комсомольск! Кому тут это надо? Государство обратно эту развалюху вряд ли себе на баланс поставит. Стадион — это ведь огромная дыра в бюджете. Деньги на нём сложно заработать. Нет, конечно, поиграть на таком поле многие согласятся, но на халяву. Я, думаешь, почему на такой дикий спор введусь? Мне деньги, вложенные в него, вернуть надо.

— А как же Илья? — удивляюсь я.

— Ещё три — четыре года и выпорхнет он из семейного гнёздышка. И что прикажешь со стадионом тогда делать? Выдающимся футболистом ему не стать, нет у нас на Дальнем Востоке для этого никаких условий. А чтобы

стать спортсменом, за которого согласятся выставить хорошую сумму топ-клубы, надо быть в спортшколе где-нибудь в Москве или Питере. К тому же, между нами, я собираюсь на ПМЖ за границу умотать. Это не секрет, так что лишние миллионы, даже в рублях, мне не помешают.

— Не понимаю тогда, чего вы от меня-то хотите? — спрашиваю я прямо.

Он внимательно посмотрел в мои глаза. Я, даже со своего немалого опыта, неуютно себя почувствовал.

— Я хотел бы, чтобы ты не отказывался от этого, хоть и нелепого, но пари. Если сделаешь так, чтобы этот спор Илья не потерял, — пауза, — два лимона сверху. За тебя я ставку обеспечу. Дам денег.

Я изумлённо смотрю на этого наглого дядю.

— Я же не сам играть буду! — разводжу руками в стороны.

Тот кривится.

— А игроков я не рискну подговаривать. Мои оппоненты не дураки и такую возможность полностью нивелируют. К тебе ещё обратятся, я в этом уверен.

— Если я лично откажусь от этой афёры? — уточняю я.

Тот пожимает плечами.

— Серьёзные деньги на кону, — напоминает он.

Помолчали. Я же про себя думаю, как нагнуть этого наглого товарища.

— Выставить ставку с вашими оппонентами — дело заманчивое, но тратить на это деньги я не собираюсь. Свои деньги. — Наконец-то принимаю я решение. — Но, даже взяв ваши деньги, я приложу все свои силы к победе нашей, детдомовской команды. Без ставки, в свою очередь, я в спор ввязываться не буду. Хотите рискнуть — милости прошу, поддержу всеми силами хорошее футбольное противостояние.

Пауза.

Мужик смотрит на меня изумлённо.

— Мне говорили, что ты нагл безмерно и заносчив не по годам, а тут воочию в этом убедился! — он покачал головой. — Ай, ай, ай! И не стыдно тебе? За мои же деньги хочешь меня же поиметь!

— А вам не стыдно было обращаться ко мне с предложением, предать друзей — товарищей? — спрашиваю я.

Ильич пригубляет стакан, делая маленький глоток остывшего чёрного кофе.

— Без ставки ты участвовать в игре не желаешь?! — резюмирует мои слова отец Илюхи.

Я киваю.

— Никакого желания! — честно отвечаю я. — Вы сами, без нас, пацанов, разве не можете решить свои споры? Зачем детей то привлекать? — не понимаю я.

— Так безопасней для всех. У ребят моего Илюхи есть опыт. У вас — страсть к игре. Чем не попробовать разыграть ставку, тем более, стадион мне, и в правду не нужен. Это — как старый чемодан без ручки. Он постоянно денег требует. Сторожа, уборка, поддержание фасада здания в нормальном состоянии, я уже не говорю про ремонт подтрибунного помещения. Я там, кроме раздевалок, хотел спортбар устроить, но запретили — близость общеобразовательного заведения. В общем, в убыток.

— Ну, а мы тут причём? — задаю я резонный вопрос.

Тот пожимает плечами.

— Так звёзды сложились. Вы нейтральны к нашим разборкам, а тут спор на ровном месте!

Я же скривился.

— Что-то не верится мне в такие совпадения! А вот то, что всё было подстроено, — я ухмыляюсь, глядя на местное подобие российского дальневосточного олигарха.

— Об этом уже история умалчивает! — буквально в открытую, подтверждает мои подозрения Станислав Ильич. — Но что это, собственно, меняет? Пари заключено, хоть и пока не подтверждено с вашей стороны. Получилось даже лучше, чем задумано. Если честно, я рассчитывал на твою общую большую ставку — молодые не умеют давать оценку большим деньгам. Думал, что поведёшься, но тут, и вовсе ещё лучше всё сложилось. Впряглись мои недруги, хотят досадить, да и деньги небольшие для нас, а сколько азарта?! Что же касается самого футбола, матча и подготовки к нему, я тебе гарантирую, что Илье я не позволю и не дам денег и своего согласия на привлечение специалистов к тренировочному процессу и прослежу, чтобы даже ваш физрук не впрягался в вашу подготовку. Тренировки проводить будешь ты и только ты. Не знаешь как? Для этого есть интернет. Изучай, хотя там, если честно, по этому вопросу информации минимум, среди вороха всякой попутной баланды. Что-то стоящее выудить, а потом использовать, будет крайне сложно. Но всё теперь упирается в тебя. Твои парни, в принципе, готовы рискнуть всем, а что у них есть? Во-от! Но мне и моим оппонентам нужны гарантии честной борьбы. Последний матч я снимал на камеру. Игра ваших парней моих противников устроила, а ещё больше твои слова о подготовке и переносе сроков матча. Есть шанс проследить подготовку, вот почему я и предложил

тебе деньги за некоторые услуги, от которых ты почему-то отказался. Хорошие, между прочим, деньги — машину хорошую себе можно купить.

Меня же зацепил в его словах другой аспект.

— А ваши противники ведь не сразу согласились поддержать пари? — задаю я ему вопрос, глядя в его, начавшие бегать, глаза.

О, да! Похоже, он своих оппонентов развёл, как кроликов! Сыграл на их азарте и любви к риску.

— Для них эта ставка меньше суммы, которую они обычно просаживают за один вечер в казино. Это для тебя деньги, а для них, своей кукле пудру купить носик попудрить не хватит этих денег. Так что, это так, с их стороны попытку сделать, за компанию, немного насолив мне.

Я молчу, и так, как бы невзначай, на время на часах у себя на запястье посматриваю, мол, намекаю, что пора и честь знать.

Но, увы, Ильич был настроен решительно и без договорённости о моём участии в авантюре уходить не собирался.

Ну, тогда пускай сам решает, подумаешь, не двенадцать, а одиннадцать лямов получит.

Смотрит на меня выжидающе, а я зеваю демонстративно, показывая, что устал и хочу спать.

— Ставку сам ставить ты не будешь? — наконец-то задаёт, теперь уже он, прямой вопрос.

— Не-а! — зеваю я.

— А если я за тебя выставлю счёт?

— Я вам уже сказал — футбол игра честная, предавать своих я не собираюсь.

— Если выигрываете, эту ставку вернёшь? — спрашивает он.

Я мотаю головой.

— Парням я из чего платить буду? — задаю я вопрос.

— Как платить?! — изумляется он.

— А так! — отвечаю я нагло. — Резона им так сильно корячиться на тренировке не будет. А вот десять тысяч в месяц каждому, думаю, и подхлестнёт их энтузиазм в этом вопросе. С нашей стороны — семнадцать ребят вместе со мной. Сто семьдесят тысяч в месяц на всю команду. Так своим оппонентам и скажите. Без оплаты нашей работы матча не будет. Мне всё равно, кто платить будет, вы сами, или ваши друзья, или враги, кто они там вам? Я всё сказал, Станислав Ильич, и теперь я хочу спать, а мне ещё мыться надо. Простите, что выгоняю, но ночь на дворе. Решайте — я вам все сказал. «Да» — мы в деле, «нет» — ищите другие варианты наёгнуть ваших противников. Стадион вещь хорошая, но мне он и задаром

не нужен! — вру я. — Сами сказали, что его содержание мне в копеечку выйдет, а оно мне надо?

Крыть мужику нечем.

— Я подумаю, — пауза, — до завтра. Номер твой у меня есть, позвоню до обеда, точно. Мне просто надо переговорит с моими, — опять заминка, — сотоварищами. Тебя же прошу, Андрей, пока к Илье не ходи, пожалуйста. Выспись там, у вас же каникулы!

Да уж, каникулы. Завтра понедельник, опять начнётся знакомство с новой школой, преподавателями, воспитателями. Алинка ведь предупредила, что директриса лично меня завтра песочить будет за мои последние прегрешения.

Прощаемся. Ещё минут десять проходит, стук в дверь и голос Серёги слышится:

— Можно?

Во, как я зашугал своего соседа по комнате или его испугали мои посетители?

— Заходи, чего прячешься? — раздражённо говорю я.

Один, слава богу. Васяна, видно, по дороге отшли.

Смотрит на меня обеспокоено.

— Ты чего такой?

— Какой? — не понимаю я.

— Злой и задумчивый, — отвечает Серж.

— Проблемы на ровном месте задолбали. Не хочется чувствовать себя пешкой в чужой игре, особенно, когда эта игра помоями воняет!

— Чё за игра? — уточняет Серж и предлагает:

— Может, почёвничаем? — иотом хитро так на меня зыркнул, — а то колбаса пропадает.

— Давай! — киваю я. — Но я в душ, ополоснусь перед сном, а ты мечи на стол.

Водные процедуры явно затягивались. Я снимал общее напряжение организма, и совсем не так, как, наверное, многие подумали. Просто стоял под контрастным душем, резко меняя температуру воды, и гонял энергию по телу, пользуясь приёмами, показанными мне богиней.

Подзадержался.

А всё-таки отлично получить в награду новую жизнь, молодость, при этом, сохранив опыт прошлой жизни.

Прошлой.

А ведь я пока там ещё жив. Как раз получил направление в Ростов-на-Дону и через декаду в районе Горловки со своей группой окажусь.

Серж меня ждал у накрытого стола. Себе, засранец, кофе навёл на кофе-машине, а меня же ждал майский чай.

— ... условия предстоящего матча и подготовка к нему кардинально изменились. Замешаны серьёзные деньги.

— А мы-то тут причём? — задал вопрос, очень удивленный, Серёга.

— Мы вовремя подвернулись, — вздыхаю я, — и умело подставили, но не нас. На нас поставили крупную сумму. Ставки — десять лямов, даже чуть больше, сделали. Таким нехитрым способом, батяня Илюхи решил бабосики, потраченные, как оказалось, напрасно, за стадион вернуть. Нашлись дураки, кто не пожалел своей обычной кубышки для казино и вот, в итоге, мы — в заднице.

И что теперь? — уточняет Серж.

А что теперь? Теперь просят не отказываться от пари. Мы, типа, нейтральные и ни на чьей стороне быть не можем, тем более, есть у всех детдомовских, за небольшим известным исключением, и личная эмоциональная заинтересованность в этом деле.

Умнейший Серж ухватил главное в моих словах.

— Только эмоциональная? А материальная? — уточняет он.

Я же только усмехнулся.

— Я поставил условия нашего согласия на эту авантюру, если каждому из участников, во всяком случае, с нашей стороны, в месяц будут платить что-то типа заработной платы, которую я уже буду вам выплачивать, в зависимости от ваших усилий и успехов. На шару никто денег не получит, ни копейки.

— И сколько? — задал для многих животрепещущий вопрос Серж.

— Я запросил по десять тысяч на каждого. Знаю, что немного, — успокаиваю я Сержа, видя его ошеломлённое лицо.

— Да для местных это огромные деньги! Они все... мы все, — поправился Серёга, — землю грызть будем!

Я посмотрел на него удивлённо. Да, что-то я упустил этот момент, забыв, КАКАЯ тут у ребят месячная стипендия.

— А теперь, зам и мой прессатташе, слушай первый приказ! — напустил я строгость в голосе. Командовать у меня всегда отлично выходило. — За сегодня, максимум, до завтра, всем нашим ребятам доводишь эту информацию. Можешь лично побеседовать с каждым, а можешь по телефону общаться, но я хочу спать, так что не мешать. Вопросы?

— Всё понятно, всё будет тип-топ! Оформим в лучшем виде. Деньгам ребята очень обрадуются.

— Ну и отлично! Очень бы мне не хотелось, завтра лично всем объяснять сложившуюся ситуацию, да и понедельник завтра, а понедельник, по определению, день тяжёлый!

* * *

Утро. Понедельник — день тяжёлый.

Хочется спать, есть и наоборот, и не знаю, что же выбрать в первую очередь. В принципе, можно и поспать — каникулы, как сказал отец Илюхи, но и о здоровье и физических нагрузках для организма не стоит забывать. Наше развитие и восстановление организма в наших руках находится, но и насиловать себя не рекомендуется. Хочется поспать? Поспи. Хочется пожрать? — Покушай! Хочется... конечно хочется, и ещё как, но пока нельзя. В выборе подруги, в глазах воспитанников интерната ошибаться никак нельзя. Лучший вариант, конечно, Алинка, но она сама говорит, что не по этой части, да и старше она меня на пару лет, а в этом возрасте, это серьёзный срок. Младше — можно, но старше не рекомендуется, хотя с возрастом понимаешь, что член ровесников не ищет, но это пока не мой случай. В обществе детдома, даже подруга или бойфренд для девочек, это статус, то-то Ленки по Волку и его ребятам так убиваются!

А потому встаем и на утренние процедуры с посещением уборной, а затем в столовую, да и доклад Сержа надо выслушать. Кстати, а он у нас куда пропал? Да нет, вон, под одеялом дрыхнет! Наверное, опять под утро улёгся, хотя сам факт, что всё-таки улёгся, радует.

— Вставай, лежебока! — кричу я во всЁ горло, заодно и сам проснусь окончательно, — нас ждут великие дела!

— Да уж, — кряхтение раздалось с соседней кровати. — Прямо великие!

Бурчит, как старый дед, Серёга.

— Подъём, курсант, сорок пять секунд пошло, а то зарплаты лишу! — шучу я.

Но шутки тут плохо понимают. Серёгу с кровати, словно ветром сдуло!

— Я первый умываться! — кричит он, — с тебя первый завтрак, мне — капучино!

И его выносит из комнаты.

Вот же метеор! А ведь вчера я его попотчевал немного. Парень питаться начал нормально, и его организм стал лучше реагировать на моё

воздействие с помощью техник богини. Ему явно легче! Во как, даже без костылей, словно бегом передвигается по комнате и по коридору до туалета с душевой, спокойно забег делает. Его успехи меня явно воодушевляют.

Прошло всего полчаса, и мы сидим, как и вечером, за столом, остатки продуктов доедаем, хотя ещё много чего осталось. Нужно, кстати, мультиварку опробовать, чего-чего, а в прошлой жизни готовить я любил.

В холодильнике только запасы колбасы со страшной силой улетучиваются, стоит пополнить запасы этого нужного продукта, хотя и пугают со всех экранов канцерогенами.

— Тренер, ваше задание я выполнил. Все уже в курсе по условиям сделки. Рады заработать и готовы для этого работать, а девчонки, и вовсе, вне себя от счастья и очень надеются, что ты согласишься, в итоге, на эти условия и в ответ, наши, вернее, твои условия насчёт зарплат, нам утвердят.

— Это я к обеду уже знать буду! — напоминаю я.

— Да я уже всем говорил, — радуется Серёга.

— И как восприняли? — уточняю я.

— Будут ждать от тебя известий, но вначале тебе общение с директрисой надо пережить.

Я кривлюсь.

— Переживу! — хотя сам то, как раз, в этом и не уверен.

На завтраке у моего столика, вернее, нашего с Серёгой, столпотворение. Миха — наш капитан, Саня Волк со своей бандой, ребята из команды, девчонки, причём, напротив троицы из Ленок, девочки Волка и его ребят, с которыми они в городе отрываются, расположились. Всем интересно.

Но я сразу объявил, что информация касается только членов команды. Вы бы видели, какими благодарными глазами на меня Ленки смотрели! Единственная, кого не касалось этого уточнение, была, конечно, Алинка.

Выложил почти всю подноготную вчерашнего вечернего разговора с отцом Илюхи. Никакого рабства, но и сам стадион почти мимо нас пролетает, хотя право играть и тренироваться на нём, я нам выторговал. Впрочем, если те, кто сделал на нас ставки, существуют в реале, то они просто обязаны с нами встретиться, или хотя бы со мной, как тренером, тем более, что я и сам буду являться, так сказать, акционером, а потому, моя команда, которую я буду тренировать, обязательно будет иметь право, как на сам стадион, так и на возможность плотно его эксплуатировать.

— А вот стройку тогда стоит до следующей весны заморозить! — произносит Вован.

— Почему? — не понимает очевидного наш капитан Миха.

— Нам точно не нужно под трибуной кафе или что ещё в том же роде! — выражает мнение большинства Вовка. — Если выиграем матч, то сами решим, что и как там делать, проиграем — нам и вовсе до этой стройки века никакого дела не будет. Что хотят там, пускай и воротят, а нам главное, чтобы платили вовремя!

— Ага! — поддерживаю я его, — но не стоит забывать, что ленивым я ничего платить не буду, предупреждаю сразу, а то, и вовсе вышвырнем из команды со всеми сопутствующими последствиями, о которых я перед клятвой всем говорил.

Насупились, но понимают, что я прав. Хотя, конечно, если б не Волк с ребятами и последствия моей драки, случившейся на днях, так бы меня никто не слушался.

Тут встрияла Алинка:

— Тебя Наталья вызывает.

На мне скрестились сочувствующие взгляды ребят.

— Просила, чтобы не задерживался, а сразу после завтрака прямиком шел в её кабинет, я провожу. — Говорит она, глядя на Серого.

Против Алинки никто, по ходу, тут в интернате не пляшет. Ты смотри, как этого администратора тут все слушаются, возьму на заметку. Даже весельчак Вован молчит и глаза в сторону увёл, чтобы только на меня не смотреть, а ведь Наталью — директора, тут реально все боятся.

Во, дела!

Я хромаю на костылях, рядом красавица Алинка стройными ножками перебирает. А ты ж смотри, что-то в причёске своей изменила, юбка другая, по ходу, новая вроде, вместо блузки — лёгкий, просвечивающийся батник.

Что-то у меня от таких видов воображение разыгралось. Цепочка на шее появилась, в руках телефон крутит, идя рядом, мило поддерживает беседу.

— С твоим появлением у нас жизнь ключом бить начала, смотрящие за интернатом поменялись, даже дурь местные боятся нести жаждущим. Прежних поставщиков ты перебил, им и биты не помогли, а Волк с ребятами эту забаву не приветствуют. Вчера, под ночь, поймали тут засланца и всю дурь в унитаз спустили. Под утро разборка была. Деловые подъехали, но от Угрюмого на стрелке человек был и такой распиздон вставил идиотам! Всем сказал, чтобы к интернату никто не приближался. Да парни и сами за себя постоять способны. Все разошлись сторонами, ущерб барыги сами, из своего кармана компенсировать будут, это уже не наши проблемы. А тут ещё и твоё пари с Ильёй. Он классный парень, девчонки по нёму просто вянут, но он ни с кем из наших, кроме ребят, не

общается. Что сам-то надумал? — меняет она тему разговора.

— Ты по этому дурацкому спору? — уточняю я.

— Ага!

Я улыбаюсь. Ещё одна. То Серёга «ага», да «ага», а тут центровая, других слов для продолжения разговора в своём лексиконе найти не может.

— Не решил ещё, да и мало что от меня уже зависит. Я не в курсе, как мои замечания и требования разрешат. Есть вариант, что и вовсе пошлют наглого пацана.

Весь расклад я, конечно, никому не говорил. Сказал лишь, что деньгами сам выступаю, как частное лицо в ставке, правда, происхождение денег, если они, конечно, будут в ставке за меня, никому объяснять не стал. Меньше знают — лучше спят.

Что-то явно гложет мою подружку.

— Ты чего сегодня такая загадочная и тихая? — спрашиваю я.

Она ещё больше смущается, даже немного покраснела.

— Заметно? — тихим голосом спрашивает она.

— Угу. И причёску поменяла, ещё красивее стала. С чего такие резкие перемены?

Девчонке надо всегда говорить, что она красива, даже если она только что из парной вышла, особенно тогда, когда из одежды на ней, только берёзовый или дубовый веник.

Ваше зарделась!

— Да влюбилась, наверное, — смеётся сама над собой эта необыкновенная девчонка.

Я сам в шоке. Вот же, новые веяния, что ли? Пушкин со своим Онегиным отдыхают!

— Так ты, вроде, не из этих, сама же говорила? — плету я всякую ерунду, сам того не соображая.

Её признание меня явно выбило из колеи. Меня?! Циника и прохвоста?! Я ведь женщин, как перчатки по жизни меняв, а тут зацепила...

Постой, постой, она сказала, что влюбилась, но не сказала, что в меня?! Явно, тут Татьяной Лариной от нашего великого русского поэта и не пахнет. Где? Где эти строки?

Я вам пишу чего же боле?

Что я могу ещё сказать

Теперь я знаю в вашей воле

Меня призреньем наказать...

Даже дыхание у меня сбилось. Ловлю себя на мысли... Мне что, неприятна сама мысль, что эта пигалица выбрала в качестве объекта вздохания, не меня?

Меня?

Что случилось? Когда такое могло со мной случиться? Нет, только не это! Эти мыльные страдания телесериалов, мелодрам, точно не для меня. Я же стоик! Я просто ёба... пардон, любимиц женщин, и сам любил их в ответ.

А любил ли я в той, прошлой жизни, хоть кого-нибудь? Кроме себя, конечно. Даже с сыном единокровным никогда не виделся и попыток не делал с ним встретиться за все эти годы.

Что-то мне хреново становится от осознания того, какой же я был, оказывается, редкостной скотиной!

Я сбиваюсь с размеренного шага, забыв переставить свои костили и, в результате, едва не растянулся на полу, спасибо Алинка поддержала меня под руку, не дав упасть, как в ее глазах, так и на пол.

— И кто этот счастливец? — потом украдкой взглянул на красавицу, оценил и набирающий силу бюст, и юные формы шейки и открытых рук, — или наоборот, несчастный?

Она даже остановилась на мгновение, так её задело моё окончание вопросительной фразы.

— Почему это сразу он должен быть несчастным? — словно «тойота», с ходу, завелась Алинка.

Я же про себя плююсь.

Не хватало ещё устроить первую безобразную семейнуюссору, во всяком случае, уладить в постели непонимание между нами, мне точно не судьба, хотя, как знать, как знать?!

— А кто сможет выдержать твой взрывной характер? Ты вот на мой безобидный вопрос так резко и болезненно отреагировала. Убить готова, а пойдут дети...

Алинка как-то сразу сдулась.

— Дурак!

Ну, вот, главное женское оружие в действии. Обидка! И даже железные леди, такие, как моя подруга, не подружка, прошу заметить, а настоящая подруга, именно так я к ней относился, не примешивая чувства в наши отношения, оказывается, подвержены этой заразе.

Идём, молчим. Ещё немного и кабинет директора.

— Давай, сегодня вечером погуляем? — неожиданно раздаётся рядом тихий голос девчонки.

Останавливаюсь, беру её ладошку, отчего-то холодную, в свою, надеюсь, что горячую.

— Я знаю, куда меня к вечеру занесёт и что может произойти, но я обязательно постараюсь освободиться и не планировать ничего, кроме первого свидания с тобой. А давай ты мне покажешь Амур?

— Легко! — радостно улыбается подруга.

А я, не стесняясь мелькающих вдалеке ребят и девчонок, привлекаю к себе совсем не сопротивляющуюся девчонку и легонько, едва касаясь своими пересохшими губами, целую её в левую щечку.

— Тогда замётано! — весело говорю я.

Отчего-то во мне нарастает такая волна нежности к этому милому женскому созданию, что начинаю понимать, что впервые, в обеих жизнях, меня накрывает это волшебное понятие первой любви.

Только этого мне ещё не хватало! — корю я себя и злюсь, но ничего поделать с собой не могу, и у меня на лице расплывается счастливая улыбка, а настроение скачками подскакивает на неведомую высоту.

Вот с таким, ошарашено-счастливым видом, я и постучался в двери нашего директора.

* * *

— ... говоришь, случайно получилось?

Наталья Андреевна была сегодня просто неотразима. ПЕРЕКРАСИЛАСЬ! И когда, спрашивается, успела? Новый имидж для новой должности?

Жгучая брюнетка. Губы тёмной помадой намазаны, по краям окантовка ярко красным карандашом, брови подведены, теней нет, хотя явно на ресницы туши не жалели. Такая женщина-вамп! Если бы не знал, что она директор одного из лучших образовательных заведений такого рода, то подумал бы, что столкнулся с ярой сторонницей движения скинхедов под названием, не помню, вроде, Эмо-культура или по другому — Готы.

Ни хрена себе заявочка, и ведь и костюм под макияж этот подобрала, неформалка чёртова, но чёрный костюм ей отпадно идёт, подчёркивая её великолепную фигуру. Надеюсь, это не из-за меня такие изменения в одежде?!

Маникюр на пальцах рук, под стать образу строгой, но такой манящей к себе красавицы-вампирши. А вот взгляд ее глаз мне очень не понравился.

Ожидал чего угодно — удивления, злости, обеспокоенности, наконец. Всё-таки её нового воспитанника едва до смерти битами хулиганьё не забило, а тут смешишки... чёртики бегают, или, как несравненная Степаненко — жена Петросяна говорит, что тараканы у неё в мозгах что-то празднуют. Боюсь видеть такое у знакомых женщин — или планирует, как выйти за тебя замуж, или денег попросят, причём много денег. Хотя, первый вариант подразумевает и второй... впоследствии.

А тут замуж, может, и планирует, но явно не за меня, а насчёт денег — возможно, но и первый вариант мне тоже очень нравится, как я и говорил, нравится мне такой типаж женщин. А ведь мозгами я уже почти старик, но опытен, а тут в наличии молодое, суперактивное тело, в плане потрахаться. А ещё Алинка, бесстыжая, перед таким ответственным, серьёзным разговором шарики у меня в мозгах не в ту сторону повернула со своей, так некстати приключившейся любовью!

В интерьере кабинета ни хрена ничего не изменилось, правда, мне стоять хоть не пришлось долго, как в первое посещение этого кабинета, предложили присесть, как только вошёл.

— ...ты третий день у нас, и, при этом, твоё имя уже у всех на устах. То Васильевич мне в субботу, а потом и в воскресенье, насчёт тебя называет. Потом серьезные люди насчёт твоей драки уточняли некоторые обстоятельства. Из полиции уже беспокоили — твой покровитель вчера, под ночь самую, отметился. — Переводит на меня взгляд своих прекрасных глаз. — Андрей Андреевич, Андрюша, Принц ты мой, ни днём, ни ночью от тебя покоя нет, и это всего после трёх дней, проведенных в нашем детском доме! ТРЁХ! Чего мне дальше ждать?!

Крик души, но явно наигранный. Походу, готовила наша красавица перед разговором со мной вступительную обвинительную речь, прокурорша ты наша, хорошо хоть, не как наша Поклонская. По возрасту и по росту дамы близки, но в нашем случае, у местной леди, ай кью явно повыше, чем у генеральши.

Я улыбаюсь своей самой, очаровывающей женщин и располагающей к общению улыбкой, даже мышцы лица заболели, но тут главное не переборщить, всего в меру.

— Только хорошего! Например, я с уважаемым заместителем директора по хозяйственной части вверенного вам учебного заведения, — луплю отточенными фразами, как при докладе на военном совете в присутствии, как минимум, замминистра обороны, — Игорем

Васильевичем, обсудил возможность ремонта одного понравившегося помещения. Как раз именно вы мне указали при первой и пока последней встрече, на этот актовый, в прошлом, зал. Я решил изучить возможность наведения там порядка. Я даже готов привести в порядок и сам коридор нашего второго этажа.

Директриса кивает в такт моим словам.

— Слышала, и туалет с душем и так уже блестит неимоверной чистотой с твоей легкой руки?

Я улыбаюсь.

— Кто её на себе попробовал, думаю, так уже не думают. Я умею ей ломать кости!

Властино смотрю в удивлённые глаза директрисы.

Знаю, женщины любят чувствовать над собой силу. Эх, жаль, нельзя уложить её прямо тут, на столе, тело у меня еще молодо для таких выкрутасов. Не поймут, скоты.

— Полицейские ПОКА отстали, — голосом она отмечает главные слова в своей фразе. — Но сам факт — меня он, если честно, настораживает, и еще это ненормальное пари!

Я пожал плечами.

— Ничего ненормального в нём нет! — отвечаю я. — Денежные отношения, завязанные на спорте. Есть шанс вернуть стадион, со всеми его постройками и спортивными площадками, детскому дому, но, увы, есть некоторые ограничения.

— И какие же? — интересуется тётя Наташа.

Внутренне перекрестившись, начинаю объяснять:

— Если нашей команде под моим руководством, — надо сразу заострить внимание начальства, благодаря кому мы смогли достичь данных результатов. Память человеческая, особенно начальства, очень коротка, — удастся одержать победу в этом споре, тогда уже я, как один из участников денежной ставки, буду иметь приоритет, пока нахожусь в детском доме, учусь, живя или работая тут, — на последнее слово у директрисы удивлённо взлетели брови, — на эксплуатацию стадиона. И никто, включая администрацию заведения, не сможет им управлять.

Директриса внимательно смотрит на меня.

— А не слишком ли?

Я же только улыбаюсь в ответ.

— Мы сейчас делим шкуру неубитого медведя. Футбол дело такое — выигрывает не всегда, к сожалению, сильнейший. Судьи ошиблись или футбольный бог отвернулся от одной из команд, участников матча. Всё

может произойти. Я же рисую деньгами и своим, потраченным на подготовку команды, временем. А чем вы рискуете, если хотите участвовать, в будущем, в его эксплуатации? Все расходы по стадиону, впоследствии, я беру на себя. А это тоже будет немалая сумма. Наталья Андреевна, давайте заключим между собой договор о намерениях. Я создаю команду футболистов, действую под флагом нашего интерната. Мы участвуем в соревнованиях, рекламируя наше учебное заведение. Я прилагаю все силы для того, чтобы выйти на самый высокий уровень не только в городе и крае, но и, может быть, в масштабах страны и, возможно, мира. Среди дворовых команд тоже устраивают подобие чемпионата мира по футболу. К тому же, не надо забывать, что ребята в детском доме живут до совершеннолетия, а оно, как известно, у нас в стране наступает в восемнадцать лет. К чему это я? А к тому, что к моменту прощания с интернатом ребята могут выйти на очень серьёзный уровень футбола — а это очень большие деньги. **ОЧЕНЬ!**

— А у тебя серьёзные планы! — задумчиво глядя на меня своими прекрасными глазищами, произносит директор.

— Я, конечно, не даю гарантию, что сходу удастся выйти на такой высокий уровень, но если даже удастся дать путёвку в жизнь, с помощью футбола, хотя бы тройке ребят — это было бы отлично. А если ещё за это получить и гонорар, а лучше сказать, выкуп за контракт, то это было бы ещё лучше. — Пауза. — Предлагаю три процента от стоимости будущих футболистов.

И понеслось! Чего-чего, а наш директор умела торговаться, а потому меня разбили в пух и прах. И, как итог, минус десятая часть!

МАМА! РОДИ МЕНЯ ОБРАТНО!

Глава пятая

Выжил.

Ребята меня встречали, словно я с эшафота после казни сошёл. Но по какой-то причине, всем непонятной, но такой интересной, меня всё-таки не казнили.

Казнить, конечно, не казнили, но вот на обещания профессионально вынудили согласиться. Правда, делёж денег в будущем обещал быть весёлым, если, конечно, будет что делить. Но если будет, то вариант такой — десятая часть официально идёт интернату, а не его директору, и на этом настоял я. Знаю по себе из прошлого, что в вопросах финансов, как бы это дико ни звучало, обговаривать надо конкретно всё по каждому пункту.

Обговорили. Я же, со своей стороны, ещё и про мою заинтересованность насчёт старого спортзала высказался и вообще многих помещений цокольного этажа. Чем мне понравилась Наталья Андреевна, она выслушала все мои хотелки с непроницаемым лицом. Даже не уточнила откуда деньжата. Типа, хочешь с какого-то перепуга тратить свои кровные на детдом, твои дела, мешать не буду. И даже когда я сказал, что если воплощу в жизнь свои задумки, то доступ туда будет только у меня или у ребят, с моего разрешения, промолчала. Типа, кто платит деньги — тот и заказывает музыку. Мне даже как-то обидно, что ли, стало.

Но, гадина, про джакузи напомнила!

Вот же!

Горячая и умнейшая штучка.

Теперь понимаю, в кого такой характер у Алинки — похоже, девочка тётю Наташу, как маму воспринимает. К чертям такую тёщу — повеситься можно!

Ребята ждали в спортгородке. Все собрались. Кто на турнике, как сосиска висит, кто делает вид, что пресс на низенькой скамейке качает. Несколько ребят, во главе с нашим капитаном, мяч гоняют на кочковатом поле, причём, наши Ленки в его команде играют.

Весело! Все радуются, правда, моё появление игру прекатило.

Все подтянулись ко мне.

— Так! — командую я с ходу. — Все подходим сюда.

Смотри-ка. Послушались.

— Пару моментов надо устаканить, — говорю я.

Молчат, смотрят на меня внимательно.

— В общем, надо решить раз и навсегда один момент, — начинаю я. — Даже если мы не участвуем в этом долбанном пари, есть масса других возможностей выступать командой. Есть уйма соревнований, в которых мы могли бы участвовать и выигрывать, постепенно заявляя о себе, как о команде, как о футболистах. Даже на этом поле можно тренироваться для серьёзных соревнований, и для этого надо решить — кто в деле. Как говорил раньше, перед принятием клятвы, хода назад не будет. Со всеми, как тренер, я заключу контракт, причём в обязательном порядке, с заверением этих контрактов у нотариуса. Ребята, всё очень серьёзно. Уйти из команды, не заплатив отступные, ни у кого не получится.

— Зачем такие сложности? — выражает мысли всех Миха, капитан.

Я перевожу взгляд на него, а потом на Волчару.

— Я намерен опробовать на вас определенные методики. Они мои, я их разработал недавно. И разрабатывал для того, чтобы самому начать бегать.

Все с сомнением посмотрели на мои костыли.

Я же, добавив уверенности в голосе, произнёс:

— Через пару лет вам на поле компании составлю, в виде нападающего. Это я вам обещаю.

Молчат, смотрят на меня неверяще.

— И чего ты хочешь от нас? — задаёт вопрос уже Саня.

Я усмехнулся.

— Полного доверия и подчинения в вопросах тренировок и режима. Если нет, и кто-то хочет свободы, я не держу. Решать вам. А пока — двадцать кругов вокруг поля. Кто в МОЕЙ команде — вперёд. Свою концепцию тренировок и вообще планов на вашу подготовку доложу после того, как подготовлю помещения, где мы могли бы заниматься по моим методикам, а пока работа на выносливость. Итак...

Смотрю на ребят.

— А я? — Серёга смотрит на меня, — мне тоже бежать?

Я улыбаюсь.

— Ты при мне помощником. Кто будет сходить с трассы, тащишь ко мне и укладываешь на скамейки, дальше уже моя работа. Кто бегать и слушать то, что я говорю, не хочет, тех я не задерживаю, свободны!

Но, на удивление, нестройной толпой ребята пошли на первый круг. Даже Ленки, и те в составе команды. Темп вначале резвый взяли, но я прикрикнул и заставил сбавить обороты. И, что самое смешное, спортивной формы у моих ребят не было. Большинство, и вовсе босиком бегали, а парни с голым торсом, скинув, кто рубашки, а кто майки с

футболками.

Экипировка! — ставлю я себе задачку и тут же Сержу:

— Серый, а недалеко от нас есть приличный спортивный магазин? — уточняю я у моего помощника.

— Спорттовары на Московском проспекте. Неплохой магазин. А тебе зачем? — тут же интересуется он.

Я же только кривлюсь, глядя на то, как ребята, растянувшись, но, продолжая бежать, уже на пятый круг заход делают. Хороший ход, даже девчонки выбранный темп выдерживают.

— Если у нас команда, то и выглядеть её спортсмены должны соответственно. Это уже дело тренера позаботиться об экипировке своих футболистов.

На седьмом круге у меня появились первые пациенты...

Двое ребят с Шанхая не выдержали темпа и, задыхаясь, бредут к нам...

Тёма и ещё один Серёга, погоняло у последнего — Рега.

Бредут, за животы держатся.

Их тут же Серж на скамейки укладывает. На удивление, не сопротивляются, даже ничего против не говорят.

Посыл сна на каждого и диагностику.

Хмыкаю. Сил у ребят в достатке, проблема с переходом на второе дыхание — не выдерживают переходного момента, себя жалеют. И ноги явно нетренированные. Пара минут на разгон энергии, потом импульс, чтобы проснулись.

Лежат, хлопают глазками. Не понимают, как умудрились заснуть, а потом проснуться, словно по приказу.

— Как себя чувствуете? — уточняю я, обращаясь к обоим парням.

— Нормально!

— На удивление легко! — удивлённо смотрит на меня Рега.

— Тогда подъём и у вас впереди ещё тринадцать кругов. Догоняйте ребят. Пока вы тут отлёживались они ушли от вас на три круга.

Вскочили и понеслись догонять основную группу.

Серж поражённо глядит им вслед.

— Теперь я понимаю, почему те хмыри так спокойно дали себе биты в задницу засунуть и почему спали. — Изумлённый взгляд на меня переводит. — Ты волшебник, я знаю! Маг!

Я смеюсь в голос.

— Серж, ты явно в интернете фэнтези перечитал! — отвечаю я. — Некими способностями я, не спорю, не обделен. Я немного экстрасенс, но

об этом не стоит всем знать.

— Шила в мешке не утаишь, — отвечает поражённый сосед по комнате.

— Подозревать что-то и точно это знать, не совсем одно и то же! — говорю я. — Ты будешь знать, и достаточно. Но за язык ответишь, если что сболтнёшь! — и я показываю ему кулак.

Алинка убежала по своим делам ещё до начала моей спонтанной тренировки. Её директриса, куда-то отправила. По телефону слышал, как Алинка ЦУ получала от нашего детдомовского руководства.

Ещё три раза поднимал горе-спортсменов. Причём, каждый раз группа отставших всё увеличивалась и увеличивалась. В итоге, крайний раз передо мной на длинной скамейке пятеро без сил валялись, причём никто из ранее мной обслуживаемых, больше на подпитку и разгон энергии не пришёл. Единственno, кто на своих силах дошёл до финиша — это Волк и Миха. Кто бы сомневался, но и их уже после окончания общего кросса, пока остальные добивали дистанцию, я успел подлечить.

Все изумленные, в меру уставшие, раскрасневшиеся после затянувшегося по времени марш-броска ребята, вновь окружили меня.

— Наша сила — в выносливости. Ведущие футболисты во время матча пробегают от десяти до пятнадцати километров. Сегодня вы одолели, с горем пополам, хорошо, если пять — шесть. Свои ощущения и силы вы, конечно, чувствуете сами. Можете делать вывод, а он не в нашу пользу. Пока вы ничего из себя не представляете, в плане выносливости, но мы будем над этим работать. К показателю выносливости ведущих футболистов страны и мира мы должны прийти уже к зиме.

— Но где мы, а где настоящие футболисты! — раздался голос, который возгласами поддержали остальные собравшиеся.

Видно, перспектива каждый день умирать на стадионе радowała не всех.

— А вы и будете **НАСТОЯЩИМИ** футболистами! — отвечаю я. — А для этого придётся пахать. Дриблину я пока вас научить не могу, потому что сам не умею, но это мы решим. Как? Пока не знаю, но задумки есть, — честно говорю я. — Но, опять повторюсь, нам может помочь только наша высокая выносливость, отличная работа на втором этаже головой. Ну, и сильные, точные и мощные удары издалека по воротам и главное, надёжная игра в обороне, и великолепный вратарь. На роль второго Яшина или, если хотите, Акинфеева, предлагаю готовить Волка.

Саня удивлённо смотрит на меня.

— Закрыть надежно дырку — главная наша задача. Уверенная и

надёжная игра вратаря, это основа успеха команды! — уверенно говорю я. Важно сразу расставить все точки над проблемными вопросами. — Роль каждого в отдельности определим позже. Посмотрим, каких успехов мы добьёмся, хотя бы к первым каникулам. А пока, бег и фристайл.

— А он-то нам, зачем нужен? — удивляется Миха.

Я перевожу взгляд на нашего капитана. Пока капитана.

— Нужно научиться полному контролю мяча, — отвечаю я. — Потом я составлю план. Пороюсь в интернете, поишу литературу. Согласно условиям сделки, привлекать специалистов к нашим тренировкам, даже нашего физрука — запрещено. Получать консультации никто не запрещает, а вот приобщать непосредственно к тренировкам, увы, уже нельзя.

— Паршиво! — вздыхает Саня.

— Ещё как паршиво, — киваю я в ответ. — Но у нас есть гений от хакеров, киваю головой в сторону стоящего рядом со мной Сержа, — вот это и будет одной из его задач.

Все загудели довольные.

— К вечеру всем сдать свои антропологические данные моему заму. По-простому, размеры одежды и обуви, — раздаю я задания.

— Размер бюста надо? — выдаёт, под общий смех, старшая из Ленок.

Плотная, высокая девчонка. Во всяком случае, самая высокая из этой троицы. Симпатичная, и правда, с весьма уже очевидным, для её возраста, объёмом груди.

— Ага! — в ответ смеюсь я и, вспоминая книжку «Полицейская академия», по которой амеры свои бестселлеры сняли, и желая смутить нахалку, говорю: — И глубину влагалища не забудьте замерить.

Все ржут в голос.

— А у кого его нет, то противоположный агрегат! — это уже Вован отличился.

В общем, первый спортивный сбор зарождающейся команды пошел весьма весело.

Обед.

Набираюсь калорий под завязку. Слишком много личной энергии растратил на ребят, поднимая их во время нашей первой спонтанной тренировки. Очередную тренировку назначил на завтра, перед обедом, на десять часов. Два часа побегают после завтрака, как раз время пройдёт и скучная пища уляжется. И в двенадцать закончу, как раз за два часа до обеда. А потом, вечернюю устрою, в восемь часов. Как раз перед отбоем и закончим. Надо общий план подготовки составлять, хотя пока это не главное. Обустраивать фристайл — это минимум на каждого по мячу надо,

и где их взять? Вон, только Михи мяч есть и то, явно китайская подделка, хотя, на первое время, фирменный мяч нам ни к чему.

Обрадовал ребят сбором их размеров одежды и обуви. В предвкушении, но и головы ломают, откуда на закупку экипировки для всех я деньги возьму. Мне, если честно, тоже этот вопрос интересен. Свои кровные на такие пустяки я тратить не намерен.

В кармане дёрнулся телефон. На беззвучке стоит. На вибрации.

И кому мы тут понадобились?

Ну, конечно! Мне же вчера обещали до обеда позвонить. Обязательный товарищ этот папаня Илюхи.

— Моё почтение, Станислав Ильич! — приветствую я своего собеседника.

— И тебе не хворать, Андрей, — раздаётся в трубке. — Давай сразу к делу, времени у меня в обрез. С твоими условиями мои оппоненты согласились, просят о встрече. Если ты не против, дам им твой номер телефона.

— Не вопрос, — отвечаю я, вздыхая.

Рядом, раскрыв рот, Серж с меня заинтересованного взгляда не сводит. Показываю ему кулак.

— С оплатой ваших услуг согласились, даже согласились её повысить. Это уже я настоял. Со своей стороны, игрокам команды сына я платить тоже буду. Сошлись на пятнадцати тысячах в месяц, но всё на твоё усмотрение, как тренера. Кидаем тебе на карточку, а дальше ты, как руководитель, сам будешь раздавать, в зависимости кто сколько заслужил. В твои дела никто влезать не будет. И по ставке. Я уже деньги за тебя внёс, сразу поставив условие, что пока ты в интернате, в случае вашего выигрыша, распоряжаться стадионом будешь именно ты, конечно, давая играть на стадионе, если кто захочет, и другим участникам сделки. Естественно, предварительно решив по времени, или, и вовсе составив общий график использования этого спортивного объекта. Дело за тобой. Итак...

Я прикрыл глаза.

— Мы согласны. — Выдавливаю я из себя и слышу, как зашелся кашлем, сидящий рядом со мной за столом, Серёга. От удивления, видно, супом подавился, бедолага. Приподнимаюсь и сильно стучу его по спине.

Вроде отошёл, отышался.

Я же продолжаю разговор с отцом Илюхи.

— И когда ждать посещения ваших противников, моих, так сказать, спонсоров? — уточняю я.

— На неделе, наверное, — прикидывает Станислав Ильич, — люди серьёзные, занятые. В городе, на данный момент, большинства из них нет, но как появятся, то заявятся к вам в гости, на смотрины, так сказать, хотя шапочно, по видео, с тобой, во всяком случае, знакомы. И ещё, напоминаю о привлечении к тренировкам специалистов — это недопустимо! Всё сами. Время есть.

— Тренироваться на стадионе можно? — спрашиваю я. — Наглость второе счастье, а за спрос денег не берут.

— Я подумаю и с сыном посовещаюсь, — отвечает Ильич, — думаю, что решим этот вопрос. Но считаю, что подсматривать за тренировками друг друга, не лучшая идея.

— Я тоже так думаю, — соглашаюсь я. — Но у нас места, как такового, для тренировок нет, а зимой и вовсе не будет.

— Решим, но будь готов к отказу. Если ребята не согласятся, я сам на обратном настаивать не буду.

— Понял, — отвечаю я.

— Ну, тогда до встречи! Твой телефон участникам ставок передам. Готовься. Они люди серьёзные и за языком следи. Там, в большинстве своём, не пай-мальчики, могут за неуважение и излишнюю борзость и голову открутить. Ну, я предупредил.

А я так и сижу, не отнимая телефона от уха. Отхожу от разговора.

Как я и думал, проблемы будут только нарастать. Теперь ещё эти нувориши, бизнесмены недоделанные, как бы ещё и в тренировочный процесс влезать не стали, хотя, условия сделки оговорены. Начнут мешать — откажусь от пари, мотивируя это явными нарушениями. Ильич тогда будет в восторге. Косяк явно будет засчитан противоположной стороне.

Рядом собрались ребята. Разговор-то состоялся тогда, когда я за столом своим в столовке сидел, а там все наши были, ну, за исключением шанхайских ребят. Кстати, с ними что-то решать надо. Во-первых, питание и режим. А как у них в семьях с едой дела обстоят, я-то не знаю. И учёба. Наталья, одним из условий, выдвинула успеваемость. То есть, учиться все участники пари должны без троек. Вот же, тоже ещё головная боль!

Я обвел всех собравшихся взглядом.

— Я от всех нас дал согласие на участие в этой авантюре. Вопрос оплаты ваших трудов решён в принципе, даже дали немного запаса по средствам на премии для самых лучших. Так что всё в ваших руках, но не забываем, что кроме спорта ещё и успеваемость в учёбе будет учитываться.

Разочарованный гул в зале столовой. Ребята явно расстроены.

Все понимают, что расклад удержать в секрете не удастся, и учителя

начнут изгаляться. А если учесть, что знаниями ребята и так не блистали, как и примерным поведением в школе, то...

Короче, печалька, а, судя по моим первым впечатлениям, Наталья Андреевна умела держать слово. Сказала, что не даст тренироваться тем, кто не успевает по предметам, значит, обязательно свои угрозы выполнит, и плевать ей на высокие ставки в деньгах и наше в этом непосредственное участие.

— Так! — я поднимаю руку, и гул утихает. — До школы ещё месяц, даже больше. К этому времени я что-нибудь придумаю, а пока — тренировки. Жду завтра в десять на нашем стадионе. Не забываем и про завтрашнюю вечернюю тренировку. Сегодня я занят до самого вечера, поэтому прошу не беспокоить. И быть всем на связи. Мало ли, кто мне неожиданно понадобиться может, — потом поворачиваюсь к Сержу, — зам, ты переговоришь с шанхайскими. Надо их перетягивать в интернат. И без вариантов. Я с Алинкой сегодня вечером переговорю, чтобы она с директрисой этот вопрос принятия новых воспитанников провентилировала. Думаю, особых проблем в этом вопросе не будет, но главное, не будут ли против проживания этих чад, родители ребят. Я должен знать весь расклад до вечера. Желательно согласие родителей получить в письменной форме. Какой? Сам уточнишь. Я завтра должен быть во всеоружии при разговоре с директором. Сегодня во многом определяющий день. Как у нас сложится, так у нас с вами дальше и пойдёт. О-о! А вот и очередной звонок. Всё, я по делам, вы же на сегодня отдохните.

Поднимаюсь из-за стола, костыли в руки — и на улицу. До комнаты добрести не успеваю, а переговорить с людьми надо. Владлен, собственной персоной, явно про эксперта — оценщика не забыл.

Поворачиваюсь. Серж рядом.

— Давай к Васильевичу. Мне нужны ключи от помещений цокольного этажа, которые мы смотрели — бассейна, спортзала и актового зала, что уже на нашем этаже находится. Сбегай, скажи, что я чуть позже ему лично перезвоню...

Унёсся.

Всё, я в беседке недалеко от центрального крыльца здания детдома.

Третий набор делает Владлен.

— Да! — отвечаю я и сразу извиняюсь: — из столовой шёл, не мог на вызов ответить, — говорю я.

— Проехали, я понял, что ты не в состоянии был ответить. Ну что, у нас всё в силе? — переходит сразу к делу друг Данилыча.

Ни тебе «здрасти», ни «как дела»? — даже обидно немного стало.

— Да, всё в силе, — говорю я.

— Тогда жди, через полчаса будем!

— Ты тоже? — удивляюсь я.

— Приходится! — отвечает чем-то очень довольный, судя по голосу, Владлен. — Саня отзвонился. Предложил ввязаться в очередное строительство от фирмы его патрона. Подрядчиком. А тут узнаю, что объект работ — это детдом, а основной плательщик, и вовсе ты. Причём, такие суммы озвучивались! Но об этом не по телефону. Приеду — переговорим. Нас трое будет. Я представителя Стройэксперта с собой возьму. Это аудитор по выполненным работам. Так есть возможность избежать неустоек, если качество выполненных работ заказчика не устроит, или заподозрит кто, что во время строительства были применены некачественные материалы. Перестраховка с моей стороны, но так точно дешевле обходится. Познакомлю сразу. Я на их экспертизы никак воздействовать не могу, это гарантия качества выполнения работ. Перед каждым подписанием акта приёмки работ будет акт экспертизы от этих старых профи. Им статус обманывать не позволяет, иначе с ними никто работать не будет. Жди.

— Я буду в беседке, перед центральным входом! — успеваю сказать я в трубку, прежде чем Владлен отключается.

Однако! Значит, Карловичу удалось убедить своего босса, хоть в таком виде, полностью произвести мне выплаты, правда...

Эх, опять деньги мимо меня пролетают!

Звонок.

Поднимаю экран телефона к глазам.

Серёга, мой зам.

— Ну, чего ты? — говорю я.

— Игорь Васильевич рядом. Уточняет по ключам, — отвечает Серж.

— Трубку ему дай! — и сразу, — добрый день, Игорь Васильевич!

— Чего не сам подошёл? — уточняет недовольным голосом зам завхоза нашего учреждения.

— Моя вина! — каюсь я. Из собственного опыта знаю, что лучше извиниться за то, что не делал, чем терять нормальное расположение к тебе нужного человека. — Жду спонсоров, а также тех, кто ремонтом непосредственно будет заниматься, ну и контролёров. Обещались с минуты на минуту нагрянуть, оттого и Сергея к вам послал с просьбой.

— Мог бы и позвонить, — не унимается завхоз.

— Так в том то и дело, что с ними по телефону долго общался. С меня презент обычного объёма! — намекаю я на вискарик... — в качестве

извинений.

— Ладно! Давай тогда с актового зала начнём. У меня же там имущество. Сам понимаешь, не могу просто так ключи от этого импровизированного склада отдать. Будем ждать вас там.

Ага! Как же! Склад для него важнее, скажет тоже! Там и брать то особо нечего. Подумаешь, пара новых кроватей или ещё какого неликвида, хоть и нового. Ему самому убедиться хочется, что люди со мной серьёзные прибудут. А вдруг развод на деньги? В принципе, я его понимаю, наверное, в такой ситуации, я поступил бы точно так же.

Но я реально не успеваю забежать к нему за ключами, а потом вернуться и встретить Владлена с людьми.

Вздыхаю и смотрю на свои, хоть и новые и удобные, в принципе, но все же костыли...

* * *

— Ну, у тебя и аппетиты! — смеётся довольный Владлен.

Только что проводили гостей, которых ко мне для знакомства он сам и привёз. Вернее, приехал вместе с ними, хотя и на разных машинах. Серьёзные господа. Эксперт и оценщик из одной и той же конторы. Дотошные и грамотные товарищи. Все досконально расспросили и меня, как заказчика, и Игоря Васильевича, как непосредственного представителя хозяина объекта. Но для всех, всё-таки, остаюсь главным я. Я плательщик, от меня зависит оплата выполненных работ.

Что сказать, отработали профессионально и так же профессионально попробовали развести на бабло.

С ума сойти, только за один спортивный зал запросили половину суммы.

Ага, щаз-з-з-з, разбежался, только тапочки скинуть не забуду!

Но аргументами кидались очень грамотно, а вот Владлен в наши споры совсем не вмешивался.

— ... мне тут не нужны Лужники в миниатюре! — возмущался я. — Мне не нужны панели и паркет финский, вип изделия. Мне нужно восстановить функционал данного объекта, всего-навсего. Не спорю, присутствуют высотные работы. Туда я учащихся детдома точно ставить не дам, но вынос мусора, переноска материалов, работа принеси-подай — их. Профи пускай вон, электрикой занимаются, пол застилают, окна новые вставляют, а штукатурка стен, шпаклёвка, покраска вся — это и мои ребята

сделают, пускай и под руководством ваших спецов. Платить я, конечно, буду, но не за работу серьёзных специалистов. Чего тут делать? Восстановить стены? Тем более, вся старая штукатурка уже соскоблена. Объём большой, не спорю, но это не высокопрофессиональная работа. Хотя, не согласен, потолок и верхняя часть стены дело их рук. Вот за это я платить буду. Разделки, душевые — все работы там выполнят наши ребята. За сантехнику не скажу, тут нужен знающий руководитель.

— Но позвольте! — возмущается оценщик, мужчина лет сорока, весьма импозантный, одетый с претензией на модника. Умный дядька и наглый не в меру.

— Не позволю! — делаю вид, что сильно злюсь и распаляюсь в споре с ними.

Что интересно, второй дядька, его напарник, старается не выпячивать свою суть на всеобщее обозрение. Слушает, хмыкает, делает какие-то выводы, но в наш спор, во всяком случае, пока, не вмешивается, впрочем, как и Владлен с Игорем Васильевичем. Серж, и вовсе, даже тень отбросить боится, не видно и не слышно его, но вот на меня, как я ругаюсь со старшими, смотрит во все глаза.

— Да, не спорю, спортзал старой постройки и старого проекта. Помещение под тридцать метров длиной, плюс балкон во всю длину. Дополнительные расходы материалов и рабочего времени. Но, опять же, прошу учесть, что высококвалифицированных специалистов для её выполнения не требует. Поэтому, прошу в расчётах исходить из этого аспекта. Проживание бригады организуем в здании общежития интерната. С питанием, думаю, решим.

Игорь Васильевич согласно кивает.

Он тоже стал очень довольным, когда понял, на какой объём работ я нацелился.

— Значит, паркет заменяем настилом досок? — спрашивает оценщик.

— Сухих досок! — уточняю я, — и думаю, что лаги делать из бруса сто на сто и половой доски, но толщиной не в пятёрку, а в семёрку, причём, с пазами.

— Здесь что, танки ездить будут? — ехидничает оценщик.

— Тут в футбол здоровые лбы играть будут! — зло отвечаю я. — Разметку мы сами нанесём, а вот оборудование спортзала, приобретение спортивного инвентаря и принадлежностей, надо обязательно внести в смету. Причём, приобретение всего этого хозяйства я попрошу провести в указанном мной магазине.

— Извиняюсь, конечно, — подал наконец-то голос напарник

оценщика, — позвольте узнать причину этого требования.

Я перевожу взгляд на этого хитреца.

— Мне нужно экипировать своих ребят. Купить им спортивную форму, кроссовки, бутсы, всю футбольную атрибутику, причём, постараться не заплатить за это ни копейки. И заметьте, сделать это мне надо, в идеале, сегодня, в крайнем случае, завтра, и при этом, ничего не заплатив из своих средств.

— Как это? — не понял дядя — оценщик.

— Объясняю! — кривлюсь уже я. — Обещание рекламы магазина у нас, на нашей форме, во время проведения матчей. Ну и договор на закупку через него нужного нам спортивного инвентаря. А у меня в планах ещё и оборудование тренажёрного зала. Ворота футбольные изготовить надо, причём, как для мини-футбола, так и обычного размера. Волейбольные сетки со стойками, причём убирающимися. Турники и брусья. Да мало ли ещё, какое оборудование нам потребуется.

— Это серьезная статья расходов! — пробормотал задумчиво Владлен.
Я пожимаю плечами.

— В что с того? Оденут двадцать ребят, получив при этом налоговые послабления и договор на приобретение инвентаря на приличную сумму. Думаю, многие согласятся.

— Говоришь, двадцать ребят? — уточняет Владлен.

Я киваю.

— Тогда, считай, что такой магазин у тебя есть. Ты тут пока пообщайся сам, а мне перезвонить надо. Только, это, сегодня поедешь? — уточняет он.

— А далеко? — спрашиваю я.

— В центр. — Потом Владлен махнул рукой. — Отвезу тебя сам.

— Так я не один буду, — напоминаю я ему.

— Без разницы, лишь бы мест в машине у меня хватило на вас. И рассчитывай место под имущество, которое обратно везти придётся, а у меня джип не резиновый!

— Учту, — отвечаю я Владлену и поворачиваюсь в сторону своего оппонента. — Итак, продолжим!

В итоге, спортзал потянул, в общей сложности, с учётом материалов и оплаты работ, всего в два с половиной ляма. Но работы «под ключ», как говорится.

Лестница, ведущая со второго нашего этажа до цоколя, обойдётся моему виртуальному кошельку в триста штук. Уж больно много там работы для бетонщиков.

Два зала, которые раньше были для бокса и гимнастики, оценили, с учётом замены окон и дверей, по двести пятьдесят штук. Пол там нормальный. Косметический ремонт, электрика, ну и двери с окнами. Плюс, на покупку инвентаря и мебели, с учётом раздевалок в спортзале и бассейне, ещё пяток миллионов. Одни маты, спортивные маты, обойдутся мне в кругленькую сумму.

Решил восстановить бывшую столовку. Есть у меня задумка насчёт неё, а это, опять же, по кругу — электрика, косметика, сантехника и оборудование с мебелью — ещё лям, как ни крути.

Бассейн.

Это рекордсмен по трате средств. Хотя, грех жаловаться — бабок ещё валом остаётся.

Коммуникации, трубопроводы, подвод горячей воды в бассейн, новое, современное покрытие самой чаши бассейна, система подогрева и очистки воды, сауна, раздевалки, туалеты и душевые... — двенадцать миллионов, как с куста.

Ну, и как вишенка на тортике, — моя будущая квартирка в помещении бывшего актового зала. Две раздельные, разведённые по разным сторонам, спальни, ванная комната, гостиная, кухня, она же столовая, рабочий кабинет на месте огромного балкона. Всё вместе потянуло, с учётом закупки мебели и всяких домашних прибамбасов в виде джакузи, финской двухместной сауны, телевизоров и прочее, аж в семь миллионов рублей. Успокаивало одно — в любом случае, этих денег я бы уже никогда и не увидел.

Когда оценщик проводил замеры нашей с Сережем будущей квартиры, позвонил наконец-то Карлович.

Извинившись перед всеми, я вышел на балкон.

— Моё почтение, Иннокентий Карлович! — здороваясь я.

— И я тебя тоже рад слышать. — Услышал я в трубке его каркающий голос. Явно простыл где-то на югах, матёрый пройдоха. — У тебя уже работают мои представители? — уточняет старый еврей.

— Уже почти заканчиваем, — отвечаю я и тут же спрашиваю: — вот только у меня до сих пор нет точных данных, на какую сумму в итоге, я могу рассчитывать. И желательно, чтобы в процессе работ она не менялась, — кидаю я ему шпильку.

Явно Карлович хорошо подготовился к этому разговору.

— Согласно договорённостям, у нас был профицит в два ляма евриков. Так? — уточняет он.

Я про себя смеюсь.

Ага, эту договорённость не раз перекраивали, причём в сторону уменьшения, как раз, именно моих дивидендов.

— Что-то было, — соглашаюсь я.

— Мой босс оценил твои попытки его пристыдить. А потому, сумма вернулась к прежним знаменателям. Часть мы тебе уже выплатили. В общем, так — рассчитывай на десять лямов, рублями, естественно, тебе налом, вернее, переводами на карту, остальные сто двадцать можешь смело тратить на детдом, но на эту сумму мы получим документы, типа, пожертвования интернату. Согласен?

Я же прикидываю — по сто пятьдесят каждый день мне капает, и, судя по всему, у меня на счёте оговоренная сумма останется. Большего с них, мне лично, ну никак не страсти, а вот детскому дому...

— Договорились, Иннокентий Карлович. Вот только, я сразу не смогу всю оставшуюся сумму потратить! — вздыхаю я.

— А ты постарайся. — Серьёзным голосом отвечает старый, опытный адвокат. — Документы нужны нам на днях. У тебя, на заключение договоров, максимум, три дня. Хотя бы вчерне — у нас тоже горит. Ждём смету, дерзай!

И отключился.

Вот же су-к-ка!

Стою, обдумываю услышанное.

Без вариантов! Наглеть, так наглеть!

Захожу обратно в зал.

Васильевич о чём-то бодро беседует с господами из строительной фирмы. Владлен стоит в сторонке, рядом с Сержем, и о чём-то тихо с ним общается. Но стоило только мне вернуться с балкона, как все выжидающие посмотрели на меня...

— Господа! — собрался я с мыслями, — всё, о чём говорили ранее, отменяется. Сумма уточнена, а потому, придётся всё по новой просчитывать.

Оценщик грустно вздыхает...

— Менять будем в сторону уменьшения средств? И на сколько?

Явно и его доход зависит от итоговой суммы.

Я же прикрываю глаза.

— В течение трёх дней мы должны выдать смету на общую сумму в сто двадцать миллионов рублей.

Васильевич икнул от удивления.

Даже невозмутимый Владлен, что до этого строил из себя стойка, от услышанной суммы рот раскрыл.

— В принципе, не столь уж и большая сумма, — усмехнулся господин аудитор, — но для нас весьма существенная!

Потом эдак испытывающе смотрит на меня.

— И что будем заказывать, уважаемый маленький господин?

... сидим у нас с Сержем в комнате, пьём кофе. В очередной раз капучино выдала кофе-машина.

— Твоя мысля, насчёт своего автобуса, верна, — тихо говорит с задумчивым видом Владлен.

Серега убежал искать Алинку. У меня же всё-таки сегодня типа свидания намечено, а эта пигалица почему-то на звонки не отвечает. Вот и заслал его узнать, где в данный момент находится моя подруга.

С Владленом договорились завтра с самого утра наведаться в спортивный магазин. И по заполнению помещений спортивнентарем поговорить, и спортивную экипировку для своих ребят подобрать. Он завтра пообещал на мини автобусе за нами заехать, а пока обсуждаем итоги работы оценщика по моим озвученным хотелкам и требованиям.

— ... свой транспорт — это свобода. — Продолжает мысль Владлен — Тем более, у вас тут и мастерские имеются и даже полноценный гараж. Как раз пару машин, причём больших, там влёткую уместятся. Брать надо нового корейца. И фольксваген, в качестве микрика. Там, как раз, где-то под двадцать посадочных мест. Это по городу поездить, если припрёт. Я бы советовал под задницу, ещё и хайс новый прикупить. Всё по кругу под двадцатку лямов выйдет.

— Ну, так ведь и записали столько на автотранспорт, — киваю я.

— Да, но это уже детализация, — смеётся Владлен. — Водилу толкового, даже парочку, я тебе найду. Есть у меня на примете, на оплату ты деньги, думаю, найдёшь.

Потом видит, что я сижу с отрешенным видом. Меня эти споры с оценщиком реально вымотали, да и вообще, эта ситуация...

— Ломаешь голову, почему согласились тебе таким образом вернуть деньги? — неожиданно спрашивает он.

Я поднимаю на него взгляд.

— А ты знаешь? — спрашиваю я.

— Конечно, знаю! — смеётся побратим моего куратора. — Во всём виноваты косорылые ублюдки!

— Какие это ещё косорылые ублюдки? — туплю я.

— Япошки. Акционеры холдинга побратима твоего отчима. Они странные ребята. Тут, на днях, торги разыгрывали, на предмет строительства завода от совместного предприятия с японцами. Мы

работаем, а они башляют. Так вот, японцы очень щепетильно относятся к благотворительности, особенно, если она направлена на обустройство детей. А тут, и вовсе речь идёт о детском доме и о серьёзной сумме денег пожертвования! — он, сидя, разводит руками. — Твои опекуны выиграли тендер. А суммы там... — смотрит на меня усмехаясь, — под двести миллионов баксов. И то, она не окончательная, может на порядок вырасти.

Я сижу, как мешком по голове пришибленный.

— Тонкий расчёт, мой маленький друг! Но посмотри на всё это с другой стороны — ведь могли, и вовсе тебе ничего не давать и не тратиться, достаточно было бы директора подмазать.

— Ага, — шепчу я. — Они так благотворительностью за мой счёт занялись!

— А могли бы, и вовсе тебя просто кинуть! — хлопает он меня по плечу, — тебе просто повезло, так сложились обстоятельства в окружающем тебя мире.

Он смотрит на меня сочувственно.

— А теперь давай, ещё раз пройдёмся по срокам и вкратце озвучим, к чему мы с тобой пришли в своих расчётах.

* * *

— ... прибавляем! По прямой, с ускорением. Девочки, не отстаём! Алина, не рви так, опять заднюю часть бедра потянешь!

Я стою посередине нашего поля. Ура! Без костылей, но с палкой с набалдашником, тяжело опираясь на неё. Во второй руке свисток.

Последние тёплые денёчки августа. Через три дня начнётся школа. Сегодня понедельник двадцать девятое августа. Вчера всем дал отдохнуть, а сам с сестрёнкой по городу погуляли. В кафе посидели. Даже в кино она меня умудрилась затащить.

И, да. Это не та стерва, что по-молодости моему сыну кровь сворачивала. Нет, сестра-побратимка по крови — Алинка. Увы, но не я был героем её романа!

Вечером того памятного дня, когда по мою душу Владлен с товарищами прибыли и когда я дал согласие на участие в футбольной авантюре. Именно в тот день у меня появилась сестрёнка по крови...

Вечером, после ужина, я её выгуливал, или она меня... в сторону реки. До берега с моим-то передвижением на костылях минут тридцать ползли. В конце концов, добрались. Я, уставший после общения с представителями

строительных компаний, и Алинка, после беготни по делам нашей директрисы. Всю дорогу так и молчали.

Я себя, если честно, весьма скверно чувствовал. Я ещё тот ухажёр на костылях, а Алинка... она сразу пресекла мою робкую попытку дать волю рукам. Ну, приобнять хотел. И вот теперь сидим на сухом бревне, когда-то выброшенном на берег во время очередного наводнения. До воды пару метров. Песок.

Воды Амура мутные, поток сильный. Противоположный берег скалистый, полностью заросший непонятной растительностью. Вечереет.

— Как прошёл день? — наконец-то разлепила уста девчонка.

— Сложно, — пожал плечами я. — Провёл первую тренировку. Ребята, вроде, все слушаются, самоотводов из команды пока нет. Да, по большому счету, и нагрузок то не было.

— Ага! — смеётся подруга. — Ленки мне на тебя уже жаловались. Устроил всем кросс, и ведь никто сойти не мог, все боялись опростоволоситься и перед тобой, и перед ребятами. Все жилы рвали.

— Это я заметил, — улыбнулся я, вспоминая перипетии первой тренировки.

— Они почему-то верят в тебя. С твоим появлением в интернате, жизнь у ребят сильно изменилась. Десу к ногту прижал. Он сейчас со своей сворой тише воды, ниже травы. Не избили их только из-за вашего договора с Илюхой, хотя такие предложения поступают от ребят постоянно. Он многим тут успел плохого по жизни сделать.

Грустно вздыхает. Опять молчим. Комарёё, хоть рядом и растительности почти, нет один песок, грызёт, практически, не переставая. Я тут же Сирию вспомнил. Вот где кайф, но там другие сложности, иногда несовместимые с жизнью, хотя песка тоже хватает.

— Меня сегодня тоже предали! — с надрывом в голосе произносит Алинка...

— Не понял? Тебя что кто-то смог обидеть?

Опять тяжкий вздох мне в ответ.

— И нет и да... — непонятно отвечает подруга.

— Это как? — удивляюсь я.

— Парень, которого считала своим... в общем, в городе, с местной его видела. Под ручку шли, довольные. Благо, он меня не видел.

— Ты с ним встречалась? — спрашиваю я и чувствую, как на душе становится тяжело. Ну, небезразлична, оказывается, мне подружка.

— Он просто одноклассник. В нашей школе учился. А сегодня, — пауза, — в начале Наталья Андреевна сказала, что Лёша заявление на

перевод принёс от родителей. В центре учиться теперь будет, а потом я его с этой драной кошкой в городе увидела. Видно, что не родственнички.

М-да, мадридские страсти!

— И что теперь? — спрашиваю я.

А что теперь? — пожимает плечами подруга, — продолжаем жить. Тяжко просто!

И упирается лицом мне в плечо.

Вздрагивает всем телом и плачет...

Вот же ситуэйшин! Я ей что, близкая подружка? Хотя, судя по её статусу в детском доме, перед подружками она бы точно плакать себе не позволила.

А со мной что, можно?! Но, видно, можно, раз ревет навзрыд.

Высвобождаю руки и приобнимаю её за плечи. Она прячет заплаканное лицо у меня на груди.

— Ну, Алинка, забудь ты его! Сестрёнка! Хватит ныть! Он твоего мизинчика не стоит. Найдём мы тебе мужика, не сомневайся! — пытаюсь успокоить я подругу.

В ответ рыдания ещё сильнее.

Очень глупо себя чувствовать. Вот что делает с женщинами отсутствие подруг, близких подруг. Так бы с родственником поделилась своим горем, а где его взять, когда его в природе не существует?!

— Ну не плачь, сестрёнка! — шепчу я ей на ушко, поглаживая ладошкой по волосам.

Успокаивается, вроде. Притихла...

Я же не прекращаю своих поглаживаний.

— Ната-ль-я, — икая, пытается говорить моя подружка, — ска-за-ла, что у тебя есть настоящая сест-ра?

Произнесла она, наконец-то, трудную в её состоянии, фразу.

Есть, — киваю я. — По линии матери ещё и бабушка с дедушкой имеются, но после этой катастрофы...

И я, сам того не ожидая, выложил ей всю подноготную — и про аварию, и про нахождение в больнице, и о взаимоотношениях с родственниками и с сестрой, в частности, тоже всё рассказал. О том, как меня на бабки хотели кинуть, и о нападении Щербатого тоже упомянул, о деньгах обещанных рассказал и о том, как кинуть меня решили. О том, что всё-таки удалось вырвать бабки, правда, они почти все пойдут на ремонт помещений детского дома. И что этими помещениями, пока здесь живу, распоряжаться буду только я. Весь разговор с Владленом ей выложил, поделился своими задумками насчёт команды, обрадовал, что завтра везу

всех, если, конечно, получится, и будут места в транспортном средстве, приобретать спортивную экипировку.

— А как ты собрался команду назвать? — неожиданно спросила, полностью успокоившаяся подруга. И что интересно, она почти лежит на моём плече. — Ведь говорят же, что как корабль назовёшь, так он и поплывёт!

Я задумался.

Вариантов, если честно, у меня было много, но все они как-то не очень мне нравились.

— Я бы Спартаком назвал. И в гербе клуба гладиатора с мечом изобразил бы, на фоне арены.

Смеемся.

А что, мне нравится! — произнесла, пригревшаяся у меня на груди, девчонка. Спартак! Спартак ДВ!

— Почему Спартак ДВ? — не понял я.

— Сокращённо же, Дальний Восток! Чего не понятного-то? Это же элементарно, Ватсон! — отвечает Алинка.

— Ага! — смеюсь я, — у нас свистнули палатку!

Смеёмся.

Помолчали.

— А у меня никогда ни сестрёнки, ни братика не было! — вздыхает вновь подруга. — Интересно, каково это? Я бы никогда со своим братом или сестрой нессорилась. Никогда!

Не знаю, что на меня нашло в тот момент, наваждение какое-то! Утешить подругу хотелось, плескалась в душе обида, что не рассматривает она меня, как своего парня, и, увы, я не тот, по ком она по ночам в подушку плачет.

Но так хотелось получить именно для себя это чистое создание. Пускай, не как свою девушку — любовницу или жену, пускай хоть так, как родственную душу. Вот поговорил с ней, выговорился, и от прошлых обид на душе легче стало. Будь я в прошлом теле, то те, кто пытался меня надуть, очень бы сильно пожалели об этом. Да и не рискнули бы они так шутить со мной, если быть честным. А тут, и тело моё пока ни о чём, и веса, в глазах взрослых, я почти не имею. Пользовались, как презервативом, и попытались отбросить в сторону.

Ну, да ничего! Мы своё ещё возьмём, и прав Владлен — могло быть и хуже. Могли, и вовсе, на бабосики кинуть, а так, хоть и не мне пошло, но вернули долг, пускай, не оставив и себя без серьёзных дивидендов.

Я немного отстраняюсь от девушки. Шарю у себя в кармане. О! Вот и

искомое нашлось. И извлекаю на свет белый, хотя уже сумерки на город надвигаются, свой фирменный швейцарский складной нож.

Молча, открываю его, доставая лезвие ножа. И так же молча делаю себе порез на правой своей ладони.

Вскрик Алинки.

Я смотрю в её распахнутые глаза.

— А что нам мешает побрататься — посестриться? — улыбаюсь я в наступающих сумерках. А кровь то хорошо пошла. Глубокий порез я себе сотворил, — пускай не кровными родственниками станем, но уж кровниками точно. Решение за тобой!

И молчу, глядя в её немного испуганные глаза.

— А давай! Я согласна! — её голос немного дрожит от возбуждения. — Режь!

Она подставляет мне свою левую руку.

Лезвие ножа, ведомое моей не дрогнувшей рукой, делает аккуратную царапину у неё на раскрытой ладони. Ни звука не произнесла эта железная леди!

Кап, кап, — кровь девочки тонкой струйкой по руке. Прикусила губу, смотрит на меня. Мол, чего дальше то? А вот дальше я решил немного похулиганить. Протянул ей свою, тоже окровавленную руку. Ладони сошлись в крепком рукопожатии. Привлекаю к себе девчушку. Потянулся к её устам. Не отклоняется, даже движение навстречу сделала. А дальше, совсем не братский поцелуй, во время которого, я всю свою накопленную за день энергию направил на скрещённые ладони, всем своим желанием надеясь, чтобы порез хотя бы на Алинкиной ладони и следа после себя не оставил.

Сколько длился этот необыкновенный поцелуй не скажу, но долго игрались наши губы и даже уже язычок проказницы в эти игрища вписался самым бесстыжим образом. Но какое же это блаженство!

Оторвались друг от друга вот только ладони так и не расцепили.

— Ну, привет, сестричка! — улыбаюсь я.

— Привет, братик! — смеётся очень довольная, но при этом и озадаченная, свежеиспечённая родственница.

Потом её взгляд упал на наши скрепленные ладони, и возглас удивления вырвался из её приоткрытого рта.

— Но как же?!

Перевожу взгляд на руки.

А крови то и нет, свернулась, осыпалась, та, что успела дорожки себе пробить.

Расцепляем ладони.

— Но так не может быть!

Свернувшаяся кровь корочками отпадает от ладони, а там даже следа от пореза не осталось.

— Вот это да! — потом удивлённый взгляд на меня, — это ты так сделал?! — спрашивает она меня.

— Это наш родственный поцелуй так на нас с тобой повлиял.

Она смущёно отводит глаза.

— Ага, родственный, как же! Я уже и пожалела, что в мужья тебя заарканить не успела, а всего лишь сестра. — Потом озорно так улыбнулась, — но тоже ничего! Между братьями и сёстрами тоже любовь случается.

Пришлось уводить разговор от опасной темы, так можно черт знает до чего договориться! Не только договориться, но и в реале совершить, я ведь тоже не железный. Мы ещё долго болтали в тот вечер, даже донимающая мошкова с комарами не мешали нам, а затем, поддерживая меня под руку, мы шли в сторону интерната. Даже с местной гопотой столкнулись, но те, узнав Алинку и меня, только поздоровались и пожелали приятного вечера. Становлюсь популярным. У одного из ребят младший брат у меня в команде...

— ... работаем, работаем! Ещё три круга осталось!

И заму:

— Сергей, готовь скамейки, принимать будем.

— Так, может лучше в зале? — уточняет мой главный помощник. Он сегодня сам целых три круга по полю пробежал. Пускай, и сильно прихрамывая, но всё же! Моё лечение даёт удивительные результаты. Я и сам себя стал неплохо чувствовать. Вот и эта трость, результат своего лечения самого себя, но бегать, вздыхаю отчаянно, мне, чувствую, ещё пару лет не придётся. Просто не смогу — и так еле на ногах держусь.

А зал? Ремонт помещений идёт полным ходом. Все старшаки записались в разнорабочие нашей бригады. Первым делом занялись центральной лестницей и кухней с бывшим залом бокса. Вот вчера только оборудование подключили, а вечером первый полный сеанс провели. А оборудования хватало. В кухне-столовой — три больших холодильника с морозильными камерами. Нагрузка на наших Ленок резко возросла. Они не только успевают тренироваться со всеми нами, но и занимаются хозяйственным обеспечением команды, а это готовка, кормление игроков, уборка. А ещё, самая малая из Ленок, к моему великому изумлению, помаленьку пытается помогать мне во время массажей. Она, как и я, может

уже различать движение энергии в тела наших пациентов. Правда, сил у неё пока всего ничего — на пару ребят всего хватает, но Волка она лично обслуживает и, похоже, влечеие у ребят друг к другу обоюдное, даже пришлось вмешиваться. Так и сказал им — никаких отношений пока не закончится срок pari, а потом хоть женитесь и детей заводите!

В столовой большая профессиональная плита с духовым шкафом. Посудомойка большая, стиральные машины — три штуки, столы кухонные, собранные вдоль стенки в один общий кухонный гарнитур. Вытяжки и микроволновки. Я не считаю остальных прибамбасов, в виде всяких кухонных комбайнов, блендеров, соковыжималок и мясорубок с чайниками. И даже, кофе-машина, имеется. Столовая зона состоит из пяти квадратных столиков на четыре человека каждый, с мягкими стульями, а для развлечений, во время приёмов пищи, большущий телевизор от Самсунга с прочими прибамбасами, в виде музыкального центра и усилителя с колонками. Планируем проводить тут посиделки. Места хватает. Рацион я установил военный. Перловка с мясной подливой и мясом, соответственно. Хотя, не разобрать, то ли перловка с мясом получается у девчат, то ли мясо с небольшим количеством перловки. Второе же основное блюдо — каша дружба — горох с пшёнкой и большое количество мяса. Всегда присутствуют и овощные салаты. Увы, но калорий ребята теряют во время тренировок — просто уйму.

Распорядок дня в последний месяц у нас простой:

Подъём в семь. Утренний моцион до восьми, потом завтрак. Личное время до девяти часов, затем все собираемся в зале или на нашем стадиончике. Как и ожидалось, в проведении тренировок на стадионе раздора нам, увы, отказали. А с нашим местным футбольным полем произошел небольшой казус, но, благодаря мне, удалось повернуть его нам же на пользу. А суть была в том, что...

Долбаные выборы президента, которые через два года должны произойти! Оказывается, есть распоряжение везде, где можно, во дворах и при учебных заведениях, типа школ, устанавливать спортивные хоккейные коробки. И уроды из администрации города ничего умного не придумали, как в один прекрасный момент завалили хламом наше поле для футбола. Решили сделать приятное воспитанникам! Благо, в первый же день на место стройки прибыл один из руководителей администрации города. Ну, я ему на пальцах и объяснил, что будет, если через неделю не восстановят нам наш маленький стадион. Пугал интернетом с постами ребят в ютубе. Обращением в администрацию президента, мэра города и губернатора. Давил на общественное мнение.

Прониклись. Не знаю, за какие там они рычаги дёргали, но наше футбольное поле восстановили в кратчайшие сроки, застелив поле новым газоном, правда, местного производства. Рулонный газон. Проще говоря, дёрн кто-то под Уссурийском выращивает для коттеджей, ну и нам он неплохо пошёл. Под этот шумок, и новые футбольные ворота вместе с переносными на местном заводе «Звезда» заказали. Наш заказ выполнили буквально в течение пары дней. Правда, красили мы их уже самостоятельно. Теперь футбольное поле и хоккейная коробка находятся рядом друг с другом. Даже ограждение высокое из профиля и сетки рабицы установили нам, и, уже за отдельную плату, хорошее освещение провели. Пришлось закупать машинки для стрижки газона, причём профессиональные, и теперь ребята ухаживают за полем. Разметку уже сами наносили. Трибун, правда, нет. Есть только крытое место под просвечивающимся пластиком, где переждать дождь можно, или просто переодеться. Даже пара скамеек со спинками имеется в наличии.

Но, вернёмся к распорядку дня, который действовал для нас всех в последнее время. Увы, но с началом занятий в школе его придётся менять. В общем, у нас теперь пятиразовое питание. Три раза питаемся в общей столовой, и два раза нас кормят девчонки, которые готовят блюда пока под моим неусыпным контролем. В девять часов — теория. Материалы добывает мне Серёга. Он днём и ночью в интернете сидит, даже почти игры со своей бандой забросил. Кстати, как раз эти ребята ему в этом и помогают. У амеров много спортивной литературы имеется. В общем, Серж ещё и переводами занят. Он мой незаменимый помощник. Кстати, старшая из Ленок к нему очень сильно неровно дышит! Смешно иногда наблюдать за этой влюблённой парочкой. В общем, она почти прописалась у нас в комнате...

В десять уже начинаем практически закреплять полученные теоретические знания. Тренировочный инвентарь сделали. Что-то сами, что-то заказали на заводах или у частников. Серж его в нете выудил. Стойки всякие, упоры и скамейки. Целый комплекс оборудования. Даже скакалки закупил и эспандеры. Резиновые усилители придумали, чтобы прыжки в воздух тренировать. А уж каково Волку на воротах! Вот кому уж точно не позавидуешь! Он каждый раз надевает пояс, к которому по сторонам, жгуты резиновые прикрепляются. Вот и носится он от одной штанги к другой за мячом, преодолевая усилия растяжения резиновых жгутов. После каждой тренировки на него страшно и смотреть. Но даже сейчас, спустя всего месяц, у нас есть кое-какие достижения. Вован почти в точности повторяет движения Рональдо, которые тот делает во время

прыжка при работе головой и ударов по воротам, когда навешивают в штрафную или пробивают угловые. По высоте, не дотягивает всего ничего до португальского гения от футбола. Миха — его главный ассистент. Тренирует подачи. Димон отличается необыкновенно сильным и хлестким ударом. Отрабатываем дальние удары, и в этом компоненте тренировок он у нас всегда лучший, но и пока не самый точный. Но всё ещё придёт, я знаю. Первая тренировка длится до двенадцати часов. Потом все идут на кухню, уже нашу, там подают гороховую с пшёнкой кашу. Затем, укладываемся на футбольном поле на скамейках, пока зал не был готов, и я всех отправляю в нирвану, и вместе с Ленкой обходим ребят, разгоняя в их организмах энергию. Спасибо богине! От съеденных продуктов даже шлаков не остаётся. Потерявший калории организм их очень быстро старается восполнить. Отдых до двух, и обед. В три — опять теория. Сейчас, правда, с вводом в строй бывшего зала бокса, эти занятия выглядят немного по-другому.

Двадцать шконок, вернее, топчанчиков, или, по-другому, соф, напротив изголовья которых висит по большому монитору. В аппаратной царь и бог — Серёга. Он крутит в замедленном действии, скачанные с интернета, движения с мячом великих игроков, но сама тренировка теперь происходит так: все занимают места на софах, а я ввожу их в транс. Вначале приходилось туда, надо было уделять внимание каждому в отдельности, но наловчился. Пара минут — и ребята почти спят, но с открытыми глазами. Мониторы работают, динамики включены, инфа, буквально, заливается в замутнённые разумы ребят.

Так, кстати, Серж эту методику вначале на себе любимом опробовал. Хотя, он же ее и разработчик. Иностранные языки у нас в комнате так изучал, а потом и на возлюбленной своей тренировался. Вначале, как и себе, английский впихивал, а потом, проказник, камасутру закачивал. Правда, практиковаться в ней я им пока запретил.

Такая тренировка у нас теперь до четырёх часов проходит. В четыре — очередной приём пищи от наших девчат. Насыщенная белками перловка. И вновь в транс, для восстановления организма. Уж больно ребята у меня худые, пока. Ничего, были бы кости, а мясо нарастёт. С шести до семи — свободное время. Потом ужин, и в восемь все встречаемся на стадионе. Кросс, работа на износ и на выносливость. В десять — опять укладываю медитировать, и в одиннадцать все свободны. Увы, но в сентябре нагрузки придётся уменьшать.

Но у каждого теперь имеется свой собственный футбольный мяч и футбольный фристайл никто не отменял! Тут, конечно, нет равных Михе.

Наш капитан филигранно управляет своим телом, вытворяя с мячом невообразимые вещи. Кстати, о вещах! Поездка с ребятами, на арендованном Владленом автобусе за экипировкой, вышла весёлая, но и очень поучительная. Если бы не наш сопровождающий, то детей бы просто развели, как кроликов. Уж больно мы все, включая и меня самого, неискушённые в вопросе одежды — какая хорошая, какие материалы нормальные, а какие не очень...

* * *

А было всё так.

На следующий день, после обретения мной кровной сестрёнки, к десяти утра отозвонился Владлен. Предупредил, что будет у нас через час. Посетовал, что нормальный транспорт в виде приличного автобуса достать за столь малое время не смог, но вот простую маршрутку от корейцев прихватить умудрился. Кому-то и постоять придется, так как посадочных мест ровно шестнадцать.

Я же отмахнулся. Мы не гордые... девочки на коленях у ребят поедут...

Утреннюю тренировку я уже провёл. Всё просто — мячей нет, а потому опять кросс на выносливость. Ребята ворчали себе под нос, но выполняли мои требования, тем более, я успел заметить, что после моего массажа они себя, даже после такого изнуряющего кrossса, неплохо чувствовали.

Звонок прошёл от Владлена в тот момент, когда ребята на последний круг зашли, и что интересно, сегодня сходов с дистанции не было. Совсем. Я был удивлён.

Неужели моё воздействие на детские, по сути, организмы ребят, так смогло повлиять? Но всё равно чувствовалось, что до финиша ребята шли, на морально волевых качествах, скрежеща зубами. Они явно не желали показать свою слабость перед друзьями-товарищами. Зато потом я едва не разрывался на части, обслуживая рухнувших буквально без сил на скамейки вокруг нашего футбольного поля обессиленных ребят.

Но первым делом пришлось обхаживать Ванюшку, самого мелкого из моих футболистов. Оказывается, у него что-то там с сердцем. То ли порок врождённый, то ли шумы какие-то непонятные...

Вот на него я и бухнул половину своих сил.

Буквально спасать пришлось парня. Вот же упрямый! Ведь он должен

чувствовать, что на последнем издохании был, а тут я такие нагрузки им задал.

Есть над чем подумать. Надо провести всем ребятам медицинскую диагностику, причём у себя в комнате, и по одному. Каждого проверить теми методиками, которым научила меня богиня. А то такими темпами, от больших нагрузок, относительно, конечно, больших, может кто-то и не выдержать. Первая ласточка уже есть.

Пришлось мне в то утро побегать.

Сижу, прикрыв от усталости глаза. Восстанавливаюсь. А вы попробуйте побегать на костылях вокруг поля, практически. Ребята, в конце концов, все имеющиеся скамейки около футбольного поля заняли, отлёживались.

Теперь уже я, в итоге, никакой. Ноги дрожат, руки плетьми повисли в бессилии. Своей внутренней энергии, в итоге, во мне минимум, как еще сам сознание не теряю — не понимаю.

Приоткрываю, кажущиеся тяжёлыми, веки.

Ого! Все вокруг скамейки, на которой я расположился, собрались. Стоят молча, а рядом со мной только сестрёнка сидит. Обхватила меня руками за плечи и поддерживает, чтобы не завалился я спиной назад. А там то, как раз, спинки на скамейках отсутствуют.

— Всем в душ! Через час, примерно, по команде собираемся у выхода. Подойдёт маршрутка, и мы поедем за спортивкой в магазин, — через силу говорю я.

Мне в ответ изумленные, неверящие взгляды.

— Я ещё раз говорю, у нас час! — потом перевожу взгляд на зама, — все телефоны ребят — в группу, чтобы легче было общие сообщения посыпать. А теперь, бегом в корпус. Моеемся и переодеваемся. Сегодня мы в центр рванём и предупреждаю, вести себя скромно и желательно, господа, обойтись без криков, громко на людях не смеяться, не шуметь. Нас очень много и всех разом обслужить будет сложно, а то и невозможно.

— А ты? — спрашивает Миха.

— Я? — Удивляюсь я столь непонятному мне вопросу, похожему на заботу обо мне любимом, — тут пока посижу, дух переведу, и силы немного восстановлю.

Удивления мой ответ не вызвал. Серж уже успел подготовить ребят, по секрету почти со всеми поделился известием, что я, по сути, тайный экстрасенс! Ребята уже и новую кликуху мне придумали — Кошмаровский!!!

Пускай веселятся, мне новое погоняло вполне нравится.

— Вы ещё тут? — уже не выдержала Алинка, — никого ждать не будем!

Новость, что она мне кровная родственница, облетела с вечера всё наше маленькое общество со скоростью звука. Уж больно быстро по интернату слухи расходятся, да и Серж постарался, с кем я по секрету этой новостью поделился.

Не подвёл зам, пиаркомпанию провел, как полагается, согласно всем законам жанра. Все признали право на такое родство, а девчонки, в большинстве своём, даже радостными выглядели. Наше свидание с их главой ни для кого, оказывается, тайной не было, а тут всего-навсего сестра, а значит, я, как и прежде, свободен, в смысле, подруги сердца у меня нет, и этот факт явно развязывает руки деловым девчонкам, которым так хочется любви, ну и за мой счёт поднять свой статус в местном табеле о рангах.

Все убежали радостные, включая и моего зама, готовиться к поездке по магазинам, а мы с новой родственницей, так же молча, ещё немного посидели на скамейке, а потом, не спеша, поковыляли в сторону интерната.

Владлен задерживался.

Пришлось отзвониться ему, и попросить перенести поездку на послеобеденное время. Согласился, даже как-то обрадовался моему предложению побратим Данилыча. Договорились на два часа, и он уже будет у интерната.

К его прибытию, вся наша орава ожидала транспорт на улице, причём народа набралось много, буквально весь детдом у ворот интерната собрался — новости тут расходятся, я уже говорил с какой скоростью.

А что? Все довольные, сытые, после неплохого обеда, разве что только я да Серж выглядели немножко недовольными — поспать после обеда не удалось!

Я в шортах и красной футболке ждал в комнате звонка о прибытии от Владлена, но первым мне позвонил о прибытии автобуса Волк. Саня просто сказал, что подъехал какой-то микрик и попросил уточнить, не по нашу ли он душу. Следом отозвонился Владлен.

— Я на месте! — раздался в динамиках сотового, его немного уставший голос.

— Проблемы? — уточнил я.

— Да нет, — замялся мой, по сути, куратор в Комсомольске, — просто с утра как-то всё скопом навалилось. С вопросами лезут, по поводу твоего запроса на строительство. А как ни крути, моя фирма головной оказалась, а ценники то приличные. Вот с утра и окучивают. Звонят даже те, кого я и в

помине не знаю. Все в субподрядчики набиваются, только мне-то зачем они сдались, все работы, и мои люди спокойно выполняют. Проектировщики тоже отметились — все споры по твоей квартире, и балкону, в частности. Проблемы по вводу туда системы отопления. Генеральным планом такие работы, уж точно, не могут быть отмечены. Предложил плюнуть и просто от электричества запитать. Ну и спортзал с бассейном, по ним тоже масса вопросов имеется, но пока разрабатывают предложения. Пара дней и жди предварительный результат. На удивление, мне на счёт фирмы от твоих доброжелателей уже половина суммы пришла, а это серьёзные деньги. И что характерно, сей факт для местных, тайной не стал. Ночь прошла, а уже такой ажиотаж среди строителей поднялся. Заказов то, по сути, в городе немного, а тут на сотню лямов заказ, в общем, не просто всё. Но давай, выходи, — командует Владлен — ребят я уже грузить начинаю в автобус. Но как бы проблем не было. С нами никого из ваших воспитателей в качестве старших этой группы не пошлют?

Я же только криво усмехнулся.

Алинка договорилась с директрисой и теперь сама же, главной от администрации, нас сопровождать будет. Оказывается, моя сестрёнка числится секретарём в бухгалтерии нашего учебного заведения. Платят, правда, за работу сущие копейки, но ничего, у меня на сестрёнку сегодня тоже планы имеются.

Микрик старый, мерс корейской сборки, не новый, хотя, по заверениям опытных водил, это даже к лучшему. В девяностых немцы серьёзно относились к контролю качества продукции, выпускавшейся под их маркой, а потому, и техника выходила с конвейера корейского завода, на загляденье, классная.

Передний привод. Широкий салон. Два кондея, что в условиях лета сугубо континентального климата было очень хорошо. Жара летом в Комсомольске стоит страшная, впрочем, как и холода под пятьдесят градусов в зимний период.

Увы, четырнадцать кресел всего, но задний диван рассчитан на взрослые задницы, а потому, субтильных подростков удалось всунуть туда чуть ли не в два раза больше по количеству.

Но, как и предполагал, девчонкам мест не досталось. Только на коленях ребят, если только проехаться, впрочем, наши Ленки не возражали. У меня на коленях примостилась Алинка, при этом, нагло обхватила меня руками за шею. Ленки же достались моему заму, Волку, ну и капитану.

И музыка играет. Все нарядные, в отличие от меня, хотя я со своей классной красной футболкой тоже вполне прилично выгляжу. Настроение у

всех отличное, приподнятое, слышится смех, шутки.

Обладатели дам, и вовсе выглядят счастливыми, несмотря на вес милых, но ещё не до конца оформившихся женских тел. А ладони то ребят явно ползают не там где нужно. Хотя видно, что девчонкам нравятся эти взрослые игры, и они отчаянно стараются показать всем, что они сами ничегошеньки не замечают.

У одних нас с Алинкой вполне братско — сестринские отношения, хотя мой дружок явно начинает реагировать на активные шевеления пятой точки подружки. К тому же, и трясет безбожно на городской дороге. Ну, не умеют у нас в России дороги строить.

Ленинский проспект, потом Первак, а вот и поворот к магазину. Улица идёт параллельно Вокзальной, где расположена местная достопримечательность — железнодорожный вокзал с неработающим фонтаном на привокзальной площади.

— ... мои старые знакомые. Отозвонился я им, объяснил расклад, они прониклись, обещали помочь и на твои условия полностью согласные, — под шум работы трансмиссии и гула работы движка, со мной разговаривает Владлен, склоняя голову к моему плечу, чтобы не перекрикивать разошедшуюся толпу радостных детдомовцев.

Понимаю я их. Для них любой организованный выезд за пределы интерната — уже праздник, а тут, и вовсе им пообещали, что едем, по сути, за подарками.

— А нужные нам оборудование и тренажёры? Как насчёт них? — уточняю я.

— Не вопрос! Каталоги есть, в случае чего закажут. Как говорится — любой каприз за ваши деньги.

Я же угрюмо отвечаю:

— Да уж, за мои деньги...

Влад хлопает меня по плечу, а я вижу, как он косит взгляд на, свисающую у меня с колен, попу Алинки.

Вот же жеребец! То побратим его от моей сестренки тогда взгляда не отрывал, а теперь ещё и его друган туда же!

Нет, если всё по серьёзу — любовь там и семья с постирушками пелёнок — я не против, но вот просто поматросить девчонку... — нет, такого по отношению к сестрёнке, я постараюсь не допустить. К тому же, у Данилыча и так, похоже, любовниц хватает, а что из себя в этом плане представляет его друган, я не знаю, а потому поостерегусь, но наживку кинем, кто знает, а вдруг клюнет? Вроде, парень он серьёзный. Мне с высоты моих лет это видно сразу...

Магазин закрыли на спецобслуживание, стоило нам только всей толпой оказаться в его вестибюле. А серьёзное заведение!

Владелец магазина — мужик в летах. Наверное, мой ровесник, меня прежнего. С брюшком, роста среднего, пробивается залысина на голове. Глаза маленькие, постоянно бегают, застывшая полуулыбка профессионала на лице. Губы тонкие и какие-то бледноватые, что ли. Мне даже показалось, а не сердечник ли парень?

Оставив ребят на попечение администратора магазина и продавцов, чтобы походили, выбрали себе вещи, и примеряли их, а меня с Владленом пригласили в кабинет директора. Так сказать, для приватной беседы.

— ...набор вы хотите приобрести для каждого серьёзный!

Передо мной лежал образец футболок, костюмов и ветровок с бутсами, которые нам сюда в кабинет натаскали консультанты магазина. Если честно, то у меня разбегаются глаза. Весь мой опыт пасует перед акулой торгового бизнеса. Ну, нет у меня такого опыта, для выбора вещей.

Мои затруднения видны не вооружённым взглядом.

Я не мычу, не телюсь и готов уже согласиться на все предложения торговца.

— Саныч, — неожиданно влез в наш разговор, до этого молча слушавший, Владлен — хорош парню туфту впихивать!

Тот так и заткнулся на полуслове.

— Разговор идёт о долгосрочном сотрудничестве, а не одноразовой акции. Ты что не понимаешь?! — продолжил свой спич Владлен. — Прекрати им впихивать дешёвую китайскую вонючую синтетику. У тебя контракт маячит перед глазами на поставку спортивного оборудования на несколько миллионов рублей. Возможно, десятков миллионов, а ты тут дешёвкой обойтись собираешься! А ведь плательщик этих миллионов перед тобой сидит.

Округлившиеся глаза моего собеседника буквально выкатываются на меня из природных глазниц, в ответ на такие утверждения со стороны Владлена. Тон резко меняется.

— Есть отличная коллекция от Адиdas, хоть и китайского производства. Относительно дорогие вещи, но моя наценка минимальная, потому для меня вполне приемлемая — заглядывает мне в глаза владелец магазина. — Сколько, говоришь, комплектов вам понадобится? — уточняет он.

Я вздыхаю, прикидывая по людям. Пока, включая меня и Алинку, восемнадцать ребят, из них — четыре девчонки, а потому...

— Давайте человек на двадцать. Причём, пятнадцать мужских комплектов, и пять женских. По размерам пока восемнадцать есть, — смотрю немного заискивающе в сторону Владлена, тот кивает мне ободряющее.

Главный продавец задумался, а я пока освежусь. Мне был предложен, в качестве угощения, холодный лимонад, типа тархун, а от кофе я отказался.

— А что бы вы, конкретно, хотели, молодой человек? — разродился вопросом владелец магазина. — Чего бы вы хотели, что бы входило в состав комплекта?

Тут уже я завис на неопределённое время.

Нет, как раз это мы с Алинкой, с нашим капитаном и Волком решали, что нам нужно на первое время. Пользоваться халявой не всегда правильно, да и не позволит нам это делать никто. На одного бы человека, не проблема, скидку получить в виде кучи вещей.

Но теперь...

— Записывайте! — начинаю диктовать я. — По мальчикам... — пауза, а потом меня прорвало. — Начнём вначале с обуви: кроссовки — одна пара на повседневку. Летне-осенний вариант. Вторая пара — зимний вариант, с высокими бортами. На фирму особо не претендую, но, помня о предполагаемом заказе... — тонкий намёк ... — даю понять, что экономить я не собираюсь.

— Понял, — говорит продавец, — Адиdas или Рибок. Если Китай, то только фабричный и материалы натуральные. В среднем, от трёх до десяти тысяч за пару.

Я даже слегка удивлённо.

Однако!

Но, собравшись с духом, я продолжил:

— По обуви продолжу. Теперь, что касается бутс — с шипами по одной паре для игры на естественном газоне и по одной паре для игры на искусственном. Ну и для бега что-нибудь удобное.

— Для бега? — уточняет Владимир Александрович.

Задумался.

— Думаю, простые надёжные кроссовки подойдут.

Я согласно киваю и прикидываю, во что мне выйдут такие хотелки. Судя по местным ценам...

Тяжело вздыхаю, но наглеть при этом не перестаю.

— Теперь, непосредственно, по одежде — говорю я, но меня останавливает Саныч.

— Погодь, давай, сперва, по обуви закончим. Ведь всё перечисленное это ты планируешь получить для ребят, я имею в виду пацанов. А девчонки? Они у тебя, что... все тоже в футбол играют?

Вот тут уже я серьёзно задумался...

С одной стороны, никакого смысла брать для девчонок бутсы не было, а вот с другой стороны, они ведь тоже с удовольствием с мячом работают, когда он им достаётся! И еще, есть ведь и женский футбол. Конечно, цены на футболистов с большими сиськами пока небольшие, но это пока, а потому...

— Делаем такую же закладку. В зале зимой заниматься можно и в простых кроссах, — решаю я.

— Или в бутсах для искусственного покрытия. На них почти нет шипов, да и те пластмассовые и маленькие. Покрытие не будут царапать, да и скользить не станут, — соглашается со мной Саныч, — но предупреждаю сразу — бутсы будут мужскими, женского варианта такого вида обуви пока у меня нет.

Я неприятно удивлён, но возбухать не решаюсь.

— Пускай так, — соглашаюсь я, — но кроссовки должны быть серьёзного качества, особенно те, что для бега.

— Сделаем! — кивает хозяин магазина, потом хмыкает. — Ребята твои в зале беспредел творят. — Смеётся, видя мой удивлённый взгляд, направленный на входную дверь, которая ведёт, как раз в зал продаж, — они всё на себя примеряют. Мои работники явно выдохлись уже, так что давай заканчивать. Что по одежде? Судя по всему, ты хочешь ко всем временам года ребят экипировать?

— В идеале, — соглашаюсь я.

— Тогда поехали, давай, диктуй свои мысли, я записываю.

Я перевожу взгляд на Владлена. С его стороны очередной ободряющий кивок. Я же опять делаю глоток остывшего тархуна, вернее, наоборот, нагревшегося у меня в стакане. К сожалению, пузырьки газа уже успели выветриться.

Но новую порцию уже не доливаю.

— Нужно три комплекта, впрочем, верхняя одежда спокойно войти может во все три, — смотрю на Саныча. Тот выжидающе упёр в меня взгляд, а я про себя думаю, а ведь мы ещё даже не приступали к обсуждению закупок инвентаря и оборудования для залов, спортзала и бассейна. И устало прикрыл глаза. Собираюсь с мыслями и выдаю, — первый комплект — повседневка. В чём бы футболисты ходили на тренировки. В него включили бы, во-первых, нижнее бельё, причём из

натурального хлопка. Естественно, комплекты для мальчиков и девочек должны различаться.

— Ха-ха-ха — смеётся в голос.

— Майки, футболки с короткими рукавами и длинными на осень и зиму. Можно пару теннисок на каждого. Футболок будет много и для занятий и для соревнований и игр.

Саныч понятливо кивает.

— Найдём!

Я перевожу дух.

Как же сложно-то, оказывается, бизнес вести! Непонятно, где можешь продешевить, а где заработать. Автоматом или ножом намного проще владеть, и решать самые разнообразные вопросы! Ухмыляюсь про себя, а вслух продолжаю оглашать свои пожелания.

— Спортивные костюмы — один летний, лёгкий, другой тёплый на зимний период. Зал будет у меня в распоряжении, но и занятия на улице я отменять не собираюсь.

А Саныч молодец! Не жмот — организовал доставку пиццы и других вкусняшек. Причём, не только для детдомовцев, но и для своих работников. У них в данный момент организовывается чаепитие, хоть консультанты немного отдохнут, причём за всё платит именно хозяин заведения.

Я же продолжил.

— Комплект ветровок. Со штанами бы ещё добавить.

— Есть у меня, я же говорил, — смеётся очень довольный чем-то Саныч. — Добавлю сразу и демисезонный вариант. Куртка там, конечно, слабовата для наших холодов зимой, но на весну и осень — в самый раз. Если штаны с подштанниками, конечно, и зимой носить можно то, вот пуховичок я, пожалуй, для зимы добавлю. Но сразу предупреждаю — заниматься в нём нельзя. Тут же вспотеешь, а если не переодеться, то и простынь, и заболеть можно. Все из той же серии, главное размеры подобрать. Вот с этим может быть проблема. Не весь размерный ряд есть — дозаказывать нужно, но не факт, что удастся взять спортивку этой же фирмы. Ну да ладно, это мои проблемы, разберёмся. По повседневке закончили? — уточняет он.

— Почти, — отвечаю я. — У девчонок могут быть ещё предпочтения. Топики там всякие, для фитнеса, рейтзузы, или как там они называются...

— Спортивные лосины, — смеётся Саныч.

— Во, во! А еще носочки всякие, и всякая другая девчачья дребедень.

— Будет! Мои девочки подберут. Что у нас по второму комплекту? Тренировочный, как я понял, он у нас? — уточняет Саныч.

— Да. Но тут проще, — улыбаюсь я, не понимая такого добродушия со стороны бизнесмена. Явно комплект всего выйдет в пару сотен тысяч рублей, или я что-то не понимаю?

— Тренировочная форма, — уверено, как профи, продолжает между тем Саныч, — с гетрами. Думаю, тоже в двух экземплярах всего. Причем, ещё ведь и зимний вариант нужен? — уточняет он.

Я же, пожимаю плечами.

— А зачем? Ветровки у нас есть. Демисезонка тоже. Поддеть что-нибудь найдём. Да, в основном, зимой, поздней осенью и ранней весной в зале работать будем.

— Тогда проще, — кивает Владимир Александрович. — Футбольные трусы и штаны, по два комплекта и к ним футболки. В первом варианте футболки — с коротким рукавом, а во втором — с длинным. По этому комплекту у тебя всё? — уточняет он.

— Всё, — киваю я радостно.

— И третий комплект, как я понял, это у нас тот, в котором твои ребята непосредственно в играх и соревнованиях участвовать будут? — делает предположение друг Владлена.

— Угу, — мычу я в ответ.

— И что по нему у нас? — уточняет мой оппонент.

Я обречённо вздыхаю.

— По четыре комплекта и того, и другого, — говорю я.

— Четыре? — удивляется Саныч. — А позвольте, уважаемый юноша, у вас поинтересоваться, а зачем вам столько?

Я опускаю глаза.

— Ну, то же самое, как и в тренировочном варианте, но комплекты формы двух разных цветов, и если можно...

Я затихаю.

— Что можно? — Интересуется, удивлённый моей робостью, Саныч.

— Чтобы эта форма была под форму команды из Москвы... — я поднимаю взгляд на собеседника... — команды Спартак!

Саныч вместе с Владленом в отличие от меня, баловались неплохим пивасиком...

Удивлённый взгляд Саныча на своего другана.

Тот кивает, подтверждая мои слова.

— Спартак-ДВ — так моя команда называться будет, и логотип мы немного изменим, — заявляю я во всеуслышание.

— Да-а-а! — тянет удивлённо Саныч, — а почему не Динамо или Зенит, в конце концов?

И смеется, гад!

Я только улыбаюсь в ответ.

— Я предложил, а ребятам понравилось, — отвечаю я.

— «ДВ» то понятно — Дальний Восток, как пиво Балтика, — смеётся Саныч, — но Спартак? Фу-у-у! Лучше уж тогда Торпедо или Локомотив, хотя да, где вы, а где ЖД?

Я пожимаю плечами.

— Мы решили, что Спартак, да и логотип немного изменим.

— Что-то придумали? — уточняет заинтересованно Саныч.

— Ага, — киваю я, — легионера с мечом ещё дорисуем.

Тот, аж, крякнул.

— Неожиданное решение! Кстати, если соберётесь наносить на форму фамилии и рекламу спонсоров на футболки, у меня есть к кому обратиться по этому поводу! — и так хитренько на меня смотрит. — Будет информация о моей фирме, как вашего спонсора, всё это обойдётся вам бесплатно.

Ну, о таком предложении, никто в своём уме не отказывается.

— Согласен! — смеюсь довольный я.

— Ну, раз всё обдумали, то... хотя, — замолкает на мгновение Владимир Александрович. — Какие-то ещё пожелания будут?

Я киваю.

— Да, — и начинаю уже просить. — Нужно по два комплекта одного размера вратарской формы. Это раз, — вижу улыбающуюся физиономию Владлена.

— Ну, давай, чего замолк? — смеётся мой нынешний куратор.

— Ну, и хотел бы попросить, купить для всех комплект зимне — осенний, состоящий из фанатских спортивной шапочки и шарфика с логотипом Спартака.

— Сделаем, но не сразу, — уточняет Саныч. — Теперь, к конкретике. — Он между делом с компом, вернее, с ноутом работает. — По первым комплектам и обуви — проблем нет, заберёте уже, почти всё, сегодня. Команду на склад я уже дал. Чайный беспредел в магазине уже закончился, а то спортивный магазин в кафешку превратить уже успели. Твои ребята ждут нашего решения. Мои продавцы уже получают товар со склада. Но, увы, не всё. Остальное — в течение пары, а то и больше, месяцев, по времени. Придётся заказывать в Китае, а это, увы, через Москву всё. Там основные офисы фирм, в частности, Адидас. Теперь резюмируем. — Пауза... — отдаю все по себестоимости, хотя, вроде как, это просто подгон, в частности, помочь детскому дому. В среднем, под полсотни тысяч выйдет всё, с учётом сумок. А их, как ни крути, по две на

каждого выйдет.

Я удивлённо раскрыл рот. Откуда такие цены?!
По себестоимости?!
Но даже так...

Видя моё состояние, Владлен тихо проговорил:

— Контрабанда, — смеётся он, — палевый товар. К примеру, кроссы, что ты тут видишь по цене в шесть тысяч, обошлись ему не больше штуки, а то и меньше. Вот так... обычно рублей пятьсот. Вот и подсчитай, накручивают минимум раз в шесть, отсюда и цены такие. У него в таможне связи, и все дела, а потому не парься — для него, вот уверен, твой заказ на одного человека и того дешевле выйдет. На два точно можешь делить. Качество, хоть и неплохое, по сути, но Китай голимый. Но, думаю, для вас и этот товар выше всех похвал, ведь качество, реально, хорошее!

А дальше начались примерки, с шутками и прибаутками. В итоге, погулять с Алинкой у меня в тот день, ну никак не получилось. Во-первых, сам сильно устал, во-вторых, баулами обвешались, как новогодние ёлки, причём баулы с подарками. Ну, а в-третьих, микрик нас еле успел к отбою привезти в интернат.

Директриса замучила Алинку звонками на предмет, где мы так сильно застряли. У неё от этих звонков телефон мало, что не раскалился. Но все неудобства и негативные эмоции поглотила радость от моих, по сути, подарков всей зарождающейся команде.

Девчонки меня не разочаровали, раскрутили-таки Саныча, на всяющую нужную девчонкам ерунду, правда, всё равно за мой счёт. По два баула на каждого, причём, комплект формы для выступлений, пока в расчет не брался. Так и объяснял ребятам, что и когда носить и одевать надо.

Сложнее оказалось с обувью. Многие не понимали зачем, в итоге, я столько пар набрал. Но, выслушав мои объяснения, согласились, что всё в тему и заверили, что уж теперь они будут тренироваться, как никогда.

В общем, в тот день, сильно уставшие, но очень довольные, мы в одиннадцать вечера добрались до детского дома.

Успел с Владимиром Александровичем вчерне обсудить и поставить оборудование. В данный момент, мы увозили с собой только пятнадцать неплохих мячей и пару сеток на футбольные ворота. У нас на воротах на нашем старом, но немного подшаманенном стадионе, сетки на воротах были штопанные перештопанные, в общем, все в дырках.

— ... работаем! Последний круг! — смотрю на часы, сегодня ребята немного прибавили, но это крайняя на сегодня тренировка, они почти закончили, а вот моя работа только начинается.

Запас сил у меня вырос, и это радует. Контроль приложения сил улучшился, что даёт свои плоды. Мне уже не столь тяжело одним махом укладывать пятнадцать рыл в транс, и я справляюсь.

Два дня каникул... выходных не дам, пускай работают, хотя...

Долбаная школа! Это единственное, что меня раздражает в этой сложившейся ситуации. А вот теперь, скоро снова школа, занятия, учебники, одноклассники, школьники, причём старшеклассники и учителя.

С одним из них я уже успел познакомиться — сволочь ещё та! Предполагал, что с физруком я вряд ли отношения наладжу, но всё оказалось и того хуже.

Работаю с уставшими ребятами, а сам вспоминаю первое общение с местным учителем физической культуры.

Вовсю идёт работа по капитальному ремонту помещений. Бригада корейцев работает, как заведённая. Люди от Владлена постоянно на объекте. Часто подвозят стройматериалы. Самосвалами вывозим с территории детского дома строительный мусор.

Как и планировал, в первую очередь, все силы кинуты на бывший зал бокса. Параллельно Владлен, вернее, его клерки, занялись поставкой заказанной мною мебели и закупкой понадобившейся мне компьютерной аппаратуры, включая двадцать больших мониторов и мощного системного блока. Тут уже больше Серж права качал, это его вотчина. Я туда и вовсе не хотел вмешиваться, хотя знания, доставшиеся мне от сына, позволяли хорошо разбираться в этом вопросе.

Работники разделены на бригады. Основная часть ребят интерната задействована на выносе и погрузке мусора, разгрузке машин с материалами, но небольшая группа парней и девчат, знакомых с мастерком и кисточкой, во всю шпаклюют, грунтуют стены будущего центра теоретической подготовки, приводя в порядок стены помещения. Электрики уже почти закончили проводить новые электрические линии.

Пахнет краской, задорно поёт какая-то новомодная певичка, чья немудрёная песенка льётся из динамиков, купленного мной для строительной бригады, мощного переносного музыкального центра. Новые окна установлены. Бригада от фирмы устанавливает мощный кондиционер. Другая бригада меняет на входе двустворчатые двери, на половые доски корейцы устанавливают современное паркетное покрытие. Работа спорится, все довольны....

Лестницу, которая ведёт в цокольное подземелье с нашего коридора этажа, почти закончили, идут отделочные работы. Я довольный хожу на костылях по развернувшейся стройке, разрываясь от желания посетить

вначале спортивный зал, из которого, наконец-то, вывезли весь строительный мусор, а заодно окончательно зачистили все стены и потолок, или добраться, наконец, до помещения, где расположен бассейн, и где специалисты, предоставленные фирмой Владлена, демонтируют всю старую сантехнику.

Именно в этот момент у меня из-за спины раздался спокойный, немного нагловатый молодой голос. Причём мужской.

— Ты и есть принц, что тут своё королевство решил построить?

Оборачиваюсь.

Стоит передо мной ещё молодой мужик... накаченный, хотя и небольшого роста. Лицо чистое, глаза тёмные, наглая усмешка растянута губами...

Спортивный стиль в одежде, хотя, что удивительно, не в спортивный костюм одет.

Понятно, появился... боксёр. Физрук местный. Мне о нём и Серёга, и Волчара с ребятами рассказывал. Много чего не очень хорошего рассказывали!

— С кем имею честь? — держу я марку.

Ведь, вроде, сам ко мне, как к принцу обратился?

— Воинов Константин Константинович. Ваш учитель физкультуры, — всё-таки представился он. — Смотрю, решил мажорчик вложить деньги в детский дом? — усмехается он.

Этой-то усмешкой он и вывел меня из себя.

— Не просто в детский дом, — передразнил я его. — А в свой дом, где мне придётся, надеюсь, весело провести ближайшие несколько лет, хотя, может быть, задержусь тут надолго и после окончания школы.

— Это ещё как? — удивился физрук.

Я же пожал плечами и поудобней перехватил костили.

— Может, устроюсь на работу тренером или владельцем футбольного клуба. А затем, как закончу заочно институт или универ, то и учителем физической культуры, а это, — я обвёл в воздухе руками вокруг себя, — вложения в будущее, как моё, так и страны. Ведь дети — это главный ресурс государства. Не правда ли, — и, придав немного писклявости в голос, добавил, — Константин Константинович?

* * *

Не только он, похоже, умеет выводить из себя людей. Я тоже,

оказывается, обладаю такими способностями.

Но он сдержался.

Поглядывает, как я сжимаю рукоятки титановых костылей, видно, уже в курсе, как тут местная гопота от меня с помощью их ограбла не хило.

Явно опасается меня, не зная, чего можно от меня ожидать.

Разговор явно не клеится, а у меня настроение падает ниже плинтуса. Вот же, сучонок, появился, хотя и ждал его, ведь именно он хотел в своё время зал бокса открыть, да ресурсов не хватило, да и не разрешили в детском доме отдавать помещение под коммерцию. Но, видно, что опасный человек, и если сейчас или в ближайшее время не сумеем между собой договориться, как жить дальше будем, то уверен, эта сука мне и моим ребятам точно портить жизнь начнёт. А возможностей у него навалом!

Тут мимо нас, вывернув из приоткрытых дверей, ведущих в спортзал, появился Геша... Геннадий, пацан из моего класса, играющий у меня в команде на позиции хавбека.

Тащит мешок, явно с остатками невынесенного мусора.

— Поберегись! — опёрт он неожиданно громким голосом, — зашибу ненароком!

И ведь явно метит в стоящего посреди лестницы учителя, при этом, мастерски обойдя меня, стоящего на костылях. Мельком замечаю, что внизу по лестнице ребята собирались, да и сверху нездоровое шевеление заметно. Вроде, я такого внимания к своей персоне не замечал до этого... или...

А вот что «или» додумать не успел...

— Ты, урод, куда смотришь?!

И звук хлёсткого удара... шум падающего на ступеньки лестницы тела... вой парня.

Я перевожу взгляд на физрука.

Стоит опешивший, явно злой, кулак потирает, а Геша немного в стороне валяется, на бетонных ступенях лестницы, подывая, прижимает к лицу ладони, а между пальцев...

А между пальцев у пацана — КРОВЬ!!!

У меня срывает крышу!

Излюбленный удар в промежность наконечником правого костыля.

Ведь отбил бы физрук мой удар, точно бы отбил, или сумел бы увернуться, но, видно, был сам обескуражен чем-то.

— Ты, какого... детей бьёшь, урод?! — ору я.

И вдруг понимаю, а ведь всё это постановка. Подстроено.

Кем? И зачем? Вот, что главное!

Геша уже не воет, только нос утирает, и довольный с пола рассматривает, как корчится на корточках наглый физрук.

И тут на мои вопли, сверху по лестнице, спускается толпа ребят во главе с Алинкой, а снизу, со стороны цокольного этажа, Волк со своей шайкой появился.

— Тебя кто-то ударил? — спрашивает Алинка Гешку.

Тот опять, я точно это замечаю, прячет довольный взгляд в пол, и плачущим голосом выдаёт:

— Константин Константинович мне кулаком нос разбил! — и хнычет, — а я ведь только мусор выносил!

Все переводят взгляд на физрука.

Тот явно прочухал, что влип в историю, но нагл безмерно!

— А ну расступились, выкидыши, дали пройти дяде!

И выпрямляется с трудом.

— А тебе, — поворачивается он ко мне всем корпусом, — не жить! Ты — труп! — и такая злоба в его глазах, — ты ударил учителя, я тебя посажу, суку!

Я же начинаю потихоньку понимать, что тут произошло.

Не я цель подставы, а как раз этот выкидыш мента. У него родители до сих пор в оба работают ментовке.

— Не вопрос! — отвечаю я. — Георгий, — обращаюсь я к пострадавшему, — ты готов заяву в полицию на того, кто тебя ударил написать?

— Я его не бил! — сразу просёк ситуацию физрук. — Я его по лицу не бил!

Я же только довольный ухмыляюсь.

— Может быть, вы и мне смертью только что не грозили, и возможным уголовным преследованием? — улыбаюсь я ему в ответ улыбкой аллигатора.

Пауза.

Он выкатил на меня глаза. Потом, икнув, огляделся вокруг.

Во, дела, а тут ещё Волк с ребятами из-за спины биты показали, а в группе, которую вела Алинка, пара корейцев затесались, и вижу, что всё происходящее на лестнице, тайком снимает на смартфон мой верный зам.

— Это самосуд! — заверещал он и с ходу попытался кинуться сторону Алинки.

Увы, урод, но давать такую возможность покалечить мне сестрёнку я был не намерен.

Не спорю, я не умею, пока не умею, быстро двигаться и бегать на

ногах, но вот молниеносно просунуть ему между ног костыль... был в состоянии.

Падение тела после рывка и уже на нём, через пару мгновений, куча мала.

— Вяжи суху ментовскую! — орёт во всЁ горло Вован.

И я вдруг понимаю, что через несколько часов нас тут будут прессовать следователи. Парни реально на физрука злые и как бы, в натуре, до самосуда не дошло.

Но и отпускать этого урода не в наших и, тем более, не в моих интересах.

— Этот гад меня домогался! Прохода не даёт! — прошептала мне на ушко, подошедшая вплотную и прижавшаяся ко мне всем телом, сестрёнка.

Я же повернул голову к стоящему рядом со мной заму.

— Мусор высыпите и на голову этому уроду завяжите мешок. Ноги, руки тоже в вязку. И потихоньку предупреди всех — молча, всЁ делаем молча! И Волка попроси, чтобы ко мне подошёл.

А между тем, этого урода изредка парни пинают.

Завалили его, прижав к бетонному перекрытию и все, кому не лень, пинают, пытающееся вырваться из западни тело.

Но корейцы парни простые — увидели насилие над детьми и впряженлись по просьбе ребят, работающих вместе с ними в их бригаде. А в принципе, они, оказывается, весьма крепкие ребята, хотя и росточком не вышли.

— Чего предлагаешь, принц? — раздался тихий голос рядом.

Поворачиваю голову.

Саня стоит, скалится довольной улыбкой, но вот в глазах сильная опаска.

— У этого урода в друзьях половина ментовки. Девки на него не раз до этого, за домогательства, заявления писали, но не регистрировали их и директриса против была. Замяли пару раз, а эта гнида, и вовсе берега потеряла. Но есть шанс. У него с Натальей нашей контроля, друг друга по какой-то причине явно ненавидят. Хотя, чего гадать, она у нас баба видная, а этот кобель старается ни одной юбки не пропустить. А потому, я сам предлагаю отпинать его, но вот как дальше быть...

Я тоже в ответ оскаливаюсь.

— Так ведь пинают! — показываю я взглядом на то, что происходит.

Саня только отмахивается.

— Разве так бьют?

Я же смотрю, как на голову физруку мешок приделывают, а до этого,

чтобы он сильно не орал, грязную тряпку в рот, вместо кляпа, Димон ему запихал. Я же...

— Серж, — тихо шепчу я подошедшему за дополнительными указаниями заму, — смотрите, не придушите урода раньше времени, а то, вон, ребята ему на шею верёвку мастрячат, чтобы мешок с головы не слетал. Проконтролируй! — а у самого взгляд зацепился за бляху ремня одного из пацанов.

Ба-а-а! Да это же старый солдатский ремешок!

Ну, сука, сейчас ты у меня получишь!

Командую Сане.

— Хватайте этого гандона. Вон, у входа в спортзал, крюк висит. Руки у него за спиной сведены и связаны, вот за руки его и подвесим. Штаны спускаем, а у парня, вон того, рыжего...

— Это Игорек Шилов. На три года младше нас. Его этот урод вечно чмырил на занятиях. Доставалось пацану неслабо!

— Вот, пускай и поделится ремешком, давая его всем желающим во временное пользование. — Улыбаюсь я. — Рот чуваку заткнули, криков неслышно будет. А так, просто по попе ремешком пройдёмся, поучим хорошим манерам. Ну, кто виноват, что бить стали не тем концом? — смеюсь я.

— Ага! — улыбается в ответ Волчара, — и бляху солдатскую не заметили!

— Ну, с кем не бывает! — подала голос Алинка.

... через час в кабинете директора интерната...

— ...нанёс удар кулаком по лицу, — читает заявление Генчика в полицию Наталья Андреевна.

Нас в помещении, из воспитанников детского дома, трое...

Физрук, Генчик, я и Алинка. Физрук стонет, устроив израненное тело, полулёжа на сдвинутых стульях. Резких движений не делает, всё болит. Да и на заднице теперь ему не скоро удастся посидеть, она у него вся синяя, с характерными звёздами — символами ушедшей эпохи. Но это не все его потери — правую руку ему перебили большим молотком, несколько раз, с размаху, дав увесистым молотком в район локтя. А сам рыжий Игорёк битой уроду колено перебил — за все прошлые унижения отыгрался, да всё молча — ни слов, ни ругательств, одно болезненное мычание несчастного в ответ на эти изверства.

Но хорошего помаленьку. Притащили парни Волчары под руки физрука к кабинету директрисы, и только при самой Наталье Андреевне сняли с маньяка мешок раздора — причину произошедшего конфликта.

Но одним заявлением от Генчика дело не обошлось.

Семь заявлений о попытках изнасилования и сексуальных домогательствах от несовершеннолетних девчонок, в том числе, и Алинка не побоялась и не побрезговала такой известностью. И тут же целая кипа объяснительных свидетелей, кто видел своими глазами произошедшее. К тому же, и отредактированное видео прилагалось, кто бы сомневался, что Серж не подсуетится по нынешнему делу. Ведь данная акция была нагло спланирована и, что самое обидное, меня использовали втёмную, надеясь, что я не смогу пройти мимо физического надругательства взрослого над ребёнком, тем более, учителя и ученика. Всё просчитали — и мою реакцию на агрессию, и несправедливость и то, что физрук мне уж точно не понравится, и руки распускать начнёт, как он это делал обычно.

Уже вызвали медиков и ментов. Должны вот-вот были нагрянуть, а кипа бумаг всё нарастала. Заявления пачками приносили. И если обвинения в домогательствах ещё надо было доказывать, то насилие над ребёнком — это факт на лицо. С убойным веществом, в виде отснятого видео.

* * *

... прогоняю энергию по крайнему на сегодня пациенту. Ребята, на оставшиеся дни каникул, выпросили выходные, тем более, я обещался сегодня им первую зарплату перевести.

* * *

Но с физруком менты до сих пор всех крутят.

Пытались на меня наехать, да предъявить мне особо нечего. Момента нанесения мной ему удара костылями нет, вот и я утверждаю, что не трогал его нисколечко.

Перебита рука? Нога в колене разбита?

Понятия не имею!

Он пытался прорваться через строй своих же воспитанников и не удержался на ногах. Наверное, в тот момент и повредил себе сильно руку и ногу о выступающие вперёд бетонные ступени лестницы.

Жаль, конечно, что врачи пророчат мужику инвалидность, но кто мог знать, какая будет реакция детдомовцев на насилие с их же товарищем, да ещё со стороны кого? Учителя!

Так и отмазывался.

Отец Василий приезжал. Его Владлен вызвал. О чём-то он долго с ментами говорил. Вот после этого от меня быстро отстали. Факты налицо против бывшего учителя. Он сейчас в местном СИЗО отдыхает. Если за удар по лицу воспитаннику, он бы ещё отбрехался и по минималке прошёл, то вот за попытки склонить несовершеннолетних к интимной близости...

Его родителей тоже затащили. Вскрылись факты бывших похождений физрука. Достали, кстати, и бывшую директрису, говорят, что заведённое дело взяли на контроль в Москве, про Хабару я вообще молчу. В общем, шумиху навели знатную. Но урода нисколько не жаль, я его за слёзы сестрёнки и вовсе бы пристрелил!

Ну, хватит о плохом.

Зарплата, вернее, всё, что с ней связано...

Спонсоры, будь они не ладны!

Мажоры местного разлива! Хотя, пара дядек мне показались очень серьёзными. Я бы не хотел их иметь в своих противниках, и оттого на назначеннной встрече вёл себя очень тихо и культурно.

Как такового, разговора, конечно, не получилось. Просто поставили задачу попробовать выиграть спор, и всё.

С нас — усердие и тренировки. От них — помощь и финансово — материальное обеспечение. Вопрос тренера даже не стоял. Все отлично помнят условия, под которыми подписались.

С деньгами, и вовсе проблем не было. Сразу вперёд за год выдали всю сумму на выплату зарплат, и чуть меньше на экипировку. Я же только похвалить себя мог за предусмотрительность. Тут же, под их светлые очи, выдал счёт с перечнем имущества на экипировку футболистов, типа, потраченных мной. Без вопросов, перевели деньги на счёт Владимира Александровича, которые тот мне недавно вернул на карту. У него свои схемы, я не влезаю, главное, что данный гешефт ко мне вернулся в виде весьма крупной суммы.

Саныч, с ценами, выставленными за отобранный нами товар, явно не скучился. Как в итоге оказалось, мне же на пользу. А как тут не радоваться, что часть средств вернулась, на которые, я уже и не рассчитывал.

Ну, а со спонсорами...

Обменялись телефонами. Договорились о помощи, ну и, на всякий пожарный случай, если что мешать будет тренировочному процессу...

Естественно, о случае конфликта с учителем я вовремя доложил. Прокурорские и с этой стороны давление почувствовали. Всё-таки не последние люди в стране и, тем более, на Дальнем Востоке, и замять дело

не смогли.

Отец Василий, после памятного разговора в полиции, стал часто наведываться в интернат. Посетовал, что нет места для бога в детском доме, а ведь тут проживают и инвалиды. В общем, получил разрешение от мамы Наташи, как и я, в свободных комнатах общежития, аварийного, по сути, здания, устроить часовенку, но весь ремонт за свой счёт, или за счёт прихожан, как нынешних, так и будущих, а если спонсоров найдут, то и вовсе хорошо.

Но меня, к счастью, эти заморочки не касались. За месяц все проблемные вопросы, связанные с капитальным ремонтом помещений здания, которые я взвалил на свои плечи, были решены.

В финансовом вопросе разобрались. Последние выплаты мне лично ещё пройдут в течение последних дней августа, и всё. Лично мне больше Карлович и его босс ничего не будут должны.

Я спокойно могу заниматься своими делами и учёбой в школе, будь она неладна! Но экстерном я сдавать школьную программу, уж точно не собираюсь. Во-первых, просто не потяну, а во-вторых, у меня планы на все эти годы, которые мне предстоит прожить в интернате.

Родственники, к счастью, не донимают. Правда, со слов Алинки, деньги от них на моё имя поступают исправно.

Что делать с самим собой пока не решил. Вроде, время есть ещё для принятия решения, но слова богини на этот счёт запали в душу.

Да, но и дать так просто себе любимому погибнуть?

Думаем, а пока учёба и футбол. К тому же, с хабаровскими знакомыми медиками по телефону пару раз общался. Зоя интересовалась, когда я к ним в гости собираюсь, правда, былой радости я что-то в голосе не почувствовал. Яковлевич напомнил про обследование в ноябре.

Ну, а Марина... и вовсе учудила после проведённого мной массажа. У неё в командировке муж загулял. Обычно, она на эти факты смотрела сквозь пальцы. Седина в бороду — бес в ребро, как говорится, а тут... сама закрутила, почувствовав себя снова почти молодой. Подцепила какого-то папика, себе в любовники с приличным кошельком. Уволилась с работы и укатила на Канары.

Муж в — шоке, дочь Сашка тоже. Сослуживцы в — афиге, а ей хоть бы хны!

Мелькнуло в душе сожаление. Та необыкновенная ночь... красивое, доступное тело под руками, а теперь, походу, пролёт.

Но всё тлен, и это разочарование в жизни отступит и пройдёт.

Назавтра планирую поездку по магазинам. Всё как-то дела мешали, а

тут выходные всем в команде устроил, и каникулы заканчиваются, да и к учебному процессу подготовиться надо, а главное, сестрёнку приодеть. Благо, она по своей страсти уже, вроде как, переболела, но, зная женщин по прошлому опыту офицера, скажу так, пока не увидела объект вздоханий, и всё может закрутиться по новой, или в крайности кинется, лелея ненависть и вынашивая в душе страшную месть. Излечивать надо, но вопрос как.

За этот месяц и у меня в амурном плане ничего, по сути, не продвинулось. Любви уже не хочется, после общения с названной сестрёнкой, а вот насчёт разрата, я бы уж точно не отказался! Но, если раньше Алинка мне сама предлагала местных девиц подогнать, для решения вопроса сброса гормонов, то теперь её словно подменили. Такое ощущение, что она меня малость идеализирует. Вот и считает, что я чуть ли не принц на белом коне, и весь такой возвышенный...

Придётся теперь этим, жизненно важным вопросом, самому озабочиться, при этом надо и Алинку в себе не разочаровать. В августе заняться решением вопроса поиска подходящей кандидатуры у меня не вышло. Чисто физически не смог, а оттого, свои физиологические проблемы арканом затянул на начало учебного года. Боюсь, на уроках не материал усваивать буду, а на молодых и, надеюсь, симпатичных училок плятиться. Если Наталья Андреевна, в свои сорок с хвостиком, так аппетитно выглядит, то, может быть, в этом интернате и школе при нём, существует специальный отбор среди преподавательского состава по определённому эталону?

Смеюсь, конечно.

Но проблема назрела и её как-то решать надо, а то чувствую, до ноябрьских праздников я не доживу, хотя теперь на Хабаровск и знакомых медичек в этом вопросе надеяться, я чувствую, уже нельзя.

Всё... отдыхать... устал я что-то за этот месяц... мыться и спать!

5 сентября 2018 года.

Г. Артём.

Конец первой части первой книги.